

Ю.Н. Караулов

Ассоциативная грамматика русского языка

«РУССКИЙ ЯЗЫК»

Ю.Н. Караулов

**Ассоциативная
грамматика
русского
языка**

Книги того же автора:

Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.

Частотный словарь семантических множителей русского языка. М.: Наука, 1980.

Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.

Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову. М.: Наука, 1982 (соавторы: В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, Н. В. Михалев).

Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. М.: Наука, 1982 (соавторы: В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, Н. В. Михалев).

Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Ю.Н. Караулов

Ассоциативная грамматика русского языка

МОСКВА
„РУССКИЙ ЯЗЫК”
1993

Рецензент

д-р филол. наук, проф. *И. Г. Милославский*

Караулов Ю. Н.

К21 Ассоциативная грамматика русского языка. — М.: Русский язык, 1993. — 330 с.

ISBN 5-200-01765-3

Книга представляет собой альтернативную грамматику, в которой представлен нетрадиционный подход к ее описанию. Принципиальное отличие данного исследования от известных грамматик заключается в том, что оно сделано с позиций того, как пользуется грамматикой, или шире — как владеет языком его естественный носитель. Сделанные автором выводы относительно места грамматики в ассоциативно-вербальной сети, представляют собой новый продуктивный подход к проблемам грамматики и открывают перспективы для новых исследований.

Книга рассчитана на преподавателей русского языка, ученых-лингвистов, лексикографов, аспирантов, стажеров, а также на широкий круг лиц, интересующихся русским языком в его современном состоянии.

К 4602020101-001 Без объявл.
015(01)-93

ББК 74.261.3

ISBN 5-200-01765-3

© Издательство „Русский язык“, 1993

ВВЕДЕНИЕ

РАБОЧАЯ ГИПОТЕЗА И ЭМПИРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Ассоциативная грамматика — это такой способ представления грамматических фактов и закономерностей, который является не просто разновидностью описания языка, но и претендует на то, чтобы дать ответы на онтологические вопросы: *Что есть знание грамматики и языка в целом?* и *Как существует это знание?*, а значит, как, в каком виде существует грамматика для носителя языка. Для исследователя грамматика существует в текстах; в отвлечении от текстов им формулируются грамматические зависимости и законы, которые затем сводятся в систематизированные описания грамматического строя. В этих «посттекстовых» описаниях все «здание» грамматики предстает стройным, последовательно возведенным из пригнанных друг к другу «кирпичиков» (атомов) грамматических форм и значений. Одновременно «посттекстовым» представлениям грамматики придается также статус «предтекстовых» и далее молчаливо полагается, что такие описания можно отождествить с самим способом существования грамматики. В общем, в этом нет парадокса: в виде книг, учебников, систем преподавания и объекта усвоения построенная на таких описаниях грамматика языка, конечно же, существует. Но это вторичное, отраженное ее существование. Как и где она существует до описания?

В связи с тем интересом, который теперь лингвистика проявляет к языковой личности, к естественному носителю языка закономерно поставить вопрос и о том, в каком виде существует стройное «здание» грамматики в распоряжении постоянно пользующегося языком его носителя. Трудно предположить, что способ ее индивидуального или интериоризованного бытования совпадает с результатами ее описания или экстериоризованного бытия и что в сознании (или подсознании?) отдельно взятого носителя грамматика пребывает в виде рядов парадигм и перечня обобщающих правил для построения слов и предложений.

Традиционно мы, лингвисты, для простоты рассуждений в этих вопросах опираемся на очевидное и как бы само собой разумеющееся: мы говорим, что в языке есть словарь и есть грамматика, есть названия и есть способы соединения названий, есть список и правила, есть декларативные знания и системы продукции. Все попытки интерпретации грамматически оформленных, но десемантизированных комплексов (типа *глокая*

куздра... Щербы или бесцветные зеленые идеи... Хомского), так же как опыты по восстановлению деграмматикализованных фраз и текстов, направлены на подтверждение тезиса о взаимодействии списка и правил, но и об известной автономности их, независимости грамматической и лексической систем одной от другой. Иными словами, функционировать эти системы могут лишь совместно, во взаимодействии, а существуют порознь, по отдельности.

Но разделив список и правила, словарь и грамматику, мы остаемся внутренне убеждены в том, что в жизни на самом деле любая система не закрыта, связана так или иначе с окружающим миром, с другими системами в нем, и потому по мере роста наших знаний различия между грамматикой и словарем — во всяком случае, в их описаниях — будут стираться. О движении в этом направлении свидетельствуют грамматические и словообразовательные словари, развитие Ю. Д. Апресяном теоретических представлений и практических решений в создании *интегрального словаря*, вбирающего в лексикографическое описание всю грамматику языка. В этом ряду работ хотелось бы упомянуть и наши идеи лексикографической параметризации языка, которые выливаются, с одной стороны, в параметрическую теорию словарей, а с другой — позволяют поставить вопрос и совсем необычно: не может ли достаточно изощренная классификация лексики привести к таким семантическим обобщениям, которые будут соотносимы с традиционными грамматическими категориями?

В. В. Виноградов, опираясь на русскую грамматическую традицию, неоднократно подчеркивал и развивал мысль о взаимопроникновении грамматических и лексических значений и форм: «В русском языке, — писал он, — нет бесформенных слов, так как лексическое значение всякого слова подводится под ту или иную грамматическую категорию, так как грамматическое значение органически входит в смысловую структуру каждого слова, находя выражение в его речевом употреблении» [1, с. 34].

Эту и созвучные с ней мысли В. В. Виноградова я хочу распространить с грамматических форм и значений, которые не существуют вне воплощения их на конкретных лексемах, далее, — на сам способ хранения грамматических знаний¹ в памяти индивида — носителя языка. Моя гипотеза состоит в следующем: правила словоизменения, соединения слов и словообразования, т. е. грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком

---

¹ Здесь, пожалуй, лучше было бы сказать *грамматических фактов*, поскольку, согласно моему предположению, грамматические знания в памяти среднего носителя языка присутствуют не в виде обобщающих правил и формул, а как факты, обладающие типизирующей силой, силой образца, аналогии. Это своего рода грамматика в прецедентах.

разлита, «размазана» по ассоциативно-вербальной сети (АВС). Последняя есть признанный способ субъективного, интериоризованного существования лексики¹, но поскольку лексика не существует в отрыве от грамматики, грамматика языка также должна быть представлена в этой сети в виде отдельных словоизменяемых (и словообразовательных) форм лексем, в своей совокупности — типически, в образцах — отражающих всю грамматическую систему.

Мне известен один, достаточно надежный прием объективирования типовой, стандартной для носителей языка АВС — это построение ассоциативных словарей и ассоциативных тезаурусов. В своих дальнейших рассуждениях и анализах по проверке высказанной гипотезы я буду оперировать материалом двух словарей такого рода — словаря под редакцией А. А. Леонтьева (СЛ) [6] и словаря, создаваемого в Машинном фонде русского языка и называемого ассоциативным тезаурусом (АТ).

Здесь надо отметить, что грамматика бывает представлена на самом деле в любом словаре, даже в словаре целиком, казалось бы, списочного характера — типа орфографического или орфоэпического, где она существует в виде помет, в виде следов деятельности лингвиста, не говоря уже о толковом словаре, в котором грамматической характеристике лексемы отдана существенная часть словарной статьи. Но в ассоциативном словаре грамматика проявляется не в виде, пропущенном через сознание лингвиста, а в живом, готовом к употреблению виде. Для первоначальной иллюстрации этой мысли приведу одну и ту же статью из обоих названных словарей, напомнив, что отдельную реакцию в ней надо воспринимать в паре со стимулом, данным в качестве заголовочного слова, и почти в каждой такой паре читатель заметит те или иные проявления грамматических отношений.

СЛ

БЕЖАТЬ — *быстро* 179, *бегом* 40, *идти* 30, *без оглядки* 21, *наперегонки* 18, *домой* 17, *стоять* 12, *вприпрыжку*, *далеко*, *кросс*, *легко*, *сломя голову* 11, *вдогонку*, *спортсмен* 9, *куда-то*, *лететь* 8, *ноги* 7, *быстрее*, *в лес*, *от кого-то*, *от себя* 6, *вперед*, *догонять*, *куда глаза глядят*, *прочь* 5, *бег*, *гнаться*, *дистанцию*, *долго*, *дорога*, *идти шагом*, *лес*, *отсюда*, *по улице*, *стремиться*, *улица* 4, *в институт*, *издалека*, *из дому*, *изо всех сил*, *куда*, *ото всех*, *от судьбы*, *по дороге*, *спешить*, *страх*, *трамвай*, *усталость* 3, *быстрота*, *вдоль ограды*, *ветер*, *во весь дух*, *вокруг*, *в трусиках*, *галопом*, *далеко-далеко*, *до троллейбуса*, *задыхаться*, *за ним*, *за трамваем*, *к нему*, *крик*, *лежать*, *медленно*, *на работу*, *на улицу*, *наутек*, *ноги подгибаются*, *от всего*, *от собаки*, *песня*, *пешком*, *плен*, *погоня*, *поймать*, *прыгать*, *рысью*, *сидеть*, *скитаться*, *скорость*, *спасаться*, *стадион*, *старт*, *убежать*, *упасть*, *физкультура*, *человек*, *что есть сил*, *эстафета* 2, *автобус*, *бандит*, *бегущий человек*, *бежать* *ото всех*, *без передышки*, *быстрый*, *в горы*, *в догонялки*, *во всю силу*, *во сне*, *в поле*, *в прятки*, *врага*, *враги*, *вскачь*, *вслед*, *выдохнуться*, *догоняют*, *дорожка*, *дышать*, *задыхаясь*, *за кем-то*, *за поездом*, *запыхавшись*, *за счастьем*, *за транспортом*, *из*

¹ Эта концепция, разделяемая и мной, развивается в работах Т. Н. Ушаковой и сотрудников ее лаборатории (см., например, [2; 3, с. 394–406; 4; 5]).

леса, из плена, из-под стражи, кино, к стадиону, куда-нибудь, легкая атлетика, легкий, лыжи, мелькают деревья, на занятиях, налегке, наперерез, на помощь, на речку, на соревнованиях, неизвестно куда, неизвестность, не торопясь, ногами, оглядка, опаздывать, опасность, остановка, от, от жены, откуда, от троллейбуса, от чего, падать, площадь, подальше отсюда, подвал, пойти, по лестнице, по снегу, по тропинке, прибыл, прямо, работать, ретироваться, ринг, с горы, секунды, скакать, смело, соревнование, спотыкаться, спринтер, срывать, сто метров, тихо, тренировка, троллейбус, тропинка, тысяча метров, убегу, удирать, уйти, уносить, финиш, чемодан, что есть силы, шибко 1. N = 709

АТ

БЕЖАТЬ – асфальт (1), бегом (1), без оглядки (1), быстро (12), в кусты (1), в лес (1), в никуда (1), в спортзал (1), вдогонку (11), вперед (2), впереди (1), далеко (2), дистанцию (1), догонять (2), дорога (1), за деньгами (1), и упасть (1), идти (2), из дома (1), из жизни (1), из тюрьмы (1), избежать (1), кросс (1), кругами (1), куда (2), куда глаза глядят (1), куда-то (1), лететь (2), нельзя (1), от возмездия (1), от горя (1), от кого-то (1), от ответа (1), от себя (1), от этого места (1), отсюда (3), оттуда (1), по дороге (1), по кругу (2), по улице (1), прыгать (2), сам (1), сидеть (1), сломя голову (1), смываться (1), спасать (1), спешить (1), спортплощадка (1), спотыкаться (1), срочно (1), стадион (1), стоять (1), удаляться (1), ускоряться (1), успеть (1), устать (1). N = 78.

Как можно было бы представить себе АВС, опираясь на такой облик статей, ведь в явном виде она не дана ни в одном ассоциативном словаре? Построить схему семантических связей для единиц одной словарной статьи нетрудно: соединив прямыми линиями все реакции со стимулом (более частые можно расположить ближе к нему), мы получим относительно простую картинку. Ее можно повторить затем для каждой словарной статьи. Наложение же таких картинок одна на другую с учетом того, что одно и то же слово появляется в числе реакций на разные стимулы и при этом с различной частотой, а кроме того иногда и само выступает как стимул, настолько усложняет общую картину¹, что о полном ее воспроизведении не может быть и речи: линии, соединяющие в ней разные слова, перестают различаться, и на месте хаоса отдельных связей мы получаем подлинный семантический континуум. Впрочем, такой результат и не должен нас обескураживать, поскольку один из основных тезисов современной синергетики гласит, что хаос появляется в результате сверхсложной организации, а порядок возникает из хаоса. Представить же себе этот «порядок» АВС, хотя бы качественно, мы можем и можем также моделировать фрагменты сети в ЭВМ, используя прямой (от стимула к реакциям) и обратный (от реакции к стимулам, ее вызвавшим) словники АТ.

Теперь несколько предварительных замечаний о понятии грамматикализации. Грамматикализованной, т.е. содержащей грамматическую информацию, я называю такую реакцию, ко-

¹ Например, реакция человек встречается более чем в половине из 200 статей СЛ: БАБУШКА, БЕЖАТЬ, БЕЛЫЙ, БИЛЕТ, БОЛЬШОЙ, ВОЕННЫЙ, ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ВСПОМИНАТЬ, ВСТРЕТИТЬ и т.д.; а частотность ее в АТ превышает 1500.

торая являет собой либо косвенную форму соответствующей лексемы, либо, будучи прямой, лемматизированной ее формой, образует тем не менее в паре со стимулом цельное сочетание («модель двух слов», по словам Н. И. Жинкина), которое в своей целостности может выступать как грамматикализованный фрагмент более пространного высказывания. Косвенная же форма реакции может создавать или не создавать вместе со стимулом целостное словосочетание, т.е. необязательно должна образовывать с ним модель двух слов. Таким образом, к грамматикализованным относятся следующие, например, реакции из СЛ:

<i>бабушка – старая</i>	<i>бежать – уезду</i>	<i>билет – в кино</i>
<i>бабушка – в платке</i>	<i>бежать – на работу</i>	<i>билет – возьми</i>
<i>бабушка – дедушке</i>	<i>бежать – от собаки</i>	<i>билет – купила</i>
<i>бабушка – вспомнила</i>	<i>бежать – за кем-то</i>	<i>билет – без билета</i>
<i>бабушка – ругает</i>	<i>белый – шарф</i>	<i>время – бежит</i>
<i>бежать – быстро</i>	<i>белый – как снег</i>	<i>время – свободное</i>
		<i>время – безвременье</i>
		<i>время – больших</i>
		<i>ожиданий</i>

Такого рода факты, конечно, не игнорировались исследователями и ранее, и в типологии ассоциативных реакций (см. например, [7, с. 63–70; 8, с. 95–119] они находили соответствующую квалификацию как реакции «синтагматические», в которых преобладает не семантическая (парадигматическая), а линейная (синтаксическая) связь между двумя словами. Синтаксические реакции с психолингвистической и психологической точек зрения оцениваются экспериментаторами как менее интересные, как материал второго сорта, а применительно к оценке личности, у которой такие реакции преобладают, они служат для психологов показателем меньшей языковой и интеллектуальной ее развитости. Таким образом, парадигматическая реакция (типа *бабушка – внучка*, *бежать – спортсмен*, *белый – зубы*, *билет – контроль*, *время – час*), считается глубинно-когнитивной, тезаурусной, а синтагматическая – поверхностно-языковой.

Я предлагаю подойти к осмыслению грамматикализованных реакций с других позиций, а именно, – оценить их совокупность с точки зрения представленности в ней всех грамматических форм и грамматических значений русского языка. Задачу можно было бы сформулировать и таким образом: если бы исследователь, имеющий в своем распоряжении только ассоциативный словарь, поставил цель на его материале восстановить всю систему грамматических форм, т.е. всю русскую грамматику, – сумел бы он это сделать?

Рассмотрим возможности, которые для решения такой задачи предоставляет нам ассоциативный словарь, подчеркнув еще раз, что, в отличие от ставших привычными семантических анализов связей между стимулом и реакцией в ассоциативной статье, нас

будут интересовать их грамматические отношения, т.е. в АВС мы будем анализировать содержание ассоциации S-R за вычетом лексической семантики.

Об относительном объеме грамматики в ассоциативном словаре. По моим подсчетам, в предварительно проанализированных статьях СЛ количество грамматикализованных форм в их соотношении с общим числом реакций таково: в статье БАБУШКА 313 грамматикализованная форма приходится на 624 реакции, т.е.

$$\frac{R_6}{N} = \frac{313}{624}, \text{ что соответствует } 50\%$$

БЕЖАТЬ	$\frac{519}{709} \sim 73\%$
БЕЛЫЙ	$\frac{421}{696} \sim 60,4\%$
ВРЕМЯ	$\frac{99}{201} \sim 49,2\%$
БИЛЕТ	$\frac{303}{621} \sim 48,7\%$
ВИДЕТЬ	$\frac{100}{227} \sim 44,0\%$

АТ, существующий только в машинной версии и находящийся в процессе пополнения и роста, в нынешнем его состоянии уступает пока СЛ по числу реакций на один стимул, но превосходит его по общему числу стимулов: их 200 в СЛ и 1200 в АТ¹. Тем не менее, сопоставление двух словарей по приведенным

показателям $\left(\frac{R_G}{N}\right)$ подтверждает устойчивость полученных соотношений. Ср. в АТ:

БАБУШКА	$\frac{30}{63} \sim 47,6\%$
БЕЖАТЬ	$\frac{53}{78} \sim 67,9\%$
БЕЛЫЙ	$\frac{47}{80} \sim 58,7\%$
НЕСТИ	$\frac{57}{80} \sim 71,2\%$

¹ Другое отличие АТ от СЛ – введение в число стимулов первого косвенных форм (например, *труде, мальчиках*), словообразовательных модификаций (например, *ребяенок*), эмоционально окрашенных слов (например, *брехня*), служебных частей речи.

Таким образом, число грамматикализованных форм в ассоциативной статье колеблется от 44% до 73%.

Эти колебания объясняются скорее всего объективными факторами (семантикой стимула, степенью его конкретности, большей или меньшей употребительностью в речи, широтой сочетаемости с другими словами и т. п.), поскольку субъективные, к которым относится, в частности, и решение вопроса о том, что считать «грамматикализованными формами», были постоянными и фиксированными. Для пояснения авторской позиции по поводу грамматикализованных форм следует привести только примеры квалифицирования разных реакций, воздержавшись пока от формулирования какого-то общего правила. Так, в словарной статье АТ НЕСТИ выделяется четыре ряда форм:

1) *нести* – *везти, вести, вор, коробка, ноша, поклажа, сумка, тащить, уронить и т. д.*;

2) *нести* – *арбуз, бред, бремя, груз, портфель, тяжесть, чушь, счастье, крест, далеко, домой, тяжело и т. д.*;

3) *нести* – *авоську, беды, бремя на плечах, в ладони, в люди, колбасу, ношу, поклажу, свой крест, сумку, чемоданы, яйца и т. д.*

4) *нести* – *держат в руках, тяжел.*

В первой группе реакция выступает в лемматизированной форме, в трех остальных представлена разная степень грамматикализации. Реакции второй группы, хотя и совпадают по форме с соответствующей леммой, но каждая из них составляет вместе со стимулом модель двух слов, и потому они могут квалифицироваться как грамматикализованные в минимальной степени. В самом деле, в парах *нести* – *арбуз* и *нести* – *чушь* в форме реакции можно видеть именительный падеж (слово в назывной функции, обозначающее топик – предмет речи или мысли, и тогда его отношение со стимулом – парадигматическое) или же падеж объекта. В последнем случае пару S – R можно трактовать как словосочетание, как готовый речевой паттерн, или модель двух слов. Когда возникает подобная альтернатива, выбирается последнее решение, что ведет, естественно, к увеличению числа грамматикализованных реакций. В третьей группе косвенная форма словесной реакции выражена эксплицитно, а кроме того, эта форма составляет со стимулом и цельное словосочетание – *нести авоську* (В. п.), *нести яйца* (В. п., мн. ч.). Иногда здесь словосочетанием оформлена бывает и сама реакция – *нести бремя на плечах, нести свой крест*, что дополнительно усиливает ее грамматический характер. Наконец, к четвертой группе мы относим реакции, не связанные формальными отношениями со стимулом, но представляющие собой некоторые словоизменительные, словообразовательные трансформации той или иной лексемы или словосочетания: *нести* – *держат в руках, тяжел.*

Такое деление на четыре группы остается справедливым для всех без исключения ассоциативных статей – и в СЛ, и в АТ. Правда, последний отличается от СЛ не только количеством

стимулов, как было сказано выше, но и тем, что около 15% из них даны не в лемматизированном виде, а в одной из косвенных форм — падежа, рода, лица, числа, времени, сравнительной степени и т. п. Приведу для примера несколько словарных статей АТ такого типа, где реакции уже классифицированы на четыре охарактеризованных выше группы (цифра справа указывает количество одинаковых реакций, отсутствие цифры означает, что реакция единична).

ДУМАЕТ

<i>бесмыслица</i>	<i>автоматически</i>	<i>в суп попадет</i>	<i>гадает</i>
<i>кресло</i>	<i>бог</i>	<i>морщит лоб</i>	<i>мечтает</i>
<i>момент</i>	<i>голова 2</i>	<i>ни о чем</i>	<i>молчит</i>
<i>мысль</i>	<i>громко</i>	<i>головой 2</i>	<i>мужается</i>
<i>петрография</i>	<i>долго 6</i>	<i>о горе</i>	<i>мыслит</i>
<i>серьезность</i>	<i>дурак</i>	<i>о жизни</i>	<i>размышляет</i>
<i>сосредоточен-</i>	<i>индюк</i>	<i>о ней 2</i>	<i>решает</i>
<i>ный</i>	<i>мало</i>	<i>о прошлом</i>	<i>соображает</i>
<i>ум</i>	<i>он</i>	<i>о своем 3</i>	<i>считает</i>
<i>умница</i>	<i>плохо</i>	<i>о чем</i>	<i>учится</i>
	<i>умный 2</i>	<i>о чем-то своем</i>	<i>тоже работа</i>
	<i>ученый</i>	<i>обо мне</i>	
		<i>по-своему</i>	
		<i>читать книгу</i>	

НАЧНУ

<i>дача</i>	<i>бегать</i>	<i>работу</i>	<i>выберу</i>
<i>курсовая</i>	<i>гнуть</i>	<i>с начала 3</i>	<i>закончу 4</i>
<i>миф</i>	<i>делать 4</i>	<i>с работы</i>	<i>и кончу</i>
<i>молоток</i>	<i>жизнь</i>	<i>с себя</i>	<i>качну</i>
<i>стоп</i>	<i>завтра 2</i>	<i>с утра</i>	<i>кончу 18</i>
<i>церковь</i>	<i>заниматься</i>		<i>начало 2</i>
	<i>писать</i>		<i>начать¹</i>
	<i>пожалуй</i>		<i>окончу</i>
	<i>с</i>		<i>стол с кни-</i>
	<i>сначала 13</i>		<i>гами</i>
	<i>снизу</i>		<i>чхну</i>
	<i>сразу</i>		
	<i>танцевать</i>		
	<i>уроки</i>		
	<i>я</i>		

¹ *Начать* трактуется здесь не как исходная форма глагола, а как трансформ, как результат словоизменительного варьирования стимула *начну* → *начать*, т. е. конструктивная лемматизация.

ПАЛЬЦА

<i>большой</i>	<i>два</i>	<i>безмянного</i>	<i>в автомобиле</i>
<i>дрянь</i>	<i>изгиб</i>	<i>большого</i>	<i>в рот</i>
<i>кувалда</i>	<i>касаться</i>	<i>вокруг</i>	<i>дельца</i>
<i>нога</i>	<i>кусок</i>	<i>кровавого</i>	<i>кольца</i>
<i>ноготь</i>	<i>лишиться</i>	<i>не видеть</i>	<i>лица</i>
<i>паяльник</i>	<i>обрубок</i>	<i>не осталось</i>	<i>мальца</i>
<i>пчела</i>		<i>не откусишь</i>	<i>ногти</i>
<i>пять</i>		<i>не сунь в рот</i>	<i>палец</i>
<i>рука 4</i>		<i>не тронуть</i>	<i>паница</i>
<i>сосать</i>		<i>не хватает 2</i>	<i>по лбу</i>
<i>указывать</i>		<i>нет 16</i>	<i>пол</i>
<i>хорошо</i>		<i>нет пальца на</i>	<i>пыльца</i>
<i>цветок 2</i>		<i>руке</i>	<i>пальца</i>
		<i>ноги</i>	<i>ты записался</i>
		<i>последнего</i>	<i>доброволь...</i>
		<i>рук</i>	<i>фига</i>
		<i>руки</i>	<i>хвосты</i>
		<i>указательного</i>	<i>щупальца</i>
			<i>яйца</i>

ПАУКОМ

<i>веревка</i>	<i>быть</i>	<i>гадким</i>	<i>бабочкой</i>
<i>горбатый</i>	<i>дразнить</i>	<i>испуганный</i>	<i>гусеницей</i>
<i>лен</i>	<i>закусить</i>	<i>исчезающий</i>	<i>жуком 3</i>
<i>медленный</i>	<i>подавиться</i>	<i>кажется</i>	<i>знаком¹</i>
<i>мелкий</i>	<i>ползать 2</i>	<i>подкрался</i>	<i>и личинкой</i>
<i>мохнатый</i>	<i>ползти 5</i>	<i>прополз</i>	<i>к письму</i>
<i>муха 3</i>	<i>прикинуться</i>	<i>противным</i>	<i>каблуком¹</i>
<i>паутинка</i>	<i>пугать 3</i>	<i>скольким</i>	<i>каракатией</i>
<i>ползучий</i>	<i>смотреть</i>		<i>кровопийцем</i>
<i>противно</i>	<i>украсить</i>		<i>люблю</i>
<i>путаница</i>	<i>платье</i>		<i>мухой 2</i>
<i>рак</i>			<i>на потолке</i>
<i>стол</i>			<i>насекомым</i>
<i>таракан</i>			<i>пауком</i>
<i>фу!</i>			<i>паутиной</i>
<i>хищник</i>			<i>раком 3</i>
			<i>юзом</i>

¹ Отношение рифмы между стимулом и реакцией (*пауком*—*знаком*, *каблуком*) я расцениваю как грамматическое, поскольку оно строится на совпадении концов слов. Ср. выше: *начну*—*качну*, *чхну*; *пальца*—*дельца*, *кольца*, *мальца* и т. д., а также ниже: *чище*—*голеннице*, *днище* (подробнее см. ниже в разделе «Словообразовательные структуры в ассоциативных статьях»).

ЧИЩЕ

<i>блестящий</i>	<i>белое</i>	<i>будет 2</i>	<i>белее</i>
<i>грязно 2</i>	<i>блюдце</i>	<i>воды 2</i>	<i>голеннице</i>
<i>грязный</i>	<i>быть</i>	<i>всего</i>	<i>грязнее</i>
<i>грязь</i>	<i>вода</i>	<i>душой</i>	<i>вернее</i>
<i>дождь 2</i>	<i>дом</i>	<i>можно</i>	<i>днище</i>
<i>думать</i>	<i>душа</i>	<i>мой 2</i>	<i>едешь</i>
<i>пить</i>	<i>мыть</i>	<i>некуда</i>	<i>и проще</i>
<i>порядок</i>	<i>одеваться</i>	<i>работайте</i>	<i>лучше 3</i>
<i>приятно</i>	<i>писать</i>	<i>снега</i>	<i>мой пол</i>
<i>пылесос</i>	<i>работа</i>	<i>стало</i>	<i>мойте руки</i>
<i>тряпка</i>	<i>работать</i>	<i>чистого</i>	<i>мыла</i>
	<i>ритм</i>		<i>ниже</i>
	<i>стать</i>		<i>о любви</i>
	<i>стирать</i>		<i>светлее</i>
	<i>убирать</i>		<i>стирай, жена</i>
			<i>хуже</i>

Приведенный материал свидетельствует не только о стабильности четырехклассного деления реакций, но и показывает увеличение среди них процента грамматикализованных в случае словоизменительного или словообразовательного варьирования стимула. Точные подсчеты позволяют установить следующие соотношения:

думает 61/70—87,1%; *мальчиках* 63/71—88,7%; *мальчику* 65/75—86,6%; *начну* 70/76—92,1%; *пальца* 68/85—80%; *науком* 47/65—72,3%; *решил* 68/74—91,8%; *решила* 59/70—84,2%; *решили* 81/86—94,1%; *решим* 70/79—88,6%; *решит* 61/69—88,4%; *решите* 65/75—86,6%; *решишь* 70/82—85,3%; *решу* 72/83—86,7%; *труда* 64/81—79%; *чище* 56/69—81,1%.

При сравнении этих результатов с данными на с. 10, характеризующими то же соотношение для лемматизированных стимулов, легко заметить, что в приведенных последними ассоциативных статьях нижний предел грамматикализации реакций совпадает с верхним пределом в первых и равен приблизительно 73%, тогда как максимальная его величина превышает 94%. Иными словами, грамматикализованные формы составляют подавляющее большинство среди реакций в статьях с грамматикализованным стимулом и в среднем около 60% в статьях с лемматизированным стимулом. Таким образом, в количественном отношении грамматика представлена в ассоциативном словаре достаточно широко.

Теперь самое время задать вопрос, какова же она, что представляет собой содержательно эта грамматика, которая столь широко представлена в АВС.

Для определения содержательной представленности и полноты грамматических фактов в АВС была построена матрица, столбцы которой соответствуют грамматическим категориям

русского языка, привязанным к определенным частям речи, а строки отражают грамматическое содержание ассоциативных словарных статей. На пересечении столбца и строки отмечается количество реакций в статье на данный стимул, оформленных соответствующей категорией. Цифра, обозначающая количество реакций, представляет собой сумму как частотных, так и единичных реакций в их абсолютной величине: например, цифра 20 может означать, что одна реакция встретилась 19 раз, а вторая (если их было всего две) только один раз. Вообще абсолютные количества тех или иных грамматических форм для наших целей имеют меньшее значение, чем сам факт наличия — отсутствия какой-то формы, которая, даже будучи единичной, выступает как образец, как прецедент, как представитель грамматического типа в АВС.

Матрица целиком, как и приводимый здесь ее первый фрагмент для имени существительного, названа диагностической из тех соображений, что проанализированные в ней ассоциативные статьи из двух наших источников — СЛ и АТ — служат отправной точкой для сплошного анализа соответствующего материала в обоих ассоциативных словарях, позволяют грамматически диагностировать АВС.

Приведенный на с. 16–17 фрагмент «Имя существительное» может служить для читателя образцом, по которому восстанавливается вся матрица. Она состоит из разделов, аналогичных приведенному, а также разделов «Модели двух слов», «Простые предложения», «Генерализованные высказывания», «Идиомы» и некоторых других (см. главу II). Все они будут рассмотрены и прокомментированы. Всего матрица содержит более 120 столбцов, из которых к традиционно выделяемым формальным категориям можно отнести более 80¹. Наличие хотя бы одной отметки в столбце означает представленность соответствующей грамматической формы (и значения) в АВС, репрезентированной в нашем случае СЛ и АТ (см. список названий ассоциативных статей-стимулов в строках матрицы). Вероятно, строки матрицы в идеале могли бы в конкретных стимулах воплощать и повторять ее столбцы, т.е. содержать отдельный стимул в форме, например, родительного падежа единственного числа существительного, женского рода прошедшего времени глагола, дательного падежа единственного числа личного местоимения мужского рода и т.д., — все 80 с лишним форм. Или, во всяком случае, при выборе анализируемого фрагмента можно было бы для надежности повторить по вертикали все частеречные разделы матрицы, что обеспечило бы формальные предпосылки для ожидания грамматической полноты в реакциях на такие стимулы. Однако уже приведенный во фрагменте перечень проанализированных ассоциативных статей, неполно отражающих

¹ Предлоги, союзы, частицы и междометия не делятся в матрице на разряды, а даны — каждая часть речи — одним столбцом.

МАТРИЦА 1. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Реакции	Стимулы	Отношение грамматикал. реакций к общему их числу.	Слова-стимулы	Падеж							Число		Род			Одушевлен-нос – не-одушевлен-нос		Абстракт-ное – кон-кретное	
				И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.	ед.	мн.	м.	ж.	с.	одуш.	не-одуш.	абстр.	конкр.	
		313 624	1	320	309	—	1	1	1	8	305	15	226	64	9	266	51	16	301
	БАБУШ-КА (СЛ)	518 709	2	183	88	37	10	33	9	6	165	18	88	58	3	19	164	12	171
	БЕ-ЖАТЬ (СЛ)	421 696	—	463	463	—	—	—	—	—	455	8	422	30	11	74	389	2	461
	БЕЛЫЙ (СЛ)	99 201	—	89	80	8	1	—	—	—	63	26	35	13	16*	—	89	12	77
	ВРЕМЯ (СЛ)	303 624	5	460	275	1	2	179	—	3	456	4	194	29	237	8	452	3	457
	БИЛЕТ (СЛ)	100 227	2	55	21	—	—	33	—	1	42	13	29	15	11	7	48	15	40

ЭТО (АТ)	70 77	—	21	20	1	—	—	—	21	—	9	6	6	2	19	9	12
САМ (АТ)	60 76	2	13	11	1	—	1	—	12	1	10	2*	—	8	5	2	11
ПЕР- ВЫЙ (АТ)	34 74	—	40	37	1	—	—	2	40	—	37	2	1	13	27	1	39
СОРОК (АТ)	47 71	11	42	11	31	—	—	—	8	34	8	18	10*	15	27	—	42
ТЫ (АТ)	37 73	—	19	17	1	—	—	1	18	1	14	4	1	12	7	1	18
ИЗ (АТ)	51 89	—	41	4	36	—	1	—	39	2	25	7	9	2	39	1	40

* Иногда сложение форм, составляющих одну категорию (как в данном случае — категорию рода), не дает в сумме общего числа форм соответствующей части речи. Это объясняется тем, что в реакциях, оформленных множественным числом — *денеги, часы, ноги, руки, усы* и т. п., — род имени считается нерелевантным и потому не фиксируется. В других частях речи причины несхождения могут быть иными; так, общая сумма личных форм глагола может не совпадать с числом форм изъявительного наклонения, поскольку формы лица свойственны и императиву, а с другой стороны, причастия и деепричастия, относящиеся к изъявительному наклонению, не имеют личных форм.

даже состав частей речи в русском языке, показал практически 100-процентное заполнение типовых клеток, т.е. засвидетельствовал наличие в этом небольшом фрагменте АВС всех грамматических фактов для имени существительного в русском языке. В матрице это выглядит таким образом, что в ней почти нет столбцов, не содержащих хотя бы одной отметки, т.е. не засвидетельствовавших наличие соответствующей грамматической формы хотя бы в одной из вошедших в нее ассоциативных статей. Частотность, как было сказано выше, роли здесь не играет, поскольку релевантными по определению являются даже единичные случаи, выступающие для нас в качестве образцов, прецедентов.

Сделанные автором осторожные оговорки – «практически» и «почти» – вызваны тем обстоятельством, что в числе реакций на приведенные стимулы не встретилось следующих форм: дательного, творительного и предложного падежей прилагательного и предложного падежа местоимений. Под вопросом для приведенного фрагмента оказалась и сравнительная степень прилагательного, поскольку единственная претендующая на эту роль форма *быстрее* в ассоциативной статье БЕЖАТЬ должна быть квалифицирована, вероятно, как сравнительная степень наречия, а не прилагательного – в потенциальном словосочетании *бежать быстрее*. Отсутствие косвенных падежей прилагательных, так же как нерелевантность числа в прилагательных-реакциях (подробный комментарий см. в соответствующем разделе об имени прилагательном), объясняется неавтохтонностью, вторичностью этих категорий для данной части речи. Это в общем-то тривиальное соображение очень выпукло иллюстрируется на том же самом материале АВС (в той ее части, не вошедшей в матрицу, где стимулами в АТ становятся существительные в косвенных падежах или управляющие косвенными падежами предлоги). Так, дательный падеж прилагательного появляется на стимул-предлог К – *родному дому*; творительный падеж – на стимул в творительном падеже ПАУКОМ – *скользким, противным*; предложный падеж множественного числа – на стимул МАЛЬЧИКАХ – *маленьких, плохих, сильных*, а предложный падеж местоимения находим в той же статье – *о наших*. Что касается сравнительной степени прилагательного, то эта форма обильно представлена в статье АТ ЧИЩЕ (см. с. 14), где сила аналогии со стимулом вызывает реакции *белее, грязнее, вернее, проще, лучше, ниже, светлее, хуже*. Амбивалентность этой формы, т.е. возможность трактовать ее и как сравнительную степень прилагательного, а не только наречия, подтверждается наличием в этой же статье таких реакций, составляющих со стимулом модель двух слов, где существительное выступает в роли либо объекта, либо эталона сравнения: *блюде чище, чище воды* и т.п., а не только словосочетаний с императивом *мой чище* или *чище стирай, жена*.

Таким образом, полнота отражения в матрице, охватывающей лишь небольшой фрагмент АВС, всех грамматических ка-

тегорий и форм, а значит, всей грамматики русского языка, не вызывает сомнений. При вовлечении в анализ не 12, как диагностической в матрице, а большего числа ассоциативных статей эта полнота получит и статистические характеристики.

Для того чтобы составить представление о более тонких закономерностях, связывающих семантику и грамматическую форму стимула со способом существования всей грамматики в АВС, и подойти к вопросу об онтологии грамматики вообще в механизме владения человеком языком, рассмотрим последовательно все разделы матрицы — и по частям речи, и по моделям двух слов, и по представленным в ней различным типам компрессированных предложений.

Но прежде одно небольшое, хотя важное замечание: следует договориться, что мы считаем реакцией-существительным, реакцией-прилагательным и т. д. Условимся квалифицировать как частеречную только однословную реакцию (в том числе с предлогом) соответствующей принадлежности. Тогда, реакцией-существительным в статье БАБУШКА, например, будет *дедушка, морщины, в очках, но моя бабушка, старая женщина* не будут расцениваться ни как местоименные, ни как существительные, ни как прилагательные, а войдут в класс моделей двух слов; глагольными реакциями в той же статье будут *сказала, ушла, встречать, умереть*, а реакции *надвое сказала* и *умрет скоро* получают иную квалификацию: первая — как фразеологическая единица, вторая — как предложение-констатация и т. д.

МОРФОЛОГИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ

§ 1. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Прежде всего следует отметить, что появление существительного в качестве реакции характерно для любой ассоциативной статьи, независимо от частеречной принадлежности стимула и наличия — отсутствия его грамматической оформленности. В этом отношении имя существительное — единственная часть речи, которая не имеет ограничений на ассоциирование. О таких ограничениях матрица сигнализирует наличием пустых строк против тех или иных грамматических категорий (ср. выше рассуждение по поводу косвенных падежей прилагательных и ниже — примеры по другим разделам). Для существительного таких строк нет, как видно из раздела матрицы на с. 16–17. Под влиянием частеречной принадлежности стимула колеблется в статьях лишь количество реакций-существительных, достигая более 50% для стимулов-существительных, прилагательных, числительных и предлогов, понижаясь до 30–15% в глагольных и местоименных статьях.

Представленность грамматических категорий имени в сети. Падежная система существительного, как можно видеть из фрагмента, отражена в ассоциативных статьях достаточно широко и полно. Наиболее распространёнными формами имени в реакциях оказываются прямые падежи — именительный и винительный, причем для проанализированных статей частотность первого выше, чем частотность второго. Преобладание именительного, в общем, легко объяснить, поскольку он не только выступает как выразитель субъекта действия в модели двух слов со стимулом, но и используется часто для обозначения топика — предмета мысли, речи, действия или темы: *разбить — скорлупа, договориться — беседа, поставить — банка, смеяться — глаза, звонить — дверь, бежать — спортсмен, учиться — книга, войти — комната, поговорить — жизнь*. Тогда как винительный без предлога чаще всего обозначает объект действия в модели двух слов, а с предлогом — направление действия.

Возможно, такое соотношение именительного и винительного определяется подбором ассоциативных статей для анализа в матрице. Обращение к более широкому материалу с использованием обратного словника АТ (от реакции к стимулам), подтверждая лидирующее положение прямых падежей, показывает все-таки,

хотя и небольшое, но преобладание винительного падежа. Как правило, многие имена существительные встречаются в реакциях в трех формах — винительного, именительного, предложного падежей: *беду, беда, в беде; в глаза, глаза, в глазах; в горы, горы, в горах; в долг, долг, о долге; дурака, дурак, в дураках; квартиру, квартира, в квартире; в магазин, магазин, в магазине; машину, машина, в машине; женщину, женщина, о женщине.*

В нашей матрице предложный падеж уступает родительному, что опять-таки объясняется включением в матрицу трех слов-стимулов, допускающих широкую сочетаемость с родительным падежом: это глагол БЕЖАТЬ с предлогами *от* и *из* (*от судьбы, от собаки, от себя, из леса, из плена, из-под стражи* и т. п.); числительное СОРОК, требующее в словосочетании с ним родительного падежа множественного числа имени (*ворон, коров, лет, минут, мучеников, слов, соболей, строк* и т. д.); это, наконец, сам предлог ИЗ, вызвавший как стимул оформление родительным падежом 36 существительных из общего числа 41 в этой статье. Обратный же словник АТ показывает несколько иную картину, поскольку по его данным в целом предложному падежу существительного в реакциях отдается предпочтение перед родительным.

Творительный и дательный падежи делят последние места по частоте встречаемости в ассоциативных статьях, причем в конечном счете преимуществом пользуется в этой паре творительный падеж. Обратное соотношение в приведенном здесь разделе матрицы обусловлено «всплеском» дательного падежа в статье БЕЖАТЬ, вызванным сочетающимися с этим глаголом предлогами *к* и *по*: *к стадиону, по тропинке, по снегу, по лестнице, по дороге.*

В итоге иерархия падежей по степени их распространенности в АВС выглядит следующим образом: винительный, именительный, предложный, родительный, творительный, дательный, причем в этом ряду падежи объединяются в пары, противопоставление внутри которых минимально, тогда как различия между парами велики. Эта закономерность соответствует, с одной стороны, частотным характеристикам падежей в текстах, а с другой, — хорошо коррелирует с системными построениями Р. Якобсона (1936 и 1958), который, с учетом различия двух генитивов и двух локативов, первую четверку относил к основным, а вторую четверку (т. е. локатив II, партитив, творительный и дательный падежи) — к второстепенным русским падежам.

Однако на представленность падежных форм имени в АВС можно взглянуть не только с точки зрения их частотности, но и с позиций их зависимости от грамматических и семантических характеристик как слова-стимула, так и слова-реакции. Последнее, т. е. влияние семантики самой реакции на ее большую или меньшую грамматикализацию нельзя считать абсурдным: как показывает обратный словник АТ, есть определенные имена, которые при сравнимой с другими существительными частот-

ности проявляют тенденцию к большему разнообразию форм. Так, во всех падежах в разных ассоциативных статьях встречаются в качестве реакций слова: *дело, дом, жизнь, вода, друг, женщина*. Воздействие же стимула на разнообразие падежных форм реакций прослеживается в самой матрице: глаголы вызывают большее их число, далее следуют существительные; предлоги и числительные, естественно, избирательны в выборе падежных форм реакций; местоимения – практически безразличны, тяготея к именительному; прилагательные же (в исходной, нулевой форме), можно сказать, идиосинкратичны к падежам, поскольку не вызывают никаких форм, кроме именительного падежа имени существительного. Справедливость этого заключения полностью подтверждается на других статьях-прилагательных из СЛ: анализ с этой точки зрения статей **НОВЫЙ, НЕБОЛЬШОЙ, НАСТОЯЩИЙ, ИНТЕРЕСНЫЙ, МИЛЫЙ, МОЛОДОЙ, ПРЕКРАСНЫЙ** выявил лишь один косвенный падеж – в статье **МИЛЫЙ** – *сердцу*, который вовсе не опровергает сделанного вывода, так как полученная модель двух слов квалифицируется как ФЕ, а не свободное словосочетание.

Род, число и абстрактность-конкретность имени существительного не обнаруживают каких-то последовательных зависимостей от стимула: везде в реакциях превалируют немаркированные формы, т.е. единственное число, мужской род, конкретное имя, – независимо от рода, числа и абстрактности-конкретности слова-стимула. Эта немаркированность мужского рода и единственного числа довольно экзотично проявляет себя в словарной статье **БЕЛЫЙ** (как, впрочем, во всех других проанализированных, но не включенных в матрицу статей этого типа в СЛ со стимулами **НОВЫЙ, НЕБОЛЬШОЙ, НАСТОЯЩИЙ, ИНТЕРЕСНЫЙ** и т.д.), где в качестве реакций на стимул-прилагательное, помимо подавляющего большинства существительных мужского рода единственного числа, т.е. согласующихся с ним и составляющих минимальную пару (таких 422 из 463), появляется некоторое количество имен, как бы претендующих на образование модели двух слов с прилагательным, но несогласующихся с ним либо в роде (**БЕЛЫЙ** – *молоко, белье, платье, полотенце, лицо* и т.п., или **БЕЛЫЙ** – *стена, бумага, гвардия, седина, скатерть, роза*), либо в числе (**БЕЛЫЙ** – *зубы, волосы, перчатки*). Ясно, что большая часть из этих «рассогласованных» имен называет предметы, как бы являющиеся носителями признака белизны или «типично» белые для обыденного сознания, и это связано с общим и привычным для него правилом давать определения цветам спектра остенсивным способом, т.е. указанием на предметы – типичные носители соответствующего цвета. Вместе с тем появление в ассоциативной статье таких имен, сама семантика которых преодолевает навязываемое формой стимула (мужской род единственного числа) грамматическое требование, говорит о том, что здесь мы снова, как и в случае имен, обладающих полнопадежной парадигмой, сталкиваемся со

словами, имеющими особую роль и место в АВС, составляющими ее крупные, фундаментальные узлы, являющиеся своеобразными семантическими опорами в самой структуре этой сети.

Если для таких существительных род и число прилагательного-стимула оказывается нерелевантным, то противоположным образом обстоит дело с прилагательными-реакциями в той же статье: для них род и число исходного прилагательного становится определяющим. Как видно из матрицы 2 (см. с. 28), все прилагательные (а их 222) в этой ассоциативной статье мужского рода и единственного числа.

Аналогичная зависимость наблюдается по признаку одушевленности: если этим признаком характеризуется слово-стимул, то среди реакций одушевленных имен существительных оказывается заметно больше, чем неодушевленных, что отмечается в ассоциативных статьях БАБУШКА $\left(\frac{266}{51}\right)$, ТЫ $\left(\frac{12}{7}\right)$, САМ $\left(\frac{8}{5}\right)$. В остальном же среди реакций-существительных преобладают неодушевленные.

Степень полноты формальных и содержательных характеристик существительного. Краткий и довольно поверхностный, на первый взгляд, обзор наличия в ассоциациях всех категорий имени может показаться недостаточным и заставляет продолжить вопросы. Если исследователь обнаружил формы всех падежей, необходимо помнить, что передающие их морфемы могут быть весьма разнообразны, а владение языком предполагает активное использование всего комплекса таких морфем. Кроме того, помимо разнообразия форм, каждый падеж характеризуется содержательным разнообразием, разнообразием передаваемых им грамматических значений. И все эти типы падежных значений также должны быть представлены в АВС носителя языка.

Подобные же рассуждения связаны с грамматическим числом и его особенностями для разных групп существительных (в частности, с именами *singularia tantum* и *pluralia tantum*), с грамматическим родом и различным соотношением родовых показателей имени с его лексической семантикой и т.п. Таким образом, в идеале необходимо было бы удостовериться, что АВС содержит все те образцы формальных показателей и содержательных характеристик каждой грамматической категории имени существительного (а на самом деле и не только его), которые обычно извлекаются из большого массива текстов и находят отражение в описательных грамматиках русского языка.

Забегая вперед, могу сказать, что мой опыт работы с ассоциативными словарями и АТ, т.е. с обобщенной АВС русского языка, показывает, что практически в этой сети исследователь обнаруживает все то, что включается обычно и в грамматические описания (см. с. 172). Скрупулезная детализация того, как представлена каждая грамматическая категория в ассоциативных

словарях, конечно, возможна, но такой подход сделал бы наше исследование исключительно громоздким и затемнил его основную идею, которая состоит в том, чтобы принципиально доказать «распределенность» и «лексикализованность» грамматики в АВС. Поэтому я призываю читателя положиться здесь на добросовестность автора и исходить из презумпции полноты и исчерпываемости представленных в ассоциациях своими образцами грамматических значений разных категорий так же, как и передающих их алломорфов. В качестве иллюстрации обоснованности такого призыва и правдоподобности сделанных мной утверждений, приведу данные по одному из частотных русских падежей – творительному (см. табл. А).

НАЛИЧИЕ В СЕТИ ФОРМАЛЬНЫХ АНАЛОГОВ
ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА (Т. п.)

Таблица А

Алломорфы Т. п. разных типов склонений ¹	Синтагматические пары с Т. п. в СЛ
1. заводом жителем огнем заводами жителями	РАБОТАТЬ – <i>с учебником</i> , ДУМАТЬ – <i>над вопросом</i> ГУЛЯТЬ – <i>с парнем</i> , БЕЖАТЬ – <i>за</i> <i>трамваем</i> ВСТРЕТИТЬ – <i>огнем и мечом</i> ПОМОГАТЬ – <i>деньгами</i> РАЗГОВОР – <i>с друзьями</i>
2. картой неделей ноздрей	ДОСТАТЬ – <i>рукой</i> , БАБУШКА – <i>с</i> <i>дедушкой</i> РАЗГОВОР – <i>с Раей</i> , ПРИХОДИТЬСЯ – <i>тетей</i> ПРИХОДИТЬСЯ – <i>родней</i>
3. тетрадью	ПИТЬ – <i>с жадностью</i> , БЕЖАТЬ – <i>рысью</i> ВСТРЕЧА – <i>с людьми</i>
4. вожатым учащимся вожатыми учащимися	ПРИХОДИТЬСЯ – <i>крестным</i> ВСТРЕЧА – <i>с будущим</i> , ОСТАВАТЬСЯ – <i>прежним</i> РАЗГОВОР – <i>с родными</i>
5. Поповым Поповой	РАЗГОВОР – <i>с Борисовым</i> ОКАЗАТЬСЯ – <i>обманутой</i>

¹ Для простоты эти типы взяты из [9, с. 282–287].

Каждая строка в этой таблице соответствует определенному алломорфу, и все строки, как легко убедиться, оказываются заполненными. При этом мы не вышли за пределы всего двухсот словарных статей, двухсот стимулов, составивших СЛ, которые далеко не образуют полной АВС, находящейся в распоряжении среднего носителя языка. Такую же таблицу можно было бы построить, например, для обобщения только беспредложных образцов творительного или его форм с различными предлогами в СЛ. (Ср. ДОГОВОРИТЬСЯ — с товарищем, ДЕРЕВНЯ — за городом, СДЕЛАТЬ — работу над ошибками, ЛЮБОВЬ — подвязами, ГУЛЯТЬ — перед сном, ОКАЗАТЬСЯ — между дураками. . .). Не считая необходимым затруднять читателя подобными формальными построениями, попытаюсь дать оценку различным образцам этого падежа со стороны их семантики, т. е. выяснить, насколько полно в зафиксированных ассоциациями словоформ представлены традиционно выделяемые значения того же творительного падежа.

Степень дробности падежных значений может быть очень большой, но мы здесь ограничимся рассмотрением самых общих их типов, выделяемых, например, Академической грамматикой [10, т. 1, с. 482] (см. табл. Б на с. 26).

О чем свидетельствуют эти результаты? Хотя СЛ не репрезентирует, как было уже сказано, всю АВС, тем не менее, в его статьях мы находим не только все грамматические категории имени, о чем свидетельствует уже диагностическая матрица, но и подтвержденную на примере одного падежа всю полноту фонеморфологических показателей, т. е. алломорфов категории (табл. А), как и все разнообразие категориальной семантики (табл. Б).

Все это лишний раз подтверждает, что, решая задачу установить полноту представленности формальных и содержательных разновидностей грамматических категорий в сети, мы можем в ряде случаев ограничиться самой общей констатацией наличия репрезентирующих ее словоформ, как это делается, например, с помощью диагностической матрицы. Детализация анализа с целью выявления формальных и семантических вариантов каждой разновидности в общем-то не требуется, так как на самом деле они всегда представлены своими образцами, что показывает, в частности, и проделанный по СЛ поиск алломорфов и типов значений творительного падежа. При этом следует еще раз подчеркнуть, что СЛ, как и данные первого этапа АТ, весьма далеки по своему объему от полной АВС, которой располагает средний носитель языка. Полная же сеть охватывает не менее 1,5 млн. словоупотреблений, реализующих (опять-таки не исчерпывающим образом, а в типах, моделях или образцах) парадигмальные возможности примерно 50 тыс. лексем.

Типы значений	Соответствующие пары
<p>I. Определительное и обстоятельственно-определяющее:</p> <ul style="list-style-type: none"> – в сказуемом: <i>брат будет студентом</i> – места: <i>пройти сенями</i> – времени: <i>шли вечерней порой</i> – причины: <i>игрою случая</i> – способа действия: <i>петь басом</i> – уточняющего признака: <i>высок ростом</i> – качества: <i>записка карандашом</i> – меры: <i>не видимся годами</i> – величины: <i>величиной со страуса</i> <p>II. Объектное:</p> <ul style="list-style-type: none"> – <i>снабдили оборудованием, наслаждаться музыкой, недоволен результатами</i> <p>III. Субъектное:</p> <ul style="list-style-type: none"> – <i>одобрен комиссией</i> <p>IV. Инструментальное¹:</p> <ul style="list-style-type: none"> – <i>писать ручкой</i> 	<p>ОСТАВАТЬСЯ – <i>человеком, безнаказанным</i></p> <p>ВСТРЕТИТЬСЯ – <i>дорогой, идти – путем</i></p> <p>РАБОЧИЙ – <i>днем, ВСТРЕЧА – весной</i></p> <p>КОНЧИТЬСЯ – <i>самоубийством,</i></p> <p>ЗЕМЛЯ – <i>пахнет весной и дождем</i></p> <p>ПОМОГАТЬ – <i>всей душой,</i></p> <p>ПЕРЕДАВАТЬ – <i>свистом</i></p> <p>ПРЕКРАСНЫЙ – <i>душой</i></p> <p>ПРИХОДИТЬСЯ – <i>родственником</i></p> <p>ЖИЗНЬ – <i>холостым – жуть</i></p> <p>ВОЙТИ – <i>первым</i></p> <p>—</p> <p>ПОМОГАТЬ – <i>деньгами,</i></p> <p>ОТВЕТИТЬ – <i>взаимностью,</i></p> <p>ЗАНЯТИЕ – <i>спортом</i></p> <p>ОТВЕТИТЬ – <i>самой</i></p> <p>УДАРИТЬ – <i>кулаком</i></p> <p>ДОСТАТЬ – <i>рукой</i></p>

¹ Это значение в данной таблице выделено в самостоятельный подтип только потому, что в Академической грамматике оно вообще не упомянуто, хотя логика приведенной классификации требует его помещения в первую подгруппу, т. е. в разряд обстоятельственно-определятельных значений.

§ 2. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Если имена существительные не имеют ограничений на ассоцирование, то на появление прилагательных в качестве реакций уже накладываются определенные ограничения: в статьях со стимулами существительными и прилагательными (например,

БАБУШКА и БЕЛЫЙ) таких реакций может быть до 1/3 (см. матрицу 2 на с. 28), тогда как в глагольных статьях их число падает до 0,5% (например, стимул БЕЖАТЬ вызвал всего две единичных реакции *быстрый* и *легкий*, а стимул ВИДЕТЬ — за вычетом трех субстантивированных форм — дал в качестве реакций-прилагательных пять разных слов: *слепой* 4, *большой*, *злостный*, *молодой*, *расторонный*). Как свидетельствует далее матрица 2 на с. 28, реакции-прилагательные абсолютно противопоказаны предлогам, указательным местоимениям (в статье ЭТО их нет; в статье САМ — одно прилагательное, являющееся производным от стимула, — *самостоятельный*; в статье ВОТ тоже одно слово — *жуткий*), и, вероятно, числительным (в статье СОРОК встретилось единственное прилагательное *круглый*).

Ограничениями связаны и падежные формы прилагательного, во всяком случае, косвенные падежи, которые практически отсутствуют¹: во всех проанализированных ассоциативных статьях встретились лишь одна реакция в родительном падеже (или творительном?) (БЕЛЫЙ — *масляной*). Но и все три формы винительного падежа из статьи ВИДЕТЬ (*красивое*, *милого*, *хорошее*), образуя со стимулом модель двух слов (*видеть красивое*, *видеть милого*, *видеть хорошее*), должны быть квалифицированы как субстантивированные прилагательные, т. е. пройти по разряду существительных. Если принять эти оговорки, то ограничение можно сформулировать так: падеж как грамматическая категория не свойствен прилагательным-стимулам в АВС.

Аналогичное ограничение можно было бы отнести и к множественному числу (а значит, к числу как грамматической категории вообще): эта форма не присуща прилагательным в АВС, а так же, как падеж и род, навязывается прилагательному подчиняющим его существительным в тексте. В ассоциативных же статьях оформленность грамматическим родом реакций прилагательных оказывается в абсолютной зависимости от грамматического рода стимула (ср. в матрице 2 строки БАБУШКА, где за вычетом трех случаев мужского рода и одного среднего — исключительно женский род; БЕЛЫЙ — только мужской род, БИЛЕТ — исключительно мужской род, ПЕРВЫЙ — только мужской род, ВРЕМЯ, кроме трех случаев мужского рода, исключительно средний род). Там же, где род стимула не может быть выражен (БЕЖАТЬ, ВИДЕТЬ², ТЫ), предпочтение в реакциях-прилагательных отдается немаркированному мужскому роду.

Теперь о степенях сравнения прилагательного. Чтобы показать, что в соответствующем столбце матриц случаи фиксации этой формы все же отмечены, во второй раздел матрицы введена

¹ Полное отсутствие форм дательного, творительного и предложного падежей позволило опустить в матрице соответствующие столбцы.

² Напомним, что 2 формы среднего рода в этой статье мы условились квалифицировать как существительные: *видеть красивое*, *видеть хорошее*.

МАТРИЦА 2. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Реакции	Всего реакций	Падеж			Число		Род			Степени сравнения		Разряды		
		И.	Р.	В.	ел.	мн.	м.	ж.	с.	сравн.	пре-восх.	качеств.	отно-сит.	при-тяж.
Стимулы	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
БАБУШКА (СЛ)	231	231	—	—	231	—	3	227	1	—	1	229	1	1
БЕЖАТЬ (СЛ)	2	2	—	—	2	—	2	—	—	—	—	2	—	—
БЕЛЫЙ (СЛ)	222	221	1	—	222	—	222	—	—	—	—	215	7	—
ВРЕМЯ (СЛ)	42	42	—	—	42	—	3	—	39	—	—	33	9	—
БИЛЕТ (СЛ)	88	88	—	—	88	—	88	—	—	—	—	16	72	—
ВИДЕТЬ (СЛ)	11	8	—	3	11	—	9	—	2	—	—	5	6	—
ЭТО (АТ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
САМ (АТ)	1	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—
ПЕРВЫЙ (АТ)	13	13	—	—	13	—	13	—	—	—	—	3	10	—
СОРОК (АТ)	1	1	—	—	1	—	1	2	—	—	—	1	1	—
ТЫ (АТ)	7	7	—	—	7	—	5	—	—	—	—	6	—	—
ИЗ (АТ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ЧИЩЕ (АТ)	20	3	—	—	3	—	2	—	1	17	—	19	1	—

строка, анализирующая статью ЧИЩЕ. Может быть, для сохранения чистоты опыта, т. е. проверки гипотезы о существовании и проявлении грамматики в АВС, вне зависимости от воздействия на реакцию грамматической формы стимула, материалом таких ассоциативных статей, где стимул дан не в лемматизированной форме, вообще не стоило бы пользоваться¹. Однако этот случай интересен не только количеством форм сравнительной степени прилагательного, повторяющих грамматическую характеристику стимула (их 17² из общего числа 20 прилагательных в этой статье), но и самим окружением, динамикой, я бы назвал это даже структурно-грамматической поддержкой таких форм. Речь идет о том, что устройство АВС, подчиненное закону аналогии, не просто навязывает носителю языка одинаковые со стимулом (или имплицитруемые им) формы, но и заставляет его эти формы естественным образом грамматически варьировать, обращаясь в данном, например, случае как к исходной, т. е. положительной степени прилагательного или наречия (ср., наряду с *грязнее* 8 в статье дважды зафиксировано *грязно* и один раз *грязный*), и тем самым разрушая аналогию, так и усиливая степень сравнения до максимума, до превосходной степени (ср. ЧИЩЕ — *всего*, ЧИЩЕ — *некуда*, ЧИЩЕ — *чистого*)³. Но и это еще не все. Сама идея сравнения, заложенная в грамматической форме стимула, заставляет в АВС зафиксировать соответствующие связи с объектом сравнения (т. е. с тем, что сравнивают): *блюдец чище*⁴ (чем другое, например), *вода чище* (здесь, чем там), *ритм чище* (теперь, чем вначале), и с эталоном (т. е. с чем сравнивают): *чище воды*, *чище снега*.

Три последних столбца матрицы 2 делят прилагательные на качественные, относительные и притяжательные. Подавляющее преобладание качественных прилагательных в статьях БЕЛЫЙ (215 из 222) и ЧИЩЕ (19 из 20) могло бы навести на мысль о прямой зависимости этого признака у стимула и реакции: качественные прилагательные-стимулы вызывают качественные прилагательные-реакции, а относительные, соответственно, — относительные. Однако эта простая и тем самым привлекательная

¹ Тем более, что все три степени сравнения на самом деле обнаруживаются и в статьях с лемматизированным стимулом из СЛ, например, в статье СОВЕТСКИЙ находим *хороший* 3, *лучше* 2, *лучший* 2.

² Все эти формы, полный перечень которых приведен выше, на с. 14, относятся к прилагательным, поскольку, будучи однословными, эти реакции не дают оснований для различения сравнительной степени прилагательного и сравнительной степени наречия.

³ В статье БАБУШКА, например, как раз и представлены две крайние точки варьирования на шкале сравнения — позитивная степень *добрая* и превосходная *самая добрая*, а сравнительная степень отсутствует.

⁴ Естественный (по времени предъявления в эксперименте) порядок следования S—R — сначала стимул, а потом реакция, в случае вхождения стимула и реакции в модель двух слов (т. е. в стандартное словосочетание, или «паттерн») может меняться и часто меняется на обратный, и тогда SR дает в словосочетании RS. Об этом см. подробнее гл. II, § 1.

зависимость не подтверждается на статьях с относительными прилагательными-стимулами. Таких статей в СЛ всего три¹: **ДЕТСКИЙ**, где из 107 прилагательных 104 качественных, **НАСТОЯЩИЙ** – с соотношением качественных и относительных 44 к 72, и **СОВЕТСКИЙ**, где на 19 качественных приходится 34 относительных.

Среди статей со стимулами-существительными тоже трудно обнаружить какую-нибудь последовательность в установлении преимущественных ассоциативных связей либо с качественными, либо с относительными прилагательными. Можно предположить, что решающую роль здесь играет одушевленность, но проверить это предположение по СЛ мы можем только в части, касающейся названий лица, так как других одушевленных существительных-стимулов в этом словаре нет. Проверка как будто подтверждает правильность сделанного предположения, поскольку соотношение качественных-относительных-притяжательных прилагательных в соответствующих статьях таково: **ДЕВОЧКА** 225/11/0, **ДРУГ** 79/8/0, **ДЯДЯ** 120/29/2. Если учесть, что прилагательное *детский* образовано от одушевленного существительного, то общую тенденцию можно было бы обозначить так: качественные прилагательные реакции тяготеют в АВС к одушевленным именам существительным и качественным же прилагательным-стимулам.

§ 3. ГЛАГОЛ

Общая характеристика категориальных показателей глагола в АВС. Первый столбец матрицы 3 (см. с. 32) позволяет установить предварительную, в самом общем виде, зависимость числа глагольных реакций в статье или связей в ассоциативно-вербальном поле от частеречной принадлежности стимула. Сравнение помещенных в нем цифр с соответствующей клеткой предыдущих разделов матрицы (как, впрочем, и последующих) показывает, что глагольные реакции наиболее обильны в глагольных же ассоциативных статьях, т.е. статьях со стимулом-глаголом: **БЕЖАТЬ** дает 117 глагольных форм, а **ВИДЕТЬ** – 101 глагольную реакцию, и это самые крупные цифры. Однако было бы неверным объяснить такой результат только воздействием аналогии; прямым влиянием на реакцию частеречных свойств стимула. Дело в том, что у некоторых глаголов, например глаголов движения, преобладающими среди реакций будут наречия (в той же статье **БЕЖАТЬ** 395 наречных реакций), а для статей со стимулами-прилагательными самыми многочисленными реакциями оказываются имена существительные. Вообще реакции-

---

¹ Исключаются из их числа амбивалентные стимулы **ВОЕННЫЙ**, **ЗНАКОМЫЙ** и **РУССКИЙ**, которые могли восприниматься частью испытуемых как названия лица и соответственно получать иные характеристики и оценки с помощью определений-прилагательных.

глаголы можно в принципе найти в любой ассоциативной статье, и в этом смысле они вроде бы, как и существительные, не имеют ограничений на ассоциирование. Отличаются они от последних по своим статистическим показателям: если реакции-существительные распределяются по отношению к разнородным стимулам довольно «кучно», колеблясь в пределах от 1/3 до 2/3 всех реакций в статье, то глагольные реакции четко разделяются на три статистические группы. Первая вывleгается в статьях со стимулом-глаголом или наречием и содержит до 50% глагольных реакций; вторая охватывает статьи со стимулами-существительными и местоимениями, где число глагольных реакций может доходить до 20%; наконец, к третьей группе надо отнести статьи со стимулами-прилагательными, числительными и предлогами, для которых глагольные реакции практически нехарактерны, и их количество не превышает, как правило, 1%. Ср. в статье БЕЛЫЙ один глагол — *зависеть*, то же в статье ИЗ-*выйти*. Проверка этих выводов, сделанных на материале матрицы по другим данным СЛ, подтвердила их правомерность: так, статьи БОЛЬШОЙ, МОЛОДОЙ, НОВЫЙ вообще не содержат глаголов; по одному глаголу в статьях ДЕТСКИЙ — *лепетать*, НЕБОЛЬШОЙ — *отказаться*, ПЛОХОЙ — *не бывает*; по два — ЗНАКОМЫЙ — *написать*, *узнать*, МИЛЫЙ — *любить*, *гладить*, НАСТОЯЩИЙ — *делать*, *хотелось бы* и т.п. Больше всего глаголов дал стимул ИНТЕРЕСНЫЙ — *читать*, *дотянуться*, *курить*, *нравится*, *смеяться*, *увлечься*, *хотеть*, что составило чуть больше 1% на 622 реакции в этой статье.

В целом, подытоживая роль частеречной принадлежности стимула в распределении реакций в статье по частям речи и располагая наиболее массовидные реакции в порядке убывания их предпочтительности, мы могли бы установить следующие зависимости: существительное → существительное, прилагательное, глагол; прилагательное → существительное, прилагательное; глагол → глагол, существительное, наречие; глагол движения → → наречие, существительное, глагол; местоимение → местоимение, существительное. Таким образом, при некоторой заметной тенденции к частеречной аналогии со стимулом, в ряде случаев в реакциях начинают превалировать связи, характерные для модели двух слов (ср. прилагательные и глаголы движения).

Вид, время и лицо в реакциях. Глагольные времена представлены в реакциях а значит, в АВС, достаточно полно и, кажется, в точном соответствии с их статистическими характеристиками по текстам: настоящее и прошедшее употребительны примерно в равной степени, будущее встречается реже. Отношение выраженных форм времени к общему числу глагольных реакций в статье колеблется под влиянием трех обстоятельств — частеречной принадлежности стимула, его категориальных свойств и семантических характеристик. Сочетание двух первых, а именно, глагол в неопределенном наклонении, оказывается наименее благоприятным для выражения времени в реакциях:

МАТРИЦА 3. ГЛАГОЛ

Реакции	Всего реакций	Время			Вид		Переходность		Залог		
		наст.	прош.	буд.	сов.	не-сов.	перех.	неперех.	действ.	страд.	возвр.
Стимулы											
Номер столбца	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45
БА- БУШКА (СЛ)	21	6	8	1	10	11	9	12	19	—	2
БЕ- ЖАТЬ (СЛ)	117	1	2	1	10	107	9	108	97	—	20
БЕ- ЛЫЙ (СЛ)	1	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—
ВРЕМЯ (СЛ)	40	22	6	—	6	34	3	37	38	1	1
БИЛЕТ (СЛ)	50	1	5	—	35	15	39	11	48	2	—
ВИ- ДЕТЬ (СЛ)	101	1	—	—	5	96	35	66	101	—	—
ЭТО (АТ)	4	3	1	—	—	4	—	4	4	—	—
САМ (АТ)	24	6	8	5	15	9	19	5	23	—	1
ПЕР- ВЫЙ (АТ)	2	—	2	—	2	—	—	2	2	—	—
СОРОК (АТ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ТЫ (АТ)	8	1	4	2	4	4	2	6	5	3	—
ИЗ (АТ)	1	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—

Лицо				Число		Род			Наклонение				Атрибутивные формы глагола	
1	2	3	безлич. форма	ед.	мн.	м.	ж.	с.	неопр. (инф.)	изъяв.	повел.	соглас.	прич.	дееприч.
46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60
—	—	15	—	15	—	—	8	—	6	15	—	—	—	—
1	—	2	—	2	1	1	—	—	111	6	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
—	—	24	—	24	—	2	—	3	12	28	—	—	3	—
1	3	4	—	10	—	3	2	1	40	5	3	—	2	—
1	—	—	—	1	—	—	—	—	100	1	—	1	—	—
—	—	2	—	4	—	—	—	1	—	3	—	—	—	—
7	4	11	—	22	—	8	—	—	2	19	3	—	—	—
—	—	1	—	2	—	2	—	—	—	2	—	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	8	—	—	8	—	3	1	—	—	6	2	—	3	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—

наименьшее число временных глагольных форм — и в абсолютном, и в относительном смысле — оказалось в статьях БЕЖАТЬ и ВИДЕТЬ (см. матрицу 3). Проверка этого наблюдения на АТ позволяет заключить, что решающим фактором здесь является именно наклонение глагола-стимула. С одной стороны, ни в какой из проанализированных статей АТ со стимулом в инфинитиве (ВЫХОДИТЬ, ВЫЙТИ, НОСИТЬ, НЕСТИ, БЕЖАТЬ, ОКАЗАТЬСЯ) не встретилось глагольных форм изъявительного наклонения, т.е. с выраженным глагольным временем. С другой стороны, в статьях того же АТ, со стимулом, маркированным временем, лицом и числом, глагольные реакции обнаруживают сильнейшую тенденцию к уподоблению стимулу по этим категориям. Так, в статье ДУМАЕТ (см. выше, с. 12) находим 100-процентное совпадение всех глагольных реакций со стимулом по всем трем категориям; в статье РЕШУ (*додумаюсь, думаю, не буду, не умею, отвечу, откажусь, пишу, попробую, сделаю, скажу, сосчитаю, спешу, спрошу*), при совпадении опять-таки всех без исключения глагольных реакций со стимулом в наклонении, лице и числе (т.е. инфинитивов здесь нет), часть из них оформлена не будущим временем, как стимул, а настоящим (в скобках они даны курсивом). Если же одна из категорий изъявительного наклонения в стимуле не выражена, лицо, например, в статьях РЕШИЛ, РЕШИЛА, в реакциях появляются колебания не только в лице и во времени (*женюсь, не знаю, сделаю*), но и в глагольном виде (*думал, спешил*). Одновременно, не без влияния третьего из названных выше факторов — лексической семантики стимула — становится возможным в реакциях варьировать и наклонение: в этих последних статьях в числе глагольных реакций, приближающихся к 50% от общего состава, половину занимает уже инфинитив, что обусловлено высокой вероятностью моделей двух слов типа представленных здесь *решил бросить, решил взять, решил выпить, решил заняться* и т.д.

Наиболее богата временная парадигма в статьях-местоимениях (САМ, ТЫ). Здесь же ей принадлежит и большая доля среди всех глагольных реакций (см. матрицу 3), причем распределяются они не между инфинитивом и формами изъявительного наклонения, как во всех других ассоциативных статьях, а между изъявительным и повелительным наклонениями. Даже в статье ЭТО, где всего четыре глагольных реакции и три из них даны в настоящем времени и одна в прошедшем, изъявительное наклонение соседствует не с инфинитивом, а с возможностным наклонением (ЭТО — *может быть*).

Переходя к распределению временных глагольных форм в статьях-существительных, мы должны констатировать довольно значительные колебания их доли в общем объеме глагольных реакций — от 70% в статьях БАБУШКА и ВРЕМЯ до 10% в статье БИЛЕТ. Одновременно обращает на себя внимание определенная предпочтительность каждого из проанализированных стимулов-существительных к тому или иному глагольному

времени, что обусловлено семантикой каждого из имен. Если БАБУШКА, судя по распределению реакций, «безразлична» к настоящему или прошедшему, то БИЛЕТ, будучи по своей семантике «объектным» существительным, тяготеет к прошедшему времени (и, заметим в скобках, к совершенному виду), тогда как ВРЕМЯ, в силу своей вечной длительности, постоянной текучести (онтологической бесконечности) и грамматической абстрактности явно отдает предпочтение настоящему (и несовершенному виду). Кроме того, существенное преобладание инфинитивов в статье БИЛЕТ опять-таки вызвано возможностью образования им, как существительным, обозначающим объект по преимуществу, минимальной глагольно-именной пары, модели двух слов с инфинитивом, что совершенно исключается для стимула БАБУШКА и ограничено допустимо со словом ВРЕМЯ. Ср. *купить билет, взять билет, приобрести билет* и т. п., *тянуть билет* и даже *писать билет* (на экзамене), но только *время жить, коротать время*¹.

Таким образом, распределенность временных форм глагола в ассоциативных статьях-существительных практически целиком определяется особенностями лексической семантики последних.

Глагольный вид в ассоциативных статьях не обнаруживает каких-то ярких зависимостей от характеристик слов-стимулов. Пожалуй, таких зависимостей всего две. Одна из них очевидна, поскольку по своей природе формальна: вид глагола-стимула воспроизводится в глагольных реакциях. Справедливость этого правила легко видеть в матрице, а кроме того, она целиком подтверждается материалами СЛ и АТ. Так, соотношение форм совершенного вида с формами несовершенного в соответствующих парах СЛ таково: ВИДЕТЬ 5/96, УВИДЕТЬ 53/17; ВХОДИТЬ 5/54, ВОЙТИ 93/3 и т. п. Значит, глагольный вид стимула «наводит» соответствующий вид в глагольных реакциях. Труднее обнаружить какую-то зависимость между видом и грамматическими категориями других частей речи-стимулов. Так, просмотр статей АТ с именами-стимулами в косвенных формах не обнаружил каких-либо связей между падежом стимула и видом глагольной реакции или между числом и видом, как не ощущается влияния на вид конкретности имени или его абстрактности. Тем не менее, еще одна зависимость, хотя и предположительно, могла бы быть намечена: при несомненно выраженной общей тенденции у стимулов-имен к преобладанию глагольных реакций несовершенного вида как немаркированных, как более неопределенных (ср. БУМАГА 19/41, ВПЕЧАТЛЕНИЕ 14/26,

¹ Статья ВРЕМЯ — одна из немногих в СЛ, где, к сожалению, для двух реакций не сохранена их дифференциация по формам, а сделана попытка (видимо, из лучших побуждений) свести их к леммам: ВРЕМЯ — *бежит (бежать)* 10, ... *идти (идет)* 8. Для наших целей при построении матрицы 3 пришлось разделить реакции по словоформам волюнтаристски — поровну: *бежит* 5, *бежать* 5, *идти* 4, *идет* 4. Но в любом случае модель *время идти* тоже возможна.

ГАЗЕТА 6/53 и аналогично для статей ВОДА, ВОЙНА, ГЛАЗ, ГОЛОВА, ГОЛОС, ГОРОД и т. д.) встречаются отклонения от этого правила, которые можно объяснить, вероятно, наличием в семантике таких имен особой «семьи завершенности». Подобную сему можно увидеть, например, в существительном билет (см. матрицу 3), обозначающем некий артефакт, с которым обычно производят вполне определенные, характеризующиеся, как правило, завершенностью, операции; соответственно соотношение совершенного и несовершенного вида в статье оказывается равным 35/15. Казалось бы, такой же артефакт имеется в случае стимула газета, однако, типичные операции с ней (читать, заворачивать, рвать) предполагают многократное повторение и возобновление, и потому несовершенный вид здесь преобладает. Идея определенности, конечности, т. е. сема завершенности, можно даже сказать, успешности (ср. отсутствие глагольных отрицаний), содержится и в местоимении сам, статья которого дает соотношение видов 15/9. Вообще имен, которым можно приписать такую сему, немного. В их числе ХЛЕБ 22/13, ЧАС 8/3, ВСТРЕЧА 11/10. У одушевленных имен-стимулов прослеживается тяготение к выравниванию числа реакций совершенного и несовершенного вида при незначительном преобладании последних.

Переходность — непереходность в глагольных реакциях зависит, как кажется, только от типичной актантной роли имени-стимула: если БИЛЕТ — это типичный объект, а САМ — типичный агент, то оба стимула провоцируют обильное появление в ассоциативных статьях переходных глаголов-реакций. В остальных же случаях, когда предпочтительность той или иной актантной роли не выявлена, наблюдается увеличение числа непереходных глаголов, и эта тенденция сохраняется также в глагольных ассоциативных статьях независимо от категориальной принадлежности стимула (ср. непереходный глагол БЕЖАТЬ и переходный глагол ВИДЕТЬ в матрице 3).

Релевантность актантной роли стимула прослеживается и на залоговых формах. Страдательный залог, который вообще редок в ассоциативных статьях, появляется при наиболее вероятном стимуле-пациенте — см. БИЛЕТ (куплен, оторванный), ТЫ (любим, любимый, обескуражена). В основном господствует действительный залог, спорадически разбавленный возвратным (см. матрицу). Совершенно случайно может оказаться, что возвратный залог преобладает, как, например, в статье ВСТРЕЧА (9 действительных и 12 возвратных форм), что вроде бы оправдывается семой «взаимности», присутствующей в этом стимуле. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что такой количественный перевес возникает лишь за счет разных модификаций одного и того же глагола (состоится 5 — не состоится 1, состоялась 2 — не состоялась 2), и семантика стимула не влияет, таким образом, на залог глагола в реакции.

Категория лица глагола представлена в исследованном участ-

ке ABC достаточно широко и полно, причем превалирует, как показывает сравнение соответствующих столбцов матрицы, 3-е лицо. Его значительное преобладание среди личных форм глагола объясняется, конечно, противопоставленностью одновременно и 1-му, и 2-му лицам в совокупности, а также его известной нейтральностью, можно даже сказать «немаркированностью», если иметь в виду приложимость форм 3-го лица не только к говорящему и слушающему, т.е. собственно «лицам», но к любым номинациям. Кроме того, количество форм, отнесенных к 3-му лицу в данной матрице, могло несколько возрасти и за счет упомянутого выше условия — причислять к ним и все формы прошедшего времени (*пришел, пришла, пришло*). Правда, надо иметь в виду, что общее увеличение за их счет 3-го лица пренебрежимо мало. Во всяком случае, суммарное соотношение 1/2/3 лиц глагола в проанализированных в матрице статьях составляет пропорцию 10/15/60.

Приведенный в матрице материал не дает еще оснований для каких-то выводов о «горизонтальных» закономерностях, о связях категории лица с грамматическими или семантическими характеристиками стимулов. В самом деле, зафиксированные здесь формы, например, 1-го лица таковы: *убегу* (БЕЖАТЬ), *не знаю* (БИЛЕТ), *не могу* (ВИДЕТЬ)¹, *знаю, мою, сделаю* 3, *смогу, хочу* (САМ). Среди них обращает на себя внимание «скачок» числа рассматриваемых форм в местоименной статье, что вполне объяснимо благодаря одинаковой практически силе связи этого стимула со всеми личными местоимениями единственного числа — *и я сам, и ты сам, и он сам* — в равной мере возможны и должны быть ожидаемы в восприятии испытуемых. Отсюда такое множество реакций в 1-м лице, реакций, каждая из которых образует со стимулом синтагматическую пару, типовую модель двух слов (*сам знаю* и т.п.). Подобная же пара возникает и в случае *не могу видеть*. Первый приведенный выше пример из перечня зафиксированных в матрице форм тоже интерпретируется на синтагматической оси, представляя собой особую форму восприятия стимула как вопроса анкеты, обращенного к испытуемому, на который следует реакция-ответ: БЕЖАТЬ? — *убегу*. Подробнее этот тип диалогического, вопросо-ответного реагирования на стимулы будет рассмотрен далее, в разделе об изоморфизме отдельной анкеты и сводной ассоциативной статьи словаря, а пока же отметим, что для стимулов-глаголов такой ответ (именно 1-м лицом) встретился еще всего один раз: ДО-

¹ Напомним, что для получения квалификации «личной формы глагола», реакция должна быть однословной, а не представлять собой самостоятельное словосочетание. Последнее рассматривается в специальных разделах матрицы, посвященных «моделям двух слов», «предложениям» или, если это цитата, — в разделе, включающем «прецедентные тексты». Вот почему реакция *ничего не вижу, ничего не слышу* на стимул ВИДЕТЬ, являющаяся цитатой из популярной несколько лет назад песни, не пополяет собой число глагольных форм 1-го лица.

ГОВОРИТЬСЯ? — не знаю. Чаше подобные несогласованные реакции появляются для стимулов-имен, которые в таких случаях выступают в роли топика: ДЕРЕВНЯ — не хочу, ГОСТЬ — жду, ДЯДЯ — не имею, редко вижу, ВОЙНА — не хочу, ГАЗЕТА — люблю (читать), БИЛЕТ — не знаю, ЛЮБОВЬ — думаю, не знаю, ВОЕННЫЙ — не люблю.

Вообще реагирование от «я» наиболее распространено вместе с содержащейся в реакции оценкой стимула, и потому чаще осуществляется модальными глаголами, выражающими личное отношение — *хочу/не хочу, могу/не могу*, а также *люблю/не люблю*¹. Надо сказать, что в реакциях на инфинитивные стимулы 1-е лицо (за вычетом рассмотренных единичных случаев вопросоответного реагирования) выражается почти исключительно перечисленными модальными глаголами. Так, реакция *хочу* фиксируется в статьях УЧИТЬ, УЧИТЬСЯ, УЕХАТЬ, ГУЛЯТЬ, *не хочу* — ДАВАТЬ, ГУЛЯТЬ, УЕЗЖАТЬ, УЕХАТЬ, *не могу* — ДОГОВОРИТЬСЯ, ДОСТАТЬ, ГОВОРИТЬ. Отклонение от этого правила отмечено для стимула-инфинитива только однажды и в общем-то выражено тоже вспомогательным глаголом: УСПЕТЬ — *постараюсь*. Другой случай (ВСПОМИНАТЬ — *телефона не вспомню*) не подпадает под условия квалификации реакции как личной формы глагола, поскольку является синтаксически независимой от стимула, готовой моделью двух слов.

В статьях-существительных формы 1-го лица глагола в реакциях — как несогласованных синтаксически со стимулом (ср. выше), так и согласованных (ЖИЗНЬ — *люблю*, ДОМ — *хочу*, ГОЛОС — *слышу*, ПРАЗДНИК — *не люблю*) — тоже довольно редки (как и в статьях со стимулом-инфинитивом), однако более разнообразны, т. е. не сводятся к вспомогательным модальным глаголам, особенно если учесть случаи неоднословного реагирования: ДОМ — *где живу*, ДЕРЕВНЯ — *где я росла*, МЕСТО — *где я сижу*, ГОСТЬ — *не люблю слова (гость)*.

Второе лицо изъявительного наклонения представлено в АВС крайне редко, а отмеченное в матрице общее число этих форм получено главным образом за счет императива. Так, в статье БИЛЕТ все три формы — 2-е лицо повелительного наклонения (*возьми 2, покупай*); в статье САМ императивом оформлены 3 реакции из 4 (*видишь, реши, сделай 2*). Лишь в статье ТЫ под непосредственным — не столько синтагматическим, сколько парадигматическим — воздействием стимула появляется 6 реакций во 2-м лице индикатива и только 2 в повелительном наклонении (*верши 2, не тыкай 2, придешь 2, умрешь 2*). При ближайшем рассмотрении становится ясно, что формы *придешь* и *умрешь* амбивалентны, соединение в них 2-го лица индикатива с совершенным видом создает эффект императивного их употребления. Проверка ситуации по СЛ и АТ подкрепила картину связей 2-го

¹ Модальность обязательности/необязательности передается в статьях средстами наречий *надо/не надо, нужно/не нужно, должно/не должно*.

лица, отраженную в матрице. Во-первых, оказалось, что стимулы-глаголы полностью исключают 2-е лицо в качестве реакции в любом наклонении, эти формы возможны лишь в статьях-существительных или местоимениях. Во-вторых, стимулы-существительные обнаружили 100-процентное предпочтение императива: ГАЗЕТА – *перестань*, ГОСТЬ – *проходите*, ДЯДЯ – *отодвинься*, ЗДОРОВЬЕ – *береги*, УГОЛ – *ищи*, МАЛЬЧИКУ – *учись*. И лишь в одной (неоднословной!) реакции отмечен индикатив (ДЕЛО – *которому служишь*), но он здесь появляется не как грамматическая форма 2-го лица глагола, а как воспроизведение precedentного текста – названия романа Ю. Германа.

Что касается форм 3-го лица, то соответствующий столбец матрицы создает довольно яркую картину их распределения по стимулам, по ассоциативным статьям в зависимости от свойств самих стимулов. Прежде всего обращает на себя внимание скачок числа этих форм в статьях-существительных, но, оказывается, не во всяких существительных. Среди них выделяется группа имен, обозначающих феномены, которые обладают как бы внутренней самостоятельностью, неотвратимостью, и все, как кажется, содержат сему временной длительности или точки на временной оси: ЗАНЯТИЕ содержит 60 форм 3-го лица, ВРЕМЯ – 24, ЗЕМЛЯ – 22, ЭКЗАМЕН – 21, ИСТОРИЯ – 18, ВСТРЕЧА – 14. Далее следует группа существительных-стимулов с обязательной временной семой: РАБОТА – 9 (*идет вперед, не убежит, не нравится, надоела*), ПРАЗДНИК – 5 (*наступает, наступит, начался, не получается*), ВОЙНА – 5 (*идет, кончилась, не будет, унесла*), ЛЮБОВЬ – 5 (*бывает ли, была, есть и будет, улетучилась, шепчет*), СВЕТ – 4 (*горит, падает*), ДЕЛО – 33 (*движется, спорится, стоит*). Третью группу составляют одушевленные имена существительные, статьи которых характеризуются разным количеством глагольных реакций в 3-м лице, но отличаются тем, что такие реакции присутствуют в обязательном порядке. Если, например, в статьях ГАЗЕТА, УГОЛ, МЕСТО или ГОД мы не находим форм 3-го лица, то в статье ДЕВОЧКА их 16 (*плачет, пишет, идет, боится, была, живет, играет, пошла, смеется, улыбается*), ДОЧЬ – 8 (*будет, родила*), а ГОСТЬ уже 37 (*приехал, пришел, придет, явился*), ДЯДЯ – 13 (*умер, приехал, был, вышел, идет, сделает, шла*), ЛЮДИ – 7 (*думают, идут, живут, создают*). В крайнем случае, таких форм будет всего 1–2, но они появляются обязательно, как в статьях РАБОЧИЙ (*работает, трудится*), МАСТЕР (*боится*), ВОЕННЫЙ (*был, уехал*), ЗНАКОМЫЙ (*есть, кричал*). Вероятно, в качестве подгруппы одушевленных стимулов можно выделить имена, обозначающие какую-то часть или свойство человека: ГОЛОВА (*белеет, думает, кружится*), ГОЛОС (*подал, поет, имеет, раздался, хотел*), ГЛАЗ (*плохо видит*), ЗДОРОВЬЕ (*болит, ухудшилось*), в статьях которых также обязательны формы 3-го лица глагола.

Зависимость личных форм от категориальных характеристик

и лексической семантики стимула. Поведение наблюдаемой категории в глагольных статьях различно в зависимости от формы стимула. При стимулах-инфинитивах, которые вообще предпочитают реакции *(не) хочу, (не) могу, (не) люблю, (не) знаю*¹ (они встречаются в каждой второй инфинитивной статье), никогда не появляется 3-е лицо единственного числа², а лишь изредка возможны формы прошедшего времени и совсем редко – 3-е лицо множественного числа настоящего времени, оформляющее неопределенно-личные предложения³ (примеры – ниже) и потому близкое по духу неопределенному наклонению стимула. Из 20 проанализированных инфинитивных статей в СЛ – УЧИТЬСЯ, УЧИТЬ, УМЕТЬ, УПАСТЬ, УСПЕТЬ, УЕХАТЬ, УЕЗЖАТЬ, ДОСТАТЬ, ДОГОВОРИТЬСЯ, ДЕЛАТЬ, ДАТЬ, ГУЛЯТЬ, ГОВОРИТЬ, ПОМОГАТЬ, ВХОДИТЬ, ВСТРЕТИТЬ, ВСПОМИНАТЬ, ВОЙТИ, БЕЖАТЬ, ВИДЕТЬ – 3-е лицо прошедшего времени встретилось в четырех (УПАСТЬ – *но не разбился, упал*; УЕХАТЬ – *ушел*; ГОВОРИТЬ – *вышел*; ВСПОМИНАТЬ – *ушла*), а 3-е лицо множественного числа настоящего времени – в двух (ВХОДИТЬ – *куда пускают*; ПОМОГАТЬ – *когда заставляют*); стимул БЕЖАТЬ вызвал обе формы – *догоняют, прибыл*.

В иных формах, помимо инфинитива, глагольный стимул представлен в АТ, и здесь реакции в подавляющем большинстве просто повторяют его личную форму: РЕШУ – все 17 глагольных реакций в статье (из 83 ответов) в 1-м лице единственного числа: *додумаюсь, думаю, не умею, отвечу, пишу, скажу* и т. д.; ДУМАЕТ – 70 ответов, 22 глагольных реакции, из них 21 аналогична по форме стимулу (*гадает, мечтает, молчит, мыслит* и т. д.) и одна образует с ним инфинитивное сочетание *читать книгу*; СНИМАЮТ – 77 ответов, 9 глагольных реакций, все в форме стимула (*берут, надевают, поднимают, поют, фотографируют* и т. п.). В других лицах глагола РЕШИТЬ (а именно он представлен в анализируемой выборке полной своей парадигмой) распределение глагольных реакций в ассоциативных статьях получается иным, что объясняется возможностью употребления личных его форм с инфинитивом в качестве своеобразного полувспомогательного (полузнаменательного) глагола – *решить сделать что-нибудь*. Поэтому при стимуле РЕШИШЬ, с одной стороны, *кончишь, победишь, получишь, сделаешь* и т. п., а с другой

¹ Думаю, что реакцию *не знаю* с большой долей условности можно относить к форме 1-го лица глагола, т. е. к грамматикализованной реакции вообще. Скорее всего, она выступает как оценка испытуемым ситуации или самооценка при отсутствии у него, как ему кажется, спонтанной содержательной реакции.

² Исключение составил вспомогательный глагол будущего аналитического, появившийся единственный раз и составивший в этом случае со стимулом модель двух слов: УЕЗЖАТЬ – *не будет*.

³ Эти формы в сочетании со стимулом задают схему суждения (генерализованного высказывания, правила), которая рассматривается ниже, в разделе «Предложение».

стороны, — *действовать, догнать, купить, сделать* и т. п., т. е. аналогия и модель двух слов (типа *решишь действовать*), при соотношении тех и других 11/11; то же находим в статье РЕШИТ — *знает, получит, поможет* и т. д. vs. *быть, добиться, сделать...*, с соотношением 11/8; аналогично для стимула РЕШИМ — *опоздаем, посмотрим, сделаем...* vs. *делать, женить, остаться...*, с соотношением 12/8.

В такого рода статьях рассмотренная характеристика, т. е. соотношение реакций в личной форме глагола с реакциями в инфинитиве, прямо противоположна такой же характеристике статей в СЛ, где в качестве стимулов представлены только инфинитивы: здесь, при единичных личных формах, реакции инфинитивы исчисляются сотнями (см. в матрице ВИДЕТЬ 1/100, БЕЖАТЬ 6/111), и то же самое будет в других статьях-инфинитивах — ВОЙТИ, ДАВАТЬ, ДОСТАТЬ, ДОГОВОРИТЬСЯ и т. д. Иная картина обнаружится, если мы обратимся к статьям-существительным. Проведенные подсчеты показали здесь большой разброс в значениях указанной характеристики. Расположив имена статей на единой шкале по принципу убывания разности между личными формами глагола в изъявительном наклонении и реакциями в инфинитиве (в столбцах первая цифра указывает число реакций в личной форме, а вторая — число инфинитивных реакций), можно заметить некоторые тенденции, в целом подтверждающие наблюдения, сделанные выше, в связи с анализом форм 3-го лица.

I

ГОСТЬ	37-9	ЛЮБОВЬ	8-12
ЗЕМЛЯ	22-5	ВОЙНА	6-2
ВРЕМЯ	28-12	ЛЮДИ	7-4
ИСТОРИЯ	18-4	СВЕТ	4-1
ДЕВОЧКА	16-2	ВОЕННЫЙ	4-1
БАБУШКА	15-6	РАБОТА	9-6
ДЯДЯ	13-3	ГОРОД	2-1
ДОЧЬ	8-1	ДЕРЕВНЯ	2-1

II

ДРУГ	1-1	ЗНАКО-	2-2	ДОМ	5-5
КОМНАТА	1-1	МЫЙ		КАРТИНА	10-10

III

ГОД	0-2	УГОЛ	2-22
МЕСТО	1-6	ЖУРНАЛ	4-29
ЖИЗНЬ	3-9	БУМАГА	14-43
ПРАЗД-	5-11	БИЛЕТ	8-40
НИК		КИЛО-	6-40
ДЕЛО	6-12	МЕТР	
МАСТЕР	1-14	ГАЗЕТА	2-57
ЗДОРОВЬЕ	3-19	ЭКЗАМЕН	14-43

В самом деле, в верхней части шкалы (столбец I) до «нулевой зоны» (столбец II), где число реакций-инфинитивов равно числу реакций в личной форме, располагаются имена существительные двух типов – либо одушевленные (ГОСТЬ, ДЕВОЧКА, БАБУШКА и т. д.), либо имена, обозначающие глобальные феномены, как бы обладающие внутренней самодостаточностью, стихийной самостоятельностью и независимостью от воли человека (ЗЕМЛЯ, ВРЕМЯ, ИСТОРИЯ, ЛЮБОВЬ, ВОЙНА). В нулевую зону попадают как некоторые одушевленные (ДРУГ, ЗНАКОМЫЙ), так и отдельные имена конкретной семантики (ДОМ, КОМНАТА, КАРТИНА), которые в основном все сосредоточены в нижней части шкалы. По мере продвижения к ее концу (столбец III) возрастает количество инфинитивов в статье, соответственно увеличивается разность между числом инфинитивных реакций и числом реакций в личных формах изъявительного наклонения, но уже «в пользу» инфинитива. Эта последовательно как будто сохраняющаяся закономерность нарушается для слова МАСТЕР, которое, обозначая одушевленное существо, попало тем не менее в нижнюю часть шкалы, т. е. больше вызвало глагольных реакций в неопределенном наклонении, чем в изъявительном. Отклонение легко объяснимо, если учесть распространенность устойчивых словосочетаний глаголов речи (именно в инфинитиве) с этим существительным: *мастер говорить, мастер заговаривать (зубы), мастер врать* и т. п., получивших соответствующее отражение в ассоциативной статье.

Такое представление зависимостей в виде шкальных переходов – попытка сделать еще один шаг в поисках корреляций не только между грамматикой стимула и степенью грамматикализации реакций, но и между отдельными, характерными для стимула семами и определенной грамматической оформленностью реакций-ассоциатов. Дальнейшее углубление в этом направлении могло бы связываться с сопоставлением семантики грамматикализованных форм с семантикой инфинитивов в одной и той же ассоциативной статье. На первый взгляд, могло бы показаться, что выявить какие-либо закономерности при подобном сопоставлении вряд ли удастся. Действительно, что следует из таких, например, рядов форм (из каждой ассоциативной статьи глаголы выписаны в две колонки – инфинитив и формы изъявительного наклонения, частота реакций указана цифрой справа):

ЖУРНАЛ.		ВОЙНА		ЛЮБОВЬ	
<i>читать</i>	<i>прочел</i>	<i>испытать</i>	<i>идет</i>	<i>любить</i>	<i>2 не знаю 2</i>
<i>выписать</i>	<i>вышел</i>	<i>ненавидеть</i>	<i>кончилась</i>		<i>думаю</i>
<i>взять</i>	<i>лежит</i>	<i>не будет</i>			<i>бывает ли?</i>

листать получила не хочу
 смот- унесла
 реть
 украсть

была
 есть и
 будет
 улетучи-
 лась
 шепчет

ДЕЛО

ДЯДЯ

РАБОТА

делать 6 не ждет
 2
 сделать 3 кторо-
 му слу-
 жись
 выполнить движет-
 ся
 существо- спорится
 вать
 уметь стоит
 делать
 сразу

забыть умер 3
 приез- приехал
 жать 2
 прислать был
 вышел
 идет
 не имею
 ото-
 двинься
 редко
 вижу
 сделает
 шла

трудить- иде
 ся 2 вперед
 гулять не убе-
 жит
 делать не нра-
 вится
 знать надоела
 сидеть

ГОСТЬ

ЛЮДИ

СВЕТ

приехать приехал
 2 24
 прини- пришел
 мать 2 6
 встре- придет 2
 тить
 пригла- жду
 сить прохо-
 приез- дите
 жать явился
 принять на 3-й
 сесть день
 теряет
 све-
 жесть

прийти 2 думают
 2
 убить идут 2
 хулить живут
 создают

тушить горит 2
 клином не
 сошелся
 падает

Однако при всей кажущейся их пестроте, нерегулярности и хаотичности некоторые предпочтения и тенденции, опять-таки не абсолютно выраженные, но статистически достоверные, отражающие процессы, способные повторяться и воспроизводиться, здесь намечаются. Во-первых, следует отметить, что в каждой правой колонке слов (личные формы) обязательно представлены два глаголь-

ных времени (прошедшее и настоящее), а в половине из приведенных статей (ВОЙНА, ЛЮБОВЬ, ДЯДЯ, ГОСТЬ) — все три временные формы, т. е. к названным временам добавляется и будущее. Иными словами, у испытуемого (NB, тотального испытуемого!) есть стремление, возможно отражающее свойство АВС, давать оценку феномену, обозначенному именем стимула, во временной перспективе, от прошлого до будущего: ср. ВОЙНА — *кончилась, идет, не будет*; ЛЮБОВЬ — *улетучилась, бывает ли, есть и будет*; ДЯДЯ — *вышел, идет, сделает*; ГОСТЬ — *пришел, жду, придет*.

Во-вторых, в семантике левой и правой колонок прослеживается противопоставление по линии активной/пассивной характеристики стимула. Инфинитив, с одной стороны, имеет тенденцию представлять стимул как объект или пациенс соответствующего действия; личная же форма выступает как выраженное предикатом сущностное свойство активно действующего феномена, агенса, обозначенного данным именем. Ср. ЖУРНАЛ — его можно *читать, выписать, взять, листать*, но ЖУРНАЛ *вышел, лежит*, а не «выходить и лежать»; ВОЙНА — с одной стороны, *испытать*, а с другой, *война идет, унесла*; КАРТИНА — *писать, рисовать, смотреть*, но *висит*; ЗДОРОВЬЕ — *беречь, заботиться, поправлять*, но *ухудшилось*; ДОМ — *построить, помнить*, но *стоит, строится*; ЖИЗНЬ — *любить, коротать прожить*, но *длится*; ИСТОРИЯ — *рассказать, учиться, не знает, говорит, не забудет, повторится, свершается*. Стимулу ДЕВОЧКА, например, приписываются такие предикаты, которые охватывают все основные свойства, связываемые с этим понятием в нашем обыденном сознании: *плачет, идет, пишет, боится, играет, смеется*; главным свойством *гостя*, зафиксированным глагольными предикатами в правой колонке, оказывается идея прибытия (*приехал, пришел, придет, явился*) и т. д.

Пересечения левой и правой колонок, т. е. появление в числе реакций таких, которые представлены в одной и той же статье и личными формами глагола, и инфинитивами, фактически не разрушают только что охарактеризованную тенденцию, поскольку проходят, как правило, по другим (не обозначающим предикатные свойства) глаголам. Например, ДОМ: *жить — где живу*; ЗДОРОВЬЕ: *болеть — болит*; КИЛОМЕТР: *пройти — пройдем, прошел*; ЖИЗНЬ: *любить — люблю*; ЗАНЯТИЕ: *окончиться — окончилось* (а также *начинать — начинается, кончить — кончили*); УГОЛ: *стоять — стоит* (*мальчик в углу*); ГОСТЬ: *приехать — приехал*; МАСТЕР: *бояться — боится*; ЗЕМЛЯ: *вращаться — вращается*; МЕСТО: *сидеть — где я сижу*. Встречаются такие пары примерно в половине всех статей, составивших шкалу на с. 41 (например, в статьях ДЕВОЧКА, РАБОТА, ЛЮБОВЬ, ВОЙНА, ГАЗЕТА, ДОЧЬ, ИСТОРИЯ этих пар нет), и их появление не регулируется ни принадлежностью к верхней или нижней части шкалы, т. е. одушевленностью, «самостоятельностью» или конкретностью имени-стимула, ни частотностью в реакциях того или другого члена пары. Единственная последовательность, которую здесь можно усмотреть, заключалась бы в том, что наличие подобных пар в статье сигнализи-

рвало бы о некоей типовой для данного имени ситуации, тогда как отсутствие соответствующей пары просто нерелевантно, ни о чем не говорит. Проверка на всем СЛ подтвердила и то положение, что пара «инфинитив-личная форма» одного и того же глагола встречается в 50% ассоциативных статей-существительных и совершенно не характерна для статей-глаголов, и тот факт, что появление такой пары обрисовывает типовую ситуацию, связанную для среднего носителя языка с денотатом этого имени. Ср. БАБУШКА: умереть-умерла; БИЛЕТ: купить-купил, купила; ГОЛОС: петь-поет; КНИЖКА: читать-читаю; учить-учит; КУРС: окончить-окончил, окончила; КИНО: сходить-сходил бы, идти-идет; ЛЕС: рубить-рубят; ПРАВО: дать-дает; РАБОЧИЙ: работать-работает; РАЙОН: поехать-поедем; РЕБЕНОК: плакать-плачет; СИЛА: побеждать-побеждает; СЛАВА: приходить-приходит; СМЫСЛ: понять-пойми; СЧЕТ: открыть-открой; УТРО: наступить-наступает.

Рассмотрение форм глагольного лица целесообразно завершить анализом реакций, которые могут быть квалифицированы в целом как безличное употребление глагола. Правда, соответствующая графа в матрице 3 оказывается пустой, но это означает только, что среди составивших ее ассоциативных статей нет таких, которые содержали бы подобные реакции. На самом деле их немного даже и на всем массиве СЛ, и делятся они на два типа: выраженные собственно безличным глаголом (ПРАЗДНИК-не терпится, ДРУГ-не верится, УЧИТЬСЯ-хочется, не хочется, ВХОДИТЬ-не стоит, ДОГОВОРИТЬСЯ-не удалось, ПОМОГАТЬ-стоит ли?, не стоит, ОСТАВАТЬСЯ-не повезло) и выраженные формами, которые могут восприниматься в определенных условиях как безличные (ГОРОД-нравится, ОТВЕЧАТЬ-надоело, ЗАНЯТИЕ-надоело). Последняя квалификация в известном смысле спорная и поддерживается такими соображениями. Во-первых, наличием оценки, которая присутствует и в первой группе примеров при восприятии испытуемыми стимула как топика, предмета рассуждений, мысли, оценок. Во-вторых, принципиальной возможностью для приведенных во втором случае форм выступать в качестве основы «не подлежащно-сказуемых» или же однокомпонентных предложений¹. Таким образом, столь широко и недифференцированно толкуемое здесь «безличное» употребление глагольных форм характерно для статей-существительных и статей с инфинитивными стимулами (причем с последними глагол в безличной форме образует не подлежащно-сказуемые предложения)

¹ Необходимо отметить, что названные типы предложений могут выражаться не только глаголами, и в ассоциативных статьях находит отражение почти все разнообразие средств (см. гл. II, § 4), описанных в разделах «Русской грамматики» (см. [10, т. 2, с. 325 и след., 348 и след.]).

и связано прежде всего с оценочным подходом, оценочной реакцией на стимул.

Грамматическое число глагола-реакции. Число в глаголе, при всей кажущейся прозрачности этой категории в силу ее согласовательного характера, обнаруживает тем не менее специфические зависимости от других категорий—как имени, так и глагола, которые трудно было бы предсказать заранее. В матрице 3 практически нашло отражение только единственное число, что определяется не просто его немаркированностью в этой паре, но и таким, случайно сложившимся подбором стимулов, которые, во-первых, все взяты в форме единственного числа, а во-вторых, как бы содержат в себе сему единичности, уникальности—и *бабушка*, и *время*, и *первый*, и *сам* не только по форме, но по сути своей единственны. Поэтому **БАБУШКА**—*ушла, болеет, рассказывала, ругается* и т. п.; **ВРЕМЯ**—*бежит, идет, истекло, не терпит, тянется* и т. п.; **ПЕРВЫЙ**—*попавшийся, пришел*; **САМ**—*видишь, знаю, идет, оделся* и т. п. Однако при оперировании всем материалом СЛ и АТ устанавливаются определенные закономерности и прежде всего зависимость грамматического числа реакции глагола от частеречной принадлежности стимула. Стимулы-глаголы, представленные в СЛ исключительно инфинитивами, показывают свое предпочтение к единственному числу глагола в реакции. Сами реакции в изъявительном наклонении, а значит, с выраженным грамматическим числом, здесь, как мы помним, единичны, а не массовидны, но встречаются почти в каждой статье со стимулом-инфинитивом: **ГУЛЯТЬ**—*хочу*, **ДОСТАТЬ**—*не могу*, **УЕЗЖАТЬ**—*не будет*, **УЕХАТЬ**—*ушел*, **УПАСТЬ**—*расшибся, упал, ушибся*, **ВСПОМИНАТЬ**—*не вспомню*, **ВИДЕТЬ**—*не мог*. Множественное же число в реакции при таких стимулах зарегистрировано всего трижды, причем каждый раз при обязательном наличии среди реакций в той же ассоциативной статье и какой-либо формы единственного числа: **БЕЖАТЬ**—*догоняют*, но также *прибыл*; **ВХОДИТЬ**—*куда пускают*, но также *не стоит*; **ПОМОГАТЬ**—*когда заставят*, но также *а стоит ли?*

Иная картина вырисовывается при обращении к тем статьям АТ, в которых в качестве стимула выступает глагол в изъявительном наклонении. Здесь безусловным на грамматическое число реакции оказывается влияние числа в глаголе-стимуле, но не безразлична при этом и форма лица последнего. Так, при стимуле в 3-м лице грамматическое число в реакциях дает 100-процентное совпадение с ним и в числе: **ДУМАЕТ**—все реакции в 3-м лице единственного числа или в инфинитиве (см. с. 12); **РЕШИТ**—то же самое; **СНИМАЮТ**—все реакции в 3-м лице множественного числа или в инфинитиве. Ту же зависимость мы обнаруживаем и в случаях, когда лицо стимула не выражено. В таких статьях представлены реакции, целиком уподобленные стимулу в числе, а отдельные отклонения с эксплицитно обозначенным лицом среди них не нарушают общего

правила, сохраняя однообразие грамматического числа: РЕШИЛ—*думал, сделал, испортил, победил* и т. д. (всего 16 реакций в единственном числе и 17 инфинитивов), и только 2 из них с выраженным 1-м лицом, но в единственном числе—*женюсь, не знаю*; РЕШИЛА—*сшила, ложилась* (так!), *обдумала, поняла* и т. д. (15 реакций, уподобленных стимулу, на 26 инфинитивов) и совпадающая со стимулом лишь в числе,—*сделаю*; РЕШИЛИ—28 реакций типа *поняли*, 25 инфинитивов и реакция в единственном числе—*будет*, которая на самом деле не выбивается из общего правила, поскольку должна быть интерпретирована не как однословная глагольная реакция на стимул РЕШИЛИ, а как знак прецедентного текста: *решили—город будет...*

Для случаев выраженного не 3-го лица закономерность сохранения грамматического числа стимула в глагольных реакциях остается справедливой, и соотношение грамматически тождественных стимулу форм и инфинитивов в ассоциативной статье остается постоянным и равным приблизительно 50/50%. Единичные отклонения в статьях со стимулами 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа объясняются реакциями диалогового (вопросо-ответного) типа: РЕШИШЬ—11 реакций типа *получишь*, 11-типа *купить* и одна диалоговая *решишь* (?)—*попробую*; РЕШИТЕ—12 типа *задайте*, 5 типа *помочь*, 2 диалоговых—*буду, хочу*; РЕШИМ—13/8, 1 диалоговая—*давай* и 2 реакции с отклоняющейся формой числа—*постановил, принял*.

Таким образом, в глагольных статьях в целом следует отметить тенденцию либо к полному уподоблению реакции стимулу в числе (приблизительно в 50% случаев), либо к образованию из стимула и реакции модели двух слов типа *решили установить*.

В ассоциативных статьях со стимулами-существительными на грамматическое число реакций-глаголов влияет не только форма числа стимула, но и иные факторы: падеж, семантика имени-стимула (подчеркнем, что семантика стимула-глагола никак не отражается на выборе грамматического числа реакции-глагола), типовая синтаксическая роль стимула в предложении, определяемая его семантикой или падежом.

Итак, прежде всего о грамматическом числе имени-стимула. В основном здесь зависимость прямая и формальная: числовое оформление стимула однозначно отражается на грамматическом числе в глагольных реакциях: ср. ДЕНЬ—*наступает, прошел*; ГРУППА—*едет, бывает, шел*; ХЛЕБ—*растет*; ВПЕЧАТЛЕНИЕ—*как понравилось*; ЛЮДИ—*думают, идут, живут, создают*, т. е. единственное число стимула вызывает глагольные реакции в единственном числе, множественное число—во множественном, все прочие глагольные реакции в приведенных ассоциативных статьях даны в инфинитиве. Аналогичная ситуация характерна для подавляющего большинства статей в СЛ: ДЕЛО, ДЕВОЧКА, ИСТОРИЯ, ГОЛОС, ГОРОД, ГОЛОВА, ДОМ, ЖИЗНЬ

и т. д. (примеры см. выше, на с. 38–39, 42–45). Отклонения от этого правила немногочисленны и каждый раз имеют вполне закономерное, а не случайное оправдание, т. е. ни в коем случае не могут быть списаны на «прихотливость и случайность» словесных ассоциаций. Так, при стимуле ВСТРЕЧА среди множества согласованных с ним в числе глагольных реакций (*состоится, состоялась, будет, была, назначенная, незабываемая* и др.) появляется одна с расподоблением в числе — *целуются*, которая, на мой взгляд, воплощает ассоциацию семой «взаимности» в стимуле, причем воплощает ее не только в грамматической форме реакции, но и в лексической семантике последней. Второй случай единичной несогласованной реакции находим в статье КИЛОМЕТР, где появляется глагол в форме *стучат*. Само ассоциативное окружение этой реакции подсказывает логику ее порождения: *ехать, дистанция, телеграфные столбы, от столба до столба, поезд*, а рядом, естественно, было бы ожидать «колеса стучат», и у кого-то в соответствии с логикой АВС возникает форма *стучат*. И наконец, третий и последний случай единичного рассогласования обнаруживается в статье БУМАГА, где все реакции единственного числа, характеризуя, как и положено таким формам, стимул в роли субъекта действия и в данном случае пациенса, концентрируются вокруг идеи *выдержит, стерпит*, и лишь одна личная форма оказывается во множественном числе — *пишем*. Она-то, наряду с инфинитивами, и допускает трактовку стимула либо как материала (*пишем на бумаге, писать в бумаге*), либо как объекта действия (*писать бумагу*). Таким образом, формулу рассогласованного числа в этой статье можно объяснить как компрессию до предикатива¹ генерализованного высказывания БУМАГА — «на бумаге мы (обычно или все) пишем».

Один раз на всем массиве встречается ассоциативная статья, которая имеет дело не с единичными отклонениями, а с массовой трактовкой единственного числа испытуемыми как более привычной, статистически преобладающей формы: в статье ЗАНЯТИЕ из 72 реакций, данных в изъявительном наклонении, 55 оформлены множественным числом. Тот факт, что это связано только с установкой большей части испытуемых на более ожидаемую форму стимула занятия, подтверждается многочисленными колебаниями в оформлении одного и того же слова в реакциях: *кончились* 20 — *кончилось* 3, *продолжаются* 2 — *продолжается* 2, *прошли* 2 — *прошло* 2, *начинались* 7 — *начинается* 2. Очевидно, эта ситуация не требует дополнительных комментариев.

Для того чтобы проследить влияние падежной формы стимула на грамматическое число в глагольных реакциях, сравним

---

¹ Вспомним, что внутренняя речь, на которой базируется спонтанная реакция, предикативна по преимуществу.

состав таких реакций в следующих статьях (стимул в исходной форме взят из СЛ, стимулы в косвенных падежах — из АТ; инфинитивы опущены):

ТРУД

ед. ч.	мн. ч.
<i>облагораживает человека трудился</i>	<i>перетрут не бойтесь</i>

ТРУДЕ

ед. ч.	мн. ч.
<i>говоривший</i>	<i>говорят 3 не спорят поем</i>

ТРУДА

ед. ч.	мн. ч.
<i>не вынешь рыбку не люблю не составляет не стóит 4 не хватает нет 5 стóит</i>	$\emptyset$

МАЛЬЧИКАХ

ед. ч.	мн. ч.
<i>говорю (всегда хорошо) молчу не говори не думаю</i>	<i>говорят не спорят</i>

МАЛЬЧИКУ

ед. ч.	мн. ч.
<i>не хочется снилось учись хочется</i>	<i>дали яблоко ответили</i>

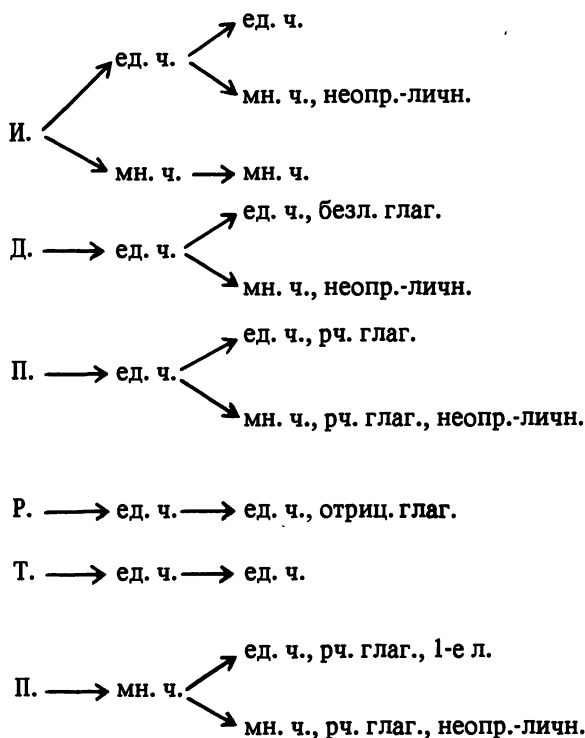
ПАУКОМ

ед. ч.	мн. ч.
<i>испуганный исчезающий кажется люблю подкрался</i>	$\emptyset$

Хотя материала для достаточно надежных обобщений здесь мало, предварительные выводы, как кажется, сделать можно. Лемматизированный стимул (ТРУД), очевидно, подчиняется установленным выше закономерностям для статей-существительных в единственном числе, и форму множественного числа *перетрут* среди его реакций не следует принимать во внимание, поскольку она в сжатом виде представляет здесь поговорку (генерализованное высказывание) «терпение и труд все перетрут». Необходимо отметить отсутствие форм множественного числа в глагольных реакциях на стимулы в родительном и творительном падежах единственного числа — ТРУДА и ПАУКОМ. Можно полагать, что это не случайность, т. е. что единственное число этих падежей исключает глагольные реакции во множественном числе. Это предположение подкрепляется материалом статьи ПАЛЬЦА (*не осталось, не откусишь, не сунь в рот, не хватает 2, нет 16*), где, кроме того, обращает на себя внимание 100-процентная (как и в статье ТРУДА) связь родительного падежа с глагольным отрицанием. Предложный падеж единственного (ТРУДЕ) и множественного числа (МАЛЬЧИКАХ), обозначая синтаксически объект речемысли, дает реакции в основном рече-

мыслительными глаголами (рч. глаг.) в 1-м лице единственного или во множественном числе в неопределенно-личной форме. Дательный же падеж стимула обнаруживает тенденцию реагирования на него либо безличными глаголами в единственном числе, образующими со стимулом фрагменты не подлежащно-сказуемых предложений (*мальчику снилось*), либо глаголами в 3-м лице множественного числа, образующими со стимулом неопределенно-личные конструкции (*мальчику ответили*). Сказанное целесообразно обобщить в следующих схемах глагольных реакций на изменяющийся падеж и число стимула-существительного.

Итак, начав с анализа числа и установив тенденцию к его воспроизведению в глагольных реакциях на лемматизированные стимулы-имена, следует сделать и некоторые иные заключения. Так, реагирование на стимул-имя глагольной формой другого числа приводит к увеличению степени грамматикализации в реакции. Синтаксический адресат и объект речемысли в качестве стимулов вызывают бессубъектные глагольные реакции. Родительный падеж приглагольно, т.е. для реакций глаголов, выступает только как партитив, и отсюда преобладание отрицательных конструкций. Как генитив родительный падеж в тех же статьях отмечается лишь приименно.

Прочие глагольные категории. Грамматический род в глагольных реакциях фиксируется в формах прошедшего времени или причастиях, и здесь возможны три типа отношений реакции со стимулом: либо уподобление в оформлении реакции, либо колебания в роде, обусловленные разными синтаксическими ролями стимула в потенциальном предложении, либо, наконец, расподобления, имеющие не поверхностно-синтаксические, а глубинные—ситуативные или когнитивные оправдания. Вероятно, возможно и еще одно отношение, которое можно сформулировать следующим образом: при отсутствии воздействия одного из перечисленных факторов, т. е. либо закона согласования (аналогии), либо влияния синтаксической роли стимула, либо привязки к определенной ситуации, реакция оформляется немаркированным мужским родом. Последнее предпочтение и объясняет, почему в матрице 3 число реакций мужского рода вдвое превышает число реакций женского и четверо—реакций среднего рода—19/11/5.

Итак, первая зависимость—это уподобление формы глагола грамматическому роду стимула. В такого рода случаях реакция образует со стимулом либо модель двух слов (если глагол переходный), либо законченное двусоставное предложение. Ср., с одной стороны, *бабушка умерла, бумага порвана, занятие состоялось, экзамен прошел, земля отяжелела, любовь улетучилась, война кончилась, гость пришел, военный уехал, знакомый кричал, дядя был, девочка пошла, дочь родила, билет куплен, время истекло, журнал вышел* и т. п.; с другой стороны, с переходными глаголами, которых оказывается в этих сочетаниях гораздо меньше,—*бабушка рассказывала, война унесла* (опущен объект) или *экзамен провалил, билет купил, журнал прочел* (опущен субъект, имея в виду—*я, ты, он*). Вот здесь-то и обнаруживается причина колебаний грамматического рода реакции по отношению к роду стимула. Она заключается, во-первых, в восприятии стимула как объекта действия, а значит, в трактовке его формы не как именительного, а как винительного падежа, и, во-вторых, во вступлении в игру субъективных, относимых испытуемым к самому себе или своему ближайшему окружению, сил. Иными словами, *я* и *ты*, как потенциальные, не называемые субъекты действия, могут оказаться и мужского, и женского рода, а *он* (некто из окружения) легко может превратиться в *она*. Тогда мы и получаем в соответствующих статьях СЛ колебания типа: *билет купил—билет купила, экзамен сдал—экзамен сдала, журнал прочел—журнал получила*.

Поскольку одушевленные имена существительные в именительном падеже могут выступать только в роли субъекта действия (или пациенса, если действие обозначает переживание), подобные колебания в роде невозможны в статьях со стимулами одушевленными и появляются лишь при совпадении формы именительного и винительного падежей, а следовательно, их не должно быть также и в статьях со стимулами женского рода на -а

в именительном падеже. Действительно, МАТЬ как одушевленное имя существительное — только *незаменимая, пришла, была, кормящая*; ФОРМА — *неопределенная, обтекаемая*; СИЛА — *несокрушимая*; КНИЖКА — *потрепанная, прочитанная, кончилась, надоела, раскрыта*.

Согласование грамматического рода реакции со стимулом остается основной закономерностью и для стимулов других частей речи. Ср. в матрице 3: САМ — *понял, пришел, сделал*; ЭТО — *было*; ПЕРВЫЙ — *попавшийся, пришел*. Там же, где род прямо не выражен, появляются колебания в реакциях, обусловленные альтернативностью замещения соответствующего местоимения: ТЫ — *любим, любимый, пришел, но — обескуражена*; ВОТ — *огорчила*.

Для выводов о влиянии косвенного падежа существительного на грамматический род реакции материалов, которыми мы располагаем, оказывается мало: почти все реакции глаголами прошедшего времени оформлены в этих статьях неопределенно-личной или безличной конструкцией. Но можно думать, что род существительного-стимула остается и здесь определяющим (ПАУКОМ — *подкрался*).

Что касается ассоциативных статей со стимулами-инфинитивами, то, как было показано выше, в них почти отсутствуют формы изъявительного наклонения, а соответственно, и прошедшего времени с выраженным грамматическим родом. В тех редких случаях, когда они все же появляются, они связаны, как правило, с безличными глаголами: ОСТАВАТЬСЯ — *не повезло*, ОТВЕЧАТЬ — *надоело*, НАДЕЯТЬСЯ — *что выиграло*. Естественно, что при стимулах-глаголах в прошедшем времени единственного числа практически все реакции прошедшего времени следуют за грамматическим родом стимула: РЕШИЛ — *думал, сделал, испортил, победил* и т. д., все 14 реакций прошедшего времени оформлены мужским родом; РЕШИЛА — *сшила, обдумала, поняла, сказала* и т. д., 14 из 15 реакций повторяют род стимула, и лишь 1 дана в форме мужского рода — *сказал*. Видимо, это как раз тот случай, объяснения для которого надо искать в более широком, чем предложение, контексте или ситуации, предполагающей за противопоставлением родов, например, противопоставление лиц: *я сказал, и (а) ты решила*. Вообще же случаи такого рода рассогласования единичны и всегда допускают построение оправдательной ситуации. Из всех упоминаемых в связи с матрицей 3 ассоциативных полей рассогласование обнаружено в следующих: БИЛЕТ — *было*; ВРЕМЯ — *занятый, опоздал*; ГРУППА — *шел*; ДЯДЯ — *шла*.

Наклонения глагола представлены в матрице схематично, и их противопоставления ограничиваются всего четырьмя столбцами — неопределенным наклонением, или инфинитивом, изъявительным, повелительным и сослагательным. Специфика ассоциативного эксперимента, выражающаяся в свернутости реакций (а возможно, и специфика интерпретируемой словарем АВС), не

позволяет однозначно проводить более тонкое различие, наряду с сослагательным, условного и желательного наклонений, а внутри повелительного выделять побудительное и должностное, как это сделано, например, в «Русской грамматике» [10, т. 2, с. 102–118]. Для подобных разграничений необходим достаточно развернутый контекст, которого не дает ассоциативный словарь.

Что касается соотношения инфинитива и форм изъявительного наклонения, то этому вопросу уделено много места в предыдущих разделах, рассматривающих время, лицо и число в глагольных реакциях. Там же, на с. 38, изложены некоторые соображения по поводу императива и приведен материал, который удалось извлечь из ассоциативных статей СЛ и АТ со стимулами-существительными. Дополняя этот материал наблюдениями над глагольными статьями, следует отметить такие их особенности: во-первых, стимулы-инфинитивы не дают реакций в императиве¹; во-вторых, постановка стимула в изъявительном наклонении открывает возможность реагирования формами повелительного наклонения, и последние появляются в статьях РЕШИШЬ – *приходи*, РЕШИМ – *давай* и, естественно, в статье РЕШИТЕ, где в соответствии с основным законом АВС – законом аналогии, уподобления реакции стимулу зафиксированы следующие императивные формы: *задайте, ответьте, отгадайте, подумайте, сделайте, пишите, спешите*.

Сослагательное наклонение помечено в матрице лишь однажды, в статье ВИДЕТЬ встретила форма *хорошо бы*, которая вместе со стимулом составила модель двух слов *хорошо бы видеть* со значением желательности. Те данные, которые содержатся в СЛ и доступном фрагменте АТ, позволяют заключить, что формы *с бы* в составе реакций появляются не часто и носят в основном оценочный характер, тяготея к стимулам-существительным. В глагольных статьях такие формы обнаружены еще трижды: СПАТЬ (АТ) – *бы побольше*, ЗАПИСАТЬ – *успеть бы*, КРИЧАТЬ – *мог бы*, где они так же, как в предыдущем случае, составляют со стимулом модель двух слов со значением желательности и возможности. В ассоциативных статьях-существительных реакции *с бы* могут образовывать единое словосочетание со стимулом (*сдать бы* – ЭКЗАМЕН) или не образовывать такого сочетания, когда стимул в именительном падеже выступает как топик: БАБУШКА (АТ) – *не обидеть бы*; ЗАНЯТИЕ – *скорее бы кончились* (так!), *быстрее бы кончились*; КИНО – *сходил бы, скорей бы суббота*; УТРО (АТ) – *поспать бы*.

Атрибутивные формы глагола: связь действительных причастий в сети с одушевленными именами. Атрибутивные формы глагола в качестве реакций обнаруживают четкое размежевание: при-

¹ Единственный случай такой реакции может быть зафиксирован в статье ПРИСЛАТЬ, где форма императива от стимула (*пришли*) оказывается омонимичной другой форме от другого глагола и потому трудно различимой.

частия появляются в основном в статьях-существительных (в том числе — местоимениях) и прилагательных (в том числе — порядковых числительных), деепричастия — только в статьях со стимулами-глаголами. Исключения из этого правила очень редки, приводимый ниже материал является результатом сплошного анализа СЛ, и на всем его массиве найдены 13 инфинитивов-стимулов, которые вызвали в числе реакций несколько причастий действительного и страдательного залогов и обоих времен: ОБЕЩАТЬ — *выдающийся, выполнимое, любимой, невыполнимое*; ПЕРЕДАВАТЬ — *услышанное*; ПОМОГАТЬ — *отстающему 2, отстающий 2, отстающим 2, непринужденный*; ПОНИМАТЬ — *говорящий, сказанное*; ПРОСИТЬ (АТ) — *нуждающийся*. Для этих примеров, которые являются практически исчерпывающими для причастий настоящего времени (прочие статьи-инфинитивы с причастиями в прошедшем времени приводятся ниже), можно, вероятно, отметить ту особенность, что появляющиеся в них, как и в других статьях, причастия на *-ущ-*, *-ющ-*, *-ищ-*, *-ящ-*, как правило, являются субстантивированными (*отстающий, говорящий, трудящийся, учащийся, кормящая, вопрошающий, утопающий, пострадавший*) и обозначают лицо.

В статьях-прилагательных встречаются только страдательные причастия и главным образом — прошедшего времени: ПОЛНЫЙ — *набитый, занятый, развернутый, переполненный*; НОВЫЙ — *потрепанный, поношенный*; ПЛОХОЙ — *невоспитанный*; ОПРЕДЕЛЕННЫЙ — *направленный, определяемое, требуемый*; СИЛЬНЫЙ — *непоколебимый*; СТАРЫЙ — *потрепанная*; СВОБОДНЫЙ — *закабаленный, заключенный, необязанный, непринужденный, отведенный, потерянный, скрученный, угнетенный*; ЧИСТЫЙ — *вымытый, незагрязненный, незапятнанный, нетронутый, умытый*. Исключения отмечены в двух случаях: НАСТОЯЩИЙ — *прошедший, будущий, стоящий*; МОЛОДОЙ — *смеющийся*.

Стимулы-существительные вызывают наибольшее количество и наибольшее разнообразие причастий в реакциях, однако общая тенденция к преобладанию среди них страдательных остается в силе: ВСТРЕЧА — *назначенная 2, нежданная, желаемая, забываемая*; ПОЛОЖЕНИЕ — *невыносимое, неопределенное*; КНИЖКА — *любимая 10, потрепанная 7, прочитанная 4, потерянная 2, растрепанная 2, раскрыта, украшены*; ТОЧКА — *кончено, ограничена, поставлена*; ФАМИЛИЯ — *написано на бумаге*; МАТЬ — *незаменимая 2, кормящая*; СИЛА — *несокрушимая*; СЛАВА — *преходящая, развитый*; ФОРМА — *неопределенная, обтекаемая*; СТОЛ — *поломанный*; ЧАС — *назначенный*; ЭКЗАМЕН — *сданный*; БУМАГА — *порвана*; ВОЕННЫЙ — *подтянут, поправившийся*; РАЙОН — *отдаленный, необжитой, укрепленный*; РЕЗУЛЬТАТ — *обнадеживающий*; РУКА — *перевязана*; СВЕТ — *мерцающий*; СВЯЗЬ — *потеряна 3, незримая 2, утеряна 2, налаженная, не налажена*; ПОВОД — *надуманный*; УГОЛ — *забитый 2, забытый 2, заброшенный*; ПРАВО — *заслуженное*; ПРОИЗВОДСТВО — *механизированное, налаженное, налажено, организованное*; РАБО-

ЧИЙ – *увлекающийся, уставший*; СТУДЕНТ – *учащийся* 8, *рассеянный* 2; ТОВАРИЩ – *преданный, уважаемый*; ЧЕЛОВЕК – *трудящийся* 2, *будущее* 2, *стоящий*; ШКОЛА – *специализированная, любимая*. Если выбрать теперь из этого набора примеров все действительные причастия, то можно заметить довольно устойчивую закономерность, привязывающую их к одушевленным именам существительным, а точнее – к названиям лица. Ср. *мать кормящая, военный поправившийся, человек стоящий, рабочий увлекающийся, студент учащийся*, а также *реакции-биномы – женщина поющая (ПЕТЬ), бегущий человек (БЕЖАТЬ)*. Случаи отклонения от наметившейся тенденции, а именно *слава переходящая* и *свет мерцающий*, легко объяснимы постоянством принадлежности обозначаемых причастиями качеств соответствующим именам, поскольку *мерцать* может только свет, а *переходящей* обычно является *слава*; сочетание же *обнадеживающий результат* практически стало устойчивым.

Эта тенденция относить действительное причастие к одушевленному имени, а чаще к лицу, отмеченная как в статьях-глаголах, так и в статьях-существительных, прослеживается и в тех немногочисленных случаях, когда реакция-причастие дается в косвенном падеже. Появление таких словоизменительных форм определяется, как кажется, целиком семантикой соответствующего стимула, распространяющего свое управление и на ассоциативную реакцию. В СЛ представлены формы всех косвенных падежей, причем действительные причастия относятся только к лицам¹:

Р. п. СМЫСЛ – *сказанного* 2, *прочитанного, услышанного*; а также *скрытый* 2, *значимый*.

ПРАЗДНИК – *трудящихся*.

В. п. ВСПОМИНАТЬ – *минувшее*; КОНЧАТЬ – *начатое*; НАЙТИ – *утраченное*; ОБЕЩАТЬ – *невыполнимое*; ПЕРЕДАВАТЬ – *услышанное*; ПОНИМАТЬ – *сказанное*.

Д. п. ПОМОЩЬ – *пострадавшему* 10, *отстающим* 8, *утопающему* 7, *отстающему* 4, *нуждающимся* 3, *развивающимся* странам, *утопающим, голодающему, нуждающемуся, пострадавшим*, а также *оказана* 4, *оказанная* 2.

ОБЕЩАТЬ – *любимой*; см. также выше ПОМОГАТЬ.

Т. п. ОКАЗАТЬСЯ – *обманутой*; ОКАЗЫВАТЬСЯ – *униженной*; СТАНОВИТЬСЯ – *образованным*.

П. п. СПРОСИТЬ – *о затаенном*.

В этих данных, собранных по косвенным падежам причастий в ассоциативных статьях, находит отражение также и варьирование причастий в числе. Как правило, в отношении грамматического числа в статье царит закон согласования, и варьирующиеся формы его не нарушают: *помощь пострадавшим* и *помощь пострадавшему*, но *помощь оказана*; *помогать отстающим*

¹ Сочетание *развивающиеся страны* я отношу к устойчивым.

и *отстающему* и т.п. Рассогласование в числе совершенно не характерно и обнаружено лишь однажды — в статье КНИЖКА, где встретилась форма множественного числа *украшены* (может быть, как топик: *книжка, страница украшены рисунками*).

Согласование причастий-реакций со стимулом-существительным или прилагательным в роде подчиняется менее жестким правилам, т.е. случаи расхождений в роде не единичны, как в числе. Правда, все они исчерпываются приводимым ниже списком, где каждый пример на самом деле допускает грамматическую (коммуникативную) оправдательную интерпретацию: СЛАВА — *развитый*, СТАРЫЙ — *потрепанная*, ТОЧКА — *кончено*, ФАМИЛИЯ — *написано на бумаге*. Оправдательная интерпретация заключается в следующем: последний пример, в частности, может рассматриваться в диалоговом ключе, как переспрос и непрямой ответ (— ФАМИЛИЯ? — *(Но ведь) написано на бумаге*). Предшествующий ему случай представляет собой неполное объяснительное предложение (довольно характерное, вообще говоря, для ассоциативных статей) — *точка (значит) кончено*. Соседний с ним пример являет собой типичное семантическое противопоставление форм грамматического рода — *(он) старый, (а она) потрепанная*.

Если обратиться к стимулам в косвенных формах, представленным в АТ, то они подтверждают сделанные на лемматизированных стимулах выводы. Так же, как инфинитивы почти не вызывают реакций-причастий, не вызывают их и словоизменяемые глагольные формы (т.е. в статьях ДУМАЕТ, РЕШУ, РЕШИЛИ и т.п. причастий нет). Наоборот, косвенные падежи имен существительных предполагают, очевидно, возможность реагирования на них причастиями (ср. наличие косвенных падежей причастий в статьях-существительных выше), хотя в обоснование этого из имеющегося материала можно привести лишь один факт: ПАУКОМ — *испуганный, исчезающий*.

Количественно причастия в АВС немногочисленны, хотя представлены всем разнообразием своих форм. Из 200 статей СЛ их содержат немногим более 50 статей, причем в половине из них встречается по одному причастию, в десяти статьях — по два, в шести — по три и т.д. В верхней части такой шкалы предполагается несколько стимулов, под которыми отмечено наибольшее число причастий-реакций: ПОМОЩЬ — 43, КНИЖКА — 27, РАЙОН — 11, СТУДЕНТ — 10, СВЯЗЬ — 9, СВОБОДНЫЙ — 8, ПОМОГАТЬ и СМЫСЛ — по 7.

Итак, обобщая свойства причастий в АВС, можно сделать следующие заключения: 1) причастия характерны для статей-существительных и прилагательных и не характерны для глагольных статей; 2) в статьях-прилагательных представлены только страдательные причастия; 3) стимулы-существительные вызывают в качестве реакций как действительные, так и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени, и при этом действительные причастия выступают как характеристика

или название лица, т. е. относятся к лицу, страдательные же недифференцированно приложимы и к лицу, и к не лицу. (Заметим сразу же, что, как всякая структура в АВС, эта закономерность не носит жесткого, однозначного характера, а допускает флуктуации, колебания, размывание, то, что называют диссипацией, а значит, и сама такая структура может быть названа диссипативной. Образец подобной диссипации обнаруживается в статье РАЗГОВОР, где реакции-причастия в действительном залоге не относятся непосредственно к лицу, а приложимы к стимулу как его свойства, — *заинтересовавшийся, интригующий, неначатый, оживленный, решающий.*) 4) Большая часть тех немногочисленных причастий, которые были вызваны стимулами-инфинитивами, оформлена косвенными падежами — дательным (ср. ПОМОГАТЬ), винительным, творительным, предложным; иными словами, если инфинитив в порядке исключения и бывает связан в АВС с причастием, то в 90% случаев это будет причастие в косвенном падеже (12 инфинитивов из 13, давших причастия, связаны с их косвенными падежными формами).

Деепричастия, как было сказано выше, отмечены только в статьях-инфинитивах и в качестве реакций очень не часты: на 80 глагольных статей в СЛ приходится всего 34 деепричастия. Эти реакции, как правило, единичны, и лишь в 4 статьях более одного деепричастия. В основном реакции-деепричастия составляют со стимулом-инфинитивом модель двух слов, характеризуя определенным образом обозначаемое им действие (БЕЖАТЬ — *задыхаясь, запыхавшись, не торопясь*; СИДЕТЬ — *озираясь, сгорбившись, стоя*; ЗВОНИТЬ — *надоедая*; ГОВОРИТЬ — *мечтая*; ПЕТЬ — *раскрывая рот*; ОТВЕТИТЬ — *подумав*), и потому согласуются с ним в виде. Однако это правило не абсолютно, и несогласованные с инфинитивом деепричастия могут составлять (ВОЙТИ — *улыбаясь*, УЕХАТЬ — *не прощаясь*) или не составлять со стимулом модель двух слов (ЗАПИСАТЬ — *не уставая*, НАЧАТЬ — *не кончая*), причем последних всего два. Примерно треть деепричастий, обозначающих сопровождающий основное действие признак, даны с отрицанием (ЕСТЬ — *не разжевывая*, РАБОТАТЬ — *не жалея сил, не покладая рук*, СКАЗАТЬ — *не подумав*). Повторов, т. е. одних и тех же реакций, вызванных разными стимулами, среди них только два, и оба касаются форм, граничащих с лексикализованными наречиями: молча — ДУМАТЬ, ЛЕЖАТЬ, ОТВЕЧАТЬ, ПРЕСЛЕДОВАТЬ, РАЗГОВАРИВАТЬ, СМОТРЕТЬ и стоя — СИДЕТЬ, СТОЯТЬ. Единственное исключение из правила довольно жесткой связи реакции-деепричастия со стимулом-инфинитивом представляет собой форма *приткнувшись*, зафиксированная в статье УГОЛ.

§ 4. МЕСТОИМЕНИЕ И АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА

Местоименные «предпочтения» стимулов-существительных и стимулов-глаголов. Как следует из соответствующего раздела матрицы 4 (см. с. 59), наибольшее число местоимений в статье, как и наибольшее их разнообразие, дают стимулы-местоимения, что должно свидетельствовать о большом парадигматическом потенциале этой категории слов. Одновременно матрица позволяет поставить вопрос о той или иной склонности стимула каждой части речи к ассоциированию с определенным разрядом местоимений. Для имен существительных независимо от их семантики устанавливается абсолютная связь с притяжательными местоимениями, которые представлены практически в любой статье со стимулом-существительным в СЛ: БАБУШКА – моя 28, наша 2; ГОЛОС – твой 3, чей-то 3, его 2; ГОРОД – наш 3, мой 2; ГОСТЬ – мой 4, наш 3, твой; ДЕВОЧКА – моя 3; ДЕЛО – наше, твое; ДОМ – наш 5, свой 4; ЖУРНАЛ – наш 3; ЗДОРОВЬЕ – твое каково?, мое; КУРС – наш 3, мой; КОМНАТА – моя 5, чья 3, ваша, своя; КНИЖКА – моя 11; ЛИТЕРАТУРА – наша; МЕСТО – мое 3, свое 2; РУКА – моя 6; СТОРОНА – моя 3, наша, своя, чья-нибудь; ФАМИЛИЯ – моя 97, твоя 8, чья 5, наша 4; РЕБЕНОК – мой 17, их, наш; ХЛЕБ – наш 2; ШКОЛА – моя 15, наша 6 и т. п. Причем преобладают, как легко видеть из этих примеров, местоимения 1-го лица единственного и множественного числа, хотя 2-е и 3-е лица тоже представлены.

Из других разрядов местоимений, которые могут появляться в статьях-существительных, следует отметить прежде всего личные, которые привязаны, как правило, к одушевленным стимулам (далее перечисляется весь состав реакций-местоимений): ДОЧЬ – моя 37, я 7, его 3, своя 2, ваша, ее, не моя; ДРУГ – мой 10, он 2; СТУДЕНТ – я 9, мы все, что, мы, наша группа, нашего института; РАБОЧИЙ – мой, мы, чего?; УЧИТЕЛЬНИЦА – я 6, твоя; ЧЕЛОВЕК – наш, он; МИЛЫЙ – мой 85, он 6, самый 2; ЗНАКОМЫЙ – мой 30, кто 2, к ней, чей? Кроме того, личные местоимения обнаружены в статьях трех неодушевленных имен существительных, два из которых могут обозначать множество, совокупность людей: ГРУППА – наша 56, моя 15, мы 4; ДЕВЯНЯ – наша 5, я 2, вот моя; ЛЮБОВЬ – моя 4, ваша, он, я.

Наконец, в особую группу выделяются отглагольные имена существительные, сохранившие в своем содержании динамическую сему действия и как бы «унаследовавшие» тем самым исконное глагольное управление. При всем кажущемся многообразии местоименных реакций в такого рода ассоциативных статьях это управление отчетливо прослеживается и задается как личными, так и относительными местоимениями: если встреча, то с кем, если занятие, то чем, если мнение, то о ком-чем и т. д. При этом притяжательные местоимения почти всегда также присутствуют в статьях со стимулами-существительными (от-

глагольными). Ср. ВПЕЧАТЛЕНИЕ—от чего-то 6, мой¹ 3, не то, об этом, от него, твое, твой¹; ВСТРЕЧА—с ним 12, с тобой 6, со мной 2, я и он 2, с вами, твоя; ЗАНЯТИЕ—мое 3, чем-то, какое?; МНЕНИЕ—мое 75, свое 35, твое 11, о нем 3, его 2, мое и ваше 2, о чем-то 2, ее, о чем, чье-либо; СВЯЗЬ—с кем-то 7, между нами 3, с тобой 3, какая 2, с чем-то 2; СЛАВА—ему 4, о нем 3, моя 2, твоя 3, всем, ни к чему, нашего народа, нашим людям; СЧЕТ—чего-то 2, чему, всему.

Более редки случаи реагирования на существительные указательными и определительными местоимениями: ГОД—этот; БУМАГА—эта 2; СВЕТ—весь; ИСТОРИЯ—моя 3, наша 3, эта 2; КИНО—какое 2, то же; СЛОВО—какое, любое, наше; МАТЬ—моя 36, самая, свою; КИЛОМЕТР—какой 2; ЛЮДИ—всякие, свои, всех стран, всего мира, нашей страны; РЕЗУЛЬТАТ—всего, от чего?; ЖИЗНЬ—вся, моя; РАЙОН—наш 15, мой 4, какой, свой; ТЕЧЕНИЕ—этого времени.

Из всех стимулов-существительных, а их в СЛ более 90 (эта неопределенность счета объясняется амбивалентностью таких стимулов, как ВОЕННЫЙ, ЗНАКОМЫЙ, РАБОЧИЙ и т. п.), не вызвали местоимений-реакций лишь девять: ВОДА, ДЕНЬ, ЛЕС, СИЛА, СТОЛ, СУББОТА, ТРУД, УТРО, ЧАС.

Если стимулы-существительные отдают предпочтение притяжательным, определительным и, реже, указательным местоимениям-реакциям, то в глагольных статьях явно преобладают относительные, а за ними по количеству реакций следуют неопределенные и личные; единственное определительное—и наиболее абстрактное по семантике—местоимение *всё*, встречающееся в разных падежах, соперничает по своей статистике с двумя последними разрядами. Такая картина легко объяснима, поскольку количество и формы местоименных реакций целиком определяются актантными позициями при глаголе-стимуле. Как правило, наш совокупный испытуемый стремится так или иначе заместить все эти позиции,—либо подставляя имена, восполняющие соответствующую модель двух слов, либо заполняя их местоимениями. В результате в любой глагольной статье (или, что то же,—в любом фрагменте АВС) мы находим практически все актанты данного глагола, выраженные условно местоимениями. Заметим попутно, что сирконстантные позиции с той же полнотой замещаются в статье именами в косвенных падежах и наречиями, в том числе и вопросительными.

Назвав всех испытуемых «совокупным испытуемым», еще раз хотелось подчеркнуть наше отношение к ассоциативной статье как к такому источнику наблюдений над языком, который содержит практически все возможности, отражает все потенции типовых реализаций соответствующего слова-стимула в речи.

---

¹ Это, кажется, единственная статья, где мы встречаемся со случаями рассогласования в роде между местоимениями-реакциями и стимулами-существительными.

В этом отношении про ассоциативный словарь можно сказать, что в нем заключен «грамматический алфавит» языка, составляющийся из элементарных «кирпичиков» моделей двух слов, набор которых и характеризует коммуникативную компетенцию носителя языка. Вторым же соображением в пользу отнесения ассоциативной статьи словаря к одному носителю языка служит убеждение, что коль скоро мы могли бы представить себе лонгитюдный эксперимент, в ходе которого одному и тому же испытуемому в течение длительного времени предъявлялось бы в качестве стимула одно и то же слово, то в итоге мы получили бы ассоциативную статью, весьма похожую на собранную обычным путем, т. е. анкетированием множества испытуемых. В основе этого убеждения лежит представление о единой для носителей языка типовой АВС, каждый фрагмент которой в принципе воспроизводим (понятно, что не детерминистски однозначно) любым нормальным испытуемым, но, естественно, за длительное время. Таким образом, перенося социологически усредненную АВС «в голову» среднего индивида, мы подходим к нему как к совокупному испытуемому, тотальному носителю языка, тотальной языковой личности. При этом наблюдения показывают, что наиболее устойчивые, наименее флуктуирующие зоны всякой АВС связаны с грамматикой, с воплощением грамматических отношений, тогда как зоны «неустойчивости» определяются более оперативной эволюцией семантики отдельных слов, актуализацией и превращением в прецедентные одних текстов, девальвацией и затуханием социальной роли других, занимавших ранее место прецедентных. Последнее особенно заметно при сравнении набора прецедентных текстов СЛ с таким же набором АТ, хотя разделяет эти два словаря период всего в 10 лет.

Замещение местоимениями актантных позиций при глаголе — обобщенное свойство АВС. Итак, возвращаясь к замещению актантных позиций глагола в ассоциативной статье относительными, неопределенными и личными местоимениями, отметим, что глагол вообще оказывается еще более активен в ассоциировании с местоимениями, чем имя существительное. Для статей-существительных максимальные цифры вхождения в их состав местоимений-реакций таковы: в статье ФАМИЛИЯ на 697 ответов 114 местоимений, что составило 16,3%; ГРУППА — 75 местоимений из 613 ответов, соответственно 12,2%; МИЛЫЙ — 93/761, т. е. тоже 12,2%; ДОЧЬ — 52/683, или 7,6%; ДЯДЯ — 51/695, т. е. 7,3%; МНЕНИЕ — 33/534, т. е. 6,17%; МАТЬ — 38/648, т. е. 5,86%. Далее доля местоимений в статьях со стимулами-существительными плавно убывает вплоть до перечисленной выше группы имен, не давших ни одной местоименной реакции. В 80 глагольных статьях картина распределения местоименных реакций иная. Прежде всего более высокими оказываются относительные их количества: СЛЕДОВАТЬ — 217/711 = 30,5%; ДОГОВОРИТЬСЯ — 133/591 = 22,5%; ПРОСТИТЬ — 107/581 = 18,4%; НАДЕЯТЬСЯ — 122/702 = 17,3%; ЗНАТЬ — 31/201 =

= 15,4%; ВСПОМИНАТЬ – 63/687 = 9,1%. Второе отличие заключается в том, что и в перечисленной группе стимулов, характеризующей «пик» местоименных реакций в статьях, и в остальных стимулах между ними нет плавного перехода, и распределение идет скачками, вплоть до количества около 6% в статьях ВСТРЕТИТЬ, ПОМОГАТЬ, ЗВОНИТЬ, ИСКАТЬ, ЖЕЛАТЬ, где затем переходит в плавную кривую, завершающая точка которой приходится на глаголы ПОЙТИ (*к нему*), ПОЯВИТЬСЯ (*с кем-то*), СЕСТЬ (*на свое место*), СТОЯТЬ (*с чем*), ИДТИ (*своей дорогой*), содержащие всего по одной местоименной реакции. Наконец, третья отличительная черта стимулов-глаголов в их отношениях с местоимениями-реакциями состоит в том, что среди них, в противоположность стимулам-существительным, не нашлось ни одного, который не дал бы местоименной реакции.

Обращает на себя внимание семантика стимулов, вызвавших наибольшее количество реакций-местоимений. Для существительных это имена, обозначающие лицо либо совокупность лиц, для глаголов – это слова-обозначения речемысли. Глаголы движения, как правило, дают наименьшее количество местоименных реакций.

Для простоты и наглядности представления актантных позиций при разных глаголах соотнесем их с падежами, хотя это и нарушает точность, поскольку актантная позиция формально определяется скорее предлогом, чем падежом, но зато упрощает построение единой таблицы и последующее сопоставление заполнения позиций местоимениями и существительными (см. табл. В на с. 63–72). Внутри заполненных клеток таблицы, соответствующих косвенным падежам, цифрами со скобкой – 1), 2), 3) и т. д. – обозначены подгруппы местоимений, замещающих разные актантные позиции, например, ПРОСТИТЬ 3) *кого*, 4) *что*, 5) *за что* – все винительный падеж.

Таблица показывает еще две особенности местоименных реакций: во-первых, они всегда сопряжены со стимулом, т. е. образуют с ним нормальное, грамматически правильное сочетание; во-вторых, они очень редко замещают при глаголе позицию агенса. Так, из вошедших в таблицу 20 глаголов позиция агенса замещена у пяти, но эти пять практически и исчерпывают все случаи такого рода в СЛ – ВСТРЕТИТЬ – *она*, ОБЕЩАТЬ – *он*, ОТВЕТИТЬ – *он*, ЖЕЛАТЬ – *я*, СЛЕДОВАТЬ – *он*. Это положение вполне объяснимо, если учесть, что в СЛ все стимулы-глаголы даны в форме инфинитива, которая принципиально не может согласовываться с местоимением-агеном. Иная ситуация обнаруживается в АТ для глаголов-стимулов в финитных формах; здесь, несмотря на десятикратно уменьшенное по сравнению со СЛ число ответов, почти в каждой такой статье фиксируется реакция местоимением в позиции агенса. Ср. ДУМАЕТ – *он*, НАЧНУ – *я*, РЕШИЛА – *она*, РЕШИТ – *кто*, сам 2, РЕШИТЕ – *сам*, РЕШИМ – *все вместе*, РЕШУ – *сам*.

Местоимения в позициях актантов Глаголы	И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.
1. ДОГОВОРИТЬ- СЯ	-	1) до чего-то до чего- либо 2 до чего чего-то 2) насчет че- го-то 2			3) с кем-то 14 с ним 10 с тобой 6 с кем-либо 5 с кем- нибудь 3 со мной 2 не с кем с ней 4) с самим между со- бой	5) о чем-то 38- обо всем 14 о чем-либо 11 о чем 8 о чем- нибудь 7 кое о чем
2. ПРОСТИТЬ		1) ничего	2) ему 8 мне 2	3) его 21 тебя 18 кого-то 13 кого 8 себя 5 ее 4 кого- нибудь 2 4) всё 16 что 3 5) за всё 3 за что не за что		

Местоимения в позициях актантов Глаголы	И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.
3. НАДЕЯТЬСЯ	<p>моя канта- та</p> <p>моя комна- та</p>	<p>меня</p>		<p>1) на что- то 30 на себя 25 не на что 17 на тебя 10 на него 6 на что 6 на нее 5 на это 5 на вас на меня на нас на что- нибудь 2) что-то 5 что вы- играло что дальше что дома</p>		

Местоимения в позициях актантов Глаголы	И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.
6. ВСТРЕТИТЬ	она	1) чего-то 7		2) его 25 тебя 9 вас 3 ее 2 кого 2 кого-либо меня никого не нужно		
7. ОБЕЩАТЬ	кто-то он	1) нечего ничего не будет	2) кому-то 5 мне 3 кому- либо 2 кому- нибудь 2 некому никому тебе	3) что-то 10 что- либо 2 что- нибудь 2 все 4) что-то сделать 3 сделать что-то 2 что- нибудь сделать		

8. ПОМОГАТЬ			1) ему 10 всем 8 кому 3 им 2 кому- нибудь всем людям ей кому- либо кому-то кому-то в чем-то не всем себе	2) делать 3 что-то 3 что-то 3 делать 3 что 2 мыть что-то	3) всей душой чем-либо	4) во всем 3 в чем-либо 2
9. ДУМАТЬ				1) что-то ничто		2) о чем-то 5 о нем 4 о ком 3 о чем 3 обо всех о ком-то о чем-либо о чем- нибудь

Местоимения в позициях актантов Глаголы	И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.
10. ОТВЕТИТЬ	он	1) от чего-то	2) ему 3 всем 2 им 2 тебе 2	3) на все вопросы 6 на мои вопросы на это 3 4) за все 3 за свои дела за кого- нибудь 5) что- нибудь 3 не знаю что		
11. ОТВЕЧАТЬ				1) на что 2) что что-то	3) тем же	
12. ЗВОНИТЬ			1) кому 5 кому- либо 4 кому-то 3			

13. ЖЕЛАТЬ	я	1) всего хоро- шего 15 чего-то 11 чего 8 его ее и ничего более ничего	кому- нибудь 3 ему 2 мне 2 2) к тебе	2) все знать 3 что- нибудь		
------------	---	---	--	-------------------------------------	--	--

Местоимения в позициях актантов Глаголы	И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.
14. ИСКАТЬ		1) чего-то чего-то нового		2) что-то 10 тебя 4 кого-то 3 что- нибудь 3 его 2 кого кого-либо свое место в жизни что-то где-то что потеря- ное 3) всю жизнь		
15. ОСТАВАТЬСЯ			верным себе		1) самим собой 17 собой 9 всегда самим собой 9	4) при своих интересах при своем мнении при себе 5) в себе

					<p>2) с тобой 3 не с кем ни с чем с кем-то с ней с собой наедине 3) таким же 3 такой же такой же</p>
16. ОКАЗАТЬСЯ		<p>1) без ничего 2) выше всего на виду у всех среди своих</p>			<p>3) ни с чем перед чем</p> <p>4) не в своей тарелке не в своих саях</p>
17. ОКАЗЫВАТЬСЯ		<p>1) на виду у всех</p>		<p>2) не то что-то иное</p>	<p>3) не тем, чем считают 4) ни с чем</p> <p>5) не при чем при своих</p>
18. ПЕРЕДАВАТЬ			<p>1) кому- то 8 другому 6 ему</p>	<p>2) через него через кого-то 3) что-то что- нибудь 4) наши</p>	<p>5) кем-нибудь</p>

Местоимения в позициях актантов Глаголы	И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.
19. ПЕРЕДАТЬ			1) кому 4 кому-либо другому кому- нибудь мне некому	2) что 4 что-то кому-то 3) его мой	4) чем-то	
20. СЛЕДОВАТЬ	он 3	1) его при- меру 12 его поступ- ку 2	2) ему 5 чему-то 5 всему 3 тому направ- лению 3) по моим стопам		4) за мною 74 за ним 52 за кем- то 12 всюду за ним 11 за тобой 8 за ней 7 за кем 5 за нами 4 за кем- нибудь 3 за ними 3 за вами 2	5) во всем

Тот факт, что с помощью реакций-местоимений охватываются многие, если не все, актантные связи глагола в соответствующем фрагменте АВС, можно проверить, сопоставив в ассоциативных статьях актантные позиции, замещенные местоимениями, с такими же позициями, замещенными именами существительными. При этом выраженные косвенными падежами существительных с предлогами сирконстантные позиции, естественно, не рассматриваются.

По одному пункту расхождение между двумя рядами актантных позиций очевидно еще до сопоставления: речь должна идти о позиции агенса, в которой местоимения почти не выступают, а существительные в именительном падеже оказываются довольно часто. Пословное сопоставление актантных позиций существительных с позициями, отмеченными в построенной для местоимений таблице, показало следующее. ДОГОВОРИТЬСЯ 1) *до чего* – *до изнеможения*, 2) *насчет чего* – *насчет билета*, 3) *с кем* – *с товарищем*, 4) *между собой* – $\emptyset$, 5) *о чем* – *о продаже*. Таким образом, здесь обнаруживается полное совпадение позиций, поскольку выражение *между собой* является чисто местоименным, не имеющим пары среди существительных с предлогами, и должно приравниваться к устойчивым фразеологическим оборотам. ПРОСТИТЬ – 1) *чего* – *милости, воды*, 2) *кому* – *человеку*, 3) *кого* – *человека*, 4) *что* – *обиду*, 5) *за что* – *за ошибку*. Здесь также мы видим полное совпадение, но при этом надо учесть, что первая позиция относится к глаголу с отрицанием – *не простить ничего, не простить воды* (в докладе). В глаголе НАДЕЯТЬСЯ местоимениями заполнены фактически две позиции, поскольку формально родительный как будто падеж *меня* по существу является винительным без предлога: 1) *на кого/что* – *на соседа/на выздоровление*, 2) *что* – *что выиграло*. В глаголе ЗНАТЬ местоименно замещена одна позиция, хотя в принципе возможны были бы как минимум две, т. е. знать не только *что*, но и *о чем*. Однако имена существительные в этой статье тоже замещают лишь одну позицию: *что/кого* – *книги/людей*. Аналогичным образом полное совпадение актантных позиций, замещенных именами существительными и местоимениями, обнаруживаем в статьях ЖЕЛАТЬ, ИСКАТЬ, ОКАЗАТЬСЯ, ОКАЗЫВАТЬСЯ.

Для прочих стимулов из таблицы в их статьях зафиксированы расхождения – либо за счет расширения числа актантных позиций у имен, либо за счет увеличения их для местоимений. Первое встречается чаще и может быть отмечено у следующих глаголов-стимулов: ВСПОМИНАТЬ – помимо одинаково замещенных позиций *кого/что* и *о ком/о чем*, в числе реакций-существительных появляется форма *добром*, не имеющая местоименного соответствия; в статье ВСТРЕТИТЬ просторечная форма родительного падежа местоимения *чего-то* не находит соответствия среди реакций существительных, но зато среди последних встречаются формы творительного *огнем и мечом, с улыбкой*, не отмеченные местоименными актантами (см. табл. А); хотя надо сказать, что

именно эти примеры скорее претендуют на сирконстантные позиции, чем на актантные. В статье ОБЕЩАТЬ, при совпадении всех позиций у местоимений и существительных, последние включают дополнительно просторечную форму предложного падежа — *обещать о помощи*. Глагол ПОМОГАТЬ дает отсутствующие в сочетаниях с местоимениями модели с предлогом *по* и существительным в дательном падеже (*помогать по дому, по работе, соседу по экзаменам*), которые не составляют самостоятельной актантной позиции, а тяготеют к сирконстантам или могут рассматриваться как вариант отмеченной в таблице четвертой позиции — *помогать в чем*. Статья ДУМАТЬ содержит дополнительную по отношению к таблице позицию — *над вопросом, над задачей*, — в остальном совпадающая с местоименными актантами. Если два следующих в таблице стимула — ОТВЕТИТЬ и ОТВЕЧАТЬ — рассматривать вместе, то их статьи, будучи слиты в одну, дают полное покрытие местоименных позиций позициями реакций-существительных, поскольку в статье ОТВЕЧАТЬ зафиксирован местоименный актант *чем*, тогда как выраженный именем существительным соответствующий актант представлен в статье ОТВЕТИТЬ — *письмом, отказом, вопросом на вопрос* и т.п. Еще один дополнительный по отношению к местоименным актант в той же статье — *ответить перед законом*. Под стимулом ЗВОНИТЬ местоименные актанты *кому* и *к кому*, имеющие соответствия в именах существительных, дополняются среди последних орудийной позицией, которая выражается двояко — винительным падежом (*в колокол*) и творительным (*молотком*). В статье ОСТАВАТЬСЯ пять актантных позиций, замещенных местоимениями (*кем, с кем, каким, при чем, в чем*), находят отражение и в реакциях-существительных, в числе косвенных падежных форм которых одновременно появляется и очень много сирконстантов (*вне подозрения, на курсах, после работы, у друзей, в городе*). Однако на одну актантную позицию имена существительные и здесь опережают актанты-местоимения — *оставаться на демонстрацию*. Аналогичную картину мы наблюдаем при стимуле СЛЕДОВАТЬ, где имена существительные, повторяя все позиции местоименных актантов, добавляют к ним еще одну — *следовать курьером*. Понятно, что другие падежные формы типа *следовать по пути, по этапу, по назначению, до Москвы* классифицируются как чистые сирконстанты. В статьях же ПЕРЕДАТЬ, ПЕРЕДАВАТЬ ситуация оказывается противоположной, здесь местоимениями обозначены позиции (*чем, кем*), которые не заполняются реакциями-существительными. Единственная подходящая падежная форма *передавать свистом* амбивалентна и, вероятно, должна быть отнесена к сирконстантам.

В целом, думается, у нас есть все основания считать выраженные местоименно актанты обязательным компонентом обобщенной характеристики глагола в АВС. Те же отношения передаются и реакциями-существительными в соответствующих падежах, но

типизирующая сила последних уступает генерализованно оформленным местоименным моделям управления.

Специфические функции местоимений в неглагольных ассоциативных парах: присвоения, уточнения, замены дефиниции, когнитивная. В ассоциативных статьях-прилагательных местоимения представлены в наименьшей степени, да и число самих статей в СЛ невелико: после исключения явно субстантивированных прилагательных типа РАБОЧИЙ, ЗНАКОМЫЙ, ВОЕННЫЙ, РУССКИЙ (об их субстантивированном, в восприятии большинства испытуемых, характере убедительно свидетельствует состав реакций), а также тяготеющих к ним прилагательных ДОРОГОЙ и МИЛЫЙ, «чистых» прилагательных-стимулов остается всего 23. В пяти статьях из этого числа (БЕЛЫЙ, БОЛЬШОЙ, МОЛОДОЙ, НОВЫЙ, ТЕМНЫЙ) местоименные реакции вообще отсутствуют. Среди остальных распределение местоимений довольно равномерно и составляет в среднем 3–4 реакции на статью. Прилагательное как часть речи тоже проявляет свои предпочтения к определенным разрядам местоимений. В проанализированных статьях преобладают три разряда – личные, главным образом в именительном падеже – *он, я, ты*, если расположить их в порядке убывания частоты, притяжательные (главным образом в 1-м лице единственного и множественного числа – *мой, наш*) и определительные. Личные местоимения встретились в 11 статьях, притяжательные в 9 и определительные – в 8 статьях из 18.

Различий в распределении местоименных реакций между качественными и относительными прилагательными установить не удалось, единственно, что можно утверждать с достаточной определенностью, так это то, что личные местоимения демонстрируют большую силу аттракции по отношению к качественным прилагательным. В составе статей со стимулами – относительными прилагательными дважды встретилось только одно местоимение *я*: НЕБОЛЬШОЙ – *смотря что, это я*; СОВЕТСКИЙ – *наш* 13, *любой, свой, я*. В остальном характерные для прилагательных-стимулов разряды притяжательных и определительных местоимений не обнаруживают каких-то явных предпочтений: ИНТЕРЕСНЫЙ – *он, ты, чем-то*; НАСТОЯЩИЙ – *наш, передо мной*; ПРОСТОЙ – *как все* 2, *он, свой*; ДЕТСКИЙ – *какой?*, ЧИСТЫЙ – *все* 2, *мой*; РУССКИЙ – *свой* 3; ПЛОХОЙ – *он, ты, этот*.

Обращаясь к нижней половине матрицы 4, мы должны констатировать, что, за исключением строчек, принадлежащих двум числительным – *первый* и *сорок*, каждая категория, характеризующая местоимения-реакции, здесь представлена. Это свидетельствует о большой аттрактивной по отношению к местоимениям силе включенных в эту половину матрицы частей речи – самих местоимений, предлога и финитной формы глагола. Что касается последней, то, хотя в матрице отражены лишь три

разряда местоимений¹ – личные, притяжательные и относительные, вошедшие в ассоциативную статью ДУМАЕТ, на самом деле, личные формы глагола в качестве стимула позволяют раскрыть в своих ассоциатах весь спектр местоименных разрядов, а более широкий круг глаголов актуализировал бы и все мыслимые актантные позиции. Приведу ограниченные по необходимости иллюстрации из АТ:

НАЧНУ – *с себя, я;*

РЕШУ – *про себя, сам, чему?, что-нибудь, эту задачу;*

РЕШИТЬ – *на всю жизнь, что-то;*

РЕШИТ – *все, другой, за всех, за нас, за тебя, кто?, сам 2, что, что-то, что-то важное;*

РЕШИМ – *все, все вместе, что, что делать;*

РЕШИТЕ – *сам, сами 6, что-нибудь;*

РЕШИЛА – *она, сама приняла решение, что;*

РЕШИЛИ – *что, что?*

СНИМАЮТ – *всё, что-нибудь.*

Ассоциативная статья-предлог в силу высокой абстрактности стимула концентрирует, как правило, большое число местоимений, генерализованно передающих все многообразие предложных значений. Таким образом, роль местоимений здесь иная, чем в глагольных ассоциативных статьях: они моделируют не актантные позиции, а типовые значения сочетаний данного предлога с разными существительными. Так, в местоименных реакциях статьи-предлога ИЗ можно увидеть значения – «источника», «причины», «множества», «выбора» (*всего 2, за него, нас, него, них, ничего, тебя, того 2, чего? 3*). Что касается доли местоимений среди всех реакций в такого типа статьях, то, судя по имеющимся в рассмотренном нами фрагменте АТ данным, она достаточно велика и сравнима с долей местоимений в глагольных статьях: в статье ИЗ она составляет 15%, в статье К – 31,1%.

Включенные в матрицу ассоциативные статьи со стимулами-местоимениями (ЭТО, САМ, ТЫ) показывают, что последние являются самыми мощными аттракторами для реакций-местоимений, их доля колеблется от 30 до 56%, значительно превышая аналогичные показатели для глагольных статей. Столь же велико здесь и разнообразие местоименных реакций; например, в статье САМ, где их доля равна 30,2%, отсутствует лишь один разряд – вопросительно-относительных местоимений: *всё, каждый, кто-то, кто-то еще, ничего, он 5, с собой, с собою, сама, свой, себе 2, собой 2, тот, я 4*. В другой статье из АТ, не вошедшей в матрицу – ВОТ, не нашли отражения среди реакций только неопределенные и возвратные местоимения: *и всё, и тот, и ты, какой, моя деревня 2, он 5, такие дела, тот, что 2, это.*

¹ При этом, оценивая их количество и разнообразие, надо помнить, что по числу реакций на один стимул АТ ПОКА ЧТО в 10 раз уступает СЛ; тем не менее, относительные цифры вполне сопоставимы в обоих словарях: в статье ДУМАЕТ 12 местоимений на 70 реакций, что составляет 17,1% (ср. цифры на с. 61).

Завершая рассмотрение матрицы 4, хотелось бы обобщить роль местоимений в АВС вообще, поскольку эта роль изменчива и зависит от категориальных характеристик стимула, вызывающего местоименную реакцию. Во-первых, следует подчеркнуть, что местоименная реакция, за единичными исключениями, всегда составляет синтаксическую пару со стимулом. Во-вторых, по частеречной принадлежности стимулы, вызывающие местоименные реакции, делятся на две группы — допускающие с такой реакцией отношение замены и не допускающие замены стимула местоименной реакцией. К первым относятся имена существительные и прилагательные, ко вторым — прочие части речи, а из вошедших в матрицу — глаголы, предлоги и сами местоимения. Функции местоимений-реакций в статьях-существительных и статьях-прилагательных во многом подобны, хотя не идентичны.

Простейшей в статьях-существительных является синтаксическая функция показателя управления зависимым от стимула падежом, которую могут выполнять местоимения всех разрядов, кроме возвратного: *встреча с кем, впечатление от чего, голова всему, смысл в чем и смысл чего, слава ему и слава о нем, связь с кем и связь между кем и кем*. Встречаются в этих статьях и случаи образования модели двух слов на основе примыкания местоименной реакции к стимулу: *знакомый к ней, экзамен с ним, слава ни к чему, бабушка у кого*.

Наиболее широко представленная в статьях-существительных синтактико-прагматическая функция обладания или присвоения объекта, установления его принадлежности, реализуется притяжательными местоимениями (*бабушка моя, встреча твоя, год его, гость ваш, газета наша, дочь их* и т. д.).

Функция уточнения, осуществляемая с помощью указательных и определительных местоимений, имеет скорее прагматический, чем синтаксический смысл: *год этот, впечатление не то, смысл тот же, билет какой, мать самая, люди всякие* и т. п.

Естественно, не синтаксическую, а более широкую текстовую ориентацию имеет функция замены дефиниции, функция подстановки эквивалента, которая свойственна личным местоимениям в ассоциативных статьях-существительных: ГРУППА — *мы*, ДОЧЬ — *я*, ЧЕЛОВЕК — *он*, ВСТРЕЧА — *я* и *он*.

Наконец, функция, которую можно назвать когнитивной, функция, отражающая потребность в идентификации объекта, названного стимулом-существительным, передается вопросительно-относительными и неопределенными местоимениями: *дядя — кто такой, знакомый — кто, люди — кто там, ребенок — что-то теплое*.

Функции местоимений-реакций в статьях-прилагательных сходны с только что описанными. Роль показателя управления, свойственная в принципе всем разрядам местоимений, очень редка здесь и в СЛ зафиксирована лишь дважды: *интересный чем и свободный от всего*. Единая для имен существительных функция обладания, присвоения и установления принадлежности здесь,

в статьях-прилагательных, как бы раздваивается. Прежде всего она распространяется теперь не на объект, а на признак, и синтаксико-прагматическую функцию присвоения признака берут на себя личные местоимения: *добрый он, интересный ты, советский я* и т.п. Притяжательные же местоимения выполняют роль установления принадлежности признака с добавлением элемента оценки: *настоящий — наш, прекрасный — мой, простой — свой, советский — наш* и т.п. Обе разновидности функции обладания допускают в своем оформлении перестановку, мену местами стимула и реакции ($S \leftrightarrow R = R \leftrightarrow S$), не меняя при этом существенно отношений между ними.

Прагматику уточнения придает сочетанию прилагательного с местоимением указательная их разновидность: *плохой — этот, небольшой — это я, определенный — этот, а не другой*. Потребность в идентификации признака выражается с помощью тех же разрядов местоимений, что и потребность в идентификации объекта: *небольшой — смотря что, определенный — кто-то*. Функцию замены для стимула-прилагательного выполняют определительные местоимения, но при этом в соответствующих парах отношения утрачивают дефинитивный характер, характер эквивалентности (*детский — какой, определенный — самый, определенный — никакой, прекрасный — самый, советский — любой, тяжелый — весь*), сближаясь со случаями уточнения признака.

Перечисленные функции местоименных реакций в статьях со стимулами-существительными и стимулами-прилагательными охватывают все случаи появления таких реакций и распределяют по тем или иным типам отношений между стимулом и реакцией все разряды местоимений, за исключением возвратных: возвратные местоимения проявили отчетливую идиосинкразию к ассоциированию с именами, ни разу не встретившись в соответствующих ассоциативных статьях СЛ и АТ.

Вторая группа стимулов, по отношению к которой замена их местоимениями невозможна, демонстрирует иную роль местоимений в ассоциативных словарных статьях. В глагольных статьях, как показано выше в таблице А и комментарии к ней, им принадлежит чисто синтаксическая функция обобщенного выражения актантажных позиций при глаголе-стимуле. Тот небольшой материал, который был проанализирован из фрагмента АТ со стимулами-предлогами ИЗ и К, позволяет установить у местоимений в этих статьях семантическую функцию генерализованного показателя значений соответствующего предлога. Обе функции, видимо, онтологически присущи отношениям в АВС и издавна эксплуатируются грамматистами и лексикографами при обобщенной характеристике управления глаголов и значений предлогов в словарях. Для выполнения этих функций — синтаксической по отношению к глаголу и семантической по отношению к предлогу — реакции-местоимения должны образовывать с соответствующими стимулами синтаксическую пару, или модель двух слов, что реально и наблюдается практически во всех случаях.

С несколько иной картиной мы сталкиваемся в статьях со стимулами-местоимениями. Здесь нет той однородности функций, которая присуща местоименным реакциям в глагольных и предложных статьях, но одновременно их отношения со стимулом не ограничиваются и набором функций, отмеченных в статьях-прилагательных и существительных. В местоименных статьях САМ, ТЫ, ЭТО, ВОТ можно выделить два типа отношений между местоимением-стимулом и местоимением-реакцией — синтагматические и парадигматические. Не допуская отношений эквивалентной замены стимула реакцией, те ассоциированные пары местоимений в этих статьях, которые не образуют синтаксического единства в модели двух слов, обнажают парадигматические противопоставления по свойственным этой части речи морфологическим категориям. Ср. *сам-сама, ты-вы, ты-он, ты-я, ты-они, это-то*. К такому парадигматическому варьированию в реакциях склонны, вероятно, все разряды местоимений, что подтвердить полностью не позволяет ограниченность числа доступных для анализа местоименных статей. Все остальные ассоциированные местоименные пары укладываются в набор функций, установленных для статей со стимулами-именами, реализуя отношения уточнения, принадлежности, потребности в идентификации и даже управления: *всё сам, каждый сам, сам-ничего, он сам, сам с собой, сам себе, тот-сам, я сам, ты и я, ты кто, ты мой, ты сам, это ему, это кто, это твоя, это мы, вот и всё, вот какой, вот он* и т. п.

§ 5. НАРЕЧИЕ И СИРКОНСТАНТНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА

Поправки к традиционной классификации наречий. В основу соответствующего фрагмента матрицы 5 положена семантическая классификация наречий, которая, кстати сказать, является довольно условной (см. с. 80). Принадлежность к семантическому типу, как показывает анализируемый ниже материал, определяется не просто автохтонными свойствами того или иного слова-наречия, но в том числе и категориально-семантическими характеристиками стимула, в семантические или семантико-ситуационные отношения с которым (если это не глагол, где связь также и синтаксическая) вступает так или иначе наречие-реакция, лишённая возможности неограниченного грамматического взаимодействия с именами существительными, местоимениями, числительными и предлогами. Перечень типов наречий, давших названия столбцам матрицы 5, является традиционным, отличаясь от приведенного в «Русской грамматике» [10, т. 1, с. 704–705], по двум рубрикам. Во-первых, наряду с наречиями места, показалось целесообразным выделить группу наречий направления (*БИЛЕТ-домой, в никуда, куда; ГОЛОС-сверху; ЖИЗНЬ-вперед; КУРС-вперед; ЛЕС-куда-то за лес; СУББОТА-домой, ура!; ТЕЧЕНИЕ-налево*). Во-вторых, наряду с наречиями образа

Реакции	Число реакций				Семантические типы наречий								
	всего в статье	в том числе наречий	наречий (в %)	образа действия	сте-пени	места	нап-рав-ления	вре-мени	при-чины	цели	совмест-ности/от-дельности	оцен-ки	пред-каты и мо-даль-ные слова
Стимулы	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94
Номер столбца	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94
БАБУШКА	624	5	0,8	-	-	3	-	1	-	-	-	1	-
БЕЖАТЬ	709	395	55,7	294	-	32	20	4	-	50	-	-	-
БЕЛЫЙ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ВРЕМЯ	201	23	11,4	10	8	-	2	3	-	-	-	-	-
БИЛЕТ	621	7	1,12	-	-	-	7	-	-	-	-	-	-
ВИДЕТЬ	227	40	17,6	37	1	1	-	1	-	-	-	-	2
ЭТО	77	9	11,6	1	-	1	-	1	-	-	-	4	2
САМ	76	7	9,2	1	-	1	-	3	-	-	1	-	1
ПЕРВЫЙ	74	2	2,7	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-
СОРОК	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ТЫ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ИЗ	89	9	10,1	-	-	6	3	-	-	-	-	-	-
ВОТ	65	23	35,3	16	-	4	2	1	-	-	-	-	-
ВМЕСТЕ	68	21	30,8	-	-	1	-	1	-	1	5+8=13	1	4
ЧИЩЕ	69	5	7,2	2	1	-	-	-	-	-	-	-	2

действия и наречиями-предикативами, сам материал ассоциативных статей (особенно со стимулами-именами) вынудил свести в самостоятельную группу наречия оценки. Эта группа оказалась и одной из самых многочисленных, для имен существительных например, и довольно разнообразной по составу.

Оценочную квалификацию с помощью наречий получила почти половина имен существительных (а точно — 36) — стимулов в СЛ, и в одной трети всех статей (в 25) встретилась самая частотная среди оценочных реакция — *хорошо*. Вообще психологически оправданная тенденция человека давать явлению скорее положительную оценку, либо не давать никакой, избегая отрицательных оценок, на данном материале вполне очевидна: если оценочное наречие *хорошо* зафиксировано в 25 ассоциативных статьях 61 раз, то противоположное ему — *плохо* (в оценочном же значении!) — всего 6 раз в 6 же статьях, причем 2 стимула из этих 6 (СЛАВА и УТРО) получили амбивалентные оценки — и *хорошо*, и *плохо*. Между двумя этими полярными точками на оценочной шкале располагается целая гамма выражений, передающих личное, субъективное отношение носителя языка к тому или иному явлению или факту, обозначенному стимулом-именем существительным. Но поскольку эта оценочность выглядит вполне достоверной, у нас есть все основания отнести ее к сущностным характеристикам усредненной АВС, реконструированием которой мы и занимаемся. Итак, в группу оценочных наречий, помимо уже названных — *хорошо* и *плохо*, входят следующие¹: *отлично*, *прекрасно* (встречаются довольно часто), *здорово* (СТУДЕНТ, ТОВАРИЩ), *ужасно* (ЭТО), *лучше* (ВМЕСТЕ), *хуже* (ЧИЩЕ), *красиво* (ЛИТЕРАТУРА, КАРТИНА), *так* (ДЕВОЧКА), *чудесно* (ДЕРЕВНЯ), *неплохо* (ДОЧЬ), *не очень* (ЗДОРОВЬЕ), *так себе* (КИНО), *выше среднего* (РЕЗУЛЬТАТ), *выше всего* (ТРУД).

Сделанное выше утверждение о том, что принадлежность к семантическому типу не является для наречия раз и навсегда закрепленным за ним свойством, а может меняться в зависимости от характеристик связанного с ним слова (в ассоциативной ли сети, в тексте ли), быть как бы функцией, решения которой флуктуируют на некотором семантическом пространстве, определяются семантическими или ситуативными особенностями употребления имени (существительного и прилагательного), глагола, местоимения или другого наречия, это утверждение справедливо для оценочных наречий, как, впрочем, и для всех других. Для наречия *хорошо*, например, помимо оценочной его роли, возможны еще три, по крайней мере, квалификационные отнесенности. Во-первых, к наречиям степени в сочетании с прилагательным: *хорошо* — ЗНАКОМЫЙ; во-вторых, к наре-

¹ В скобках в качестве образцов приводятся только некоторые названия статей, в которых встретилось соответствующее наречие, с целью подтверждения его именно оценочного использования в этом случае.

чиям-предикативам в случае, например, когда стимул воспринимается испытуемым в вопросо-ответном ключе: ПОЛОЖЕНИЕ? — *хорошо*; и наконец, к наречиям образа действия в статье ПРОИЗВОДСТВО — *хорошо поставлено*. Подобная ситуация распространена (в АВС, а следовательно, и в текстах) значительно шире, чем этого можно было бы ожидать априори. Так, однозначно квалифицируемые обычно (см. ниже статью КИЛОМЕТР) как наречия места *впереди, позади, далеко* в статье ЭКЗАМЕН используются в значении наречий времени (*экзамен далеко*). То же самое *далеко*, выступающее как наречие места в реакции на стимул БЕЖАТЬ, в другой глагольной статье мы определяем как наречие образа действия: ВИДЕТЬ — *далеко, высоко* — в значении образа действия (ПРЫГНУТЬ) и места (СТОЯТЬ). Наречие *вокруг* может быть использовано и в значении места (ВИДЕТЬ), и в значении направления (БЕЖАТЬ); *некуда* — в значении места (ИДТИ) и в значении степени (ЧИЩЕ); *совсем* — в значении степени (ЧИСТЫЙ) и времени (ОСТАВАТЬСЯ); *ясно* квалифицируется как наречие образа действия (ОПРЕДЕЛЕННЫЙ) и как предикатив (УТРО) и т. п.

Незаполненным в матрице остался один столбец — отданный наречиям причины. Его незаполненность означает, что в числе диагностирующих стимулов не нашлось ни одного, который вызвал бы данную реакцию. Сами стимулы остаются одними и теми же при анализе реакций всех частей речи, однако в случае наречий мы несколько расширили их состав, добавив к 12 постоянным для матрицы стимулам еще два из АТ: наречие ВМЕСТЕ и сравнительную степень не то наречия, не то прилагательного (такая неопределенность отражена и в реакциях на этот стимул) — ЧИЩЕ. Даже в таком расширенном составе стимулов наречия причины не зафиксированы в их статьях. На самом деле их оказалось очень немного и на всем массиве СЛ, во всяком случае, на все стимулы-существительные, с рассмотрения статей которых мы начнем комментирование матрицы 5, выпало всего 3 таких реакции, причем 2 из них являются местоименными наречиями: ПОВОД — *почему*, ТОЧКА — *зачем* 3, ГОЛОВА — *с горя*.

Вообще статьи-существительные относительно небогаты наречиями-реакциями, что вполне понятно. Вызвавший 23 наречных реакции стимул ВРЕМЯ оказался самым продуктивным в этом отношении. Хотя по абсолютному числу вызванных реакций некоторые другие существительные его и превосходят, но относительный показатель у него остается самым высоким. Среди статей-существительных лишь 6 содержат более 20 наречных реакций: ЭКЗАМЕН $46/626 = 7,34\%$; ПРАЗДНИК $34/605 = 5,6\%$; СУББОТА $33/610 = 5,4\%$; КИЛОМЕТР $24/690 = 3,47\%$; РЕЗУЛЬТАТ $24/690 = 3,47\%$; ПОМОЩЬ $20/649 = 3,08\%$. Иными словами, даже в самых «насыщенных» наречиями статьях их число колеблется в пределах 3–7%.

Все названные статьи входят в группу стимулов, давших не

только наибольшее число, но и наибольшее разнообразие (4–5 типов) наречных реакций. Приведем некоторые примеры.

ДЕРЕВНЯ – 4 типа

места	времени	оценки	предикатив
<i>близко</i>	<i>в будущем</i> 2	<i>так хорошо</i>	<i>тихо</i> 2
<i>на отшибе</i> 2	<i>скоро</i> 2	<i>чудесно</i>	
<i>недалеко</i> 2			
<i>далеко</i>			

ЖИЗНЬ – 5 типов

образа действия	степени	направления	оценки	предикатив
<i>тяжело</i> 3	<i>много</i>	<i>вперед</i>	<i>хорошо</i> 4	<i>скучно</i>

ЗАНЯТИЕ – 5 типов

образа действия	степени	времени	оценки	предикатив
<i>нудно</i>	<i>много</i> 2 <i>немного</i> <i>помогает</i>	<i>долго</i> 2 <i>скорее бы</i> <i>кончились</i> 2 <i>ежедневно</i> <i>сегодня</i>	<i>плохо</i>	<i>не тем, чем надо</i> 2

КИЛОМЕТР – 5 типов

образа действия	степени	места	времени	предикатив
<i>пешком</i> 3	<i>много</i> 6	<i>впереди</i>	<i>долго</i>	<i>слышно</i>
<i>пройти</i>	<i>больше</i>	<i>дальше</i>		
<i>пешком</i>				
<i>бегом</i>	<i>ещё</i> <i>мало</i> <i>много и</i> <i>мало</i> <i>этого мало</i>	<i>близко</i> <i>домой</i> <i>недалеко</i> <i>позади</i>		

КИНО – 4 типа

места	времени	оценки	предикатив
<i>близко</i>	<i>давно не была</i> <i>давно не ходил</i> <i>долго</i> <i>скорей бы суббота</i> <i>летом</i> <i>некогда</i> <i>редко</i>	<i>так себе</i>	<i>темно</i> 2

ЛЕС – 4 типа

степени	места	направления	предикатив
<i>много де- ревьев</i>	<i>близко</i>	<i>куда-то за лес куда-то залез</i>	<i>страшно 2 хорошо 2 отдыхать хорошо прохладно и ягоды</i>

ПАПА – 4 типа

образа действия	степени	места	оценки
<i>быстро</i>	<i>более 2</i>	<i>далеко 2 где</i>	<i>плохо</i>

ПОМОЩЬ – 5 типов

образа действия	направления	времени	оценки	предикатив
<i>я так и делаю</i>	<i>откуда сверху с тыла со стороны</i>	<i>вовремя 8 на заре 2</i>	<i>хорошо</i>	<i>трудно 2 необходимо обязательно</i>

ПРАЗДНИК – 4 типа

степени	направления	времени	предикатив
<i>много людей редко</i>	<i>домой</i>	<i>скоро 11 завтра не скоро</i>	<i>весело 16 обязательно светло</i>

СЛАВА – 4 типа

образа действия	времени	оценки	предикатив
<i>сильно 3 громко организованно</i>	<i>на века</i>	<i>хорошо 2 плохо</i>	<i>неприятно</i>

СУББОТА – 5 типов

степени	направле- ния	времени	оценки	предикатив
<i>много побольше</i>	<i>домой, ура!</i>	<i>сегодня 6 скоро 3 завтра 2 нескоро скоро вы- ходной</i>	<i>хорошо 12 отлично прекрасно это хорошо</i>	<i>весело легко</i>

УТРО – 4 типа

образа действия	времени	оценки	предикатив
<i>приятно гулять</i>	<i>поздно</i> 2	<i>плохо</i>	<i>светло</i> 3
<i>тяжело вставать</i>	<i>днем</i>	<i>хорошо</i>	<i>свежо</i>
	<i>рано вставать</i>		<i>темно</i>
	<i>утром</i>		<i>тепло</i>
			<i>ясно</i>

ЭКЗАМЕН – 5 типов

образа действия	степени	времени	оценки	предикатив
<i>удачно</i>	<i>опять двойка!</i>	<i>скоро</i> 17	<i>отлично</i>	<i>трудно</i> 4
<i>удачно</i>	<i>опять муки!</i>	<i>впереди</i> 3	<i>хорошо</i>	<i>страшно</i> 2
<i>сдать</i>		<i>позади</i> 3		<i>жарко</i>
		<i>далеко</i> 2		<i>тяжело</i>
		<i>всегда</i>		
		<i>праздник</i> 2		
		<i>зимой</i>		
		<i>будет</i> <i>впе-</i>		
		<i>реди</i>		
		<i>вчера</i>		
		<i>досрочно</i>		
		<i>рано</i>		

Из всей гаммы типов наречий в приведенные примеры не попали наречия цели и совместности. Что касается первых, то они вообще не свойственны как реакции стимулам-существительным, не встретившись в таких статьях ни в СЛ, ни в АТ. Наречия же совместности обнаружены только для двух стимулов: РАЗГОВОР – *вдвоем* и СТУДЕНТ – *все вместе товарищи по группе*. В итоговой таблице распределения типов наречий по ассоциативным статьям (см. табл. Г. на с. 87–92) содержатся данные, позволяющие установить наиболее предпочтительные среди них для стимулов-существительных. К ним относятся наречия времени и предикативы, давшие наибольшее число реакций в наибольшем количестве статей, а за ними следуют наречия оценки и образа действия.

Если взглянуть на содержание таблицы Г от стимулов, то прежде всего надо отметить, что в ее первую графу не вошли 8 существительных из СЛ, в статьях которых не оказалось ни одной наречной реакции: ДРУГ, ГЛАЗ, ЖУРНАЛ, МАСТЕР, РУКА, СИЛА, СТОЛ, ФОРМА. Все они относительно просты по своей семантической структуре, и в системе значений каждого из них преобладают конкретные. В то же время все они обозначают некоторые основополагающие в картине мира понятия и не имеют какой-то особой стилистической окраски, стилистически нейтральны. Среди стимулов, помеченных в таблице Г лишь одним типом реакции, подавляющее большинство именно таких – конкретных, простых по семантике и нейтральных стилистически, передающих простые и жизненно важные понятия: ТОВА-

РИЩ, НАЧАЛЬНИК, НАРОД, МЕСТО, КОМНАТА, КАРТИНА, РАБОЧИЙ, ДЕЛО, ГОД, ГАЗЕТА, ВОДА. И наоборот, в числе стимулов, давших наибольшее количество и разнообразие наречных реакций и приведенных в качестве примеров выше, подавляющее большинство содержит эмоциональную составляющую в своей семантике. При этом важно отметить, что наличие эмоциональной семы в стимуле не связано однозначно с появлением оценочного наречия среди ассоциатов. Оценку с помощью соответствующего типа наречия получают скорее простые, нейтральные, тяготеющие к статусу дескрипторов в картине мира понятия типа *товарищ, начальник, народ* и т. п., а эмоциональная сторона стимула отражается больше в реакциях наречиями-предикативами. Одушевленность имени-стимула также не влияет на число и характер вызываемых им наречных реакций, хотя следует подчеркнуть, что в составе наиболее насыщенных наречиями статей нет таких, где стимулами были бы одушевленные имена существительные.

Понятие «синтаксического примитива» как способа превращения пары $S_{\text{сущ.}} - R_{\text{нареч.}}$ в модель двух слов. Сочетания разных типов наречных реакций в статье, как можно заключить из таблицы Г, довольно прихотливы и не подчиняются как будто никаким видимым закономерностям. Иными словами, наречия места, например, могут встречаться в ассоциативной статье существительного и одиночно, и одновременно с любым иным типом наречия или каким-то сочетанием типов. Точно так же не имеют ограничений на совместное появление наречия образа действия, которые можно зафиксировать в паре даже с такими редкими для статей-существительных наречиями, как причины (см. ГОЛОВА — *с горя и плохо причесанная*) и совместности (см. РАЗГОВОР — *начистоту и вдвоем*). Аналогичная картина сохраняется практически для всех типов наречий.

Некоторые, впрочем, не слишком отчетливо просматривающиеся структуры можно наметить, если идти от типов наречий и попытаться установить семантические предпочтения для каждого типа в стимулах-существительных. Тогда, двигаясь по вертикали, по графам таблицы Г, мы видим, что наречия степени, например, очень последовательно связаны со стимулами-существительными, обладающими временной или количественной мерой: БУМАГА, ВОДА, ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ВРЕМЯ, ГОРОД, ГРУППА, ДЕНЬ, ЖИЗНЬ, ЗАНЯТИЕ и т. д. Два одушевленных существительных, попавших в эту группу, — ПАПА (*более*) и РЕБЕНОК (*совсем*) содержат эмоциональную составляющую в своей семантике, которая тоже подвластна градации¹. Выборка

¹ Стимулы МИЛЫЙ и ЗНАКОМЫЙ, тоже вызвавшие в качестве реакций наречия степени — *очень* и *близко*, выступают в этих парах как имена прилагательные, что следует и из семантики реакций, и из способа их соединения со стимулом, дающего в каждой паре модель двух слов на основе синтаксического отношения примыкания.

СТИМУЛЫ-СУЩЕСТВЕННЫЕ
И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
ВЫЗВАННЫХ ИМИ НАРЕЧНЫХ РЕАКЦИЙ

Таблица Г

Типы наречий реакции	Стимулы	Образ действия	степени	Места	направления	времени	причины	цели	совместности	оценки	префиктивы и модальные слова	общее число реакций-наречий
	1. БАБУШКА			3		1				1		5
	2. БИЛЕТ				7							7
	3. БУМАГА	2	3			1						6
	4. ВОДА		1									1
	5. ВОЕННЫЙ					2						2
	6. ВОЙНА									1	3	4
	7. ВПЕЧАТЛЕНИЕ		1							4		5
	8. ВРЕМЯ	10	8		2	3						23
	9. ВСТРЕЧА					2						2
	10. ГАЗЕТА									2		2
	11. ГОД					6						6

Продолжение таблицы Г

Стимулы	Типы наречий реакции	образ действия	степени	места	направления	времени	причины	цели	совместности	оценки	префиктивы и морфемные слова	общее число реакций-наречий
12. ГОЛОВА		1					1	1				3
13. ГОЛОС		4			2					1		7
14. ГОРОД			1	1								2
15. ГОСТЬ		2								2	4	8
16. ГРУППА		1	4			1					2	8
17. ДЕВОЧКА										1		1
18. ДЕЛО		3										3
19. ДЕНЬ			1			1					10	12
20. ДЕРЕВНЯ				7		4					2	13
21. ДОМ				1		1						2
22. ДОЧЬ		1		1		2				4		8
23. ДЯДЯ		1				1						2
24. ЖИЗНЬ		3	1		1					4	1	10

25. ЗАНЯТИЕ	1	3							1	2	15
26. ЗДОРОВЬЕ									2	1	3
27. ЗЕМЛЯ									1	3	4
28. ЗНАКОМЫЙ		9					4			1	14
29. КАРТИНА									1		1
30. КИЛОМЕТР	5	11	6				1			1	24
31. КИНО			1				7		1	2	11
32. КНИЖКА									1	2	3
33. КОМНАТА										5	5
34. КУРС		1		3			1				5
35. ЛЕС		1	1	2						6	10
36. ЛИТЕРАТУРА									1		1
37. ЛЮБОВЬ							2		2		4
38. ЛЮДИ		10	4								14
39. МАТЬ										4	4
40. МЕСТО			3								3
41. МИЛЫЙ		3	1								4
42. МНЕНИЕ									1	1	2
43. НАРОД		5									5

Типы наречий реакции	образы действия	степени	места	направления	времени	причины	цели	совместности	оценки	предикативы и модальные слова	общее число реакций-наречий
Стимулы											
44. НАЧАЛО	1								1		2
45. НАЧАЛЬНИК										2	2
46. ОТЕЦ			1						1	1	3
47. ПАПА	1	2	3						1		7
48. ПЛОЩАДЬ										1	1
49. ПОВОД	1					1					2
50. ПОЛОЖЕНИЕ	1			4	10				1	4	20
51. ПРАВО			2		1				1	2	6
52. ПРАЗДНИК		2		1	13					18	34
53. ПРОИЗВОДСТВО	2	1	1								4
54. РАБОТА			1								1
55. РАБОЧИЙ					1						1
56. РАЗГОВОР	6		1					1			8

Стимулы	Типы наречий реакции	образы действия	степени	места	направления	временя	причины	цели	совместности	оценки	предикативы и модальные слова	общее число наречий
76. УЧИТЕЛЬНИЦА						2					1	3
77. ФАМИЛИЯ	2									1	1	4
78. ХЛЕБ						2					16	18
79. ЧАС	1	1	2			1						4
80. ЧЕЛОВЕК	5			1		1				2		9
81. ШКОЛА	1			1		1						3
82. ЭКЗАМЕН	2		2			32			2	2	8	46
Всего статей	31/86		25/78	24/47	10/24	36/137	2/2	1/3	2/3	36/79	35/146	-/605
Наречий этого типа в статьях												

имен, вызвавших наречия образа действия, показывает, что среди них значительное число отглагольных по происхождению существительных с семой процессуальности (*дело, занятие, начало, положение, производство, разговор, связь, течение*), а также одушевленных – потенциальных субъектов действия. Наречия места характеризуют, как правило, то, что может быть естественным образом локализовано, а наречия направления – то, чему свойственна внутренняя энергия движения (*течение, курс, жизнь, голос, время, билет*) или что может быть достигнуто в пространстве и времени (*лес, положение, праздник, суббота*). По поводу наречий времени, оценки и предикативов можно заключить, что они безразличны к семантическим свойствам существительных-стимулов и равным образом могут появляться в качестве реакций в самых различных ассоциативных статьях.

Более определенные, поддающиеся структурному оформлению отношения вырисовываются, если мы попытаемся вывести обобщенную формулу, предложить стандартную и специфическую для каждого типа наречия модель сочетания наречной реакции со стимулом. Наверное, можно найти такие пары существительного с наречием для каждого типа последних, чтобы грамматическая связь в таком сочетании была синтаксически допустимой и данная пара составила бы нормальное словосочетание русского языка, составила бы модель двух слов. Например, для наречия образа действия – *жизнь по-новому*, степени – *совсем дурак*, места – *бабушка дома*, направления – *голос сверху*, времени – *военный в прошлом* и т. д. Но таких возможностей на самом деле очень немного, и подавляющее число наречных реакций в статьях-существительных не образует со стимулом грамматически оправданного, т. е. правильного словосочетания: *ГОСТЬ – неожиданно, ТРУД – много, ТЕЧЕНИЕ – налево, ШКОЛА – давно, ЭКЗАМЕН – трудно*. Наречие в этих и многих аналогичных парах явно относится к какому-то предикату, который в каждом конкретном случае конкретный носитель языка легко восстановит. Задача состояла бы в том, чтобы найти такой универсальный для каждого семантического типа предикат, в формулу сочетания с которым укладывалась бы любая пара из стимула-существительного и реакции-наречия. Такой универсальный предикат мог бы расцениваться как своеобразный «синтаксический примитив», принадлежащий к промежуточному языку и превращающий в грамматически связанную пару стимул и реакцию на него.

Для наречий образа действия в качестве универсального предиката можно предложить глагольную форму «идет»: *гость идет неожиданно, жизнь идет тяжело, занятие идет нудно, километр идет (идти) пешком, слава идет громко, счет идет по порядку, течение идет быстро, школа идет тяжело, экзамен идет удачно*. Семантическая группа наречий степени вместе с вызвавшими их существительными вписывается в формулу иного рода, представляющую собой имплицативное отношение *если... то...: если час, то это мало; если труд, то много; если суббота,*

то побольше; если производство, то много машин; если ребенок, то совсем; если праздник, то много людей; если люди, то много; если километр, то дальше. Наречия места просто сопоставляются на синтагматической оси с вызвавшими их существительными-стимулами, предполагая в каждой паре нулевую связку-предикат **есть, был, будет**: *деревня на отшибе, километр позади, кино близко, люди кругом, отец далеко, разговор здесь, связь дома, сторона напротив*. Специально выделенная в матрице 5 и в таблице Г группа наречий направления, отвечающая на вопрос *куда?*, не обнаруживает своего специфического предиката, с помощью которого можно было бы сконструировать универсальную формулу соединения таких наречий со стимулами-существительными. Отношения в таких парах покрываются в равной степени — либо нулевым предикатом (*голос сверху, жизнь вперед, билет домой, помощь со стороны*), сближая тем самым эту группу с наречиями места, либо предикатом *идет*, что обнаруживает их связь с наречиями образа действия (*дочь идет прочь, течение идет налево, курс идет вперед*).

В группе наречий времени картина оказывается более сложной. Здесь существует два варианта построения универсальной формулы — с помощью собственно глагольных предикатов, в роли которых можно использовать разные формы глаголов *начинаться* и *кончаться*, и с помощью предикатов-наречий — *уже* и *еще*. Оба варианта представляются равноправными, и выбор между ними определяется большей или меньшей естественностью получаемого выражения: *бумага кончится скоро, военный уже в прошлом, встреча начинается не скоро, группа еще сегодня, день кончается поздно, занятие начинается ежедневно, километр не кончается долго, кино начинается летом, курс начнется скорее, школа кончилась давно, помощь началась на заре, праздник уже завтра, смысл еще задолго, результат еще заранее, суббота еще не скоро* и т. д.

Столь же многочисленные в статьях-существительных, как предыдущая группа, реакции-наречия оценки, которые образуют универсальную формулу путем постановки между стимулом и реакцией местоименного предиката-эквивалента *это*: *война это страшно, впечатление это красиво, гость это хорошо, деревня это чудесно, девочка это так, дочь это неплохо, жизнь это хорошо, картина это красиво, кино это так себе, отец это плохо, помощь это хорошо, слово это отлично, товарищ это здорово* и т. д. Наконец, наиболее сложная по семантическому и деривационному составу группа наречий-предикатов формирует синтаксическую конструкцию со стимулом-существительным, осуществляя довольно стандартную операцию превращения стимула из потенциального актанта в сирконстант. Это делается, как правило, путем перевода его из исходной формы в форму косвенного (предложного или винительного) падежа с предлогом *на* или *в*; тогда формула для наречий-предикативов должна выглядеть следующим образом: $на/в + S_{П.п./В.п.} + R_{нареч.}$. Например: *в груп-*

не весело, днем светло (< ДЕНЬ – светло), в деревне тихо, в жизни скучно, на земле тепло, на километр слышно, в кино темно, в комнате скучно, в лесу страшно, в... положении трудно, на помощь обязательно, на празднике весело, на площади чисто, в результате страшно, в субботу легко, в углу сыро, утром свежо (< УТРО – свежо), на экзамене жарко. В тех случаях, когда наречия-предикативы были вызваны одушевленным стимулом, преобразование последнего в сирконстант возможно двумя путями: либо трансформацией его в винительный падеж множественного числа с предлогом в (в гостях весело, в начальниках тяжело, в студентах весело, в учительницах приятно), либо трансформацией в родительный падеж единственного числа с предлогом у (у знакомого приятно, у матери тепло, у начальника тяжело, у студента весело, у учительницы приятно).

Выведение универсальных формул сочетания каждого семантического типа наречия-реакции с вызвавшим ее стимулом и установление тем самым «синтаксических примитивов», относимых к промежуточному языку, т. е. не вербализуемых на поверхностном уровне в АВС, могло бы показаться бесцельным упражнением, если бы не один, чисто практический результат применения этих универсальных формул. Оказалось, что часть наречий, квалифицированных вначале интуитивно как принадлежащие к тому или иному типу, не укладываются в соответствующую этому типу формулу и требуют пересмотра своей принадлежности. В то же время их семантика и практика употребления не запрещают им быть отнесенными к другому типу, в формулу которого они вписываются. Таким образом, была пересмотрена классификационная принадлежность следующих наречий: *чисто* в статье БУМАГА, определенное вначале как наречие образа действия, переведено в разряд предикативов (*на бумаге чисто*); *далее* из статьи КИЛОМЕТР, попавшее в наречия места, в соответствии с формулой *на километр/в километре далее* переопределено как наречие степени; *вкусно*, вызванное стимулом ХЛЕБ и квалифицированное вначале как предикатив, по формуле *хлеб это вкусно* перешло в группу наречий оценки и т. п. Кроме этих уточнений, есть еще один факт, подтверждающий полезность поисков «синтаксических примитивов». Я имею в виду, что отсутствие специфической стандартной формулы для наречий направления заставляет поставить под сомнение правомерность выделенные в матрице 5 и таблице Г самой такой группы и вернуться к идее слияния ее с наречиями места.

В целом можно утверждать, что синтаксические примитивы, соединяющие реакцию-наречие со стимулом-существительным в нормальное словосочетание, выполняют в АВС роль диссипативных структур, которые придают флуктуирующим, «мерцающим» по своей природе отношениям элементов в ней друг с другом, в частности наречий с существительными, определенную упорядоченность и обеспечивают тем самым относительно устойчивое функционирование АВС в этой ее части или зоне.

Поведение наречий в статьях со стимулами-прилагательными. Ожидание увеличения числа наречных реакций при переходе к статьям-прилагательным в целом не оправдалось. Здесь в самых насыщенных такими реакциями статьях их число колеблется от 1–2% (ТЯЖЕЛЫЙ, ЧИСТЫЙ, ОПРЕДЕЛЕННЫЙ, СВОБОДНЫЙ, ПРЕКРАСНЫЙ) до 3% в статье ИНТЕРЕСНЫЙ и 5,4% в статье ХОРОШИЙ (для статей-существительных эти цифры, как помним, равны 3–7%). Меньшим для прилагательных оказывается и среднее число реакций-наречий на статью:

$$\text{стимул-существительное} \frac{592}{82} = 7,21;$$

$$\text{стимул-прилагательное} \frac{123}{21} = 5,85.$$

Как можно видеть из таблицы Д на с. 97, два прилагательных (строки № 2 и № 18) – ДЕТСКИЙ и СТАРЫЙ вообще не вызвали наречных реакций, хотя по общему числу реакций их статьи не являются редуцированными в СЛ, т. е. содержат не 200, а до 700 реакций. Это говорит о том, что наречия направления¹, цели и совместности не встретились в статьях-прилагательных. Среди наиболее характерных и распространенных семантических типов реакций на прилагательные – наречия образа действия, оценки, наречия-предикативы и наречия степени, причем последние оказываются самыми продуктивными. Они попадают почти в каждую статью, миновав лишь статьи вообще с единственной реакцией – СОВЕТСКИЙ и НАСТОЯЩИЙ, а также стимул ОПРЕДЕЛЕННЫЙ, вызвавший, очевидно, в силу своего «причастного» характера и отчетливо ощущаемой испытуемыми – носителями языка связи с производящим глаголом, только наречия образа действия в качестве реакций. Что касается прилагательного МОЛОДОЙ, то отсутствие в его статье наречий степени можно объяснить неполнотой самой статьи, содержащей порядка 200 реакций.

По признаку многообразия типов наречных реакций выделяются стимулы ИНТЕРЕСНЫЙ, давший 5 типов (образа действия: *привлекательно*; степени: *очень 7, не очень 3, к лучшему, мало, совсем нет*; времени: *не всегда 2*; оценки: *отлично*; предикатива: *неинтересно*); ПРЕКРАСНЫЙ – те же 5 типов (образа действия: *наигранно, широко открытые глаза*; степени: *очень 4*; времени: *вечно*; оценки: *хорошо 4*; предикатива: *красиво 4*); СВОБОДНЫЙ – 4 типа (образа действия: *легко*; степени: *много времени, совсем*; оценки: *хорошо, отлично*; предикатива: *хорошо дышать 3*); ЧИСТЫЙ – те же 4 типа, что в предыдущем случае (образа

¹ Реакция *вперед* с «пиковой» для наречий в этих статьях частотой 21 на стимул ПОЛНЫЙ не может быть отнесена к данному семантическому типу, составляя со стимулом идиоматическое, а не свободное сочетание.

СТИМУЛЫ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
ВЫЗВАННЫХ ИМИ НАРЕЧНЫХ РЕАКЦИЙ

Типы реак- ции-наречий	образы лексвия	степени	места	направления	времени	причины	цели	совместности	оценки	предикативы	всего реакций
Стимулы											
1. БОЛЬШОЙ		4									4
2. ДЕТСКИЙ											
3. ДОБРЫЙ		2							1	3	6
4. ДОРОГОЙ		3	1								4
5. ИНТЕРЕСНЫЙ	1	13			2				1	1	18
6. МОЛОДОЙ					2					2	4
7. НАСТОЯЩИЙ					1						1
8. НОВЫЙ	2	1									3
9. НЕБОЛЬШОЙ		1	2								3
10. ОПРЕДЕЛЕННЫЙ	11										11
11. ПЛОХОЙ		2				1					3

действия: нравственно; степени: очень, совсем; оценки: хорошо 4; предикатива: светло).

Подытоживая рассмотрение наречий, вызванных стимулами-прилагательными, следует отметить, что самый многочисленный среди них тип — наречия степени — образует и самые тесные в семантико-синтаксическом отношении пары со стимулом, наиболее оправданные структурно модели двух слов. Практически все наречия степени дают нормальные словосочетания со стимулом: *мало интересный, очень добрый, совсем небольшой, не очень сильный, совсем чистый*. Из других типов такие пары на основе синтаксической связи примыкания могут давать со стимулом-прилагательным, но и то далеко не всегда, лишь наречия времени. Ср. *интересный не всегда, но молодой скоро; прекрасный вечно, но настоящий только что*. Таким образом, о некоторой упорядоченности отношений прилагательных (S) и наречий (R) в ABC, о наличии связывающей их формулы, синтаксического примитива, или диссипативной структуры, можно говорить с достаточной надежностью, имея в виду наречия степени. Прочие типы наречий отчетливо не выявляют каких-либо последовательностей в своих отношениях с этой частью речи.

Перераспределение классификационных групп наречий в глагольных статьях. Пары S-глагол R-наречие наиболее многочисленны и, как кажется, должны обнаруживать большее разнообразие семантических типов наречий-реакций, чем именные части речи. В самом начале их рассмотрения следует подчеркнуть, что к числу наречных реакций мы не относили употребленные в наречной функции существительные с предлогами, т. е. реакции типа *входить — без стука, становиться — в ряд* не включались в число рассматриваемых в данном разделе, а включались только те, где наречие морфологически оформлено и выступает именно как часть речи, например, *входить — пешком, становиться — рядом* и т. п. Глагольные стимулы заставляют некоторым образом перегруппировать вошедшие в словарные статьи наречные реакции. Прежде всего глагольным ассоциативным статьям оказываются совершенно не свойственны наречия оценки, и таким образом, целая семантическая группа выпадает из рассмотрения. В таком же положении оказываются и наречия причины, ни разу не встретившиеся в глагольных статьях и представленные на всем массиве ассоциативного словаря лишь двумя случаями — *с горя* (ГОЛОВА) и *почему?* (ПЛОХОЙ). Зато появляются две новые группы, как бы отпочковавшиеся от тех, что составили таблицу Г: наречие цели в глагольных статьях разделилось на собственно «цели» и «результата», причем способы передачи того и другого оказались весьма однообразны. Для первого это *зачем* (с вариантами *зачем?, зачем-то, зачем, бесцельно*)¹ в статьях НА-

¹ Конечно, квалификация слова *бесцельно* как «наречия цели» выглядит софистически (см. статью СУЩЕСТВОВАТЬ в СЛ) и поэтому его, вероятно, лучше было бы отнести к наречиям образа действия.

ДЕЯТЬСЯ, ОБЕЩАТЬ, ПРОСТИТЬ; ОТВЕТИТЬ, СТАРАТЬСЯ; ОСТАВАТЬСЯ, ПРИХОДИТЬСЯ; ПОДОЙТИ, ПРИЙТИ, УЕХАТЬ; ЖИТЬ, ПРОВЕСТИ, СУЩЕСТВОВАТЬ. Для второго — *напрасно, зря* (с вариантами *бесполезно, бестолку, нестати, не зря*) в статьях НАДЕЯТЬСЯ, ОБЕЩАТЬ; УЧИТЬ, СТАРАТЬСЯ; ОКАЗЫВАТЬСЯ, ОСТАВАТЬСЯ; ПРОВЕСТИ, СУЩЕСТВОВАТЬ. Можно обратить внимание, что перформативные глаголы, названные в этих перечнях первыми, а также глаголы, обозначающие положение в пространстве (ОСТАВАТЬСЯ) или во времени (ПРОВЕСТИ), образуют модели двух слов и с наречиями цели, и с наречиями результата, тогда как глаголы движения (ПОДОЙТИ, ПРИЙТИ, УЕХАТЬ) последовательно проявляют склонность исключительно к наречиям цели.

Другая группа наречий, выделенная только в глагольных ассоциативных статьях и не вошедшая в таблицу Г, образовалась по принципу противопоставления наречиям совместности как их семантическая противоположность и потому может быть названа наречиями «отдельности»: ОКАЗАТЬСЯ — *вместе* (совм.) и ОКАЗАТЬСЯ — *одной, одному* (отдельн.); ОСТАВАТЬСЯ — *вместе* и ОСТАВАТЬСЯ — *одному, одной, одним, наедине с собой*¹.

В итоге рассмотрения семантических групп наречий в глагольных статьях следует констатировать, что общее количество таких групп по сравнению с таблицами Г и Д не изменилось, но произошли некоторые качественные изменения в их составе. Выпали наречия оценки и причины, и введены две новые группы — результата действия и отдельности, возникшие как ответвления наречий цели и совместности — соответственно.

Надо сразу же оговориться, что отсутствие в числе реакций наречий того или иного типа еще не означает их принципиальной несовместимости с глаголом вообще или с глаголами определенных семантических классов (см. также ниже, с. 110). Так, если отсутствие наречий оценки объясняется их трансформацией при сочетании с глаголом в наречие образа действия или предикатив (ср. *хорошо сказать* и *сказать — хорошо, плохо командовать* и *командовать — плохо*), то наречий причины не обнаружено в глагольных статьях просто из-за редкости их употребления вообще. Принципиально же сочетания глаголов с ними вполне возможны (ср. *дать спьяну, упасть сослепу, обещать сгоряча* и т. п.), что подтверждается наличием в тех же статьях существительных — аналогов таких наречных сирконстантов.

Зависимость количества наречий от лексической семантики и вида глагола. Обилие наречных реакций, вызванных глаголами-

---

¹ Полагаю, что формы *оставаться наедине* и *оставаться одним* (СЛ), несмотря на их внутреннюю семантическую противоречивость (ведь *оставаться одним* — значит, как минимум, с кем-то вдвоем, а раз вдвоем, то уже об «отдельности» не может быть как будто речи, но в то же время *одним* означает «отдельно от других»), целесообразно также причислять к наречиям отдельности прежде всего исходя из их морфологического состава.

стимулами (имеется в виду «обилие» в среднем, поскольку экстремумы, т. е. минимум и максимум наречий в глагольной ассоциативной статье, отстоят, как мы увидим далее, довольно далеко друг от друга), делает малоэффективным, не наглядным табличный способ представления результатов анализа. Не удобен для классификации отношений между стимулом и реакцией в этом случае также и прием поиска «синтаксических примитивов», так как глагол и наречие почти в 100% совместных появлений составляют грамматически правильное словосочетание. Семантическое рассогласование в такой паре, разрушающее модель двух слов, встречается крайне редко: на 80 глагольных статей СЛ мною зафиксированы лишь два таких случая — *приходиться надо и **сидиться пешком*¹. Из этих соображений представляется более интересным иной способ наблюдений и обобщений относительно свойств АВС в части глагол-наречие. Рассмотрим наречные реакции с точки зрения их количественных характеристик и с точки зрения разнообразия их семантических типов, попытавшись при этом установить, какие из категориальных свойств стимула могут влиять на тот и другой параметры реакций.

Прежде всего необходимо отметить, что среди всего корпуса глагольных статей СЛ не нашлось ни одной, которая не содержала бы наречия в качестве реакции. Минимум — одно наречие на общее число 736 реакций в статье — падает на стимул ПРИСЛАТЬ, давший реакцию *издалека*. Всего в ассоциативной сети оказалось три глагольных стимула, вызвавших менее 10 наречных реакций; это, помимо названного, ПОКУПАТЬ, в статье которого 3 реакции (при общем их числе 571, т. е. 3/571) трех разных семантических типов — *где* (места), *дешево* (образа действия) и *хорошо* (предикатив), и стимул СДАВАТЬ, в статье которого соотношение 8/625 и реакции таковы: *отлично* 4, *хорошо* (образа действия) и *совсем* 3 (степени). Максимум, как было уже сказано, отстоит от нижнего экстремума довольно далеко, и его «пик» включает две ассоциативные статьи с числом реакций-наречий более половины от общего их числа: БЕЖАТЬ

$\frac{395}{709}$ и ВЕРНУТЬСЯ $\frac{361}{624}$. Если теперь между двумя этими крайни-

ми точками — одной реакцией и 395 наречиями-реакциями — расположить глагольные статьи в порядке убывания наречных реакций, приняв в качестве границ между группами статей, или

единиц отсчета, достаточно условные цифры $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$

¹ Причем обе реакции не являются «случайными», а мотивированы ассоциативно-грамматическими правилами: первая представляет собой синоним или аналог к 3-му лицу единственного числа стимула, а вторая — антоним к тривиальной, стандартной реакции *сидиться верхом*.

наречных реакций, то мы получим шкалу распределения этих реакций по группам глагольных стимулов, каждая из которых может характеризоваться определенными семантическими и категориальными свойствами. Рассмотрим эти группы, а поскольку о первой из них (глаголы движения – БЕЖАТЬ и ВЕРНУТЬСЯ), содержащей более 1/2 реакций-наречий, уже шла речь, обратимся сразу ко второй.

Более 1/3 наречных реакций вызвали следующие стимулы:

а) ЕХАТЬ $\frac{76}{203}$, ИДТИ $\frac{79}{218}$, УЕЗЖАТЬ $\frac{262}{688}$, СТОЯТЬ $\frac{72}{188}$; б)

КРИЧАТЬ $\frac{282}{700}$, ГОВОРИТЬ $\frac{77}{216}$, УЧИТЬСЯ $\frac{92}{220}$, среди которых

можно различить две семантические группы – глаголы движения и глаголы речемысли. Обращает на себя внимание тот факт, что в числе этих глаголов лишь один – совершенного вида.

Менее $\frac{1}{3}$, но более $\frac{1}{4}$ наречий содержат глагольные статьи,

распадающиеся по семантике стимулов на три группировки – а) глаголы движения, б) глаголы речемысли и в) глаголы, которые условно можно назвать глаголами бытия и состояния:

а) ГУЛЯТЬ $\frac{148}{581}$, УЕХАТЬ $\frac{200}{610}$, ПОЯВИТЬСЯ $\frac{200}{675}$, б) ДУ-

МАТЬ $\frac{52}{186}$, ЗНАТЬ $\frac{59}{201}$, ОТВЕТИТЬ $\frac{175}{670}$, ОТВЕЧАТЬ

$\frac{59}{193}$, ПОНИМАТЬ $\frac{48}{190}$, в) СМОТРЕТЬ $\frac{78}{244}$, ЛЮБИТЬ

$\frac{57}{211}$, РАБОТАТЬ $\frac{73}{221}$, ЖИТЬ $\frac{54}{206}$. Среди этих глаголов два совершенного вида.

Более $\frac{1}{5}$ наречий от общего числа реакций находим в статьях:

а) ПОДОЙТИ $\frac{128}{598}$, ПОЙТИ $\frac{41}{198}$; б) ПЕТЬ $\frac{132}{660}$; в) ОКАЗАТЬСЯ

$\frac{136}{572}$, СУЩЕСТВОВАТЬ $\frac{129}{620}$, г) НАЧАТЬ $\frac{47}{198}$, СДЕЛАТЬ

$\frac{41}{202}$, стимулы которых распределяются по тем же семантическим

группам, что и в предыдущем случае, плюс (пункт г) два полужнаменательных глагола.

Наконец, в последнюю в этом ряду группу стимулов, вызвавших более $\frac{1}{6}$ наречных реакций, попадают шесть глаголов, три из которых (подгруппа а) оказываются полузнаменательными и два — стативными: а) ОСТАВАТЬСЯ $\frac{107}{588}$, ДЕЛАТЬ $\frac{37}{208}$, УСПЕТЬ $\frac{128}{712}$, б) СИДЕТЬ $\frac{45}{236}$, ОКАЗЫВАТЬСЯ $\frac{121}{640}$, в) ВИДЕТЬ $\frac{40}{227}$.

Такова верхняя часть нашей условной шкалы распределения наречных реакций по группам глагольных стимулов. К этой части мы отнесли — по чисто количественным показателям — 35 ассоциативных статей, разделив их на 5 групп. Если обратиться теперь к нижней ее части, где сконцентрированы глаголы, вызвавшие наименьшее число реакций-наречий, то, взяв за пороговую для минимума величину $\frac{1}{20}$, мы обнаружим здесь 18 стимулов, которые можно разделить на следующие семантические подгруппы:

а) глаголы передачи: ПЕРЕДАВАТЬ $\frac{7}{687}$, ПЕРЕДАТЬ $\frac{5}{577}$, ПРИСЛАТЬ $\frac{1}{736}$, СДАВАТЬ $\frac{8}{625}$, ПОЛОЖИТЬ $\frac{11}{683}$, ПОМОГАТЬ $\frac{21}{595}$, ПОКУПАТЬ $\frac{3}{571}$;

б) глаголы речемыслительной деятельности: ВСПОМИНАТЬ $\frac{22}{687}$, ЗАПИСАТЬ $\frac{15}{730}$, ПОСЛУШАТЬ $\frac{32}{695}$;

в) полузнаменательные глаголы: КОНЧАТЬ $\frac{23}{575}$, СТАНОВИТЬСЯ $\frac{33}{707}$, УМЕТЬ $\frac{11}{582}$;

г) три отдельно стоящих глагола, которые в принципе можно было бы присоединить к глаголам передачи: ПОТЕРЯТЬ $\frac{27}{673}$, ИСКАТЬ $\frac{12}{583}$, НАЙТИ $\frac{4}{198}$;

д) одиночный глагол ПИТЬ $\frac{15}{614}$;

е) единственный глагол движения **ВОЙТИ** $\frac{32}{732}$.

Деление средней части шкалы с помощью условных показателей $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{15}$ и $\frac{1}{20}$ реакций-наречий от общего числа реакций в глагольной статье привело к таким группировкам стимулов, внутри которых не удастся обнаружить какие-либо семантические или категориальные соответствия между глаголами — членами групп. Ср.:

$\frac{1}{10}$ — *кончиться, писать, поступить, стараться, увидеть, упасть;*

$\frac{1}{15}$ — *взять, встретить, дать, обещать, приходиться, провести, простить, садиться, сесть, сказать, следовать, спросить, учить;*

$\frac{1}{20}$ — *входить, договориться, достать, есть, желать, звонить,*

надеяться, слышать. В этой средней части воображаемой шкалы в равной мере представлены среди стимулов глаголы того и другого вида и самых разнообразных семантических групп.

Разделенные на три части на нашей воображаемой шкале, — максимум наречий (верхняя часть, включающая 35 стимулов), средняя часть, в которую вошли 27 только что перечисленных стимулов (от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{20}$ реакций-наречий) и нижняя часть (18 стимулов), содержащая минимум наречных реакций, — приведенные стимулы исчерпывают все глагольные статьи в СЛ. Пожалуй, более-менее определенная тенденция, которую можно отметить, просматривая шкалу сверху вниз, — это постепенное уменьшение числа глаголов движения от начала шкалы к ее концу. Иными словами, глаголы движения, вероятно, наиболее продуктивны в образовании с наречием модели двух слов. В находящейся в нашем распоряжении одной статье из АТ со стимулом-наречием мы находим подтверждение этому предположению: из 12 глагольных реакций на стимул **ВМЕСТЕ**, 9 составили глаголы движения (*вышли в кинотеатр, весело шагать 2, идти, идти 4, разбежались*), и 3 — бытийные глаголы *быть и жить*.

Другая тенденция, которая просматривается, правда, с меньшей отчетливостью, связана с глагольным видом и состоит в том, что глаголы совершенного вида дают суммарно меньшее количество наречных реакций, чем глаголы несовершенного вида. Эта тенденция отчасти проявляется уже при характеристике глагольных групп, отнесенных к верхней части шкалы распределения. Однако более определенно ее можно отметить при сопо-

ставлении парно-видовых глаголов по показателю доли наречий в общем числе реакций в ассоциативной статье (см. табл. Е).

Таблица Е

Сов. вид	Доля наречий	Несов. вид	Доля наречий	Соотношение видов
УЕХАТЬ	$\frac{1}{4}$	УЕЗЖАТЬ	$\frac{1}{3}$	сов. < несов. в.
ОТВЕТИТЬ	$\frac{1}{4}$	ОТВЕЧАТЬ	$\frac{1}{4}$	сов. = несов. в.
ПОЙТИ	$\frac{1}{5}$	ИДТИ	$\frac{1}{3}$	сов. < несов. в.
УВИДЕТЬ	$\frac{1}{10}$	ВИДЕТЬ	$\frac{1}{6}$	сов. < несов. в.
ВОЙТИ	$\frac{1}{20}$	ВХОДИТЬ	$\frac{1}{20}$	сов. < несов. в.
СДЕЛАТЬ	$\frac{1}{5}$	ДЕЛАТЬ	$\frac{1}{6}$	сов. > несов. в.
ЗАПИСАТЬ	$\frac{1}{20}$	ПИСАТЬ	$\frac{1}{10}$	сов. < несов. в.
ОКАЗАТЬСЯ	$\frac{1}{5}$	ОКАЗЫВАТЬСЯ	$\frac{1}{6}$	сов. > несов. в.
ПЕРЕДАТЬ	$\frac{1}{20}$	ПЕРЕДАВАТЬ	$\frac{1}{20}$	сов. = несов. в.
СЕСТЬ	$\frac{1}{15}$	СИДЕТЬ	$\frac{1}{6}$	сов. < несов. в.

Как следует из этих сопоставлений, только в двух из десяти видовых пар в СЛ глагол-стимул совершенного вида вызывает большее число наречных реакций, чем соответствующий партнер несовершенного вида, т. е. совершенный вид в общем случае как бы сдерживает рост количества реакций-наречий.

Несовершенный вид и максимальное семантическое разнообразие наречий. Помимо количественных показателей, глагольные стимулы и их взаимоотношения с реакциями-наречиями могут быть охарактеризованы со стороны разнообразия семантических групп наречий в статье. Два этих показателя – количества и раз-

нообразия наречных реакций – являются независимыми друг от друга, поскольку максимальное разнообразие (а именно, 6–7 типов наречий) представлено в любой части рассмотренной выше количественной шкалы. Как станет ясно из приводимых ниже примеров, в списке стимулов, вызвавших максимальное разнообразие, опять-таки преобладают глаголы несовершенного вида, а это означает, что несовершенный вид стимулирует и максимальное количество, и наибольшее разнообразие реакций-наречий в ассоциативной статье. Иными словами, несовершенный вид как бы дает говорящему большее число степеней свободы в построении моделей двух слов из глагола и наречий.

ВЕРНУТЬСЯ – доля наречий $> \frac{1}{2}$, 6 семантических типов:

места	направления	образа действия	степени	времени	цели
домой 247	обратно куда?	быстро 5	вновь	вовремя 3	зачем?
назад 70	куда-нибудь	верхом 2	опять	навсегда 3	
сюда		нехотя и т. д.		скоро 2 и т. д.	

ИДТИ – доля наречий $> \frac{1}{3}$, 6 семантических типов:

места	направления	образа действия	времени	степени	предикатив
домой 9	куда? 5	пешком 19	долго 2	много	надо
далеко 9	вперед 4	быстро 10	снова 2		
близко	вдаль 2	медленно 6	и т. д.		
и т. д.	и т. д.	и т. д.			

ГУЛЯТЬ – доля наречий $> \frac{1}{4}$, 7 семантических типов:

места	образа действия	времени	совместности	отдельности	степени	предикатив
где? –	весело 6	вече-	вдвоем 17	одной	мало	хоро-
в саду	пешком 3	ром 60	вместе 6	одному	много	шо 3
отсюда	охотно	днем 2	втроем	одной	по-	можно
где-ни-	и т. д.	ле-		(по	боль-	прият-
будь		том 2		парку)	ше	но
		и т. д.				очень
						и т. д.

СУЩЕСТВОВАТЬ – доля наречий $> \frac{1}{5}$, 7 семантических типов:

образа действия	времени	результата	совместности	места	предикатив	отдельности
мирно 18	долго 10	зря 4	вместе 2	рядом 3	нельзя	отдельно
независимо 10	всегда 6	напрасно 2		извне	не надо	одно-
еле-еле 5	вечно 4	бесполезно			нужно	одно-
и т. д.	и т. д.	и т. д.			и т. д.	му

ОКАЗЫВАТЬСЯ – доля наречий $> \frac{1}{6}$, 7 семантических типов:

образа действия	места	времени	цели	степени	отдельности	предикатив
вдруг 5	рядом 32	снова 2	некстати 2	совсем	наедине 4	неудобно 2
случайно 4	вблизи 13	редко	мимо	вполне		плохо
внезапно 3	где-то 11	сегодня				
и т. д.	и т. д.					

ПРИХОДИТЬСЯ – доля наречий $> \frac{1}{15}$, 6 семантических типов:

образа действия	цели	степени	направления	времени	предикатив
впору 13	зачем-то	много 2	куда?	вчера	надо
как раз 6					
трудно 2					
и т. д.					

ЗВОНИТЬ – доля наречий $> \frac{1}{20}$, 6 семантических типов:

образа действия	времени	степени	места	результата	предикатив
громко 6	рано 2	много	где?	зря	не надо
часто 6	сегодня 2	раз	издалека		
непрерывно 3	скоро 2				
и т. д.	и т. д.				

ПОМОГАТЬ – доля наречий $< \frac{1}{20}$, 6 семантических типов:

образа действия	времени	степени	места	совместности	предикатив
<i>быстро</i>	<i>всегда 2</i>	<i>легче</i>	<i>(рабо-</i>	<i>вместе 2</i>	<i>можно</i>
<i>делом 2</i>	<i>навсегда 2</i>	<i>мало</i>	<i>тать)</i>		<i>надо</i>
	<i>вовремя</i>	<i>очень</i>	<i>дома</i>		<i>обязательно</i>
	<i>и т. д.</i>				<i>и т. д.</i>

Понятие сирконстантной структуры глагола и отношения дополнительности между наречными и именными сирконстантами. Показатель разнообразия не остается просто абстрактной характеристикой стимула-глагола. Выше была проведена параллель между способом использования местоименных реакций в глагольных статьях и возможной ролью в них наречных реакций. Если первые служат моделью актантной структуры глагола-стимула, то вторые очерчивают контуры его сирконстантной структуры, как бы пунктиром намечая ее основные узлы, которые могут заполняться как определенным семантическим типом наречия, так и соответствующим этому типу сирконстантом-именем. В ряде глагольных статей такое соответствие оказывается полным. Например, в статье ВЗЯТЬ обнаружено 4 семантических типа наречия, и каждому из этих типов здесь есть соответствие в виде обстоятельства, выраженного существительным с предлогом: *взять в руку*, *взять в запас* (образа действия), *взять до завтра*¹ (времени), *взять на прогулку* (цели), *взять со стола* (места). Однако попытка установления таких соответствий для более широкого круга глаголов показала, что в большинстве случаев при наложении существительных-сирконстантов на сирконстанты-наречия в той же статье мы имеем эксцентрическое расхождение в их типах: при совпадении некоторых из них часть наречий не имеет соответствий в обстоятельствах, переданных косвенными падежами имен существительных, и в то же время среди сирконстантов-существительных появляются такие, которые не были предусмотрены «наречной моделью сирконстантной структуры», если можно так выразиться, данного глагола. Этот эксцентризм зафиксирован, в частности, во всех глагольных статьях, приведенных на с. 106–108 и содержащих максимальное разнообразие типов наречных реакций, но при этом важно отметить такой момент: разнообразие наречий всегда больше чем разнообразие субстантивных сирконстантов. Ср., в статье ВЕРНУТЬСЯ установлено 6 типов наречий (см. выше) и только 4 типа обстоятельств, выраженных другими частями речи, три из которых совпадают с наречными, а четвертое является дополни-

¹ Здесь *завтра* расценивается, естественно, как субстантивированное наречие, т. е. выступает в роли имени.

тельными: времени (*вернуться к обеду, вернуться на рассвете*); цели (*вернуться, чтобы понять; вернуться посмотреть*); сирконстанты направления и места при выражении их существительными стали неразличимы и слились в один тип (*вернуться на родину, вернуться из дома, вернуться в школу*); дополнительный сирконстант лучше всего соотнести с отсутствующим в этой статье наречием результата (*вернуться с войны, вернуться из плавания, вернуться со свидания*)¹. Полностью отсутствующими здесь, по сравнению с наречными обстоятельствами, оказались обстоятельства образа действия и степени. Понятно, это вовсе не означает, что они принципиально не могут быть выражены именами, что именными сирконстантами такого типа невозможны. И действительно, в статье ПРИХОДИТЬСЯ по аналогии с 6 наречными сирконстантами находим тоже 6 субстантивных, в том числе образа действия и степени, лишь вместо наречия цели, не получившего соответствия среди именных сирконстантов, появляется обстоятельство места: образа действия (*приходиться по вкусу, приходиться на раз, приходиться под руку*); места (*приходиться на посту*), направления (*приходиться в парк, приходиться о общежитие*); времени (*приходиться на четверг, приходиться в жизни*); предикатив (*приходиться в нехорошем состоянии*); степени (*приходиться на душу, на долю, на одного*). Здесь среди именных сирконстантов отсутствует обстоятельство цели, которое, в свою очередь, представлено, например, в статье ЗВОНИТЬ (*звонить к обеду*). Зато в этой статье из 6 сирконстантных позиций, обозначенных соответствующими типами наречий, именами существительными заполнены только две — образа действия (*звонить в колокола, звонить по номеру*) и места (*звонить в дверь, звонить на колокольне*). Аналогично две из 6 потенциальных позиций заполнены именными сирконстантами в статье ПОМОГАТЬ — образа действия (*помогать всей душой*) и предикатива (*помогать в учебе, помогать по хозяйству*).

Однако не всегда именными сирконстантами по своему разнообразию уступают наречным в ассоциативных статьях. Для стимулов, давших бедную сирконстантную структуру в наречных реакциях, положение иногда меняется на противоположное. Так, во всех 5 глагольных статьях, характеризующихся минимальным разнообразием типов наречий (1–2 типа), сирконстанты, выраженные существительными, оказываются богаче по своей грамматической семантике, чем заданная наречиями сирконстантная модель соответствующего глагола. Хотя отмеченный выше эксцентризм при наложении наречной и именной модели одной на другую постоянно сохраняется и здесь. Ср., стимул ПРИСЛАТЬ вызвал лишь одну наречную реакцию — наречие места *издалека*.

¹ При характеристике сирконстантных позиций глагола, заполненных именами существительными, здесь и далее приводятся, как и в случае иллюстрирования разнообразия семантических типов наречия на с. 106–108, только образцы того или иного типа и не воспроизводится весь состав соответствующих реакций в статье.

Сирконстанты-существительные дали два других типа – образа действия (*прислать по почте*) и цели (*прислать в помощь*). Такое же расширение и несовпадение именных сирконстантов-реакций находим и в остальных статьях с минимальным разнообразием наречий. ПОСТУПИТЬ – два типа наречий – образа действия (*правильно*) и места (*туда*); именные сирконстанты-реакции повторяют их (*поступить по совести, поступить как комсомолец; поступить в институт*) и дополняют обстоятельством цели – *поступить в продажу*.

СДАВАТЬ – включает в статью два типа наречий – образа действия (*отлично*) и степени (*совсем*); среди именных сирконстантов мы не обнаруживаем этих типов, но появляются обстоятельства цели (*сдавать в аренду*), места (*сдавать в кассу*), результата (*сдавать на стипендию*) и обстоятельство-предикатив (*сдавать в плен*).

СКАЗАТЬ – содержит в статье два типа наречных реакций – образа действия (*сказать напрямик*) и предикатив (*сказать – трудно*)¹, существительные же сирконстанты воспроизводят из них лишь обстоятельство образа действия (*сказать в руку*), дополняя его причинным сирконстантом (*сказать не подумав*) и обстоятельством места (*сказать из Казани*)².

СПРОСИТЬ – дает два типа наречий – образа действия (*спросить застенчиво*) и времени (*спросить однажды*); среди именных сирконстантов в статье встречается аналогия лишь первому (*спросить по телефону, спросить с интересом*), а обстоятельство времени не воспроизводится, зато появляется соответствие возможному здесь наречию результата (*спросить не к месту*).

На самом деле таких глаголов, в статьях которых число именных сирконстантов-реакций превышало бы число наречных, оказывается совсем немного. Уже со следующей «ступеньки», начиная с показателя разнообразия равного 3, т.е. со статей, в которых представлено 3 семантических типа наречия и далее, опять начинает преобладать общая закономерность, согласно которой наречная модель сирконстантной структуры богаче именной модели, или, иными словами, количество типов обстоятельств, выраженных наречиями, всегда больше (в крайнем случае, равно), чем количество обстоятельств, выраженных именами существительными или субстантивированными формами других частей речи. Так, в статьях:

¹ Отдавая себе отчет в амбивалентности этой реакции, т.е. обстоятельство образа действия или предикатив (ср. *трудно сказать* vs. *сказать – трудно*), мы во всех подобных случаях, квалифицируя реакции по типам, шли по пути допустимого увеличения их разнообразия.

² Мы отвлекаемся при подобной квалификации, от того, что данная реакция есть свидетельство игры, игровой позиции испытуемого и построена лишь на созвучии со стимулом. Все равно, по существу, по синтаксической своей роли она выражает обстоятельство места и соответствующая позиция могла бы быть представлена логически непротиворечивыми и семантически совместимыми с глаголом сочетаниями – *сказать с кафедры, сказать в аудитории, сказать из-за двери*.

ВХОДИТЬ – 3 типа наречий – образа действия (*быстро*), времени (*навсегда*), направления (*внутрь*); столько же находим здесь именных сирконстантов, правда, в соответствии с эксцентрическим сдвигом, несколько иных типов – места (*в дом, в воду, на улицу*), предикативов (*в доверие, в актив, в азарт, в обязанности*) и повторяется обстоятельство образа действия (*как мимолетное видение, на цыпочках, с разрешения*).

ЗАПИСАТЬ – 4 типа наречий – образа действия (*чисто*), времени (*недавно*), степени (*совсем*) и предикатива (*можно*) – здесь противостоят 4 типа именных обстоятельств, но опять-таки иного толка: предикатив повторяется (*записать в очередь, записать в кружок*), обстоятельство образа действия тоже (*записать со слов, записать на пленку*), а вместо наречий степени и времени появляются обстоятельства места (*записать в тетрадь, записать на доске*) и цели (*записать на память; записать, чтобы запомнить*).

ПОСЛУШАТЬ – на месте трех типов наречий – образа действия (*внимательно*), времени (*сразу*) и предикатива (*интересно*) – мы находим здесь, по правилу эксцентризма, только один сирконстант цели, выраженный субстантивированным инфинитивом (*послушать – и забыть, послушать – и ответить*).

Обобщая эти наблюдения, представлялось бы логичным высказать предположение, что наречные и именные сирконстанты – с учетом закономерности их эксцентризма – находятся в отношении дополнительности друг с другом таким образом, что суммарно, в своей совокупности они полностью задают сирконстантную структуру глагола-стимула. К сожалению, приходится констатировать, что это предположение оказывается беспочвенным прежде всего в силу большой свободы самой сирконстантной структуры, свободы гораздо большей, чем, например, у актантной структуры глагола. По сути дела, единственным ограничением сирконстантной структуры является сам набор семантических типов наречий, наречий-сирконстантов и их соответствий – именных обстоятельств, потенциальное число которых в глаголе равно 10 (см. с. 99). Это максимальное число сирконстантов не достигнуто ни в одной из 80 глагольных статей СЛ, т.е. не нашлось ни одной статьи, где бы сумма семантических типов наречий-реакций и обстоятельственных реакций-существительных исчерпывала бы все возможности сирконстантной структуры. Более того, незаполненная в той или иной ассоциативной статье позиция всегда может быть замещена придуманным *ad hoc*, но подходящим к случаю наречием или именным сирконстантом.

Продемонстрируем это положение на примере самого бедного сирконстантами глагола в СЛ – ПРИСЛАТЬ. Как мы помним, единственная в этой статье наречная реакция – места (*издалека*) – была дополнена сирконстантами-существительными образа действия (*по почте*) и цели (*в помощь*) – см. с. 109–110. Если ориентироваться на полную сирконстантную структуру, то неза-

полненными остаются 7 позиций, каждую из которых в принципе можно заместить как наречием, так и именем-сирконстантом. Ср., степени (*прислать помногу, прислать по килограмму*), направления (*прислать туда, прислать по адресу*), времени (*прислать давно, прислать на утро*), причины (*прислать сгоряча, прислать по доброте душевной*), совместности (*прислать сообща, прислать на троих*), предикатив (*стыдно прислать, прислать (записку) в тесноте*), результата (*бестолку прислать, прислать книгу по прочтении*).

Диссипативная структура, связывающая семантику глагола и тип сирконстанта. Подобный эксперимент удастся, как кажется, со всеми глаголами-стимулами из СЛ, а значит, можно предположить, удастся и с любым русским глаголом вообще. Однако при этом нельзя не обратить внимания на то, что даже такой простой по семантике глагол, как глагол *прислать* для заполнения всех потенциальных позиций сирконстантной структуры, т. е. для образования всех 10 семантических типов моделей 2 слов из глагола и существительного-сирконстанта, требует использования, требует активации в этих словосочетаниях обоих своих ЛСВ, а в пределе, очевидно, всех значений многозначного слова. Различие двух значений в глаголе *прислать*, согласно словарным толкованиям, минимально и основывается на противопоставлении вещи и человека: *прислать что-то* и *прислать кого-то*. Так вот, даже это минимальное различие отражается в сконструированных выше для заполнения всех сирконстантных позиций моделях двух слов: *прислать на утро* или *прислать по адресу* можно и то, и другое, но *прислать по прочтении* можно только вещь и вещь определенного рода.

Более отчетливо эта особенность, эта невозможность реализовать полностью сирконстантную структуру глагола в рамках одного ЛСВ и необходимость для решения такой задачи обращаться к совокупности всех его значений, прослеживается на глаголах с более богатой, более разветвленной семантической структурой. Глагол СДАВАТЬ (8 значений по Ожегову) вызвал в качестве реакции, как мы помним, два наречных сирконстанта — образа действия *отлично* (который может относиться и к 6-му значению «сдавать карты», и к 7-му «сдавать экзамен») и степени *совсем* (который в равной мере относится к 4-му «ослабить» и к 8-му «стать слабее» значениям этого глагола). В числе дополняющих сирконстантную структуру именных обстоятельств в этой ассоциативной статье были найдены еще 4, совершенно четко распределяющиеся по оставшимся незаполненными позициям: *сдавать в плен* (предикатив, соответствует 3-му значению), *сдавать в аренду* (цель, 2-е значение), *сдавать в кассу, в сберкассу, в камеру хранения* (место, 1-е значение) и *сдавать на стипендию* (результат, 7-е значение). Таким образом, в реализованной в ассоциативной статье сирконстантной структуре глагола находят отражение практически все его лексико-семантические варианты,

все значения многозначного слова¹. По сути дела, набор ЛСВ глагола-стимула и служит тем сдерживающим фактором, который не дает возможности говорящему (а в случае ассоциативной статьи — испытуемому) заполнить все узлы потенциальной сирконстантной структуры. Таким образом, никогда не достигаемая полнота, или, лучше сказать, принципиальная неполнота, сирконстантной структуры определяется только семантикой глагола-стимула.

При этом, разумеется, нет одно-однозначного соответствия между семантическим типом сирконстанта и отдельным значением многозначного глагола: один и тот же тип сирконстанта распределяется по разным значениям, а одно и то же значение может обслуживаться разными типами сирконстантов, но, как правило, всегда сохраняется такое положение, что реализованная в ассоциативной статье в АВС сирконстантная структура, представленная суммой моделей двух слов глагола с наречиями и именными обстоятельствами, целиком покрывает семантическую структуру этого глагола-стимула, отражая так или иначе все его ЛСВ. Подобное сращение лексической семантики с грамматикой лишний раз подчеркивает специфику АВС, вбирающей в себя и находящей основания для равноправного взаимодействия столь разнородных, обычно разводимых в теории, характеристик языковых единиц, для того, что мы в целом назвали лексикализацией грамматики в АВС.

Семантическое ограничение на реализацию сирконстантной структуры в ассоциативной статье, как могло бы показаться, должно приходиться в противоречие со сделанным выше утверждением о принципиальной возможности для всякого глагола заполнения всех 10 позиций потенциальной сирконстантной структуры. В самом деле, если глагол ПОСТУПИТЬ, например, с помощью как наречных, так и именных обстоятельств отразил в ассоциативной статье все три своих ЛСВ (см. с. 110), то за счет чего будут заполняться оставшиеся 7 позиций, или 7 типов обстоятельств? Оказывается, такое заполнение вполне допустимо, и разные типы сирконстантов вписываются в уже реализованные ЛСВ, но при этом обнаруживается отчетливое предпочтение этих дополнительных (т. е. не использованных испытуемыми и не попавших в анкеты, а затем — в ассоциативную статью) сирконстантов к какому-то одному ЛСВ и одновременно их «сирконстантная вторичность», если можно так выразиться. Эта вторичность заключается в том, что они выступают как сирконстанты к сирконстантам в рамках одного, как правило, ЛСВ. Так, для глагола ПОСТУПИТЬ наиболее многочисленным оказывается тип реакций именным обстоятельством места ко 2-му словарному значению «зачислиться куда-н.» — *в институт, в вуз, на рабо-*

¹ Неучтенное в этом перечислении 5-е значение «давать сдачу» (см. словарь С. И. Ожегова) полностью укладывается в 1-е значение «передать кому-н.» и может расцениваться как его частный случай.

ту, в школу, на службу и т. п. Именно для этого ЛСВ и к этому обстоятельству можно построить недостающие типы сирконстантов: степени — *поступить целиком* (ср. *наша группа поступила в университет целиком*); времени — *поступить давно* (например, *в университет*); результата — *поступить после конкурса*; совместности — *поступить втроем*; причины — *поступить (в университет) по глупости*; предикатив — *стыдно не поступить (в университет)*; отдельности — *поступить по одному*.

Приведенные конструкции возможны, допустимы, грамматически и семантически оправданы, но они реально не встретились, они не были спонтанно порождены испытуемыми, не активировались в АВС. Можно было бы, конечно, в связи с этим порассуждать о системе, норме и узусе, но это вещи известные и много раз обсужденные, а нас сейчас интересует совсем другое. Семантическое ограничение на типы сирконстантных реакций, выразившееся в отчетливой корреляции этих типов с лексико-семантическими вариантами значений глагола-стимула, тоже представляет собой системное отношение, своего рода структуру, однако структуру, отличающуюся от привычных для нас «жестких» грамматических (например, согласование имени и зависимого от него прилагательного в роде, согласование в лице и числе подлежащего и сказуемого и т. п.) или семантических структур (например, *грош может быть ломаным, серебряным или жалким*, но не может быть печальным, как не может соединиться с увеличительным суффиксом-ище). Рассмотренная нами структура, как и все прочие структуры в АВС, является «мягкой», «размытой», но воспроизводимой и самонастраивающейся. Это типичная диссипативная структура, т. е. такая разновидность структур, которые свойственны самоорганизующимся системам (а к ним принадлежит и АВС) и которые проявляют себя в состояниях, далеких от равновесия. Для АВС равновесие вообще противопоказано, равновесие означало бы жесткую закреплённость узлов сети (т. е. в нашем представлении — словоформ и словосочетаний, образующих эти узлы) и связей между ними. Функционирующая АВС — как способ держания (знания) индивидом языка и постоянного его использования — должна непрерывно переходить от одного активированного состояния к другому, и все эти состояния должны быть состояниями неустойчивости. Но порождение упорядоченной речи оказывается возможным лишь потому, что эти состояния не приводят к хаосу, а обуславливают появление структур, называемых диссипативными. Значит, и корреляцию типов сирконстантов с системой значений многозначного глагола-стимула, и отсутствие в ассоциативной статье, как правило, сирконстантных реакций таких типов, которые, в принципе, были бы допустимы, но являлись бы при этом как бы вторичной характеристикой того или иного ЛСВ, следует расценивать как специфические закономерности, действующие на пространстве АВС, как существующие в ней диссипативные структуры.

Понятие доминирующего сирконстанта и асимметрия между наречными и именными сирконстантами. Нам осталось рассмотреть два вопроса во взаимоотношениях глагола и наречия, а шире — глагола и сирконстантов разных типов. Прежде всего это соотношение наречных и именных сирконстантов в одной и той же статье, а второй вопрос связан с выяснением влияния словоизменительных форм глагола-стимула на наречия-реакции и на сирконстантную структуру глагола в целом, поскольку до сих пор мы имели дело только с материалом СЛ, в котором стимулы даны в инфинитиве.

В количественных соотношениях наречных и именных сирконстантов в рамках одного глагола-стимула никаких закономерностей как будто не обнаруживается. Колебания здесь возможны как в одну, так и в другую сторону: если в ассоциативной статье БЕЖАТЬ, например, 395 реакций-наречий (*быстро* 179, *бегом* 40, *наперегонки* 18, *домой* 17...) и 63 обстоятельства разного типа, переданных именами существительными (*без оглядки* 21, *по улице* 4, *в институт* 3, *на помощь*, *из плена*...), то в статье такого же глагола движения ВХОДИТЬ, наоборот, 371 именной сирконстант (*в дом* 127, *в дверь* 48, *в комнату* 37, *в доверие* 21, *на цыпочках*, *с разрешения*...) и только 40 наречных реакций (*быстро* 9, *осторожно* 3, *сюда* 3, *навсегда* 2, *куда-нибудь*...). Стимул ПОСТУПИТЬ дал 119 наречий и 356 именных обстоятельств, а глагол СДЕЛАТЬ — 41 наречие на одно-единственное обстоятельство, выраженное именем существительным — *в срок*, тогда как в статье ПРИСЛАТЬ — одно наречие и 12 именных сирконстантов. В качественном же плане в этих отношениях прослеживается определенная последовательность, которую можно обозначить как тенденцию к асимметрии между семантическими типами сирконстантов, доминирующих среди именных и среди наречных. Назовем доминирующим такой тип, который представлен в ассоциативной статье более чем 50% от общего числа сирконстантных реакций. Например, для глагола ВСТРЕТИТЬ, содержащего в статье 53 наречия 4 семантических типов, доминирующим будет наречие образа действия, поскольку реакций этого типа оказывается 46 (*неожиданно*, *невзначай*, *приветливо*, *мысленно*, *гостеприимно* и т. п.). Среди именных обстоятельств в той же статье преобладают обстоятельства места (*на вокзале*, *на улице*, *в городе*, *дорогой* и т. п.), их оказывается 23 из общего числа 28 именных сирконстантов. Тогда асимметрия будет выражаться в том, что среди наречных и именных сирконстантов будут доминировать разные семантические типы. Так, если в статье ПОСТУПИТЬ доминирующими оказываются наречия образа действия (*правильно* 47, *плохо* 20, *благородно* 5...) и их 113 из 119 наречных реакций, а среди именных сирконстантов преобладают обстоятельства места (*в институт* 210, *в вуз* 78, *на работу* 26...) и их 345 из 356 разных именных обстоятельств, то мы как раз и имеем дело с асимметрией семантических типов наречных и

именных сирконстантов. Происходит как бы сдвиг акцента в сирконстантной структуре с одного семантического типа на другой.

Такого рода сдвиг — от наречий образа действия к обстоятельствам места, выраженным именами существительными, — наиболее характерный и наиболее частый в сирконстантной структуре глаголов-стимулов СЛ. Вероятно, эта закономерность обусловлена тем, что среди наречий-реакций чаще всего доминирующими оказываются наречия образа действия: такая картина зафиксирована более чем в половине глагольных ассоциативных статей. Тогда как среди именных сирконстантов преобладают обстоятельства места, выступающие как доминирующие в трети всех статей того же словаря. Тем не менее, направление семантического сдвига и соответственно отношения асимметрии между наречными и именными сирконстантами представляются не имеющими ограничений, т. е. в принципе могут существовать между двумя любыми семантическими типами доминирующих сирконстантов. Интересно отметить, что среди наречий ни разу не стали доминирующими на массиве 80 глагольных ассоциативных статей наречия причины, цели-результата и совместности-отдельности, а среди именных обстоятельств — времени и совместности-отдельности; некоторая асимметрия сохраняется, таким образом, и в отрицательном материале. Приведем примеры семантических сдвигов и асимметрии в сирконстантной структуре для разных наречно-именных пар доминирующих сирконстантов.

Доминирующие наречия образа действия допускают семантический сдвиг и соответственно коррелируют, помимо уже упомянутого и наиболее частотного обстоятельства места, с доминирующим положением следующих именных обстоятельств: **направления:** в статье ИДТИ из 76 наречных реакций 38 наречий образа действия (*пешком 19, быстро 10, медленно 6...*), именных же сирконстантов здесь оказывается 33, из которых 24 указывают направление (*в кино 7, в институт 5..., к цели 2, на почту...*); **цели:** в статье КРИЧАТЬ 265 наречий образа действия на 282 наречных реакции, а среди именных сирконстантов 44 обстоятельства цели (*о помощи 31, на помощь 13*) из 97 обстоятельственно-именных реакций. (несколько меньше 50%, но это самая многочисленная здесь группа обстоятельств);

степени: глагол ПРИХОДИТЬСЯ вызвал 31 наречие образа действия среди 37 наречных реакций, тогда как из 45 именных сирконстантов в этой статье 28 оказались обстоятельствами степени (*на душу 11, на долю 4, на человека 3, на каждого 2...*).

Если наречия образа действия коррелируют с четырьмя доминирующими типами обстоятельств, то наречия времени — только с тремя: места, причины и цели.

Время ~ место: ГУЛЯТЬ — на 148 наречий 101 — времени (*вечером 60, долго 12, допоздна 9, некогда 6...*); из 207 именных обстоятельств 155 обстоятельств места (*по улице 42, в парке 22, ... у друга, над рекой...*);

время ~ причина: КОНЧИТЬСЯ — 53 наречия времени на 82 реак-

ции (скоро 18, быстро 9, вовремя 3, когда 3...) и 6 обстоятельств причины (от работы 2, от сердечного удара 2, от смеха, со смеху) на 11 такого рода реакций;
время ~ **цель**: УСПЕТЬ – 92 временных наречия (вовремя 75, быстро 11, скорей 2, уже...) из 128 реакций, тогда как среди обстоятельств 70 из 96 являются обстоятельствами цели (на поезд 25, на автобус 16, на занятия 13..., к поезду...).

По два коррелята среди доминирующих именных сирконстантов имеют наречия направления, места и степени.

Направление ~ **место**: этот семантический сдвиг характерен для некоторых глаголов движения – ехать, уезжать, пойти, например, в последнем при 23 наречиях направления на 41 наречную реакцию (домой 7, куда? 6, куда-нибудь 6, вдаль...), соотношение в именных сирконстантах – 60 обстоятельств места (в кино 24, в театр 15, в лес 8, в горы...) на 63 обстоятельственные реакции; **направление** ~ **образ действия**: в статье СЛЕДОВАТЬ из 60 наречий-реакций 35 – наречия направления (дальше 16, куда-то 6, вперед 4...), тогда как на 70 именных сирконстантов приходится 35 обстоятельств образа действия (по пятам 13, по расписанию 5, по порядку 2, без остановки...);

место ~ **предикатив**: ОКАЗЫВАТЬСЯ дает 87 наречий места (рядом 32, вблизи 13, дома 8, здесь 6...) на 121 реакцию, а в сирконстантах, выраженных именами с предлогами, 221 предикатив (в положении 47, в трудном – неудобном, глупом, неловком, дурачком, смешном, нелепом и т. д., в беде, на высоте...) из 270 обстоятельственных реакций;

место ~ **образ действия**: СТАНОВИТЬСЯ содержит 18 наречий места (рядом 17, внизу) из 33 таких реакций и 217 обстоятельств образа действия (на ноги 115, в ряд 30, в позу 7, на цыпочки 4, раком...) из 271 именного сирконстанта;

степень ~ **место**: в статье ПОДОЙТИ доминирующими можно считать наречия степени (поближе 29, ближе 24, вплотную 4), хотя их немногим меньше половины – 55 на 128 реакций – и их число незначительно превышает количество наречий места, в то время как среди обстоятельственных реакций наблюдается очень высокая однородность, и здесь мы находим 117 обстоятельств места (к дому 29, к столу 22, к остановке 6, в буфет...) на 118 именных сирконстантов; единственное отклонение на фоне такого единодушия испытуемых составило обстоятельство образа действия – ногами;

степень ~ **образ действия**: стимул СТАРАТЬСЯ вызвал в качестве реакций 52 наречия степени (очень 29, лучше 11, больше, много...) из общего числа 89 наречий и 25 именных сирконстантов, все из которых оказались обстоятельствами образа действия (изо всех сил 18, во весь опор 2, через силу 2...).

Связь категории переходности/непереходности глагола с преимущественной реализацией его актантной или сирконстантной структуры. Правило семантического сдвига и асимметрии между наречными и именными сирконстантами, в том виде, как оно

было иллюстрировано, не имеет абсолютной силы и релевантно лишь для части глаголов-стимулов, примерно для 35 из 80. Но что важно отметить, так это тот факт, что почти 100% этих глаголов являются непереходными (в этом списке лишь два переходных глагола — *встретить* и *кричать*). Для основной массы переходных глаголов тоже свойственна асимметрия другого рода, — если можно так сказать, асимметрия отсутствия. Все переходные глаголы, число которых более 30, отчетливо распадаются на три группы: самую большую из них (более 20) составляют стимулы, в статьях которых представлены доминирующие наречные сирконстанты, но отсутствуют доминирующие именные. Доминируют в подавляющем большинстве таких статей (*взять, дать, делать, писать, ответить, сделать, слышать, понимать, спросить* и др.) наречия образа действия и лишь в некоторых статьях находим иные семантические типы: степени (*желать, знать, любить*), времени (*искать, кончать*), предикатив (*простить*). С другой разновидностью асимметрии отсутствия встречаемся в статьях тех глаголов-стимулов, где нет доминирующих наречных, но есть доминирующие именные сирконстанты. Подобных статей всего 4, причем на 3 переходных глагола с таким типом асимметрии (*передавать, передать, положить*) обнаружился 1 непереходный (*помогать*), в статье которого из 50 обстоятельств 45 оказались предикативами (*по хозяйству 25, по дому 15, в беде 4, по работе*). Наконец, еще 10 переходных глаголов отличаются тем, что в их статьях — ни среди наречных, ни среди именных сирконстантов — нет доминирующих (*вспоминать, найти, обещать, пить, покупать, потерять...*). К этой группе примыкает и один непереходный глагол — *надеяться*. Чтобы исчерпать все глаголы-стимулы в СЛ, мы должны объединить оставшиеся в особую группу, которая характеризуется тем, что в этих ассоциативных статьях доминирующий тип наречия совпадает с доминирующим типом именного сирконстанта, т.е. правило асимметрии не соблюдается. Вошедшие в эту группу глаголы являются непереходными (одно исключение — глагол *петь*), а доминирующими в их статьях оказались сирконстанты образа действия (*вернуться, звонить*), места (*прийти, садиться, сесть, уехать*) и направления (*смотреть*).

Если обобщить теперь сделанные наблюдения над соотношением сирконстантов, то следует констатировать, что для статей с непереходным глаголом-стимулом характерно наличие доминирующего типа как среди сирконстантов-наречий, так и среди сирконстантов-имен. При этом существенно, что у подавляющего большинства непереходных глаголов обнаруживается асимметрия между семантическими типами доминирующих наречий, с одной стороны, и семантическими типами доминирующих сирконстантов-имен, с другой. Переходные же глаголы, наоборот, характеризуются в своих связях с сирконстантами асимметрией иного рода, которую мы назвали асимметрией отсутствия. В этом случае доминирование проявляется только в одной

какой-то разновидности сирконстантов: если в статье среди наречных реакций есть доминирующий семантический тип наречия, то среди сирконстантов-имен в той же статье не бывает выделяющихся своим количеством однотипных реакций. И наоборот, при доминировании именных сирконстантов наречия в соответствующей статье отличаются слабой представленностью. А для небольшой части переходных глаголов-стимулов слабо представленными в ассоциативных статьях оказываются как наречия, так и имена-обстоятельства.

Чем можно объяснить такое положение, такую сглаженность, меньшую выразительность сирконстантной структуры переходного глагола и ее яркую выраженность, можно даже сказать «выпяченность» каких-то семантических типов сирконстантов, у глаголов непереходных? Для ответа на этот вопрос надо разобраться, что такое «доминирование» с точки зрения грамматики, каков структурно-синтаксический и психологический смысл этого явления. За счет чего оно создается в ассоциативной статье и за счет чего утрачивается?

Доминирование того или иного типа сирконстанта означает наибольшую частотность реакций этого типа, потенциальное свойство выполняющих эту функцию слов (соответственно наречий или имен в косвенных падежах с предлогами) первыми приходить носителю языка в голову в связи с данным глагольным словом-стимулом. Если положить общее число всех реакций в каждой ассоциативной статье примерно одинаковым, то можно констатировать, что в целом у непереходных глаголов преобладают сирконстантные реакции — именные или наречные, — тогда как у переходных глаголов в среднем их оказывается меньше. (Убедиться в этом можно, сопоставив приведенные на предыдущих страницах цифры, отражающие количественное соотношение реакций в разных глагольных статьях.) Иными словами, сирконстанты первыми приходят в голову, быстрее и интенсивнее образуют сочетания, или модели двух слов, с непереходными глаголами. А что же выдвигается в таком случае на первый план среди глагольных сочетаний в статьях с переходными глаголами-стимулами? Что обладает здесь преимуществом первым приходить в голову?

Наиболее характерная и наиболее распространенная ситуация асимметрии отсутствия — это наличие доминирующих типов среди наречий и их отсутствие среди реакций-именных сирконстантов. Например, в статье глагола ДЕЛАТЬ 32 наречия образа действия (*хорошо* 7, *аккуратно* 3, *мастерски* 3...) из 37 наречных реакций и только 2 именных обстоятельства — *без желания* и *во время*. Зато здесь большое место занимают реакции, переданные прямым падежом объекта: *дело* 28, *работу* 9, *уроки* 5, *дела* 4, *добро* 3, *задание* 3, *стул* 3, *деньги* 2... Аналогично обстоит дело в статье переходного глагола ОТВЕТИТЬ (164 наречия образа действия на 175 наречных реакций), где совсем немного оказывается обстоятельств, выраженных именами в косвенных падежах и с

предлогами (письмом 4, по телефону 3, у доски 2, на занятии, с успехом), но подавляющее большинство реакций-имен являются не сирконстантами, а актантами и образуют со стимулом модели двух слов, выступая в них как прямое или косвенное дополнение к исходному глаголу: на вопрос 166, на письмо 22, урок 22, на любовь 7, ..., ему 3, за все 3; отказом 3, взаимностью 2, ..., на приветствие 2, ..., дураку, за поступок, перед судом, первым, правду, правило... Перечень этих актантов задает модель управления глагола-стимула, или его полную актантную структуру, — ответить что, на что, кому, чем, за что, перед кем, каким. Конечно, актантная структура не может считаться полной, если в ней не находит отражения позиция агенса, а воплотить эту позицию в сочетании с инфинитивом далеко не всегда возможно. Тем не менее, и позиция агенса в этих статьях, как правило, представлена, если не в виде модели двух слов (как в случае ОТВЕТИТЬ — самой 2), то в неявном виде, подразумевающим мысленную трансформацию, перевод испытуемым стимула при реагировании из инфинитива на личную форму (ответить → ответил — он, голос, преподаватель, ученик). Справедливость этих наблюдений подтверждается на любом переходном глаголе. Так, в ассоциативной статье глагола ПЕТЬ (с доминированием наречий образа действия — 126 из 132 — и отсутствием доминирующего именного сирконстанта), широко представлены актанты что и о чем (песню 112, песни 86, о любви 2, о Родине 2, ...), но также и потенциальные агенсы — кто поет, кому свойственно петь (хор 20, певица 4, петух 3, ...).

Таким образом, когда стимулом служит непереходный глагол, то в его статье более развитой является сирконстантная структура, которая складывается из наречных и именных сирконстантов, находящихся в отношении взаимодополнительности. Для статей же с переходными глаголами-стимулами характерна асимметрия, перевес в пользу наречий-сирконстантов за счет сирконстантов-имен, который компенсируется более развернутой актантной структурой глагола-стимула, задаваемой именами и местоимениями. Здесь актантная структура, как более «активная», как такая, позиции которой требуют заполнения в первую очередь (ср. первым приходит в голову), выходит на передний план, и в модель двух слов из глагола-стимула и актанта вписывается наибольшее число реакций. В итоге, можно утверждать, что стремящаяся к максимальной полноте в статьях непереходных глаголов сирконстантная структура более редуцированно предстает у переходных, но уравнивается в их статьях развернуто представленной актантной структурой.

Влияние словоизменяемых форм стимула на сирконстантную структуру глагола. Анализ личных форм глагола-стимула на доступном материале АТ показал, что в этих статьях наличествуют практически все семантические типы наречий и относительное количество наречных реакций пропорционально их числу (по отношению к общему числу всех реакций в статье) в статьях-

инфинитивах СЛ. Единственная форма, не вызвавшая ни одной наречной реакции, — глагол СНИМАЮТ — не позволяет сделать каких-то определенных заключений, поскольку абсолютное число всех реакций на 1 стимул при нынешнем состоянии АТ в среднем в 8 раз меньше, чем в СЛ.

Однако, если трудно на данном объеме материала (11 статей со стимулами-глаголами в личной форме, по 80 реакций на каждый стимул) установить влияние категории лица на характер наречных реакций, то глагольное время и число проявляют себя вполне отчетливо. Действительно, категория времени всегда задана эксплицитно в любой личной форме и следствием ее обязательной выраженности, видимо, нужно считать обязательное наличие в каждой такой ассоциативной статье в числе наречных реакций наречий времени. Ср. ДУМАЕТ — *долго* 6, НАЧНУ¹ — *завтра* 2, РЕШИЛ — *давно*, РЕШИЛА — *навсегда*, *вовремя*, РЕШИЛИ — *уже*, *вовремя*, РЕШИТ — *скоро*, РЕШИТЕ — *потом*, *скорее*, РЕШИМ — *позже*, *потом*, *сейчас*, РЕШИШЬ — *всегда*, РЕШУ — *навсегда*. Появление здесь наречий времени даже более последовательно, чем наречий образа действия, — самых распространенных, как мы помним на массиве СЛ. В статьях со стимулами-глаголами в личной форме они присутствуют не всегда, здесь аттракция выраженного грамматического времени оказывается настолько сильной, что делает позицию наречий времени одной из самых выразительных. Более того, если взглянуться в семантику самих реакций-наречий времени, то нельзя не отметить явной корреляции не только со временем вообще, но с конкретным, передаваемым данной формой глагола временем. Так, настоящему времени соответствует наречие с семантикой длительности (*думает долго*), будущему — наречия со значением будущего (*начну завтра*, *решит скоро*, *решите потом*, *решим позже*), а прошедшему — наречия, относящие характеристику действия к прошлому (*решил давно*, *решила навсегда*, *решили уже*). Причем в двух последних примерах семантика наречия характеризует совокупно и время, и вид глагола-стимула, как бы подчеркивая завершенность обозначаемого им действия. В реакциях на форму РЕШИТЕ учтены обе возможности ее трактовки — и как будущего (*потом*), и как императива (*решите скорее*).

Влияние грамматического числа прослеживается в том, что в 2 из 3 статей со стимулом в форме множественного числа встречаются наречия совместности, в самой своей лексической семантике содержащие сему множественности: РЕШИЛИ — *вместе*, РЕШИМ — *вместе* 6, *все вместе*.

При обращении к именным сирконстантам мы обнаруживаем

---

¹ В этой статье среди прочих наречных реакций есть еще 2 (с разной частотой), квалификация которых амбивалентна. Как кажется, в сочетании с данным стимулом, именно из-за суммарной лексико-грамматической семантики его формы, эти реакции — *и сначала* 14, и *сразу* — можно было бы отнести как к наречиям времени, так и к наречиям образа действия.

исключительную бедность анализируемых статей на реакции такого рода. Фактически они единичны и встречаются лишь в 5 из 11 статей: НАЧНУ – *с утра*, РЕШИЛИ – *на бюро*, РЕШИШЬ – *на всю жизнь*, РЕШУ – *на острие ножа, про себя*, СНИМАЮТ – *в кино, на пляже, с работы*. В них, как мы видим, представлены всего 3 семантических типа обстоятельств – времени, места и образа действия, – поэтому говорить об отношениях дополнительности их с наречными сирконстантами, как это было в случае инфинитивов-стимулов, нет никаких оснований. Такое положение отчасти объясняется рассмотренной выше зависимостью количества и разнообразия именных сирконстантов от переходности-непереходности глагола-стимула: так случилось, что в данной выборке все глаголы оказались переходными, отчего, видимо, проистекает бедность их сирконстантной структуры. Другая же причина – в еще более повышенной, чем в случае статей-инфинитивов, активности актантных позиций при личных формах глагола. В некоторых из статей, в частности, почти во всех формах настоящего и простого будущего глагола-стимула, реакции субстантивом или местоимением, занимающим позицию одного из актантов, составляют до 50 и более процентов всех реакций. Конечно, «преимущество первым приходиться в голову» и здесь, как для всякого переходного глагола, остается за актантами, заполняющими позицию прямого объекта, и при этом их разнообразие реализует все лексико-семантические варианты значений глагольный лексемы. Ср., например, семантические типы прямого объекта в статье СНИМАЮТ – *башмаки, обувь, пальто, трусы; вопрос; голову; девушек, женщину; фильм, кино; квартиру, комнату; мерку; все; что-нибудь*. Кроме того, форма стимула здесь оставляет гораздо больше возможностей, чем инфинитив, для заполнения позиции агенса, и реакции на стимул в личной форме согласованным с ним субъектом действия представлены почти во всех разбираемых статьях: ДУМАЕТ – *бог, голова, индюк, он... ; НАЧНУ – я; РЕШИЛ – еж, сам, я; РЕШИЛА – она; РЕШИТ – борьба, другой, начальство, суд... ; РЕШИТЕ – сами; РЕШИМ – все; РЕШУ – сам*. Согласованный агенс отсутствует в статьях со стимулом во множественном числе, хотя здесь его можно как будто реконструировать, развернув реакцию в целую ситуацию, что на самом деле вполне правомерно, поскольку так, видимо, поступает испытуемый, обозначая ситуацию одним словом-реакцией. Ср., РЕШИЛИ – *один* (< «вы один это решили»); СНИМАЮТ – *директор* (< «снимают меня... Директор...») ¹.

В целом, из того небольшого материала, который предоставляет в наше распоряжение АТ, можно сделать вывод, что личные формы глагола-стимула накладывают дополнительные ограничения на реакции (а соответственно, на связи данного слова в данной форме с другими лексико-грамматическими единицами

¹ Хотя *снимать*, вообще говоря, могут лишь *оттуда*, куда *посадили*, т. е. с номенклатурной должности, а значит, *снимают* скорее всего *директора*.

АВС) и, конкретно, ослабляют возможности проявления сирконстантной структуры глагола, делая основной упор на актантную его структуру, выражаемую местоимениями и субстантивами. Отношения компенсации одной структуры другой структурой сохраняют тем самым свою силу.

Наречия в ассоциативных парах с другими частями речи. В соответствии с программой, заданной 5-м фрагментом диагностической матрицы, нам предстоит теперь рассмотреть связи наречий с местоименными стимулами. Из матрицы (с. 80) видно, что относительное количество наречий-реакций в них сопоставимо с количеством наречий в именных и даже глагольных статьях. Исключение в этом отношении составляют, очевидно, личные местоимения-стимулы, поскольку статья ТЫ не содержит ни одной наречной реакции. Столь же широко в местоименных статьях и разнообразие семантических типов наречий, что опять-таки видно из заполнения соответствующих столбцов матрицы. Специфика рассматриваемых стимулов дает себя знать, пожалуй, лишь в одной особенности наречных реакций — в их малосодержательной, «указательной» семантике. В самом деле, если оценить с этой точки зрения состав реакции самой продуктивной на наречия статьи ВОТ, то нельзя не отметить остенсивный характер (требующий соответствующего сопровождающего жеста) каждого из четырех представленных здесь семантических типов наречий. Ср., направления (*вон 2*), места (*здесь 3, тут*), образа действия (*как 3, так 11, так значит, так-то*), времени (*тогда*). Безусловно, указательный характер стимула (ведь то же положение находим и в статье ЭТО, где «указательность» в соединении со «связочной» функцией стимула приводит к преобладанию в реакциях оценочно-предикативных наречий) накладывает решающий отпечаток на природу наречных реакций.

В местоименных статьях, как и в статьях со стимулами-существительными, практически не появляются в качестве реакций именные сирконстанты. На четыре анализируемые статьи отмечена лишь одна такая реакция, которая, формально представляя собой обстоятельство образа действия, фактически выступает как перефразировка, как семантический аналог или способ дефиниции стимула: САМ—*без помощи* (ср. «сам, т. е. без помощи», «сам—значит, без помощи»).

Из двух числительных в матрице 5—ПЕРВЫЙ и СОРОК—вызвало наречные реакции только порядковое: образа действия *точно* и оценки (или предикатив?) *хорошо*. Думается, однако, что оно вызвало их не как собственно числительное, а как своеобразное оценочное прилагательное, связанное обычно с проявлением каких-то высоких качеств. Это тем более кажется справедливым, что обратная связь—от наречия к числительному—тоже себя не подтвердила: в статье ВМЕСТЕ нет реакций-числительных. В итоге, хотя и небольшой, наличный материал позволяет думать, что в АВС нет устойчивых связей между числительными и наречиями. Однако в статье ПЕРВЫЙ отмечены именные сиркон-

станты, представляющие собой обстоятельства места и тем самым как бы подчеркивающие в семантике стимула идею «места»: *первый в мире, первый на пьедестале, первый с конца*. Делать какие-то выводы о сирконстантной структуре на основании этих скудных данных, конечно, невозможно.

Предлог ИЗ в своих значениях места и направления порождает в качестве реакций соответствующие наречия, которые выступают в роли синонимов-конкретизаторов, уточняющих эти значения: места (*откуда-то, оттуда* 5), направления (*вниз, вон* 2). Можно полагать, что отношения в вербальной сети между двумя этими частями речи – предлог + наречие, не встречающимися в таком сочетании на синтагматической оси и потому не способными образовывать модели двух слов друг с другом, могут быть только синонимическими или аналоговыми. А поскольку «уточнителями» значений друг друга они могут быть взаимно, то сочетание наречие + предлог (*вдоль по реке, вниз по улице, вон из комнаты*) оказывается допустимым, в чем легко убедиться, обратившись к статье с наречием-стимулом ВМЕСТЕ. Здесь 13 реакций, распространяющих с помощью предлога с исходное наречие в модель двух слов с именем или местоимением – с *другом* 2, с *кем*, с *ними*, с *песней*, с *тобой*... Правда, такая модель вместе с кем-то может трактоваться двояко: если в этой паре перевешивает предлог, то перед нами сочетание существительного (или местоимения) со сложным предлогом *вместе с*, которое заполняет актантную позицию при глаголе; если же акцент переносится на наречие, то в этой модели мы имеем дело с обстоятельством образа действия (*ушел вместе с другом*), относящимся к сирконстантной структуре глагола-сказуемого. Принимая последнюю точку зрения, мы должны констатировать разветвленность и богатство сирконстантной структуры в статье со стимулом-наречием, и такая констатация находится в полном согласии с основным законом организации АВС – законом о порождении каждым стимулом в первую очередь себе подобного. Тогда в статье ВМЕСТЕ, наряду с 14 именными сирконстантами (к 13 реакциям, давшим сочетания с предлогом с, добавляется ситуативный аналог стимула – за руку), мы фиксируем еще 21 наречный сирконстант, что составляет суммарно более половины всех реакций в статье на данный стимул. Разнообразие наречий исключительно велико, поскольку здесь представлено 7 их семантических типов: совместности (*вдвоем* 5), предикатив (*весело* 2, *весело шагать* 2), цели (*зачем*), времени (*никогда*), места (*рядом*), отдельности (*врозь* 3, *отдельно* 2, *поодиночке, порознь* 2), оценки (*лучше*), а именными сирконстанты, находясь с перечисленными в отношении дополнительности, расширяют этот список за счет обстоятельств образа действия (*за руку, с другом* и т. д.).

Включенная в матрицу 5 статья ЧИЩЕ затруднительна для комментария, поскольку форма стимула оставляет для испытуемого нерешенным вопрос о его частеречной принадлежности, о чем свидетельствует отчетливое разделение реакций на него как

на прилагательное и как на наречие (подробнее см. § 2). Тем не менее, однозначно наречных реакций здесь 5, причем трех семантических типов: образа действия (*грязно 2*), степени (*некуда*), предикатив (*можно, приятно*).

Завершая рассмотрение вопроса о взаимоотношениях наречий-стимулов с наречиями-реакциями, можно утверждать, что первые проявляют заметную склонность ко вторым, расширяя их количество и спектр их разнообразия.

§ 6. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ И СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Мы включили в матрицу 6 части речи, в наименьшей степени представленные в изучаемом фрагменте АВС.

МАТРИЦА 6
ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Реакции Стимулы	Числительные		Предло- ги	Союзы	Части- цы	Междоме- тия
	количес- твенные	порядко- вые				
Номер столбца	95	96	97	98	99	100
БАБУШКА	1	—	—	—	—	—
БЕЖАТЬ	2	—	1	—	—	—
БЕЛЫЙ	—	—	—	—	1	—
ВРЕМЯ	1	—	—	—	—	—
БИЛЕТ	2	2	1	—	—	1
ВИДЕТЬ	—	—	—	—	1	—
ЭТО	—	—	—	—	—	1
САМ	—	—	—	—	—	—
ПЕРВЫЙ	2	15	—	—	—	—
СОРОК	28	4	—	—	—	—
ТЫ	—	—	—	—	—	—
ИЗ	—	—	28	1	—	—
ВОТ	—	—	—	—	4	1
ВМЕСТЕ	—	—	—	—	—	—
ОБЕЩАТЬ	7	—	—	—	1	1

Однако уже предварительное знакомство с матрицей убеждает читателя, что в ней нет полностью свободных столбцов, а значит, каждая из названных в ней частей речи, может быть и не исчерпывающим образом, но как тип, в избранных ассоциативных статьях обязательно присутствует. Рассмотрим прежде более многочисленные из них — числительные.

Семантические группировки слов, ассоциируемых с числительными. По суммарному числу единиц в ассоциативных статьях количественные и порядковые числительные не отличаются друг от друга, но их распределение имеет свою специфику. Количественные более разнообразны в статьях со стимулами-именами существительными и охватывают большее число статей, чем

порядковые числительные. Последние группируются в два массива: один из них концентрируется вокруг цифр от 1 до 5 с резким увеличением частотности на числительном *первый*, другой массив включает названия дат (лет), относящихся к промежутку от 1917 до 1972 года. И те и другие числительные тяготеют к именам существительным и глаголам, а также, что вполне естественно, к числительным-стимулам, не затрагивая фактически никакие другие части речи, о чем свидетельствует и матрица 6. На всем массиве СЛ количественные числительные встретились в статьях-прилагательных лишь дважды (ДЕТСКИЙ — *шесть лет* и ТЯЖЕЛЫЙ — *100 кг*), а порядковые — один раз (МИЛЫЙ — *1972 год*).

Стимулы-существительные, вызвавшие в качестве реакций количественные числительные (их всего 30, что составляет примерно треть от всех существительных в СЛ), образуют несколько группировок. Прежде всего, это исчисляемые, измеряемые, предполагающие возраст или цену имена. Из них большая часть содержит исключительно количественные числительные: ВРЕМЯ — *10 часов*, ЧАС — *60 мин.*, СЧЕТ — *до 10, 0:0, до 100, до 5, до 12, до трех, 5:1, с 15*, ЗАНЯТИЕ — *45 мин.*, КОМНАТА — *восемь кв.м., одна, четыре угла*, ХЛЕБ — *14 коп.*, ДЕВОЧКА — *семнадцати лет, шести лет*, БАБУШКА — *ей 70 лет*. Реакция числительных выполняет здесь, как правило, роль конкретизатора-уточнителя. Три из относящихся к этому типу имен, наряду с количественными, включают сопоставимое с ними число порядковых числительных: ГОД — *один, два, 20*; а также *первый, 1917-й, 1937-й, 38-й, 1941-й, 1947-й, 66-й, 1967-й, 1968-й*; ГРУППА — *один, ОП-2, три, пять, 9, 12, 22, 104, 203, 204...*; а также *вторая, седьмой, 12-я, 13-я, 403-я*; КИЛОМЕТР — *один, два, три, семь, двадцать пять, двадцать восемь, шагать 66 км, сто одиннадцать, шестьсот, тысяча, 1000 метров*; а также *первый, второй, третий, пятый, седьмой, восьмой, десятый, шестнадцатый, сорок девятый, семидесятый, восьмидесятый, сотый, сто первый*.

Другую группу составляют имена существительные, обозначающие денотат, которому может быть присвоен номер: БИЛЕТ — *один, номер 6*, а также *шестой, тринадцатый*; ДЕЛО — *№ 306*¹; РАБОТА — *№ 1*; ФОРМА — *№ 1*; ШКОЛА — *№ 25, № 79*; ПОМОЩЬ — *03*.

К третьей группе можно отнести имена существительные, само семантическое содержание которых включает в себе идею парности, идею двух составляющих: ВСТРЕЧА — *два человека, двух человек, двух друзей* (а также *16 февраля*); РАЗГОВОР — *двое, двух лиц, двух людей, разговор двух подруг*; УГОЛ — *две стенки, две стены*; ТОЧКА — *между двух прямых, два кружочка*; ГОЛОВА — *два уха*; ВОДА — *H₂O*.

В четвертую войдут имена, для которых числительное служит

¹ Название популярного в конце 50-х — начале 60-х годов кинофильма.

обозначением характерного признака: **СТОЛ**—четыре ноги; **КОМНАТА**—четыре угла.

Наконец, в последнюю можно свести имена и глаголы, по отношению к которым числительное играет роль побочной и случайной характеристики: **ДЕРЕВНЯ**—500 км, **НАЧАЛЬНИК**—6-го цеха, **КОНЧИТЬСЯ**—в семь часов, **СТУДЕНТ**—5 лет отдыха—20 минут позора, **СУББОТА**—два Б, **ВСТРЕТИТЬ**—9 Мая, **УЧИТЬСЯ**—на пятом курсе, **УПАСТЬ**—с пятого этажа.

Те стимулы-глаголы, которые вызвали главным образом количественные числительные, довольно удачно рассортированы: ваются по группам на основании первой тройки цифр—1, 2, 3, так что в первую входят статьи, в реакциях которых отдано предпочтение числительному *один*, во вторую группу—числительному *два* и в третью—числительному *три*.

1) **ГУЛЯТЬ**—*один, одна*; **ОКАЗАТЬСЯ**—*один*; **ОКАЗЫВАТЬСЯ**—*одна*; **ОСТАВАТЬСЯ**—*один, одна*; **СУЩЕСТВОВАТЬ**—*один*.

2) **ДОГОВОРИТЬСЯ**—*разговор двух людей*; **ЗВОНИТЬ**—*две копейки*; **ПРОВЕСТИ**—*между двумя стенами*; **СУЩЕСТВОВАТЬ**—*две системы*.

3) **ОБЕЩАТЬ**—*три года ждут, три года, обещанного три года ждут, соврать с три короба*; **ДОГОВОРИТЬСЯ**—*сообразить на троих*.

4) **КОНЧАТЬ**—*4 года*.

5) **ОТВЕТИТЬ**—*на «5»*.

Числительные *один* и *первый* показывают себя самыми употребительными в ассоциативных статьях СЛ: *один (одна)* встретилось в 15 из 198 статей, а суммарная частотность числительного *первая (-ый)* составила 166 раз на 100 000 словоупотреблений этого словаря. Ср., **УЧИТЕЛЬНИЦА**—*первая 109, первая моя 36*, **СУББОТА**—*первая 5*, **ЛЮБОВЬ**—*первая 2*, **ДРУГ**—*первый*, **ДОЧЬ**—*капитана 1 ранга, одна* и т.д. Правда, в ряде случаев числительное *один* выступает в образуемых со стимулом словосочетаниях в роли скорее показателя неопределенности, функции неопределенного артикля, чем в роли числительного: **ИСТОРИЯ**—*одна, одной жизни, одного города, одной любви, одной семьи*.

Что касается порядковых числительных вообще, то они отдают предпочтение существительным-стимулам двух родов—либо именам-обозначениям дат (**ПРАЗДНИК**—*7 ноября, 22 апреля, 9 Мая*; **ГОД**—*1917-й* и т.д., см. выше; **ЭКЗАМЕН**—*5 апреля*; **ЛИТЕРАТУРА**—*XIX век*; **ИСТОРИЯ**—*17 века*), либо существительным, допускающим обозначение порядковым номером (**КУРС**—*второй 43, третий 8, четвертый 19, пятый 14, шестой 2*; **МЕСТО**—*20-е*; **СТУДЕНТ**—*2 курса, 3 курса, третьего курса, IV курса*; **УГОЛ**—*четвертый, пятый*). Во всех статьях со стимулами-глаголами, за исключением трех приведенных выше—**ВСТРЕТИТЬ**, **УЧИТЬСЯ** и **УПАСТЬ**, встречаются только два порядковых числительных—*первый* и *второй*. Ср., **ВЕРНУТЬСЯ**—*пер-*

вый, второй; ВОЙТИ – первым; ОКАЗАТЬСЯ – первым; ОСТАВАТЬСЯ – на второй год; СЛЫШАТЬ – 2-е спряжение; УВИДЕТЬ – в первый раз.

Числительные *один* и *первый*, будучи легко ассоциируемыми и широко употребительными, появляются, естественно, и в статьях со стимулами-числительными в АТ. Эти статьи, как видно из матрицы 6, оказываются наиболее насыщенными числительными – в соответствии с основным АВС – законом аттракции себе подобных. Поэтому в статье ПЕРВЫЙ на 74 реакции 17 числительных, из которых 15 порядковых (*второй* 13, *десятый* 1, *один* 2, *третий* 1), а в статье СОРОК их 32; причем преобладающими здесь являются количественные, хотя порядковые – *первый* и *пятый* – тоже представлены.

Из этих наблюдений следует, что в целом числительные в АВС самостоятельной роли не играют. Представляя собой однообразно организованную последовательность (монотонную парадигму), они сконцентрированы в отдельной зоне этой сети (ср. ассоциативные статьи числительных ПЕРВЫЙ и СОРОК) и спорадически проявляют себя в числе реакций на знаменательные слова-стимулы, главным образом, существительные и, реже, глаголы. Извлеченные из ассоциативных статей СЛ и АТ и описанные здесь числительные – в их типах, в образцах – оказывают вполне достаточным набором для использования в повседневном общении. Подобные структурные закономерности этого специфического, весьма компактного участка АВС, а именно, – с одной стороны, концентрация образцов по принципу семантико-ассоциативных полей (ПЕРВЫЙ, СОРОК) и с другой стороны, рассредоточение отдельных образцов в моделях двух слов по другим полям, – являются собой убедительный пример «типовой» (аналоговой, по образцам, или прецедентной) организации грамматики в АВС. Носителю языка вовсе не нужно в своей жизни употребить самому или услышать в речи другого каждое числительное, чтобы знать, как оно строится. Воле не каждый носитель русского языка произносил числительное 7694, но каждый легко прочтет это число и поймет на слух его звучание именно потому, что оно строится по аналогии с ранее использованными. Именно так обстоит дело и с грамматикой родного языка, как я пытаюсь это показать на всех словоформах всех слов разных частей речи, всю совокупность которых, видимо, средний носитель языка и не употребит за свою жизнь.

Предлог в сети как показатель связи «хозяина» (стимула) со «слугой» (реакцией). Матрица 6 содержит также данные о вспомогательных частях речи. Обратимся к предлогам. Прочтение соответствующего вертикального столбца матрицы показывает резкий скачок числа предлогов-реакций в ассоциативной статье со стимулом-предлогом ИЗ, и такой факт уже не вызывает удивления, потому что подтверждение этому основному закону АВС мы находили при рассмотрении каждой части речи и всех их категориальных форм. Интересно отметить, что концентрация

предлогов в ассоциативно-семантическом (ассоциативно-грамматическом) поле предлогов оказывается настолько большой, что их число – даже в одной статье АТ со стимулом-предлогом – превышает совокупное число предлогов-реакций на всем массиве СЛ в 100 тыс. словоупотреблений. В каждой из двух статей-предлогов ИЗ (28/89) и К (21/74) АТ количество предлогов-реакций достигает 1/3 всех реакций. Сравним появление предлогов в двух статьях АТ и на всем массиве СЛ.

АТ

в 11 (ИЗ), 2 (К)
 за 8 (ИЗ)
 от 2 (ИЗ), 7 (К)
 до (К)
 к (К)
 с 2 (К)
 о (К)

СЛ

в (БИЛЕТ, ГУЛЯТЬ, ДАТЬ, ПОЛОЖЕНИЕ)
 за (ПРОВЕСТИ)
 вслед за (СЛЕДОВАТЬ)
 от (БЕЖАТЬ)
 от и до (ЗАПИСАТЬ)
 к (ВЕРНУТЬСЯ, ОСТАВАТЬСЯ)
 с (ВСТРЕЧА)
 о (ДУМАТЬ, ОБЕЩАТЬ)

Далее идут несовпадающие в двух сравниваемых массивах предлоги, которые ради экономии места мы располагаем так же друг против друга:

вне 2 (ИЗ)
 под 4 (ИЗ)
 среди (ИЗ)
 вместе с (К)
 для (К)
 на 3 (К)
 у 2 (К)

из (ВЕРНУТЬСЯ)
 по (ЗВОНИТЬ, РАЗГОВОР)
 через (РЕЗУЛЬТАТ)
 над (НАЧАЛЬНИК)
 против (ТЕЧЕНИЕ)
 на (РАЗГОВОР)
 —

Как можно заключить из приведенного сравнения, в СЛ, т. е. в ассоциативных статьях со знаменательными словами-стимулами в лемматизированной форме, предлоги как самостоятельные реакции вызываются глаголами и отглагольными именами. Всего они зафиксированы в 13 статьях, и эти реакции, как правило, единичны. Такая картина распределения собственно предлогов в АВС, в общем, понятна, поскольку, не являясь самостоятельной частью речи, предлог обычно выступает в сочетании с именем существительным, и такому его вхождению в АВС мы видели великое множество примеров при рассмотрении предыдущих фрагментов диагностической матрицы. Соединение предлога с существительным – это, очевидно, нормальный способ его бытования в сознании носителя языка, и здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что подобное соединение, коль скоро оно встречается в ассоциативной статье с лемматизированным стимулом, во всех без исключения случаях составляет с этим стимулом модель двух слов. В этом легко убедиться, предложив оппоненту найти в любой ассоциативной статье хотя

бы один пример, опровергающий сформулированное правило: ни путем случайной выборки, ни путем сплошного прочтения СЛ это правило не поддается фальсификации. Ср., КНИЖКА – *из библиотеки, о морях, с картинками*; КИНО – *в двух сериях*; ГУЛЯТЬ – *с ребенком, в парке, по вечерам, над рекой*; ЛЮБОВЬ – *до конца, под вязами, с первого взгляда, без ответа* и т. д. Предлог настолько сливается, срастается с именем в такого рода сочетаниях, что даже его искусственное опущение, его формальное отсутствие как бы не замечается носителем языка, о чем свидетельствует состав аналогических реакций в соответствующих статьях АТ: стимул дан в косвенной форме, предполагающей использование предлога, но предлог опущен, тем не менее в реакциях, образованных по принципу повторения формы стимула (основной закон АВС – закон аттракции себе подобных), предлог с аналогической формой другого слова почти всегда воспроизводится. Ср. МАЛЬЧИКАХ – *о бабушках, о взрослых, о девочках, о девчонках, о детях...* ; ТРУДЕ – *о беде, о еде, о жизни, о зароботке, о маме и папе, о мире, о надобности...* ; ТРУДА – *без труда, из пруда*. О том, что отсутствие предлога не замечается, а точнее даже сказать, восполняется испытуемым, свидетельствуют не только аналогические, но и реакции, образующие со стимулом модель двух слов, т. е. словосочетания, которые без предлога невозможны: ТРУДЕ – *не думать, не спорят, говорят, поём, размышлять*. Испытуемый здесь как бы восстанавливает стимул до нормальной формы. Хотя бывает, что сила аналогии может иногда превозмочь силу связи имени с предлогом, и в этих же статьях появляются (надо сказать, довольно редко) управляемые имена и без предлога, полностью воспроизводящие искусственную форму стимула: МАЛЬЧИКАХ – *девочках, рогатках, хулиганах*; ТРУДЕ – $\emptyset$. Впрочем, эти факты не приходят в противоречие с правилом об образовании реакцией – в форме имени с предлогом – модели двух слов со своим стимулом, поскольку это правило имеет абсолютную силу для лемматизированных стимулов.

В этом случае для образования модели двух слов предлог должен реализовать две своих валентности. Во-первых, это валентность, связывающая его с управляющим словом, с «хозяином», в роли которого, как правило, выступает стимул. Во-вторых, это управляемая валентность, которая связывает его со словом – «служгой», а роль последнего почти всегда отводится реакции¹. Поэтому естественным способом существования предлога в АВС следует считать его сочетание с именем в соответствующем падеже (со «служгой»), активируемое в сознании носи-

¹ В связи с тем, что в образуемой сочетанием стимул-реакция модели двух слов отношения изредка инвертируются и реакция может занимать первую позицию в этой паре (S-R → R-S), в сочетаниях с предлогом тоже возможны такие перестановки, когда реакция становится «хозяином» предлога, а стимул перемещается на роль «служги»: УГОЛ – *встать в, поставить в*; ТЕЧЕНИЕ – *плыть по, пустить по*. Таких моделей, как мы видим, всего две.

теля каждый раз с появлением «хозяина», т.е. стимула: ПРОСТИТЬ — за измену; РАБОТАТЬ — на фабрике, над собой, с учебником; ЛЮДИ — на улице, с большой буквы; МОЛОДОЙ — с бородой; МНЕНИЕ — о фильме; НАДЕЯТЬСЯ — на друга; НАЙТИ — в словаре и т. д. Поэтому реакция изолированным предлогом есть скорее исключение, чем правило.

Для статей со стимулами в грамматикализованной форме, подобных приведенным выше, типа МАЛЬЧИКАХ, появление в качестве реакций изолированных предлогов столь же редко, как для статей СЛ. На материале АТ такие реакции встретились лишь дважды (ТРУДА — без, НАЧНУ — с), что подтверждает общий вывод об исключительности этого феномена.

Особенности грамматикатилизации ассоциативных пар с помощью союзов. Отмеченный в соответствующем столбце матрицы 6 союз *или* (в статье АТ ИЗ) оказался почти единственным изолированным союзом среди всех реакций двух анализируемых словарей. И тот факт, что он включен в статью такой же незначительной части речи, какою является сам, весьма показателен, поскольку отношения здесь со стимулом не синтагматические, а парадигматические, порожденные силой аналогии и аттракции себе подобных, а не принципом модели двух слов. Второй изолированный союз среди реакций — *как*¹ относится к статье СЛ ПОВОД и является одним из самых распространенных, но не в изолированном употреблении, а в сравнительных сочетаниях в этом словаре, выступая всегда вместе с соответствующим именем, обозначающим объект сравнения.

Наконец, последним встретившимся среди реакций в изолированном виде союзом следует считать сложное образование, выполняющее присоединительно-усилительную функцию — *так же, как* и в статье ДОЧЬ.

Все три изолированных союза являются сочинительными, что определенным образом характеризует АВС и позицию слова в ней. Дело в том, что подчинительные союзы, если даже они были даны испытуемыми в качестве реакций в изолированном виде, не различимы от тех частей речи, средствами которых они выражаются (местоимений, наречий, частиц). Поэтому даже будучи представленными в АВС они не распознаются, получают иную квалификацию и «расходятся» по другим разделам диагностической матрицы.

Положение союзов в АВС оказывается во многом аналогичным положению в ней предлогов. Для той и другой части речи не является характерным самостоятельное, изолированное бытование, а только в соединении с последующим словом-реакцией. Разница лишь в том, что для предлогов этим последующим словом, как справедливо отмечает академическая грамматика

¹ Трактовка этой реакции как наречной имеет столько же оснований, что и союзная ее квалификация. Если бы она была зафиксирована в глагольной статье, вопрос решался бы однозначно в пользу наречия.

[10, т. 1, с. 713], может быть только имя в соответствующем падеже, тогда как для союзов — практически любая часть речи и в любой форме. Но аналогия на этом не кончается. Союз, как и предлог, имеет две связи, две валентности, расширяя и несколько размывая само понятие валентности. Валентность слева — для предлога, как было сказано, управляющая, «хозяйская», и валентность справа — управляемая, подчиненная. Такая схема распределения «хозяйских» и подчиненных функций остается справедливой и для союзов, во всяком случае, она, видимо, не вызывает сомнений в случае союзов подчинительных. Для сочинительных союзов, и прежде всего для самого «сочинительного» союза *и*, академическая грамматика намечает некоторую градацию устанавливаемых им между левой и правой частью связей, но только в масштабе цельного сложносочиненного предложения, выделяя, помимо чисто присоединительных, также передаваемые им отношения очередности во времени, следствия и комментирования, или оценки [10, т. 2, с. 617–620]. Но в АВС 90% связей — это связи между словами, а не между предложениями. По поводу же связываемых союзом *и* слов, или членов предложения, сказано только, что они — однородны.

Развивая дальше аналогию между положением предлога и союза в АВС, мы должны обратить внимание на то, что однородность еще не значит равноправность. Однородные члены предложения являются таковыми на фоне всего предложения (и шире — высказывания), и в тех же широких рамках они равноправны. Но по отношению друг к другу они очень редко бывают полностью равноправны (именно в этих редких случаях мы имеем чисто присоединительные отношения), поскольку между двумя лексемами всегда остаются семантическое, тезаурусное (т. е. относящееся к картине мира), прагматическое, стилистическое и иные виды неравноправия, которые наиболее выпукло выступают при оторванном от контекста, изолированном рассмотрении связанной союзом *и* пары слов, с чем мы, собственно, и встречаемся в ассоциативной статье и в АВС в целом. Такое неравноправие выражается, в частности, и позицией: левая валентность у союза, т. е. первая позиция, слово слева от него (даже у союза *и*, не говоря уже об остальных) всегда чуть-чуть более «хозяйин», чем правая, или вторая, позиция.

Проведем небольшой эксперимент. В примерах, приведенных в словарной статье словаря С. И. Ожегова на союз *и*, где он определяется как соединяющий «однородные члены предложения», а также части сложносочиненного предложения между собой», опустим правую, т. е. присоединяемую часть. Получаем следующие незаконченные словосочетания и предложения: *Союз науки и...*; *Русский солдат и храбр, и...*; *Появились надежды и ...*; *Был дан сигнал, и...* . Если теперь предложить читателю придать законченность этим сочетаниям и предложениям, то едва ли он сможет признать, что левая позиция не мешает ему в выборе продолжения. Не абсолютная, но ограничивающая «хозяйская»

роль слова или предложения слева от союза сдерживает набор возможных продолжений, очерчивает некоторое, может быть не вполне определенное, но поле возможностей. Точно таким же образом стимул в АВС как бы высвечивает набор возможных продолжений с союзом *и*, апеллируя к стандартным, ходовым сочетаниям и лингвистическим паттернам.

Исходя из этих предварительных рассуждений рассмотрим распределение союзов, — а в свете сказанного это значит — союза с заполненной правой позицией, — в АВС. Самым частотным, как и следовало ожидать, является здесь союз *и*, встретившийся в 19 статьях 79 раз. Предпочтение ему в равной мере отдадут глаголы и имена существительные, и лишь одно прилагательное ЗНАКОМЫЙ в СЛ вызвало в качестве реакций два сочетания с этим союзом. Все реакции с союзом *и* распадаются на следующие группы по принципу взаимоотношений между левой и правой позициями. Присоединение: ЛИТЕРАТУРА — *и живопись*, ЗЕМЛЯ — *и жизнь*, ЖИТЬ — *и учиться*, МАТЬ — *и отец*, ПЕТЬ — *и смеяться как дети*, ПРОИЗВОДСТВО — *и потребление* 7, ТРУДА — *и обороны* (АТ), УВИДЕТЬ — *и услышать*;

Противопоставление: ВОЙНА — *и мир*, ЗЕМЛЯ — *и небо*, НАРОД — *и личность*, НАЧАЛО — *и конец*, НАЧАТЬ — *и кончить* 9, ПРОИЗВОДСТВО — *и капитал*, *и культура*, МАЛЬЧИКАХ — *и девочках*, НАЧНУ — *и кончу* (АТ), ПЕРВЫЙ — *и последний* (АТ), ТРУДЕ — *и о войне* (АТ);

Следствие, результат: ВСПОМИНАТЬ — *и думать*, *и не думать*, ИСКАТЬ — *и находить* 3, *и не находить* 3, ОБЕЩАТЬ — *и не выполнить* 6, *и сделать* 5, *и не сделать* 3, УВИДЕТЬ — *и запомнить*;

Очередность, смежность: ВОЙТИ — *и выйти* 2, ВЕРНУТЬСЯ — *и зайти*, ИСКАТЬ — *и не сдаваться* 17, НАЙТИ — *и не сдаваться* 2, ЗЕМЛЯ — *и в ней картошка*, РЕШИЛИ — *и сделали*, *и постановили* (АТ);

Усиление: ЗНАКОМЫЙ — *и родной*, *и только*, ТОЧКА — *и все*, ЧИЩЕ — *и проще* (АТ), ОБЕЩАТЬ — *и только*.

И сама тенденция союзов-реакций появляться в сопровождении «зависимого» (в оговоренном выше смысле) слова, повторяющего частеречные и категориальные признаки стимула, так же, как и возможность дать на этой основе классификацию союзов-реакций, аналогичную приведенной только что для союза *и*, позволяют говорить о грамматикализации союзов в АВС, грамматикализации, которая проявляет себя особым образом, присутствием лишь неизменяемым морфологически словам.

Второй по частотности в АВС союз *как* в 12 статьях СЛ выступает 40 раз в основной своей — сравнительной — функции и лишь один раз, в реакции на стимул ДУМАТЬ, выполняет роль присоединителя изъяснительного предложения — *думать, как сдать экзамен*. В сравнительной функции союз *как* теснее связан с прилагательными (6 статей, 33 реакции), а его появления

в статьях со стимулом-существительным (4 статьи) и стимулом-глаголом (2 статьи) единичны. Ср., в статьях прилагательных: БЕЛЫЙ—как лунь, как мел, как медведь...; ПРОСТОЙ—как правда, как все, ...; ТЕМНЫЙ—как негр, как ночь; ЧИСТЫЙ—как стеклышко, как зеркало, как кристалл, как поросенок, как слеза, как язык; СВОБОДНЫЙ—как воздух, как птица, СИЛЬНЫЙ—как бык. В статьях-существительных: ГЛАЗ—как алмаз, ГОД—как день, ГОЛОВА—как у Юлия Цезаря, ГОСТЬ—как рыба, на третий день теряет свежесть. В статьях-глаголах: ПОЯВИТЬСЯ—как во сне, как привидение; СТОЯТЬ—как пень.

Особенность грамматикализации этого союза заключается в том, что эталоном сравнения, т.е. для заполнения правой позиции, выбирается всегда феномен, обозначаемый именем существительным, независимо от того, к прилагательным, существительным или глаголам принадлежит стимул.

Из прочих встретившихся в ассоциативных статьях сочинительных союзов—*а, да, но*—самым употребительным является последний, причем он связывает в основном глаголы, лишь однажды появившись в статье со стимулом-прилагательным. Ср., ЖЕЛАТЬ—*но не иметь*, ЗНАТЬ—*но не уметь*, СМОТРЕТЬ—*но не видеть*, *но не вкусить*; СУЩЕСТВОВАТЬ—*но не жить*; УПАСТЬ—*но не разбиться*; НЕБОЛЬШОЙ—*но веский*. Союз *а* интересен тем, что в половине случаев его использования он сам воздействует некоторым образом на стимул, заставляя испытуемого трансформировать его, сделав противопоставление левой и правой частей более осязаемым, более выпуклым, вплоть домены местами стимула и реакции: БОЛЬШОЙ—*а жаль!*; ОПРЕДЕЛЕННЫЙ—*а не другой*; ПОТЕРЯТЬ—*кто-то теряет, а кто-то находит*; СУЩЕСТВОВАТЬ—*не жить, а ...; не жить, а существовать*. Союз *да* встретился лишь однажды, как реакция на стимул-прилагательное НЕБОЛЬШОЙ—*да удалый*.

Подчинительные союзы в АВС оказываются менее активны, чем сочинительные, и среди них наиболее распространенным является союз *что*, вводящий изъяснительные конструкции. Этот союз выступает в составе реакций на глагольный стимул, который может быть дан как в инфинитиве (СЛ), так и в личной форме (АТ), и лишь единственный случай связывает *что* с именем существительным. Ср., КИНО—*что идет в «Современнике»* vs. НАДЕЯТЬСЯ—*что выиграло, что дальше, что дома*; ПОКУПАТЬ—*что хочешь*; ПОТЕРЯТЬ—*все, что имел*; ПРОСТИТЬ—*что было*; СКАЗАТЬ—*что угодно*; РЕШИМ—*что делать* (АТ).

Прочих подчинительных союзов всего четыре (*чтобы, где, если и так*), и реакции с ними немногочисленны: ВЕРНУТЬСЯ—*чтобы понять*, ЗАПИСАТЬ—*чтобы запомнить*, НАЧАТЬ—*чтобы кончить*; ДЕРЕВНЯ—*где скучал Онегин, где скучал Евгений, где я росла*; ИСКАТЬ—*где трудно*; СЕСТЬ—*где стою*; ЕСТЬ—*если есть что*; ПОСЛУШАТЬ—*так уши вянут; его, так волосы дыбом*. Грамматикализацию в сфере употребления подчинитель-

ных союзов мы видим прежде всего в том, что при непредсказуемости грамматической оформленности реакции, она вместе с союзом стремится к цельному подчинительному предложению.

Распределение союзов в АВС показывает хорошую корреляцию с их частотным распределением в текстах. Если из первой сотни самых частотных слов по словарю Л. Н. Засориной [11, с. 807] выбрать все союзы, мы получим следующий список:

и	36266
что	13185
а	10719
как	7425
но	5176
так	4174
который	3968
да	2397
когда	2042
если	1929
чтобы	1892
или	1887
где	1037

Сравнив его с набором союзов, извлеченных из АВС, мы можем констатировать почти полное совпадение двух списков, за исключением союзов *когда* и *который*. Отсутствие в числе реакций последнего легко объяснимо его приверженностью к письменной речи, тогда как актуализируемые в экспериментах связи в АВС отражают прежде всего стандарты и паттерны устной речи, приближаясь по способам своего выражения даже к внутренней речи или промежуточному языку¹.

Союзы, как мы видим, безразличны к связываемым ими частям речи и их категориям, и поэтому установить какую-либо зависимость между особенностями союзов и вызвавших их стимулов не удастся.

Синтаксические примитивы для восстановления грамматикализирующей роли частиц в АВС. Частица как неизменяемая часть речи оказывается неожиданно широко представленной и в матрице 6, и в АВС в целом. Неожиданность такого эффекта проистекает из нашей убежденности в том, что грамматические и семантические свойства частиц связывают их с целым предложением или относительно самостоятельной его частью, с ситуацией или с характеристикой текста большего, чем предложение. Однако теперь мы знаем, что АВС лишь по внешнему впечатлению имеет дело с однословными стимулами и реакциями, но на деле включает в себя так или иначе все только что перечисленные в связи с традиционным пониманием частиц синтагматические отрезки. Разнообразие и общее число частиц в АВС для 200

¹ О промежуточном языке см. [12, с. 184–210].

стимулов СЛ и 100 000 реакций на них кажется довольно большим, а частотные характеристики многих из них сопоставимы со статистикой частиц в текстах. Это наблюдение впервые наводит на мысль о возможном сходстве, а в идеальном случае подобии, статистических структур текстов и статистических структур усредненной АВС. Для убедительной проверки такого предположения необходимы полные скрупулезные подсчеты как по отдельным словам-реакциям в СЛ, так и по частям речи и категориям, что было бы целесообразно осуществить после подготовки обратного, т. е. от реакции к стимулу, словника СЛ и завершения работы над АТ.

Частицы по сравнению с двумя предыдущими неизменяемыми частями речи — предлогами и союзами — в меньшей степени влекут «грамматикализацию» связанных с ними реакций, потому, очевидно, что тяготеют к автономному употреблению. Действительно, большинство реакций-частиц являются изолированными, и лишь следующие пять частиц появляются в сопровождении знаменательных слов, «грамматикализуя» тем самым реакцию: ГОРОД — *солнце (а?)*, БЕЛЫЙ — *не снег только*, ПОМОГАТЬ — *а стоит ли?*, УЕЗЖАТЬ — *хоть сейчас*, УТРО — *как не хочется вставить*.

Самая частотная — отрицательная частица *нет*, которая зафиксирована 155 раз в 30 статьях из 80. Этот недифференцированный показатель ее появления хорошо коррелирует с данными частотного словаря, где относительная частота 0,0012988 этого слова определена на миллионе словоупотреблений. Однако нужно помнить, что этот показатель — и в частотном словаре, и в АВС — определен суммарно, без отделения тех случаев, когда слово *нет* используется не в роли частицы, а в функции сказуемого. Эта функция в ассоциативных статьях становится особенно наглядной, если слово *нет* выступает в своей просторечной форме — *нету* (например, в статьях ГАЗЕТА, ДОЧЬ, ОТЕЦ, ФАМИЛИЯ). Имеется и другой критерий установления сказуемости *нет*. Он заключается в использовании синтаксических примитивов, т. е. в восстановлении таких конструкций, которые путем минимальной перестройки превращают пару стимул-реакция в нормальное синтаксическое целое, в котором актант и предикат определяются однозначно. Возможны два варианта синтаксических примитивов. Во-первых, при восприятии стимула как топика потенциального высказывания к реакции *нет* необходимо прибавить сочетание *у меня*. Например, БАБУШКА — *нет у меня*¹, БУМАГА — *нет у меня*, ПОЛОЖЕНИЕ — *нет у меня* и т. п. Но такая модель синтаксического примитива не обладает универсальной применимостью, поскольку не работает в случае таких стимулов, как ВОЙНА, ПОМОЩЬ, в статьях которых тоже встретилась реакция *нет*. Более обобщенным следует считать, очевидно, другой вариант синтаксического при-

¹ Кстати, такая реакция реальна и отмечена в статье БАБУШКА.

митива, диагностирующий *нет* как сказуемое и предполагающий перевод стимула в форме родительного падежа: *нет* – ВОЙНЫ, *нет* – ДЯДИ, *нет* – ЗАНЯТИЯ, *нет* – ДОЧЕРИ, *нет* – ПОВОДА и т. д. Оба эти варианта применимы к стимулу-существительному и исходят из его наиболее естественной и простой трактовки как потенциального актанта. Однако в принципе ничто не мешает испытуемому воспринимать стимул-существительное и как потенциальный предикат, что особенно может выглядеть убедительным при интерпретации стимулов анкеты в диалоговом (вопросо-ответном) режиме. Модель синтаксического примитива здесь оказывается универсальной и состоит в прибавлении к стимулу указательного местоимения *это* и вопросительной интонации: *это ДРУГ (?) – нет, это ЛЮБОВЬ (?) – нет, это ПОМОЩЬ (?) – нет, это ПАПА (?) – нет* и т. п. Тогда мы имеем основания квалифицировать во всех статьях-существительных реакцию *нет* как отрицательную частицу.

Такая амбивалентность в определении смысла реакции *нет* полностью снимается в статьях со стимулами-глаголами и прилагательными. В статьях ГОВОРИТЬ, ДАВАТЬ, ОСТАВАТЬСЯ, ОТВЕЧАТЬ, ПОТЕРЯТЬ, СПРОСИТЬ, УМЕТЬ, РЕШИМ (АТ), так же, как в статьях ДОБРЫЙ, ВОЕННЫЙ, ЗНАКОМЫЙ, ИНТЕРЕСНЫЙ (вариант *совсем нет*), реакция *нет* однозначно квалифицируется как отрицательная частица. Сомнения опять-таки возникают по поводу этой реакции в статье ЕСТЬ, где слово *нет* занимает первое по частоте место, составив 125 ответов из 606, и где его амбивалентность в паре S–R (частица или предикат?) не может быть устранена никаким рациональным образом. В итоге этих рассуждений можно заключить, что не будет большой ошибкой отнести все реакции *нет* в рассмотренных типах ассоциативных статей на счет отрицательной частицы, выделяя ее тем самым как наиболее частотную среди частиц в АВС.

На второе место по частотности выходит тогда антоним рассмотренной частицы – утвердительное *да*, которое зафиксировано 15 раз в 5 статьях СЛ и 5 статьях АТ, распределяясь довольно равномерно по всем частям речи, кроме наречий и числительных: ДОБРЫЙ, ЕСТЬ, ПРЕКРАСНЫЙ, РЕБЕНОК, СВОБОДНЫЙ, ВЫХОДИТЬ (АТ), ОКАЗАТЬСЯ (АТ), РЕШИТЬ (АТ), БРЕХНЯ (АТ), ВОТ (АТ). Здесь, очевидно, полезно отметить разные способы оформления этой частицы, которая выступает в четырех разновидностях: *да!* (РЕБЕНОК), *да-с* (ВОТ), *да?* (СВОБОДНЫЙ) и *да* – во всех остальных статьях.

Прочие частицы, найденные в АВС, в силу их разнородности и единичности фиксаций, выгодно дать единым списком:

только – ВИДЕТЬ
и только – ЗНАКОМЫЙ, ОБЕЩАТЬ
пожалуйста – ВОЙТИ
спасибо – ГОВОРИТЬ

не – ГОСТЬ, ОТВЕТИТЬ
чуть – КИЛОМЕТР
уж – РАЙОН, ТЕМНЫЙ
ну – ПАПА
ну и что? – СТАРЫЙ
вот именно – СУЩЕСТВОВАТЬ
что именно – ХОРОШИЙ
точно! – БРЕХНЯ
обязательно – РЕШУ
на – ВОТ

Проявляя слабое взаимодействие с грамматикализованными формами, т. е. не стремясь обеспечить заполнение своей правой позиции (в противоположность предлогам и союзам), а наоборот, стремясь к относительной автономности, к односторонней связи со стимулом, частицы в целом показывают себя равнодушными к частеречной принадлежности стимула, равномерно распределяясь (как видно из списка и приведенных ранее перечней) по статьям разных частей речи.

Междометия. Эта часть речи по своему поведению в АВС и своим свойствам сближается скорее с частицами, чем с другими неизменяемыми частями речи. Междометные реакции, как правило, изолированы, хотя в отдельных случаях допускают «распространители» слева или справа, играющие роль комментариев: ДЕВОЧКА – о, милка, СУББОТА – домой, ура!; ура, дождалась! В отличие от частиц, междометия, ориентированные на недифференцированное выражение чувств и глобальную оценку ситуаций, способны определенным образом характеризовать стимулы, их вызывающие. В этих стимулах всегда имеется эмоциональная составляющая, наличие которой подтверждается присутствием в той же ассоциативной статье либо реакций-названий эмоций, либо оценочных прилагательных и существительных. Ниже дается полный перечень найденных в СЛ междометий с указанием (справа) других эмоциональных реакций в той же статье:

о!о! – БИЛЕТ (счастливый, трудный, драка, неудачник, плохой...);
а жаль! – БОЛЬШОЙ (огромный, великан, праздник, великий, дурак, мизерный...);
увы! – ЗНАТЬ (хорошо, глубоко, максимум возможного, плакать, слабость);

а-а-а! – КРИЧАТЬ (громко, плакать, орать, от радости, больно...);
ой! – НАЧАТЬ (возмущаться, любить, плачет...); ПОТЕРЯТЬ (любовь, дружбу, жалко, смерть...);
ух! – ПЛОХОЙ (хорошо, добрый, гадкий, грубый, дрянь, подхалим...);
ура! – СЛАВА (герой, дурная, великая, вредна...); СУББОТА (хорошо, праздник, веселая...); КРИЧАТЬ (вопли, звонко, надрываться, счастье...);

ох!—ЭКЗАМЕН (*трудный, страх, страшный, тяжелый...*);
о, бог мой!—ЭКЗАМЕН (*ужас, завалить, неудачный, унижение*
и конец...);
вот это да!—(АТ)—ЭТО (*бред, гадость, здорово, плохо, чуть...*);
ну! (АТ)—ВОТ (*жуткий, забияка, презрение, удивление...*);
фу! (АТ)—ПАУКОМ (*гадким, дразнить, испуганный, противным,*
пугать, хищник...).

§ 7. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ В АССОЦИАТИВНЫХ СТАТЬЯХ

По объему относящегося к нему материала и по объему связанной с этим материалом проблематики данный раздел вполне мог бы соперничать со всем предыдущим разделом морфологии. В самом деле, ответ на вопрос, как человек владеет словообразовательной системой, или на вопрос о том, насколько лингвистические описания закономерностей и правил словообразования соответствуют реальным деривационным механизмам и алгоритмам построения слов в процессах речепорождения, соизмерим по своей фундаментальности с ответом на вопрос о том, что есть знание языка.

Примитивизация словообразовательного гнезда в сети. Построенная по аналогии с предыдущими матрица 7 показывает, во-первых, наличие в АВС словообразовательных гнезд от всех без исключения частей речи, во-вторых,—значительную распространенность словообразовательных отношений в сети в целом.

Две пустые строчки против слов ПЕРВЫЙ и ИЗ, относящихся к стимулам АТ, не помешают сделать утверждение, что практически в числе стимулов АВС (для СЛ это справедливо на 100%, а для АТ—с названными исключениями) нет таких, в статьях которых не обнаружилось бы групп слов, связанных словообразовательными отношениями, т. е. групп, которые здесь для простоты (и в силу отсутствия подходящего термина) мы называем гнездами.

Употребление термина «гнездо» по отношению к группам слов в ассоциативно-вербальной статье, связанным словообразовательными отношениями, в высшей степени условно. На самом деле мы оперируем здесь лишь 2–5 словами из полного словообразовательного гнезда, однако словами, позволяющими это гнездо идентифицировать, т. е. установить его корень. Например, корень *гна-/гон-* в статье БЕЖАТЬ представлен словами *гнаться, догонять, в догонялки, вдогонку, погоня*, тогда как все гнездо от этого корня в словаре А. Н. Тихонова охватывает более 300 единиц [13]. Таким образом, в ассоциативно-вербальной статье мы имеем дело не с целыми гнездами, а с тем, что можно назвать их следами.

Цифра перед скобками означает количество словообразовательных гнезд (в разъясненном выше смысле) от данной части речи (вертикальная графа) в данной ассоциативной статье (го-

ризонральная строка). Например, в статье БЕЖАТЬ от основы прилагательного найдены три (см. соответствующую клетку и цифру 3 перед скобкой) словообразовательных гнезда, обозначенные производящими основами внутри скобок: *легк₃-*, *быстр₃-*, *неизвестн₂-*. Индекс возле основы указывает на количество встреченных в данной статье образований от этой основы или корня. В качестве производящей выступает та основа, которая в составе обнаруженной в статье словообразовательной группы является ближайшей исходной. Так, основа *неизвестн-* объединяет в названной статье два слова — *неизвестно* и *неизвестность*, а основа *легк-* объединяет три слова — *легкий*, *легко* и *налегке*. Естественно, что подлинный корень слова, мотивирующий то или иное словообразовательное гнездо, т. е. своеобразный «мотивон» гнезда, встречается далеко не в каждой словообразовательной группе и даже не в каждой ассоциативной статье. Тем не менее, хочется предположить, что в совокупной АВС, отражающей языковое богатство усредненной коллективной языковой или тотальной личности, совокупные гнезда представлены гораздо шире, а «мотивон» каждого из них в сети тоже присутствует — либо в составе одной из словообразовательных групп, либо в изолированном употреблении в качестве реакции в какой-то ассоциативной статье. Конечно, проверить это предположение прямым путем, т. е. перечислением всех корней, указанием их места (ассоциативной статьи, к которой они принадлежат) и состава объединяемых ими групп, просто невозможно. И потому мы ограничимся здесь аргументом «нефальсифицируемости» нашего предположения и возможности выборочного его подтверждения даже на том фрагментарном материале АВС, который представляет собой СЛ. Так, корень гнезда *известн-*, отсутствующий в упомянутой словообразовательной группе статьи БЕЖАТЬ, встречаем в статье ЗНАКОМЫЙ, где он возглавляет группу из двух слов — *известный* и *неизвестный*. Если же возводить «мотивон» гнезда к корню *вест-*, то и с таким корнем слово обнаруживается в совокупной АВС: *весть* (*весточку*) в статьях ПЕРЕДАТЬ, ПЕРЕДАВАТЬ, *известие* в статьях ПЕРЕДАВАТЬ, ЗАПИСАТЬ. Подобные разыскания можно проделать для любого гнезда, восходя постепенно, через разные ассоциативные статьи, по словообразовательным цепочкам к его корню.

Уточнение некоторых количественных характеристик АВС. Нарисованная мною картина требует прояснения для читателя, эксплицитного выражения того «неявного знания», которое вложил в нее автор. Хотя я рискую повторяться, но не могу устоять против настоятельной потребности снова и снова возвращаться к осмыслению статуса и структуры АВС по мере углубления в конституирующие ее отношения и привлечения все нового материала. Ассоциативная статья в такой сети не существует сама по себе изолированно от других, а, наоборот, состоит со всеми другими в многообразных связях — как через свой стимул, так и через вызванные им реакции. Это и дает нам основания

делать «кросс-анализ» словообразовательных, например, отношений, отыскивая члены словообразовательного гнезда и его корень, или «мотивон», невзирая на границы между статьями, на всем массиве фрагмента сети, выявленного с помощью 200 стимулов в СЛ. На самом деле, в живой языковой реальности, т. е. до тех пор, пока в нее не вмешался лингвист-исследователь, никаких групп слов и словоформ, похожих на ассоциативные статьи, не существует. В сознании или в памяти носителя языка реальна сама сеть связей между языковыми единицами и реальны сами эти единицы. А то и другое — с помощью предъявления стимулов в ассоциативном эксперименте — лишь приводится к выражению, становится наблюдаемым феноменом. Ассоциативный словарь в этом смысле есть просто способ квантования реально существующей, присвоенной каждым носителем языка АВС, и, следовательно, первоначальные состав и число стимулов для выявления сети могут быть любыми, важно лишь, чтобы итоговое число реакций достигало определенного большого числа.

Это довольно сильное утверждение может вызвать у читателя сомнение, и потому поясню прежде мысль о числе стимулов. Если я говорю, что оно может быть любым, это значит, что в экстремальном случае у нас всего один стимул. Тогда процедура приведения АВС к выражению должна складываться из таких этапов. Предъявив наш единственный стимул достаточному количеству испытуемых¹ и получив ассоциативную статью, мы превращаем далее все ее реакции в новые стимулы, которые предъявляем новому контингенту испытуемых. Далее процедура повторяется, пока общее число ответов-реакций не достигает заданного необходимого числа. Понятно, что его можно достичь и иными путями, например, увеличивая число стимулов и сокращая число ответов.

Теперь о необходимом числе ответов. Назвать здесь определенную цифру пока затруднительно, хотя она, по моему убеждению, существует. Словарь Леонтьева, как я упоминал неоднократно, содержит приблизительно сто тысяч ответов (~200 статей по 500 реакций в среднем) и является неплохим полигоном для наблюдений над самыми разнообразными грамматическими и семантическими закономерностями. Более того, как доказывает данная книга, в его ассоциативных статьях запечатлена вся морфология, основные способы и типы словообразования и довольно значительный набор элементов синтаксиса, ходовой корпус прецедентных текстов, характерный для общества в период 60-х — начала 70-х годов, и др. Подготавливаемый в Институте

¹ Я полагаю, что эта туманная формулировка может быть конкретизирована и приведена к количественному выражению: мой собственный опыт анализа ассоциативных статей показывает, что 500–700 реакций-ответов являются тем «достаточным» числом, которое позволяет делать надежные выводы по всем параметрам семантической и грамматической структуры. На этих же цифрах настаивают и опытные психолингвисты-ассоцианисты.

МАТРИЦА 7. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Реакции	Производящая основа в ассоциативной статье			
	от сти- мула	существитель- ные	прилагатель- ные	глаголы
Сtimул				
1. БАБУШКА		6 (дед ₃ -, вну ₂ -, род ₂ -, ласк ₂ -, бол ₂ -, плат(о)к/ч ₂ -	3 (стар ₈ -, добр ₄ -, сед ₂ -)	2 (вяз/ж ₂ -, люб ₃ -)
2. БЕЖАТЬ	3	2 (дорог/ж ₂ -, работ ₂ -)	3 (легк ₃ -, быстр ₃ -, неизвестн ₂ -)	7 (беж/г ₃ -, прыг/ж ₂ -, гон/гна ₆ -, скак/ч ₂ -, -дых/ш ₄ -, пад ₂ -, ид/-й- ₃)
3. БЕЛЫЙ	3	5 (плат(о)к/ч ₂ -, свет ₂ -, цвет ₂ -, заяц/зайчик/зай- чишка, кот ₂ -)	2 (бел ₃ -, чист ₂ -)	
4. ВРЕМЯ	2	3 (врем ₂ -, ноч ₂ -, час ₂ -)	3 (корот ₂ -, долг ₂ -, позд ₃ -)	1 (лет ₃ -)
5. БИЛЕТ		8 (бумаг/ж ₂ -, касс ₂ -, контрол ₂ -, экзамен ₂ -, лоте- рей ₂ -, трамвай ₂ -, кино ₂ -, театр ₂ -)		2 (куп ₂ -, ех/езд ₄)
6. ВИДЕТЬ	3		1 (хорош ₂ -)	3 (зре ₂ -, смотр/смагр ₂ -, вид ₃ -)
7. ЭТО		1 (ужас ₂ -)		
8. САМ	2			
9. ПЕРВЫЙ				
10. СОРОК	1			
11. ТЫ	1			
12. ИЗ				
13. ЧИЩЕ		1 (гряз ₃ -)		1 (работ ₂ -)

Производящая основа в сооциативной статье			Совпадающие концы слов (тождественность словообразовательного форманта у S и R или рифма)
местоимения	наречия	числительные	
			БАБУШКА – <i>башка</i>
	2 (далеко/далеко-далеко/издалека, куда/куда-то/куда-нибудь/откуда)		БЕЖАТЬ – <i>лежать</i>
			ВРЕМЯ – <i>бремя</i>
		1 (шест ₂ -)	БИЛЕТ – <i>билет</i>
1 (что/что-то)	1 (далеко/издалека)		ВИДЕТЬ – <i>ненавидеть</i>
			ЭТО – <i>лето</i>
1 (сам ₂ -)			САМ – <i>там, хам, с усам, Сусанин</i>
			ПЕРВЫЙ – <i>левый</i>
		4 (два ₂ -, пят ₃ -, сорок ₁ -, четыре ₂ -)	СОРОК – <i>срок, строк</i>
1 (ты ₁ -)			
			ИЗ – <i>виз, вниз</i>
			ЧИЩЕ – <i>голянце, днище, Мише</i>

Реакции	Производящая основа в ассоциативной статье			
	от стимула	существительные	прилагательные	глаголы
Стимул				
14. ВОТ		1 (кот ₂₋)		
15. ВМЕСТЕ		1 (друг/ж ₂₋)	1 (отдельн ₂₋)	1 (жи ₂₋)
16. ДУМАЕТ		2 (-мысл ₄₋ , ум ₃₋)		1 (уч ₂₋)
17. ОБЕЩАТЬ	2	1 (друг/ж ₃₋)	2 (хорош ₂₋ , -полн ₃₋)	14 (выполн ₅₋ , ид/-й ₂₋ , -вер ₂₋ , -вра ₂₋ , встреч/т ₃₋ , жен ₂₋ , жда ₂₋ , сдерж ₂₋ , помоч/щ ₂₋ , -пис ₃₋ , люб ₂₋ , -ех ₂₋ , -пуск ₂₋ , -ход ₃₋)

Производящая основа в сооциативной статье			Совпадающие концы слов (тождественность словообразовательного форманта у S и R или рифма)
местоимения	наречия	числительные	
	2 (как ₂ -, так ₃ -)		<i>ВОТ – живот, и кот, и тот, поворот, шпрот</i>
1 (с кем/с кем-то)	1 (врозь/порознь)		
2 (о чем/о чем-то; о своем/по-своему)			
3 (кому-либо/кому-нибудь/кому-то; что-либо, что-нибудь/что-то; ничего/ничего)			

русского языка Российской Академии наук совместно с Институтом языкознания АТ строится на 1284 стимулах, но каждая статья на момент анализа (работа продолжается и сеть постоянно наращивается) включала от 80 до 100 ответов, т. е. суммарное число словоупотреблений (ответов) в СЛ и АТ примерно одинаково. Если исходить из того, что в течение одного дня человек использует в среднем приблизительно 2 тысячи разных слов, осуществляя 20–25 тыс. словоупотреблений¹, для фиксации АВС среднего носителя целесообразно было бы опираться как раз на такое число – 2 тыс. стимулов, получив по 500 реакций-ответов на каждый из них. Это даст искомое необходимое число ответов – 1 млн., – которое позволит полностью выявить семантику и грамматику полной АВС, а значит, языка в целом. Таким образом, АТ, который предполагает согласно программе его построения использование на 2-м этапе наиболее частотных реакций слова в качестве стимулов, но уже предъявляемых другим группам испытуемых, достигнет по его завершении расчетного объема и станет мощным инструментом изучения всех аспектов владения человека языком.

Комментарий к диагностической словообразовательной матрице. После этого вынужденного отступления вернемся к комментированию диагностической словообразовательной матрицы 7 (см. с. 142–145). Входами в матрицу по горизонтали являются все те стимулы, которые использовались для морфологического анализа при построении предыдущих шести диагностических матриц, даже если к стимулу обращались всего один раз (например, ДУМАЕТ или ОБЕЩАТЬ). Таким образом, матрица содержит 17 строк – по числу стимулов ассоциативных статей СЛ и АТ, проанализированных с точки зрения наличия в них словообразовательных отношений. Входами по вертикали эти словообразовательные отношения упорядочиваются указанием на производящие основы («мотивоны»), которые определяются для каждой зафиксированной в ассоциативной статье словообразовательной группы из ее наличного состава и совсем не обязательно совпадают при этом с корнем системного гнезда, представленного, например, в словообразовательном словаре. Примером такого несовпадения может служить уже приводившийся случай с парой *неизвестно, неизвестность* из статьи БЕЖАТЬ, где оба деривата являются производными от основы прилагательного *известн-*, но в качестве исходной для этой пары в соответствующей клетке матрицы указана ближайшая производящая основа *неизвестн-*.

¹ Эти данные получены мною в эксперименте по изучению одного дня русской языковой личности. Они позволяют, в частности, составить представление о том, сколько произносит слов (делает словоупотреблений) человек в среднем за свою жизнь. Исключив годы становления и развития языковой способности, т. е. годы раннего детства, и годы угасания языковой способности, т. е. глубокой старости, мы получим примерно 20 тыс. дней активной языковой жизни. Следовательно, общее число сказанных человеком в течение своей жизни слов (словоупотреблений) не должно сильно превышать 500 млн.

В правом столбце помечено количество дериватов в статье от основы стимула. Так, от основы БЕЖАТЬ их три: *бегом, убежать*, (в том числе форма *убегу*) и *бегущий*, последняя — как словоизменительная форма от исходной основы, повторяющая тем самым эту основу в числе производных.

Следующие 6 столбцов заключают в себе дериваты от 6 знаменательных частей речи. Например, от основ существительных в статье ВРЕМЯ образованы три словообразовательные группы: 1) от стимула — *безвременно, времяпрепровождение*; 2) *ночное, полночь*; 3) *час, часы*. От прилагательных в той же статье — *позднее, опоздал, опоздание; короткое, коротать и долгое, долго*; от глагола — *летит, отлета, полет*. От других частей речи словообразовательные гнезда в статьях-существительных встречаются крайне редко. Так, на всем массиве СЛ среди них не встретилось ни одного гнезда, образованного от местоимения, и единственная пара с производящей наречной основой *сегодня — сегодняшний* в статье ЗАНЯТИЕ.

Словообразовательные группы от числительных, наоборот, тяготеют к стимулам-существительным¹ (*ГОД — два, двадцать; ДЕВОЧКА — пяти лет, пятый; РАЗГОВОР — два, двое, вдвоем; КИЛОМЕТР — три, третий, трое; шестьдесят шесть, шестнадцатый; шестьсот; семь, седьмой, семьдесятый; сто, сотый и т.п.*), встретившись дважды лишь в одной глагольной ассоциативной статье (*ДОГОВОРИТЬСЯ — двое, разговор двух людей*), но при этом, как мы видим, второй раз — в сочетании с существительным. Поэтому в целом можно сказать, что стимулы-глаголы не дают в своих статьях словообразовательных групп от числительных. Зато последние, естественным образом, широко должны быть представлены в статьях со стимулами-числительными (см. строку СОРОК в матрице).

Образования от местоимений порождаются либо стимулами-местоимениями же, либо наречиями (см. в матрице 7 графу ВМЕСТЕ) и глаголами (см. графы ДУМАЕТ и ОБЕЩАТЬ). Здесь интересно отметить, что статья с лемматизированным стимулом ДУМАТЬ в СЛ содержит те же местоимения-реакции и, соответственно, образованные ими деривационные группы, что и статья ДУМАЕТ из АТ, состав словообразовательных групп в которой отражен в матрице 7². В статье САМ находим реакции *самостоятельный и самостоятельно*, которые в совокупности со стимулом заставляют возводить эту группу именно к местоимению, а не к прилагательному, как мы должны были бы посту-

¹ Далее дано почти исчерпывающее их перечисление.

² Напомним, что этот факт объясняется статусом местоименных реакций в глагольных статьях, которые призваны отразить актантную структуру глагола-стимула и потому не зависят от свойств его конкретной финитной формы: будет ли этот стимул в 1-м или 3-м лице, в прошедшем или настоящем времени, единственном или множественном числе и т.п. Данное утверждение легко проверить на статьях АТ, где в качестве стимулов использованы все финитные формы глагола ДУМАТЬ.

пить, если бы имели дело только с двумя этими словами-реакциями и не включали бы в словообразовательную группу стимул. В статье ТЫ единственным образованием от местоимения является глагол *тыкать* (опять-таки словообразовательную группу составляющий лишь в паре со стимулом). Производящие основы-наречия появляются в статьях со стимулами-глаголами (см. в матрице строку БЕЖАТЬ), в статьях-местоимениях и статьях-наречиях. Например, в статье ВОТ из АТ мы видим два образования *как-какой* и *так-так-то-также*, в статье ВМЕСТЕ — одно *врозь-порознь*. Число таких основ и соответственно групп невелико и практически исчерпывается, если к названным добавить наречную группу *вдаль, вдали, неподалеку, далеко, вдалеке*, звенья из которой находим в глагольных статьях ИДТИ, ОКАЗЫВАТЬСЯ, УВИДЕТЬ, а также *много, немного* из статьи ЗНАТЬ.

Двигаясь по матрице вправо, мы приходим к последнему ее столбцу, который противостоит всем рассмотренным ранее: в предыдущих столбцах, озаглавленных знаменательными частями речи, совпадающими у групп слов, идентифицирующими гнездо или фрагмент цепочки, была основа, или часть слова, тяготеющая к его началу. В завершающем же столбце матрицы 7 собраны слова, которые объединяются в группы по признаку совпадения или близости (фонетической и графической) не начал, а концов слов. Причем это сближение может иметь различную природу. В простейшем случае оно представляет собой принадлежность стимула и реакции к одному словообразовательному типу, например: *монтажник-высотник, важнейший-сильнейший, ребенок-жеребенок*. Другой вариант мы видим при сохранении неизменным у стимула и реакции конца слова, совпадающего в целом с основой, и варьировании минимального словообразующего средства — приставки: *привозить-отвозить, положить-отложить, заменить-переменить, сказать-рассказать*. Третью возможность таких совпадений дают одинаковые словоизменительные формы у стимула и реакции, что в АТ встречается довольно часто, например: *решите-спешите, мальчикам-девочкам, видим-смотрим* и, комбинированно с предыдущим, *попросим-спросим*. Наконец, последний случай таких сближений мы имеем при чисто внешнем фонетическом совпадении концов слов у стимула и реакции, т.е. при их рифмовании: *носами-сами, ложь-рожь, гость-кость*. Полную тривиализацию этих приемов ассоциирования можно было бы усмотреть при 100-процентном совпадении, или простом повторении стимула, которое встречается не так уж редко. Вот несколько примеров из СЛ: *добрый-добрый, делать-делать, слышать-слышать, папа-папа, оставаться-оставаться, гулять-гулять, суббота-суббота, гость-гость*. Так что включенный в матрицу пример повторения реакцией стимула БИЛЕТ — билет не является какой-то аномалией, но и рассматривать подобные случаи в одном ряду с «рифмой», как в широком смысле можно обозначить явления,

отраженные в последнем столбце матрицы 7, тоже было бы неправильно. Они получают более адекватное объяснение в следующем разделе, посвященном синтаксису, где речь идет о трактовке некоторых реакций (в отдельной анкете и ассоциативной статье в целом) как полученных в вопросо-ответном режиме взаимодействия экспериментатора (или анкеты) с испытуемым.

Приведенные здесь рассуждения в достаточной мере оправдывают включение рассматриваемого столбца в словообразовательную матрицу, а его заполнение показывает значительную распространенность явления «рифмы» в АВС. Несмотря на то, что составители ассоциативного словаря (СЛ) довольно последовательно и жестко выбраковывали анкеты, содержащие значительное количество реакций-рифм, последние не изгнаны из словаря полностью и встречаются во многих, если не во всех, его статьях: *голос – волос, город – голод, город – горный, дело – тело, дочь – ночь, жить – тужить, форма – форум, учительница – мучительница, угол – уголь, точка – бочка, точка – кочка, курс – Курск, начать – качать, начать – молчать, разговор – отпор, простой – постой, простой – покрой* и др.

Необходимо подчеркнуть, что ассоциативная связь по принципу «рифмы», помимо лежащей в ее основе словообразовательной, или, в широком смысле, грамматической, закономерности, опирается также на эстетический и игровой моменты в оперировании словом, а эти факторы имеют немаловажное значение и в организации АВС, и в структуре языковой личности в целом. Менее строгая цензура на рифму при оценке анкет для АТ приводит к тому, что картина распределения рифмы здесь в большей степени приближается, очевидно, к ее реальному бытованию в усредненной АВС.

Предпочтения и идиосинкразии словообразовательных гнезд в связи с частеречной принадлежностью стимула. Итак, установив распространенность и разнообразие словообразовательных отношений в ассоциативных статьях, рассмотрим влияние особенностей стимула на характер и разветвленность в статье словообразовательных групп. Если судить по данным матрицы 7, самым большим числом гнезд (или, что то же самое, производящих основ) должны отличаться статьи со стимулами-глаголами, поскольку в статье БЕЖАТЬ их 14, а в статье ОБЕЩАТЬ – 20, тогда как в других проанализированных в диагностической матрице статьях эти показатели меньше. Это наблюдение, однако, не подтверждается при вовлечении в анализ всего материала СЛ. На всем массиве оказывается, что число гнезд в ассоциативной статье со стимулом-глаголом колеблется в довольно широких пределах от 3 до 20, помимо ОБЕЩАТЬ, это статьи НАДЕЯТЬСЯ и ОКАЗЫВАТЬСЯ, но все-таки максимума оно достигает в статьях-существительных – РАЗГОВОР (24 основы), КНИЖКА (23 основы), ЛЕС (22 основы), ЗАНЯТИЕ (22 основы).

Особенность словообразовательных отношений в глагольных статьях заключается прежде всего в том, что при среднем числе

гнезд 7–8, в их составе всегда в обязательном порядке есть гнездо, содержащее корень стимула¹.

Даже в случаях ассоциативных глагольных статей с минимальным количеством словообразовательных групп среди последних всегда находится дериват, входящий в одну группу со стимулом: РАБОТАТЬ (3 гнезда) – *сидеть на работе*; ПИСАТЬ (3 гнезда) – *письмо, записать, записаться, написать, переписывать, рукопись*; ЗНАТЬ (5 гнезд) – *знание, узнавать, узнать* и т.п. И наоборот, среди статей, в составе реакций которых нет дериватов, восходящих к одному корню со стимулом, оказываются только статьи со стимулами-именами: либо прилагательными – БОЛЬШОЙ (2 гнезда), ТЕМНЫЙ (1 гнездо), ПЛОХОЙ (8 гнезд), НОВЫЙ (3 гнезда), МИЛЫЙ (6 гнезд), ПРЕКРАСНЫЙ (8 гнезд), либо существительными – ГАЗЕТА (7 гнезд), ГОД (3 гнезда), ГОРОД (3 гнезда), ГОСТЬ (10 гнезд), ДЕРЕВНЯ (12 гнезд), ЧЕЛОВЕК (9 гнезд), ФАМИЛИЯ (11 гнезд), УТРО (14 гнезд), ТОВАРИЩ (3 гнезда), КОМНАТА (9 гнезд), КУРС (11 гнезд), ЛЮДИ (5 гнезд) и др. Эти факты могут свидетельствовать о большей словообразовательной активности глагола в АВС по сравнению с прочими частями речи, активности, опирающейся, в частности, на «эффект наследования»² (производным словом от производящего части его семантических и даже валентностных свойств). Иными словами, глагол как стимул обладает в сознании говорящего, носителя языка, большей силой для передачи «по наследству» реакциями своих свойств, для образования от него других слов-реакций, составляющих его гнездо.

Обратимся к структуре словообразовательных отношений внутри глагольных ассоциативных статей. Одна из самых богатых этими отношениями статья со стимулом ВСПОМИНАТЬ содержит 16 словообразовательных групп, в том числе 8 от глагольных основ, 4 от имен существительных и по 2 от прилагательных и местоимений:

глагол. – *вспоминать, вспомнить, воспоминание, запомнить, помнить; забывать, забытое, забыть; жизнь, прожитое; ... прошлое, о прошедшем; рассказывать – скажу; любовь, о любимой; что было, бывшее;*

сущ. – *стихи, стихотворение; грусть, грустно; мечтать, о мечте; будни, бывшие дни;*

прил. – *о приятном, приятно, приятную историю, неприятное; старое, старик;*

мест. – *о ком-нибудь, о ком-то (кого, кого-то); что, что-то.*

¹ Это утверждение, на 100% справедливое для СЛ, подкрепляется и данными матрицы 7 (см. ее первый столбец). Исключение составляет статья АТ ДУМАЕТ по причине, надо полагать, ее неполноты, незавершенности, так как она содержит всего 70 реакций вместо необходимого, как мы помним, их числа порядка 500.

² Об «эффекте наследования» (argument inheritance см., например, [14, с. 31–50].

Здесь следует обратить внимание на преобладание глагольных гнезд в общем числе словообразовательных групп в статье, что связывается, очевидно, с ролью глагола как стимула в данной статье. Подобное преобладание, как показывает анализ, не всегда будет столь значительным, но практически во всех статьях СЛ будет проявляться в словообразовательных отношениях «эффект наследования» частеречной принадлежности стимула. А это значит, что образования от той части речи, к которой принадлежит стимул, почти всегда оказываются более многочисленны или, во всяком случае, не меньше, чем от производящих основ других частей речи. Это правило нарушается иногда только прилагательными-стимулами, как можно видеть и из матрицы 7.

Рассмотрим еще несколько глагольных статей.

ДЕЛАТЬ

глагол.— *делать, дело, не делать, деловой; работать, работу, разработку; производить, производство;*
сущ.— *труд, трудиться; кончить, оканчивать;*
прил.— *добро, добросовестно.*

ДОГОВОРИТЬСЯ

глагол.— *договориться, договор, переговоры, поговорить, разговор, уговор; встретиться, встреча; поездка, о бесплатном проезде, отъезд; думать, дума; ехать, поехать; идти, пойти; с руководителем, с руководством; согласиться, согласие, соглашение; дело, о деле, по-деловому; о походе, сходить в кино;*
сущ.— *с другом, с подругой, дружба;*
числ.— *двое, разговор двух людей.*

ДОСТАТЬ

глагол.— *достать, доставала; доставка, доставление; положить, доложить; подпрыгнуть, прыгнуть;*
сущ.— *вещь, вещи, вещицу; книга, книжку;*
прил.— *необходимую (вещь), необходимо;*
нареч.— *(все, что) можно, (иметь) возможность.*

ДУМАТЬ

глагол.— *думать, думу, бездумье, задумываться, надумать, обдумать; мыслить, мысль, размышлять; жить, житье, о жизни;*
мест.— *о чем, о чем-то, о чем-нибудь.*

ЕСТЬ

глагол.— *есть, еда, поела; кушать, вкусно, вкусная; питаться, питание, пища; был, бытие; пришел, прошло; хочется, хотеть;*
сущ.— *в столовой, в столовке; вино, виноград; голод, голодный; обед, обедать;*
прил.— *сытый, сытость, насытиться, досыта.*

Переходя к рассмотрению словообразовательных групп внутри статей со стимулами-существительными, мы должны конста-

тировать и здесь преобладание производящих основ, принадлежащих к той же части речи, что и стимул, т. е. «эффект наследования» частеречной квалификации стимула сохраняет свою справедливость и для этой совокупности ассоциативных статей. Усреднение числа словообразовательных гнезд по статьям со стимулами разных частей речи последовательно показывает большую словообразовательную активность существительных: среднее число гнезд в статьях-существительных — 9, в статьях-глаголах — 8, а у прилагательных только 6. Это в общем-то и понятно, так как в соответствии с основным аналогическим законом АВС число существительных в статьях со стимулами-существительными оказывается значительно больше числа слов других частей речи (см. сквозную морфологическую матрицу), в статьях-глаголах оказывается больше глаголов и т. п. А при отмеченной выше активности существительных в образовании деривационных ячеек внутри статей, производящих основ, порождающих и возглавляющих эти ячейки, естественно, больше будет от имен существительных. В итоге, вполне логичным представляется уже отмеченная выше особенность словообразовательных отношений в ассоциативных статьях, заключающаяся в том, что максимум словообразовательных гнезд приходится как раз на статьи со стимулами-существительными. Рассмотрим этот максимум.

РАЗГОВОР (24 гнезда)

сущ.— *беседы, собеседник; с подругой, друг, дружеский; по душам, душам, душевный, задушевный; по телефону, телефонный; интерес, интересный, неинтересный, заинтересовавшийся; окончен, кончился, кончить; (двое действующих) лиц, личный; с мужем, мужской; трудный, сотрудники.*

глагол.— *разговор, выговор, говорить, переговоры, разговаривать; болтовня, болтология; дело, деловой; молчать, молчание; пересказ, рассказ, сказка; начать, неначатый; поддерживать, поддержка.*

прил.— *серьезный, серьезно; пустой, попусту, пустяки; неприятный, приятный, неприятность; тихий, тишина; веселый, весело; упрям, упрямо; продолжать, продолжаться;*

числ.— *два (человека), двое, вдвоем.*

ЗАНЯТИЕ (22 гнезда)

сущ.— *польза, полезное, бесполезное; до вечера, вечернее; конец, кончились, окончились, окончить, кончатся, кончить, окончание; музыка, музыкальное; скука, скучное, скучно; труд, трудное; часы, до часу; (каждый) день, ежедневно, ежедневное; интересное, неинтересное; в школе, школьные;*

глагол.— *занятие, заниматься, политзанятия; дело, безделье, ничегонеделание, (от нечего) делать; началось, с начала, начинается, начать, начинать; увлекательное, увлекательно, развлечение, увлечение; учиться, училище, учебник; нудные, нудно;*

прил.— полит-, политзанятия, политграмотой, политическое; долгое, долго, продолжаются, продолжительное; нужное, ненужное; глупое, глупости;

нареч.— много, немного (помогает); сегодня, сегодняшнее.

СЧЕТ (19 гнезд)

сущ.— банк, банковский, банковый; порядок, беспорядочный; бухгалтер, бухгалтерия, бухгалтерский; деньги, денежный; личный, лицевой; арифметика, арифметический, арифмометр; число, вычислять; кости, костяшки; математика, математический; хоккей, хоккейный; футбол, футбольного (матча);

глагол.— счет, счеты, счетовод, счетчик, расчет, расчетный, учет, считать, подсчитывать; вести, свести, ведется, сводить; предъявить, предъявлять; бег, бегу; начало, сначала; письменный, по списку;

прил.— точный, точность;

числ.— десятками, десятичный.

Чтобы завершить экспозицию словообразовательного материала по СЛ, обратимся к статьям-прилагательным. Здесь число словообразовательных гнезд колеблется вокруг 6, включая несколько статей с 1–3 гнездами и одну резко отклоняющуюся от других по числу словообразовательных групп в ней — **ЧИСТЫЙ**, содержащую 17 гнезд. Что касается распределения по частям речи производящих основ, к которым восходят гнезда в статьях-прилагательных, то это распределение уже не подчиняется «эффекту наследования» частеречной принадлежности стимула, показывая преобладание основ-существительных. Вот несколько примеров с числом гнезд выше среднего.

ЧИСТЫЙ (17 гнезд)

сущ.— свет, светлый, светло; грязь, грязный, незагрязненный; нос, носовой (платок); кристалл, кристальный; лист, листок; нрав, нравственно; небо, небосвод; дневной, дневник; угол, уголок; родник, родничок; ручей, ручеек;

прил.— чистый, чистота, чистюля; аккуратный, аккуратность; белый, белье; ясный, ясность;

глагол.— блеск, блестящий; умываться, умывальник, умытый.

ДОБРЫЙ (7 гнезд)

сущ.— добрый, добро, доброта, недобрый, Добромыслов; дед, дедушка; зло, злой, не злой; дядя, дядюшка; сердечный, сердце;

прил.— хороший, нехороший, (очень) хорошо; старичок, старый.

ЗНАКОМЫЙ (6 гнезд)

прил.— знакомый, незнакомый, незнакомец, незнакомка, знакомство; хороший, хорошо; близкий, близко; приятный, неприятность, приятно;

сущ.— дядя, дяденька; друг, недруг, подруга.

ДЕТСКИЙ (8 гнезд)

сущ.— *детское, детство, (устами) детей . . . ; ребенок, ребячий; туфельки, туфля; платок, платочек; ум, разум;*

прил.— *маленький, малютка;*

глагол.— *лепет, лепетать; игрушки, игрушечный (автомобиль).*

СВОБОДНЫЙ (9 гнезд)

сущ.— *свободный, несвободный, свобода; отдых, отдыхать; вольный, воля; время, временный; простор, просторный; личность, личный;*

глагол.— *занятый, занят, незанятый, от занятий; всю жизнь, житель; беглый, бежать (по площади).*

Другая обращающая на себя внимание особенность словообразовательных групп в статьях-прилагательных — это минимальная представленность среди них отглагольных гнезд. В подавляющем большинстве статей превалируют производящие основы-существительные, лишь в 2–3 статьях уступая свое первенство прилагательным. Глагольные же основы появляются в половине из 26 ассоциативных статей-прилагательных СЛ, и при этом они, как правило, единичны, достигая максимального количества — трех — только в статье СВОБОДНЫЙ (см. выше).

Деривация как средство усиления семантической связности в сети. Логика нашего анализа подводит нас теперь к рассмотрению внутренней организации самих словообразовательных гнезд в ассоциативной статье. Прежде всего надо отметить, что в СЛ не нашлось ни одной статьи, которая включала бы образования от всех знаменательных частей речи, составивших матрицу 7. Предпочтения — стимулов-глаголов к производящим основам-глаголам, именам и местоимениям; стимулов-существительных к существительным, глаголам, прилагательным и числительным; стимулов-прилагательных к именам, так же как идиосинкразии — существительных к местоименным и наречным гнездам, глаголов к числительным, а прилагательных к глагольным гнездам — были установлены выше. Словообразовательные группы в ассоциативных статьях, условно называемые нами гнездами, по своему количественному составу колеблются от 2 дериватов до 11 максимум, причем большие по составу гнезда появляются в ассоциативных статьях со стимулами разных частей речи (т. е. существительных, прилагательных и глаголов по СЛ) и не обнаруживают зависимости от общего количества гнезд в статье, т. е. фиксируются как в статьях с большим числом словообразовательных групп, так и в статьях с малым их числом. Приведем наиболее крупные гнезда (справа от слова указана его частота, отсутствие указания означает единичную реакцию слова в статье).

6 дериватов:

ВСТРЕЧА (13 гнезд)–

неожиданная (86), *долгожданная* (15), *ждать* (4), *неожиданность* (2), *ожидание* (2), *ожидать*.

ГОЛОС (11 гнезд)–

певец (15), *петь* (13), *певица* (11), *песня* (8), *певучий* (2), *пение* (2).

7 дериватов:

РАБОЧИЙ (5 гнезд)–

работа (5), *работник* (2), *работяга* (2), *работница*, *работать*, *рабочая*, *чернорабочий*.

ЗАНЯТИЕ (22 гнезда)–

конец (62), *кончились*¹ (22)*, *окончились* (15), *кончатся* (2), *окончить* (3)* *кончить*, *окончание*.

ИНТЕРЕСНЫЙ (6 гнезд)–

увлекательный (12), *привлекательный* (2), *увлечение* (2), *завлекательный*, *привлекательно*, *увлекающий*, *увлечься*.

8 дериватов:

ЗВОНИТЬ (8 гнезд)–

звонок (35)*, *трезвонить* (5), *дозвониться* (3), *звенел* (2), *звон* (2), *трезвон* (2), *звонко*, *перезвонить*.

ШКОЛА (3 гнезда)–

училище (6), *учитель* (6)*, *учеба* (4), *учебник* (2), *ученики* (2), *учение* (2), *учебная* (2)*, *учиться*.

9 дериватов:

СЧЕТ (19 гнезд)–

счета (45)*, *считать* (9), *учет* (4), *расчет* (2), *счет* (2)*, *счетовод* (2), *подсчитать*, *расчетный*, *подсчитывать*.

11 дериватов:

УЧИТЬ (12 гнезд)–

учителем (22), *ученик* (8)*, *изучать* (6), *выучить* (3), *учебник* (3), *ученого* (3), *науке* (3)*, *научить* (2), *учительница* (2), *заучивать*, *приучать*.

ЗАПИСАТЬ (12 гнезд)–

записка (7), *в записную книжку* (6), *письмо* (5)*, *запись* (3)*, *записывать* (3)*, *список* (3)*, *написать* (2), *писать* (2), *списать* (2), *подписаться*, *расписка*.

В самом общем плане можно заметить, что число гнезд в статье зависит от суммарного числа реакций-ответов: чем

¹ Звездочкой обозначены частоты, которые складываются из разных словоформ. Например, частоты форм *кончились* (20) и *кончилось* (2) в этой статье суммируются и условно приписываются первой словоформе.

меньше реакций, тем меньше гнезд (статьи РАБОЧИЙ и ШКОЛА содержат по 200 реакций, прочие — более 600); объем же гнезда не обнаруживает зависимости от этих величин.

Приведенный материал дает пищу для размышлений в двух направлениях: о возможном влиянии свойств стимула на формирование самой многочисленной словообразовательной группы в ассоциативной статье и о характере самой группы, об особенностях репрезентации такой группой цельного системного словообразовательного гнезда. Ясно, что стимул, будучи самым «частотным» словом в статье (ведь он появляется вкуче с каждой реакцией!), не может не оказывать влияния на возникновение самых больших по составу словообразовательных групп. Поэтому ровно в половине приведенных здесь статей самое крупное гнездо восходит к тому же корню, от которого образован стимул (вспомним также, что в большинстве статей представлено гнездо от стимула), причем *производность/непроизводность* самого стимула (ср. УЧИТЬ и ЗАПИСАТЬ, например), скорее всего, никакого влияния не оказывает ни на образование в статье гнезда того же корня, ни на величину этого гнезда. В другой половине рассматриваемых статей корень самой многочисленной словообразовательной группы совпадает с одной из высокочастотных реакций. Для статей ВСТРЕЧА и ЗАНЯТИЕ это будут самые частые реакции — *неожиданная* (86) и *конец* (62) соответственно, а для статей ГОЛОС, ИНТЕРЕСНЫЙ и ШКОЛА производящая основа входит в первый десяток частотных реакций. Такое повышенное влияние частотности требует осмысления этого феномена, осмысления, которое могло бы пролить свет на сам статус словообразовательных отношений в ассоциативной статье и в вербальной сети в целом.

Если подсчитать суммарные частоты дериватов в словообразовательных группах (естественно, для тех случаев, когда среди них нет самых частотных реакций в статье), то окажется, что полученные величины выводят корень соответствующей семантики в верхнюю часть частотной шкалы реакций в данной статье. Ср.: ГОЛОС — суммарная частота слов с корнем *не-* в статье равна 51, что делает слова, «унаследовавшие» семантику этого корня, в совокупности второй по частоте «реакцией» после *звонкий* (105) (см. выше, с. 155). Для статьи ИНТЕРЕСНЫЙ суммирование частот слов с корнем *-влек/ч-* поднимает частоту корня до 20, продвигая его на 7-е место среди высокочастотных реакций, а аналогичная операция с корнем *-учи-* в статье ШКОЛА превращает совокупность его дериватов в самую частую (25 раз) реакцию, поскольку занимающая в этой статье первое место реакция *моя* (см. СЛ) имеет частоту всего 15. Подобный эффект статистического усиления роли общей для дериватов семы, наиболее впечатляющий для больших гнезд, можно усмотреть в любой ассоциативной статье, так как словообразовательные группы имеются во всех статьях. Однако было бы неправомерным упрощением видеть роль и смысл словообразовательных отно-

шений в АВС только в этом. Словообразовательным гнездам в статье и в сети в целом, помимо указанной семантической функции – простого увеличения частотности некоторой семы (или корня), присущи по меньшей мере еще две функции – одна семантическая и одна грамматическая. Прежде о второй из них.

Развивая идею суммарных частот дериватов, логичным будет сделать следующий шаг в статистической оценке степени участия деривационных отношений в организации АВС: установить общее число слов в статье, вошедших в словообразовательные гнезда, т. е. объединенных не просто семантическими, но и семантико-словообразовательными связями. Рассмотрим эти величины для одной из самых богатых деривационными гнездами статей и двух из самых бедных. Статья ЛЕС содержит 21 гнездо:

1. (*Берегите*) *лес* 2, (*Русский*) *лес* 2, (*куда-то за*) *лес* 1, *лес* (*березовый*) 1, *лесник* 2, *лесной* 1, *лесоразработки* 1 – суммарная частота слов в гнезде с корнем *лес* равна 10;
2. *Зеленый* 72, *зеленые* (*деревья*) 2, *ярко-зеленый* 2, (*ничто*) *зеленое* (*и шумящее*) 1, (*У лукоморья дуб*) *зеленый* 1, *зелень* 12 – суммарная частота слов в гнезде от корня *зеленый* равна 90;
3. *береза* 12, *березовый* 6, *березовая* (*роща*) 2, (*лес*) *березовый* 1 – суммарная частота – 21.
4. *елка* 7, *елки* 1, *елки* (*-палки*) 1, *ель* 4, *ели* 1, *еловый* 4 – частота 18;
5. *сосновый* 10, *сосны* 3, *сосны* (*густые*) 1 – частота 14;
6. *весенний* 5, *весна* 2 – частота 7;
7. *рубят* 15, *рубить* 2, *рубят* (*-щепки летят*) 2, *вырублен* 2 – частота 21;
8. *листья* 3, *лиственный* 2 – частота 5;
9. *ходить* 2, *непроходимый* 2 – частота 4;
10. *ближний* 1, *близко* 1 – частота 2;
11. *густой* 119, *густящий* 1 – частота 120;
12. *летний* 1, *лето* 1 – частота 2;
13. *люблю* 2, *любимое* (*место природы*) 1 – частота 3;
14. *шумит* 4, *шумел* 2, (*ничто зеленое и*) *шумящее* 1, *шумный* 1 – частота 8;
15. *отдых* 2, *отдыхать* (*хорошо*) 1 – частота 3;
16. *прохлада* 4, *прохладно* (*и ягоды*) 1, *прохладный* 1 – частота 6;
17. *растения* 1, (*скудная*) *растительность* 1 – частота 2;
18. *темный* 33, *темная* (*стена деревьев*) 1, *темнеет* 1 – частота 35;
19. *дубовый* 2, (*у лукоморья*) *дуб* (*зеленый*) 1 – частота 3;
20. *хорошо* 2, *хороший* (*воздух*) 1 – частота 3;
21. *Шишкин* 1, *шишкинский* 1 – частота 2.

Таким образом, совокупное число дериватов в этой статье, т. е. реакций, связанных разнообразными словообразовательными связями и входящих в разные гнезда, достигает 379 единиц, что по отношению к общему числу ответов в ней составляет (379/758) ровно 50%. Аналогичные подсчеты для ассоциативных статей

ПИСАТЬ (3 гнезда) и ТЕМНЫЙ (1 гнездо) показывают следующее.

ПИСАТЬ

1. *письмо* 52, *записать* 1, *записаться* 1, *написать* 1, *переписывать* 1, *рукопись* 1 — частота 57;
2. *правдиво* 2, *правду* 2 — частота 4;
3. *работу* 2, *работать* 1 — частота 3.

Совокупная частота дериватов равна 64, что составляет (64/217) около 30%;

ТЕМНЫЙ

1. *светлый* 114, *свет* 5 — частота 119, что составляет (119/611) около 20%.

Проверка этих величин по другим ассоциативным статьям засвидетельствовала, что пределы, в которых колеблется число единиц, охватываемых деривационными отношениями, не опускаются ниже 17%, поднимаясь иногда для глаголов до 60% и выше. Ср. ОБЕШАТЬ (20 гнезд) 301/548 — 54,9%; НАДЕЯТЬСЯ (18 гнезд) 491/702 — 69,9%; ЛИТЕРАТУРА (16 гнезд) 310/730 — 42,4%; ЛЮБИТЬ (6 гнезд) 37/211 — 17,5%; МИЛЫЙ (6 гнезд) 207/761 — 27,2%; МОЛОДОЙ (7 гнезд) 88/214 — 41,1%; ОТЕЦ (3 гнезда) 41/219 — 18,7% и т. п.

Приведенные данные позволяют заключить, что деривационные связи в АВС, охватывая в среднем около 40% единиц в каждой ассоциативной статье, по своей широте (распространенности) и силе сопоставимы с выраженными в такой же статье морфологическими (словоизменительными) отношениями, составляющими в среднем для СЛ 55% всех реакций (ср. Сводную морфологическую матрицу на с. 174–175).

Незавершенность, потенциальность гнезд и контаминация производящих основ. Рассмотрим теперь некоторые особенности самих словообразовательных гнезд в том их виде, как они представлены в ассоциативных статьях. Гнезда характеризуются, на наш взгляд, следующими особенностями:

— принципиальной неполнотой и незавершенностью, «разрывами» в составляющих их словообразовательных цепочках;

— «потенциальностью корня», т. е. не обязательным присутствием исходной для словообразовательного гнезда основы среди реализованных в статье дериватов;

— контаминацией производящих основ, которая приводит к «пересечениям» в одной и той же статье разных, но близких гнезд, пересечениям, свидетельствующим о смешении в наивном языковом сознании среднего носителя языка синхронических законов словообразования и диахронических связей между разными корнями и основами.

Что касается первого утверждения, то оно не требует особых доказательств: приведенные выше примеры с очевидностью его

подкрепляют. Действительно, самое большое в СЛ гнездо от корня *жда-*, извлеченное из статьи ВСТРЕЧА и включающее 6 дериватов (см. выше, с. 155), примерно в 10 раз уступает по количественному составу цельному системному гнезду от этого корня в словаре Тихонова [13, с. 340], а количество дериватов от корня *не-* в ассоциативной статье ГОЛОС (с. 155) оказывается в 30 раз меньше, чем в полном системно-словообразовательном гнезде *неть* (там же, т. 1, с. 742–743). И подобные показатели неполноты и незавершенности словообразовательных гнезд в ассоциативных статьях мы обнаружим для всех статей и всех гнезд. Даже такие минимальные гнезда, как трехчленное в словаре Тихонова гнездо *сегодня – сегодняшний – сегодняшнее*, в соответствующей ассоциативной статье (ЗАНЯТИЕ) представлено лишь двумя своими членами (*сегодня, сегодняшний*).

Словообразовательные группы от корня *жда-* входят, помимо названной, еще в 5 ассоциативных статей СЛ: ВСТРЕТИТЬ – *ожидание, жданных гостей, неожиданно, неожиданных людей*; ГОСТЬ – *нежданный, долгожданный, жданный, неожиданно, ждать*; ОБЕЩАТЬ – *ждать (и ждут), подождать*; НАДЕЯТЬСЯ – *ждать, ожидать*; ОКАЗАТЬСЯ – *неожиданно, в неожиданности*. Но даже суммирование, как легко видеть, дериватов по словообразовательным группам всей АВС (вернее той ее части, которая находит отражение в СЛ) практически не меняет их соотношения с полным системным словообразовательным гнездом. Можно полагать, что с подобным эффектом неполноты отражения гнезда мы столкнемся и в том случае, если будем изучать словообразование на материале текстов одного автора. АВС индивидуума, даже такого выдающегося языкового индивидуума, каким является писатель, содержит словообразовательные гнезда лишь в потенции, охватывая большинство корней языка и суммарно реализуя на них большую часть свойственных системе словообразовательных типов, но не повторяя буквально всего инвентаря единиц системного гнезда, как он представлен, например, в словообразовательном словаре. В этом смысле АВС – как держатель деривационных прецедентов в системе – сближается скорее с описательной грамматикой, чем со словообразовательным словарем языка, включая в себя не список, не инвентарь, т. е. не исчерпывающее декларативное знание, оперировать которым можно лишь путем полного перебора его составляющих, а запечатленный в образцах набор систем продукции – словообразовательных способов, типов, парадигм, цепочек, гнезд. Неполнота одного гнезда и разрывы цепочек в нем типологически восполняются в иных гнездах и цепочках, той же АВС, что и позволяет экономно – с одной стороны, как бы в виде перечня (но неполного), а с другой, – в виде правил или систем продукции, поскольку перечень состоит из образцов – записать в памяти всю словообразовательную (а шире – и всю грамматическую) информацию. Это и есть диссипация грамматической информации в АВС, а способ представления в данном случае словообразова-

тельных отношений в ней есть способ диссипативных структур.

Отсюда понятна и вторая часть высказанного выше утверждения о неизбежности разрывов в словообразовательных цепочках одного гнезда в ассоциативной статье. Однако, если сами гнезда в статьях оказываются неполными всегда и принципиально, то разрывы в цепочках (а вернее сказать, во фрагментах цепочек, так как цепочки, подобно гнездам, всегда незавершенны), в общем-то непредсказуемы и случайны. Довольно часто минимальные группы из 2–3 дериватов составляют цельные звенья цепочек: *от картины – после картинной галереи* (ВПЕЧАТЛЕНИЕ), *рассказ – рассказывать, делиться – поделиться* (там же); *летит – отлета – полет, долгое – долго* (ВРЕМЯ); *ответить – ответ, приятную историю – о приятном – неприятное – приятно* (ВСПОМИНАТЬ); *свет – светлый – светло* (ЧИСТЫЙ), *сдать – сдавать – сданный – сдача* (ЭКЗАМЕН); *девочка – девушки – девичья* (ФАМИЛИЯ) и т. п. Гораздо реже словообразовательную группу в ассоциативной статье можно выстроить в более длинную последовательную цепочку дериватов, как, например, в приведенной выше статье РАБОЧИЙ: *работать – работа – работник – работница – работа – рабочий – рабочая – чернорабочий*. Вообще большие гнезда, как, например, в статьях УЧИТЬ или ЗАПИСАТЬ (см. с. 155), распадаются на ряд незавершенных цепочек: *записывать, запись, записка, в записную книжку*; или *писать, написать, списать, список* и т. п. Но чаще мы встречаемся, естественно, с последовательными, разорванными фрагментами цепочек: *враги, вражда, враждебная* (ВОЙНА); *мировая, всемирная* (там же); *впечатлительное, печать, отпечатать* (ВПЕЧАТЛЕНИЕ); *появиться, являться, явный* (ВХОДИТЬ); *день рождения, родной, родственник, родня* (ГОСТЬ); *гулять, прогуливаться, прогулка, гульба, гулящая* (ГУЛЯТЬ); *глухая, глухомань* (ДЕРЕВНЯ); *думу, задумываться, бездумье, надумать, обдумывать* (ДУМАТЬ); *время, современный* (НОВЫЙ) и т. п.

Вторая особенность касается корня гнезда, или его исходной основы. Уже из тех примеров, что приводились ранее – на с. 151 и далее – можно заключить, что корень, или исходная основа гнезда, далеко не всегда представлен среди членов этого гнезда в ассоциативной статье. Естественно, что чаще он появляется в составе крупных гнезд, включающих более 8 дериватов. Так, среди гнезд-«чемпионов» (см. с. 155) мы находим его в статье ВСТРЕЧА (*ждать*), ГОЛОС (*петь*), РАБОЧИЙ (*работать*), ЗАНЯТИЕ (*конец*), ЗВОНИТЬ (*звенел*), СЧЕТ (*считать*), ЗАПИСАТЬ (*писать*), а в статьях УЧИТЬ и ЛЕС он просто совпадает со стимулом, и, таким образом, из десятка самых больших гнезд только два – ШКОЛА и ИНТЕРЕСНЫЙ – не содержат корня. С уменьшением числа дериватов уменьшаются и шансы появления в их числе корня соответствующего гнезда. Примерно треть всех гнезд в АВС представлена парами слов, и корень появляется в половине этих пар: *мир – мирное* (ВОЙНА), *мама – мамино* (ЗДОРОВЬЕ), *зеленый – зелень* (ЗЕМЛЯ), *шагать –*

шагом (ИДТИ), *жить – жизнь* (ИДТИ), *нос – носовой* (ЧИСТЫЙ), *лист – листок* (ЧИСТЫЙ) и т.п. Иными словами, мы и здесь имеем основания говорить о потенциальности, но теперь уже о потенциальности корня в гнезде и его реальности в АВС в целом. Таким образом, гнездо в АВС потенциально как бы дважды: оно потенциально в смысле своего состава, поскольку для его «приведения к выражению» достаточно двух представителей из полного «гнездового» инвентаря, и потенциально в смысле корня, поскольку корень гнезда и даже ближайшая производящая основа для того фрагмента, который входит в одну ассоциативную статью, может оставаться и часто остается «за кадром», вне этого фрагмента – в потенции, возможностях, механизме, компетенции испытуемого (говорящего)¹.

Из этих наблюдений можно заключить, что корень словообразовательного гнезда для диссипативной структуры, какой в АВС представлены словообразовательные отношения и группы, а значит, для обыденного языкового сознания, не является последней реальностью, не является той конечной исходной точкой, из которой разворачивается и ветвится всякое словообразовательное гнездо. Следовательно, в порождаемых средним носителем ассоциативных словообразовательных гнездах может происходить неправомерное с этимологической или с синхронической точки зрения наложение и смешение (остающихся за кадром) корней и сближение их производных. Так, наивное языковое сознание готово под стимулом СЧЕТ объединить в одну группу с неким единым, но несуществующим корнем (ведь он потенциален в ассоциативной статье), с одной стороны, слова *считать, подсчитать, счеты, счетовод, счетчик, расчет, расчетный*, а с другой – *учет* (ср. с. 155), которое на деле должно относиться к гнезду *учесть*. И здесь имеет место неверная этимология, возводящая *счет* и *учет* к тому же потенциальному «корню», что *чет* и *нечет*. Наоборот, оправданная этимологически, но уже не имеющая опоры в синхронных словообразовательных отношениях контаминация происходит под стимулом ОБЕЩАТЬ, когда живой и активный в языковом сознании носителя языка корень *-полн-* заставляет его сводить в одну группу дериваты трех разных, согласно словарю Тихонова, словообразовательных гнезд: а) *выполнить, выполнять, выполнение, выполнимое, невыполнимое*, плюс б) *исполнить, не исполнять*, плюс в) *восполнить*. При соединении в одну группу таких дериватов, как *доставка, доставление, доставала* (под стимулом ДОСТАТЬ), мы встречаемся с выразительным примером чисто внешнего сближения слов, приводящего к контаминации корней из двух словообразовательных гнезд – *доставать* и *доставить*. Но чаще прихо-

¹ Напомним, что все эти рассуждения исходят из предположения, что ассоциативная статья «произведена» одним испытуемым, вычленяется из некоей идеальной АВС, принадлежащей тотальному носителю языка, идеальной языковой личности.

дится сталкиваться в ассоциативных статьях со случаями сближения этимологически родственных корней типа *труд* и *трудный*, *беда* и *бедный*, *мама* и *мать*.

Способы словообразования и деформация словообразовательных типов в сети. Хотя в целом явлений контаминации, подобных охарактеризованным, не так много, но они, вкупе с рассмотренными выше свойствами потенциальности корня и самого словообразовательного гнезда в АВС, могут служить основанием для предположения, а может быть, даже утверждения о том, что реальностью для наивного языкового сознания оказывается, во-первых, этот потенциальный, вычленяемый силой интуитивной аналогии и трактуемый в широкой диахронической ретроспективе корень гнезда, и, во-вторых, правила продукции, т.е. базирующиеся опять-таки на аналогии, на образцах и прецедентах способ словообразования и словообразовательный тип. Однако совокупность этих образцов и прецедентов, при всей кажущейся их хаотичности и разбросанности в АВС и ассоциативных статьях, достаточно полно отражает словообразовательную систему языка, запечатленную в устойчивом перечне способов и конечном числе типов словообразования. Читатель имел возможность убедиться в широком разнообразии того и другого в ассоциативных статьях на приводимом ранее материале: в нем представлено образование существительных от существительных же, прилагательных, глаголов, числительных и наречий, соответственно глаголов — от глаголов, прилагательных и т.д., а прилагательных — от прилагательных, существительных, глаголов и т.д. Полным оказывается и использование в АВС способов словообразования, что систематически можно проиллюстрировать следующим перечнем (далее в примерах каждый член словообразовательной пары, служащей иллюстрацией соответствующего способа, приводится в той форме, в какой он зафиксирован в ассоциативной статье).

1. Суффиксация: *дочь — дочка — дочурка (ДОЧЬ); темный — темнеет (ЛЕС); вкусная — вкусно (ЕСТЬ); листов — листва (КНИЖКА).*

2. Префиксация: *ехать — приехать, доехать, уехать; кончить — закончить (НАЧАТЬ); хороший — нехороший (НАЧАЛЬНИК); сзади — позади (ОКАЗАТЬСЯ).*

3. Постфиксация: *учить — учиться (ЗНАТЬ); показывать — показываться (ОКАЗЫВАТЬСЯ).*

4. Префиксация с суффиксацией: *писать — неопишемая (КАРТИНА); сытый — досыта (ЕСТЬ); польза — бесполезное (ЗАНЯТИЕ); звон — трезвонить (ЗВОНИТЬ); дурака — одурачить (ПРОВЕСТИ).*

5. Префиксация с постфиксацией: *звонить — дозвониться (ЗВОНИТЬ); ссора — поссорить (ПОВОД); писать — подписаться (ПИСАТЬ).*

6. Суффиксация с постфиксацией: *встреча — встречаться (ПРИХОДИТЬСЯ); труд — трудиться (РАБОТАТЬ).*

7. **Префиксация в сочетании с суффиксацией и постфиксацией:** *сытый* – *насытиться* (ЕСТЬ); *жить* – *уживаться* (ПРИХОДИТЬСЯ), *думать* – *задумываться* (ДУМАТЬ).
8. **Сложение:** *рабочий* – *чернорабочий* (РАБОЧИЙ); *труд* – *трудоемкое* (ПРОИЗВОДСТВО); *русская* – *древняя* – *древнерусская* (ЛИТЕРАТУРА), *шарик* – *шарик-атом* (НЕБОЛЬШОЙ); *подготовка* – *боеподготовки* (КУРС).
9. **Сложение в сочетании с суффиксацией:** *каждый день* – *ежедневное* (ЗАНЯТИЕ); *милости* – *милосердие* (ПРОСТИТЬ); *мир* – *всемирная* (ИСТОРИЯ).
10. **Сращение:** *зеленый* – *ярко-зеленый* (ЛЕС); *кино*, *фильм* – *кинофильм* (НАЧАЛО); *телеграф*, *радио* – *телеграмму*, *радиограмму* (ПЕРЕДАВАТЬ).
11. **Аббревиация:** *сберегательная* – *сберкнижка* (КНИЖКА); *на факультет* – *юрфак* (ПОСТУПИТЬ); *высшая*, *учебное заведение* – *вуз* (ШКОЛА); *государственный*, *экзамен* – *госэкзамен* (ЭКЗАМЕН), *хорошо* – «*хор.*» (ОТВЕТИТЬ); *магазин* – *универмаг* (ПОКУПАТЬ)¹.
12. **Субстантивация:** *потерять* – *утраченное* (НАЙТИ); *копать* – *ископаемое* (ИСКАТЬ); *выполнить* – *невыполнимое* (ОБЕЩАТЬ); *хорошо* – *хорошее* (ВИДЕТЬ).

Здесь приведены реальные пары и тройки реакций из ассоциативных статей СЛ, находящиеся в отношениях производящего и производного и иллюстрирующие тот или иной способ словообразования. Таких примеров больше всего для первых пяти способов, но если классифицировать производные слова по способам их образования, независимо от наличия в данной статье ближайшего производящего, т. е. при допущении потенциальности производящего, то число дериватов для каждого способа резко увеличится: одних аббревиатур различных видов в СЛ несколько десятков – *истмат*, *ПТЭ*, (ЭКЗАМЕН), *ф. и. о.* (ФАМИЛИЯ), *МГУ*, *ЧГПИ*, *НКИ*, *ФМШ*, *ФНШ*, *ТГПИ*, *ХПИ*, *пединститут*, *филфак* (СТУДЕНТ), *КПСС*, *СССР* (СЛАВА), *физкультура* (СИЛЬНЫЙ), *во ВГИКе* (РАБОТАТЬ), *КИМ* (ПРОИЗВОДСТВО,) *КВН* (ПРОВЕСТИ) и т. п. С учетом этого обстоя-

¹ Что касается четырех последних способов словообразования, а именно двух видов сращения – сложения и аббревиации, то они проявляют себя не только формируя, как это было показано, фрагменты словообразовательных гнезд в ассоциативной статье, но и распределяя части соответствующих составных дериватов между стимулом и реакцией. Это происходит в тех случаях, когда ответ на стимул дается морфемой: СВЯЗЬ – *электро*, ЗАНЯТИЕ – *полит*, БИЛЕТ – *пол* (т. е. *полбилета*), ВРЕМЯ – *препровождение*. Таким образом, полное слово получается при соединении стимула с реакцией, причем в трех из приведенных примеров для такого соединения реакция и стимул должны поменяться местами: реакция составляет начало слова, а стимул – вторую его часть. Подобная конверсия стимула не столь уж редкая вещь в опросных анкетах, ассоциативных статьях и сети в целом, о чем подробнее см. в разделе о синтаксическом примитиве порядка слов (с. 192).

тельства не остается сомнений в активности и широкой распространенности всех способов словообразования в АВС.

Теперь, если бы мы подобным образом попытались иллюстрировать также и словообразовательные типы, стремясь выявить всю деривационную систему (т. е. и способы и типы) русского языка из фрагмента АВС СЛ, мы, очевидно, потерпели бы неудачу. Все многообразие типов столь велико, что массив в 100 тыс. словоупотреблений, имеющийся в СЛ, представляет собой слишком маленькое словообразовательное пространство для реализации всей деривационной системы. Необходимое пространство (в 1 млн. словоупотреблений) образуется, как отмечалось выше, в АТ по его завершении.

Тем не менее интуитивное ощущение типа и владение им как инструментом продукции дериватов не чуждо наивному языковому сознанию, запечатленному в АВС. К такому заключению можно прийти, анализируя некоторые ассоциативные статьи и соотношение словообразовательных групп в них. Как известно, словообразовательный тип объединяет дериваты, обладающие тремя одинаковыми параметрами — формальным показателем, словообразовательным значением и исходной производящей частью речи. Оказывается, если один из этих параметров выразительно задан стимулом, выражен в нем в сильной степени, то соответствующий этому параметру словообразовательный тип будет превалирующим в данной ассоциативной статье. Например, стимул НЕБОЛЬШОЙ навязчиво передает семантику соответствующего размера, и среди словообразовательных пар под этим стимулом преобладают такие, в которых выражено отношение «маленький по размеру»: *дом — домик, стол — столик, мяч — мячик, шарик — шарик-атом, (тень от) человека — человечек, город — городок — городишко*. Здесь, по сути дела, три синонимичных словообразовательных типа с семантикой уменьшительности, и самый многочисленный из них дополняется производными словами с потенциальной, т. е. отсутствующей в той же статье, производящей основой: *винтик, дворик, карлик, клопик, кубик, садик, томик*; другие типы имеют аналогичное дополнение: *кусочек, сундучок, собачка, огурчик, пшенок, уголок*. В этом случае словообразовательный тип внушен или подсказан наивному языковому сознанию носителя языка, тотальной языковой личности, одним параметром — семантикой стимула.

С иной ситуацией мы сталкиваемся в ассоциативной статье КНИЖКА, где преобладающий словообразовательный тип навеян, очевидно, формальным показателем производности в стимуле. Однако амбивалентность семантики самого суффикса *-к* (уменьшительность или обозначение свойства по производящему прилагательному?) приводит к появлению в статье от пары *книга — книжка* двух линий словообразования: 1) *брошюра — брошюрка, том — томик*; 2) *зачетная — зачетка, сберегательная — сберкнижка, открытая — открытка, записная — записка, (несколько) лист (ов) — листовка*. Как и в предыдущем случае, обе линии

дополняются, с одной стороны, дериватами с тем же суффиксом, где угадывается и значение уменьшительности (*мальчишка, мышка, с картинками*, а также *значок и Шурик*), а с другой стороны, словами, в которых с позиций наивного языкового сознания такой суффикс мог бы быть вычленен, но на деле словообразующим формантом он является лишь в некоторых из них (*ручка, тетрадка, игрушка, мартышка, обложка, сказка, шпиргалка*). Подобное влияние формального показателя производности наиболее ярко прослеживается в АТ, а именно в тех его статьях, стимулы которых специально ориентированы на выяснение воздействия их словообразовательной структуры на состав и характер реакций. Такова статья АТ РЕБЯТЕНОК, в которой из 47 реакций-существительных 23 просто повторяют суффикс стимула (*жеребенок 5, котенок 3, октябренок 3, ребенок 3, чертенок 3, зверенок 1, ...*), 17 реакций, используя иные суффиксы, сохраняют заданную стимулом семантику — «детеныш» (*мальчик, девочка, дите, младенец, дитятя...*) и 2 эксплуатируют суффикс уменьшительности (*человечек, совочек*).

Наконец, с опорой на третий параметр языкового типа — одинаковость частеречной принадлежности производящего слова — строятся словообразовательные структуры, например, в статье СЛ ПЛОЩАДЬ, где преобладающими оказываются дериваты-прилагательные, образованные от существительных: *квадрат — квадратная, круг — круглая, камень — каменная, город — городская, (Ленинского) комсомола — Комсомольская*. Конечно, почти все эти пары принадлежат на деле к разным словообразовательным типам, но неизменным остается в каждой паре частеречное отношение между прилагательным и существительным. Причем, как можно полагать, для усредненного носителя языка, не лингвиста, владение языком которого мы и изучаем, в подобного рода отношениях несущественным оказывается что от чего образовано, т. е. нейтрализовано направление словопроизводства, не проводится различие между производящим и производным, а важны лишь частеречные отношения в парах. Ср. в статье ПРЕКРАСНЫЙ 6 гнезд из общего числа их 8 держатся на отношениях между частями речи, хотя распределение производящих и производных в этих парах вовсе не является одинаковым: *красота — красивый, прелесть — прелестный, сказка — сказочный, очарование — очаровательный, чудо — чудесный, урод — уродливый*.

Какой же вывод можно сделать из этих наблюдений над деформациями, которым подвергается словообразовательный тип в ассоциативных статьях, а значит, в АВС, репрезентирующей повседневное языковое сознание среднего «естественного говорящего»? Первое соображение заключается в том, что словообразовательный тип, будучи присущ этому сознанию, присутствует в нем в несколько размытом, неопределенном виде, реализуя каждый раз в случае его использования говорящим не все три необходимо конституирующих его параметра, а лишь один или два из них, например, только словопроизводственный формант

или только частеречные отношения между производным и производящим, причем без обязательного учета направления производности, или формант и семантику, семантику и частеречные отношения и т. п. (т. е. закон приблизительной аналогии, уподобления некоему, иногда не очень отчетливому, образцу, широко действующий в словоизменительной сфере грамматики, остается справедлив и здесь). В результате происходит уже знакомая нам диссипация, рассеяние словообразовательной структуры, размывание словообразовательного типа. Таким образом, говоря о диссипации ассоциативных словообразовательных гнезд, мы должны иметь в виду диссипацию самого состава гнезда, диссипацию его корня и диссипацию словообразовательного типа. Это те точки возможных эволюционных изменений в строе языка, которые в индивидуальном сознании проявляются как точки варьирования, девиации и диссипации системно-структурных, т. е. относительно четких и жестко детерминированных, известных нам из системных описаний грамматики, отношений. Но одновременно такое варьирование и диссипация есть единственный способ актуального существования в индивидуальном языковом сознании этих структур.

Второе соображение связано с грамматическим статусом и ролью ассоциативных словообразовательных гнезд, словообразовательных структур вообще в АВС. Выше, на с. 157-158, было показано, что по своему объему в ассоциативной статье словообразовательные отношения соизмеримы со словоизменительными, и в этом смысле деривация в АВС — такой же способ варьирования семы, как и словоизменение. Но в отличие от последнего словообразование дает носителю гораздо больше свободы: если словоизменение при построении грамматикализованного сочетания из стимула и реакции ставит носителю языка жесткие условия категориальных ограничений, которым нельзя не подчиниться, оставаясь в рамках строя родного языка, то словообразовательное варьирование включает сильный творческий момент, предполагает активную позицию говорящего (испытуемого) в выборе типов, способов, словообразовательных отношений при реагировании. Словообразование, в том виде, как оно отражено в АВС, находится в отношении дополнительности со словоизменением, составляя равноправный с ним способ выражения грамматических отношений и в совокупности с ним представляя механизм «держания» морфологии в памяти носителя языка и одновременно механизм ее использования.

Корреляция гнезд с семными характеристиками стимулов и тезаурусообразующими понятиями в картине мира. Думается, что характеристика словообразовательных структур АВС, их статуса, роли и свойств не была бы полной, если бы мы ограничились только грамматической стороной и не вернулись к рассмотрению их семантической функции как в отдельной статье, так и в сети, функции, которую мы упомянули на с. 157. В самом деле, каково качество, каково содержательное наполнение по отношению

к стимулу тех сем, которые служат точками словообразовательной активности в статье? Первое, что бросается в глаза при попытке ответить на такой вопрос, это то обстоятельство, что название гнезд в той или иной статье какими-то наиболее выразительными словами из их состава сразу же выявляет круг типичных свойств, предикатов или подобий тому феномену, который обозначен стимулом. Обратимся к матрице 7 на с. 142–145. Стимул БАБУШКА характеризуется гнездами со следующими семами: 1) *бабушка–старая, добрая, седая, ласковая, в платочке, больная, родная*; 2) *бабушка–вяжет, любит*; 3) *бабушка–дедушка, внучка, родственник*. В этом перечне мы имеем набор типичных характеристик и признаков, которыми наше повседневное, обыденное сознание наделяет слово и понятие «бабушка». Этих сем с избытком хватает для того, чтобы дать дефиницию слову *бабушка*, чтобы построить его словарное определение, если не строго системное, то вполне достаточное для опознания слова на уровне наивного языкового сознания.

Аналогичную картину мы обнаружим, обратившись к любой ассоциативной статье и выбрав из нее перечень сем, задающих имеющиеся в ней словообразовательные гнезда. Например, в статье БЕЛЫЙ (см. матрицу 7) эти семы указывают на: 1) типичные предметы этого цвета в соответствии с практикой остенсивного определения цветов – *платок, заяц, котенок, белье*; 2) поле экстенционала слова-стимула – *свет, цвет*; 3) подобное и сопровождающее качество – *чистый*. То же можно видеть в статье БЕЖАТЬ: 1) разновидности этого движения – *бежать, прыгать, гнаться, скакать, падать, идти*; 2) способ и направление – *легко, быстро, неизвестно куда*; 3) типичные обстоятельства – *по дороге, на работу*.

Следовательно, словообразовательные гнезда своим наличием указывают в ассоциативной статье своеобразные точки конденсации смысла, точки концентрации сем, характеризующих слово-стимул. Обычно при изучении так называемых ассоциативных норм учитывают лишь один способ смысловой конденсации – частотность тех или иных ответов, содержащих определенные характеристики стимула. Как показывает продемонстрированный выше прием определения совокупных частот дериватов, словообразование в АВС выполняет как бы двойную роль: сема гнезда указывает на точку конденсации смысла, на тот акцент, который делает носитель языка на соответствующем свойстве стимула, на своеобразный «семантический множитель», используемый наивным языковым сознанием, а словообразовательное варьирование этой семы есть способ ее диссипативного существования, обладающий одновременно и свойством статистического ее усиления, умножения частотности этой семы.

В отличие от традиционных, системно определяемых семантических множителей, семантические акценты, расставляемые в ассоциативной статье обыденным сознанием с помощью словообразовательных гнезд, как правило, включают в свой состав

субъективно-оценочный момент, который, видимо, неотделим от отношения носителя языка к любому слову-стимулу, органично входит в это отношение. Поэтому почти в каждой статье со стимулом-существительным среди словообразовательных гнезд, наряду с гнездами-конденсатами смысла, встречаются гнезда-оценки. Например, в статье УЧИТЕЛЬНИЦА рядом с содержательными гнездами-множителями *наставник, педагог, сельская, умная, мучитель* находим оценочные – *хорошая, приятная, светлая*; под стимулом УТРО вместе с гнездами-определителями – *раннее, позднее, солнце, теплое, холодное, спать, вставать* – встречаются оценки – *хорошее, охота/неохота (вставать)*; стимул КАРТИНА характеризуется гнездами *рисовать, писать, цвет, живопись, художник*, но также и оценочным – *красивая*; статья ХЛЕБ содержит гнезда-определители – *ржаной, пшеничный, колос, вырастить, колхоз, съесть, булка, печь* – и одновременно специфическую оценку в гнезде *ароматный*¹ и т. п. Реже такие гнезда-оценки встречаются в статьях со стимулами-глаголами, например, ЛЮБИТЬ – *светлый*, ПРОВЕСТИ – *красивый, неприятный*, ПРИХОДИТЬСЯ – *нехороший*, ОБЕЩАТЬ – *хороший*.

Определенная стабильность распределения гнезд-множителей и гнезд-оценок может быть продемонстрирована сравнением близких по смыслу ассоциативных статей. Так, под стимулами ОКАЗАТЬСЯ и ОКАЗЫВАТЬСЯ мы обнаруживаем 50-процентное совпадение словообразовательных гнезд при тождественности единственного оценочного гнезда – *плохой*. Ср. (далее условные наименования гнезд, данные по наиболее четко репрезентирующему их слову, расположены в два столбца, причем таким образом, что совпадающие находятся на одной строке, а расходящиеся по словопроизводящей основе, но соотносимые по смыслу, напечатаны с небольшим вертикальным сдвигом по отношению друг к другу):

ОКАЗАТЬСЯ

близкий
далекый
один (окий)
дурак
трудный
(по) явиться
(бес) помощный
случайный
плохой

ОКАЗЫВАТЬСЯ

близкий
далекый
один (окий)
дурак
трудный
(по) явиться
(бес) помощный
случайный
плохой

больной
(по) зади

невыгодный

---

¹ Важно подчеркнуть, что перечень гнезд для каждой из упоминаемых здесь статей – исчерпывающий.

(не) известный
(не) ожидаемый
опасный
где
глупый

сторона
(не) знакомый
(не) удобный
(без) выходной
окружение
(не) правый
подлый
отвечать

Обращает на себя внимание тот факт, что характер оценочного словообразовательного гнезда в двух этих статьях как бы задает отрицательный смысл многих других словообразовательных гнезд, репрезентируемых названием с отрицательным префиксом: *беспомощный, невыгодный, неизвестный, незнакомый, неожиданный, неудобный, безвыходный, неправый*. Похожую картину распределения словообразовательных гнезд даст сопоставление статей ОТВЕТИТЬ и ОТВЕЧАТЬ с учетом того, что такое сопоставление должно быть не прямым, а включать некоторую экстраполяцию данных, поскольку названные статьи сильно отличаются одна от другой по числу ответов (реакций) в СЛ: если в первой 670, то во второй только 193 ответа.

Таким образом, семантический статус словообразовательных структур в ассоциативной статье оказывается на менее важным и значительным, чем их грамматический статус. Если же мы выйдем за пределы того условного образования, которое представляет собой ассоциативная статья¹, и обратимся к АВС в целом, мы увидим еще одну ипостась словообразовательных структур. Какие же словообразовательные гнезда являются наиболее распространенными в АВС? Следует подчеркнуть, что речь идет именно о гнездах, а не о частотности какого-то корня — его дериватов и их словоформ. Что касается частотности слов и словоформ, то они легко определимы на основе обратного, от реакции к стимулу, словника ассоциативного словаря. Не располагая таким словником для СЛ, мы можем на основе обратного словника АТ утверждать, что верхнюю часть списка наиболее частотных корней займут слова очень широкой, почти размытой семантики. Так, самым частотным в АТ оказывается слово *человек* (1381 реакция в 249 статьях), а суммарные показатели для всех словоформ и дериватов этого слова составят приблизительно 1600 реакций на 400 статей. Иначе обстоит дело со словообразовательными гнездами. Во-первых, для фиксации гнезда нужно иметь как минимум два деривата в одной ассоциативной статье, а, во-вторых, для того чтобы установить распределение гнезд во всей сети, необходимо располагать списком всех гнезд. Посколь-

¹ Напомню, что ее условность я вижу в том, что задаваемый ею способ членения вербально-семантического пространства на первом шаге, целиком определяется выбором стимула, но далее, при достаточном числе стимулов и реакций, уже независимо от первоначального выбора, мы с неизбежностью приводим к выражению инвариантную для носителя языка определенной эпохи АВС.

ку такой анализ и был нами проведен по СЛ, мы можем дать ответ на сформулированный выше вопрос, опираясь лишь на данные, извлеченные из представленного в этом словаре фрагмента АВС.

Среди наиболее распространенных словообразовательных гнезд можно выделить три группы, проведя между ними условную количественную границу: свыше 30 раз встретились гнезда с семой *друг* и *учить*; свыше 20 статей включают в себя гнезда с семами *делать*, *жить* и *любить*; и наконец, гнезда *свет*, *близкий*, *далекий* и *отдыхать* отмечены каждое в 7–15 статьях. Ниже приводится полный перечень статей, содержащих соответствующие гнезда:

друг (36 статей):

ВСТРЕТИТЬ, ВСТРЕЧА, ГОСТЬ, ГРУППА, ГУЛЯТЬ, ДОГОВОРИТЬСЯ, ДОЧЬ, ДРУГ, ЖИТЬ, ЗВОНИТЬ, ЗНАКОМЫЙ, ИСКАТЬ, ЛЮБОВЬ, ЛЮДИ, МАТЬ, МИЛЫЙ, МНЕНИЕ, НАДЕЯТЬСЯ, НАРОД, НАСТОЯЩИЙ, ОБЕЩАТЬ, ПЕРЕДАВАТЬ, ПЕРЕДАТЬ, ПОДОЙТИ, ПОМОГАТЬ, ПОМОЩЬ, ПОТЕРЯТЬ, ПРАВО, ПРОВЕСТИ, ПРОСТИТЬ, ПРОСТОЙ, РАЗГОВОР, СВЯЗЬ, ТОВАРИЩ, ФАМИЛИЯ, ЧЕЛОВЕК.

учить (35 статей)

ГРУППА, ЖУРНАЛ, ЗАНЯТИЕ, ЗНАТЬ, ИСТОРИЯ, КНИЖКА, КОНЧАТЬ, КОНЧИТЬСЯ, КУРС, ЛИТЕРАТУРА, МОЛОДОЙ, НАЧАТЬ, ОТВЕЧАТЬ, ПОМОГАТЬ, ПОНИМАТЬ, ПОСЛУШАТЬ, ПОСТУПИТЬ, ПРАВО, ПРОСТОЙ, РАБОТА, РАБОТАТЬ, РЕЗУЛЬТАТ, СПРОСИТЬ, СТАНОВИТЬСЯ, СТАРАТЬСЯ, СТУДЕНТ, ТРУД, УМЕТЬ, УЧИТЕЛЬНИЦА, УЧИТЬ, УЧИТЬСЯ, ФАМИЛИЯ, ФОРМА, ХОРОШИЙ, ШКОЛА.

делать (24 статьи):

ДЕЛАТЬ, ДЕЛО, ДОГОВОРИТЬСЯ, ЗАНЯТИЕ, КОНЧАТЬ, МАСТЕР, НАСТОЯЩИЙ, НАЧАЛЬНИК, НАЧАТЬ, ОБЕЩАТЬ, ОПРЕДЕЛЕННЫЙ, ПОВОД, ПОМОГАТЬ, ПОМОЩЬ, ПРИХОДИТЬСЯ, РАБОТА, РАБОТАТЬ, РАЗГОВОР, СВЯЗЬ, СДАВАТЬ, СДЕЛАТЬ, СТАРАТЬСЯ, УМЕТЬ, УСПЕТЬ.

жить (22 статьи):

ВСПОМИНАТЬ, ГОРОД, ДОМ, ДУМАТЬ, ЖИЗНЬ, ЖИТЬ, ИДТИ,

ЛЮБИТЬ, ЛЮДИ, МЕСТО, НАДЕЯТЬСЯ, ПАПА, ПРИХОДИТЬСЯ, ПРОСТИТЬ, СВОБОДНЫЙ, СВЯЗЬ, СТАРАТЬСЯ, СУЩЕСТВОВАТЬ, УСПЕТЬ, УЧИТЬ, УЧИТЬСЯ, ЧЕЛОВЕК.

любить (21 статья):

БАБУШКА, ВЛРНУТЬСЯ, ВСПОМИНАТЬ, ВСТРЕТИТЬ, ВСТРЕЧА, ДОРОГОЙ, ИСТОРИЯ, КИНО, КНИЖКА, ЛЕС, ЛИТЕРАТУРА, ЛЮБИТЬ, ЛЮБОВЬ, МАТЬ, МИЛЫЙ, НАЙТИ, ОБЕЩАТЬ, ОТВЕЧАТЬ, ПЕТЬ, ПОТЕРЯТЬ, УЧИТЕЛЬНИЦА.

далекий (14 статей):

БЕЖАТЬ, ВИДЕТЬ, ДЕРЕВНЯ, ДЯДЯ, ИДТИ, КИЛОМЕТР, ОКАЗАТЬСЯ, ОКАЗЫВАТЬСЯ, ПОЙТИ, СМОТРЕТЬ, СТОРОНА, УВИДЕТЬ, УЕЗЖАТЬ, УЕХАТЬ.

свет (8 статей):

ДЕВОЧКА, ДЕНЬ, ЛЮБИТЬ, НОВЫЙ, СВЕТ, ТЕМНЫЙ, УТРО, ЧИСТЫЙ.

отдыхать (8 статей):

ГУЛЯТЬ, ЕХАТЬ, КИНО, ЛЕС, САДИТЬСЯ, СВОБОДНЫЙ, УЕЗЖАТЬ, УЕХАТЬ.

близкий (7 статей):

ЗНАКОМЫЙ, ЛЕС, МАТЬ, ОКАЗАТЬСЯ, ОКАЗЫВАТЬСЯ, ПОДОЙТИ, ПОМОЩЬ.

Надо сказать, что гнезд с распределением, соответствующим последней группе, т. е. обнаруживаемых в 7–8 статьях, на самом деле больше, чем приведено мною в качестве примеров. В частности, к ним следует добавить гнезда с семами *ждать*, *гость*, *хороший*, *труд* и некоторые другие. Но даже не продолжая этого списка, можно легко установить, что корни наиболее распространенных в АВС словообразовательных гнезд, или точки словообразовательной активности, выделяют в семантическом пространстве носителя языка такие семы, которые соответствуют жизненно важным, определяющим для картины мира понятиям, а сами деривационные процессы выступают как способы маркирования, акцентирования таких понятий.

Итак, в результате рассмотрения словообразовательных структур становится ясно, что ассоциативное словообразовательное гнездо – в силу своей распространенности и специфических свойств – является особой строевой единицей АВС, отличаясь от системного гнезда прежде всего неполнотой и разрывностью. Однако вся совокупность словообразовательных гнезд в сети, несмотря на неполноту каждого отдельного гнезда, включает в себя, наряду с единицами, и все системы продукции, т. е. типы и способы

словообразования. Такая диссипация ассоциативных словообразовательных структур в сети оказывается идеальным способом совместного хранения единиц и процедур, элементов и систем продукции. Как многофункциональна каждая единица в языке, так многофункционально и ассоциативное словообразовательное гнездо: путем варьирования способов и типов, путем осцилляции грамматических форм в нем оно может служить вместилищем грамматической и семантической информации об отдельном слове и группе слов, а совокупность точек словообразовательной активности в сети служит средством маркирования базовых понятий в семантическом пространстве, в языковой картине мира.

Если стимул каждой ассоциативной статьи сравнить с музыкальной темой, то сама статья будет произведением на заданную тему, а словообразовательные структуры в этой статье выступят в роли семантико-грамматического контрапункта, обеспечивая и увеличение частотности соответствующей семы, и фиксацию способов ее не только словообразовательного, но и словоизменительного варьирования, и представляя собой одновременно способ диссипированного существования в семантической памяти носителя АВС языковых единиц и систем продукции.

§ 8. СУММА МОРФОЛОГИИ

Сводная матрица и определение степени грамматикализованности сети. Представление о «сухих», чисто количественных итогах анализа словоизменения и словообразования в ассоциативных статьях СЛ и АТ дает Сводная морфологическая матрица, в которой обобщены результаты всех диагностических матриц из предыдущих разделов (см. с. 174–175).

Ее устройство аналогично устройству этих матриц, и комментария требуют, очевидно, лишь несколько моментов. Прежде всего напомним, что в цифрах запечатлены частоты соответствующих реакций, а не количества разных слов-ассоциатов. Далее, грамматикализованной мы считаем не только реакцию, поданную в какой-либо форме словоизменения, но и реакцию в «нулевой», исходной форме, если эта реакция составляет со стимулом модель двух слов. Например, в статье ЭТО 21 существительное, и все они оформлены именительным падежом, тем не менее, все эти реакции-существительные мы квалифицируем как грамматикализованные, поскольку в сочетании с указательным местоимением-стимулом каждое из них составляет минимальное предложение: *Это бред; Это вопрос; Это дерево; Это жизнь* и т.п. Подобным образом расценивается омонимичная форма именительного-винительного для существительных мужского и среднего рода в статьях с переходными глаголами-стимулами, когда случаи типа *видеть море, видеть свет, видеть глаза, видеть звезды* мы относим к грамматикализованным реакциям, тем более что они существуют на фоне эксплицитно грамматикализо-

ванных, типа *видеть картину, видеть маму, видеть сосну*, и эксплицитно лишенных морфологического оформления, т.е. неграмматикализованных (парадигматических), типа *видеть-мечта, видеть-зрение, видеть-очки*. Естественно при этом, что к именам существительным относим, если этого требует модель двух слов со стимулом, и реакцию *встречный (первый встречный)* и реакцию *в никуда (билет в никуда)* и другие подобные субстантивированные формы.

Что касается графы «Наречия» в сводной матрице, то деление реакций в ней, подобно другим графам для изменяемых частей речи, на две группы — грамматикализованные и неграмматикализованные, — могло бы показаться абсурдным. Однако в глагольных статьях (БЕЖАТЬ, ВИДЕТЬ, ДУМАЕТ, ОБЕЩАТЬ) практически все наречия образуют со стимулом модель двух слов (см. соответствующие строки в матрице), что дает основания относить такие реакции к грамматикализованным, для других же частей речи вхождение наречия в словосочетание со стимулом происходит избирательно. Так, пара *бабушка далеко* из статьи БАБУШКА выступает как модель двух слов, а в паре *бабушка-хорошо* непосредственная грамматическая связь не просматривается; *билет домой, это здорово, это ужасно, чище некуда, вместе весело* составляют правильные словосочетания и, следовательно, наречия в них квалифицируются как грамматикализованные, а в некоторых из тех же самых статей — *билет-прекрасно, чище-грязно, вместе-порознь* — или в других — *вот-вон, первый-точно* — пары стимул-реакция моделей двух слов не составляют. Таким образом, это деление в графе «Наречия» оказывается оправданным. Как наречия по отношению к стимулам-глаголам, так и реакции-прилагательные по отношению к стимулам-существительным и личным местоимениям почти на 100% расцениваются как грамматикализованные: *бабушка старая, время свободное, билет лотерейный, ты хорошая*. Редкие исключения могут быть обусловлены рассогласованием со стимулом в роде или числе: БАБУШКА — *добрый*, БЕЛЫЙ — *стена*.

Здесь надо отметить, что при всей их редкости, число реакций-существительных, не согласующихся со стимулом-прилагательным (типа БЕЛЫЙ — *гвардия*, БЕЛЫЙ — *платье*, БЕЛЫЙ — *перчатки*, НОВЫЙ — *пальто*), всегда оказывается больше, чем число реакций-прилагательных, расходящихся со стимулом-существительным в роде или числе (типа ВРЕМЯ — *быстрый*, ГОЛОВА — *умные*). Такая асимметрия грамматических отношений ($S_{\text{прил.}} \rightarrow R_{\text{сущ.}} \neq S_{\text{сущ.}} \rightarrow R_{\text{прил.}}$) в общем понятна, поскольку не обладающее самостоятельными грамматическими категориями рода, числа и падежа прилагательное, обнаруживая при ассоциировании прежде всего семантическую связь с именем существительным (ср. БЕЛЫЙ — *береза*, НОВЫЙ — *время* и т. п.), как бы равнодушно к собственным формальным характеристикам и изъясняет тем самым готовность принять его (существительные) грамматические категории. И наоборот, когда исходным, т.е. стимулом,

СВОДНАЯ МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА

Реакции	Словоизменение				
	всего, в т. ч. грамматикализо- ванных	существ., в т. ч. грамматикализо- ванных	прилаг., в т. ч. грамматикализо- ванных	глаголов, в т. ч. грамматикализо- ванных	местоим., в т. ч. грамматикализо- ванных
1. БАБУШКА (СЛ)	624/313	332/23	238/228	21/18	38/38
2. БЕЖАТЬ (СЛ)	709/518	183/87	2/0	117/11	25/25
3. БЕЛЫЙ (СЛ)	696/421	483/425	222/2	1/0	
4. ВРЕМЯ (СЛ)	201/99	89/22	42/39	40/29	4/4
5. БИЛЕТ (СЛ)	621/303	470/192	89/89	50/10	2/2
6. ВИДЕТЬ (СЛ)	227/100	65/44	11/0	101/3	13/13
7. ЭТО (АТ)	77/70	21/21		5/5	42/36
8. САМ (АТ)	76/60	15/12	1/1	28/24	24/16
9. ПЕРВЫЙ (АТ)	74/34	41/32	13/ 1	1/1	
10. СОРОК (АТ)	71/47	43/31	1/0		
11. ТЫ (АТ)	73/37	19/15	6/6	7/7	41/9
12. ИЗ (АТ)	89/51	42/38		1/0	13/13
13. ЧИЩЕ (АТ)	69/60	23/17	20/17	24/23	1/1
14. ДУМАЕТ (АТ)	70/64	26/18	3/0	22/22	12/12
15. ВОТ (АТ)	65/55	19/16	1/0	1/1	17/17
16. ВМЕСТЕ (АТ)	68/45	18/9	1/0	14/14	15/15
17. ОБЕЩАТЬ (СЛ)	548/426	93/61	9/0	368/291	42/30
18. Средняя степень грамматикализованности реакций по частям речи	по 17 статьям в целом	существе- тельных	прилага- тельных	глаголов	местоиме- ний
	62,8%	53,6%	58,1%	57,3%	79,9%

Словоизменение						Словообразова- ние	Сумма морфоло- гии (в %)	
наречий, в т. ч. грамматикали- зованных	числ., в т. ч. грамматикали- зованных	пред- логов	сою- зов	час- тиц	меж- до- метий	количество реак- ций, входящих в словообразова- тельные гнезда	формы словоиз- менения в статье	формы словооб- разова- ния в статье
7/6	1/1					11 гнезд, 477 слов	50	67,2
395/395	2/0	1				14 гнезд, 398 слов	73	56,1
			14	2		7 гнезд, 121 слово	60,4	17,3
23/4	1/1			3		7 гнезд, 55 слов	49,2	27,3
7/6	5/5	1		1	1	11 гнезд, 424 слова	48,7	68,2
40/40				1		6 гнезд, 96 слов	44	42,2
9/9					1	1 гнездо, 2 слова	90,9	0,02
7/7	1/0					1 гнездо, 3 слова	78,9	0,03
2/0	17/0						45,9	
	27/16					4 гнезда, 27 слов	66,1	38
						1 гнездо, 2 слова	50,6	0,02
9/0		28	1				57,3	
5/2						2 гнезда, 15 слов	86,9	21,7
12/12						5 гнезд, 20 слов	91,4	28,5
24/21				6	1	3 гнезда, 22 слова	84,6	33,8
24/7						5 гнезд, 16 слов	66,1	23,5
35/35	7/7			1	1	20 гнезд, 251 слово	77,7	45,8
наречий	числи- тельных							
90,8%	49,1%							

является имя существительное, оно и навязывает ответу-прилагательному имманентно присущие стимулу категории рода и числа, почему случаи ВПЕЧАТЛЕНИЕ – *обманчивый* и подобные в АВС единичны.

Дотошный читатель, задавшись целью проверить внимательность и добросовестность автора, не поленится сложить цифры в числителях какой-нибудь строки и сопоставить результат с количеством всех реакций в соответствующей статье. При этом в ряде строк (может быть, даже в большинстве) обнаружится несовпадение, причем это несовпадение всегда будет проявляться таким образом, что сумма цифр в числителях будет больше числа всех реакций, указанного для этой статьи в первой графе. Такое расхождение не есть результат недосмотра или неумения автора свести концы с концами, оно появляется как следствие принципа, принятого при заполнении Сводной морфологической матрицы и несколько отличающегося от правил заполнения диагностических матриц в предшествующих главах. Если в ходе построения последних при заполнении столбцов, соответствующих различным категориям той или иной части речи, в расчет принимались только однословные реакции каждой ассоциативной статьи, то Сводная вобрала в себя совокупность всех отдельных слов, в том числе входящих в неоднословные реакции. В самом деле, с учетом реакций-словосочетаний и реакций-предложений, слов в ассоциативной статье оказывается всегда больше, чем реакций. Например, сумма цифр в числителях первой строки составляет 637 единиц, тогда как число реакций согласно данным СЛ в статье БАБУШКА равно 624. Разница возникает, во-первых, при разъединении реакций типа *старая женщина, в длинной юбке, Красная Шапочка, пожилой человек* и т. п. на имя существительное и имя прилагательное, которые, естественно, увеличивают «числитель» того и другого столбца в матрице; во-вторых, при аналогичном разложении реакций-сочетаний *ей 70 лет, моя бабушка, отношение ее* и др., что приводит к росту существительных и местоименных; наконец, пословная роспись генерализованных и идиоматических выражений типа *счастье иметь бабушку, царство ей небесное* и т. п. опять-таки увеличивает количество фиксируемых в матрице частей речи. Такой подход, в частности, объясняет и появление, например, в строке ассоциативной статьи БЕЛЫЙ неожиданно большого количества союзов, которые попали сюда в результате разъединения сочетаний *как снег, как лунь, как стена, как чайка* и т. д. В принципе с таким пословным разбиением можно, очевидно, согласиться, но при этом возникает естественный вопрос, к какой рубрике – грамматикализованных или неграмматикализованных реакций – следует относить изолированные таким путем слова. Мы решаем этот вопрос однозначно, квалифицируя итоги деления всех реакций-сочетаний на слова как грамматикализованные, хотя, конечно, отдаем себе отчет, что реакции БАБУШКА – *Красная Шапочка*, БАБУШКА – *престарелый человек*, с одной стороны, и БАБУШКА – *в длин-*

ной юбке, БАБУШКА — ей 70 лет, с другой стороны, сами по себе представляют разную степень грамматикализации. Первые являются грамматически независимыми от стимула номинациями, внутри которых имеется синтаксическая связь, которая и позволяет считать прилагательное грамматикализованным, тогда как вторые целиком синтаксически зависимы (в одном случае примыкание, в другом — топик) от стимула, и соответственно каждая входящая в такие словосочетания форма обнаруживает ту или иную грамматическую зависимость, что и оправдывает принимаемое нами решение. Это в целом увеличивает несколько степень грамматикализованности ассоциативного поля, однако такое увеличение имеет, как мы видим, основания.

Что касается средней степени грамматикализованности реакций, то она оказывается достаточно высокой и по 17 диагностическим статьям приближается к 63%. Очевидно, эта цифра могла бы считаться усредненным показателем грамматикализованности всей АВС. Правда, этот показатель учитывает только словоизменение, представленное в ассоциативных статьях в довольно стабильных пределах независимо от объема статьи (см. предпоследний столбец матрицы, в котором колебания цифр по вертикали не дают большого разброса и приходятся в основном на отрезок от 50 до 90%). Включение в усредненный показатель доли словообразовательных отношений, безусловно, еще увеличило бы его, но сделать это в точном количественном выражении невозможно, поскольку при подсчетах числа слов-реакций, входящих в словообразовательные гнезда (см. соответствующий столбец матрицы), в расчет принимались также словоизменяемые формы дериватов. Кроме того, как видно из последнего столбца матрицы, доля словообразовательных структур в статьях характеризуется отсутствием стабильности и колеблется в очень широких пределах, приближаясь к нулю. А определять среднее арифметическое в таких условиях было бы неоправданным формализмом. Минимум словообразовательных структур приходится на статьи АТ, содержащие менее 100 ответов на стимул, тогда как опыт изучения словообразовательных отношений показывает, что для достаточного развертывания последних необходимо иметь от 500 реакций и выше. Тем не менее, если мы хотим все же как-то учесть — при установлении степени грамматикализованности АВС — также и долю словообразования, нам надо увеличить усредненный показатель хотя бы до 75–80%.

Такая величина показателя не может не наводить на размышления: ведь 20% лемматизированных форм, остающихся в ассоциативном словаре за вычетом грамматикализованных, — это цифра, которая недалеко от доли «нулевых» форм в обычном устном тексте (расписанном на слова и представленном в виде перечня словоформ). А это должно означать, что по своей грамматической оформленности АВС в среднем сопоставима с устным текстом. Этот вывод — неожиданный даже для автора данных

строк — заставляет нас вернуться еще раз к представлению об АВС и попытаться заново осмыслить ее статус.

Еще раз о способе существования АВС. АВС можно представить себе таким образом, что в каждом ее узле, соответствующем одному слову-реакции, сидит один отдельный человек-носитель языка, представитель обширного языкового коллектива, именуемого, например, русским народом, сидит со своим отдельным словом, которым он отреагировал на предъявленный ему стимул. Естественно, что те носители, которые отреагировали одинаково, окажутся вместе, в одном узле сети. Думается, такое представление в точности соответствует способу, каким сеть приводится к выражению: одно и то же слово-стимул предлагается множеству носителей из данного языкового коллектива, и, отвечая на предъявленное слово каким-то своим словом (тем самым принципиально моделируя диалог в коллективе), носитель как бы репрезентирует себя в сети этим словом-ответом. Получается, что это сеть носителей, одновременно и одномоментно реагирующих на стимул. Время, таким образом, как бы исключается из рассмотрения, и связи реакций со стимулом — как в отдельном ассоциативном поле, так и в их совокупности, т. е. сети в целом, — представляются существующими одномоментно, вне времени. Одномоментность и вневременность АВС — это само собой разумеющаяся, однако никогда не формулируемая, имплицитная презумпция ее изучения во всех семантических штудиях, во всех классификациях словесных реакций, во всех анализах взаимодействия лексических и грамматических структур в ассоциативных полях.

Но ведь можно взглянуть на АВС и иначе, — пересадив, переместив ее в голову одного индивида. Представим, что эта сеть возникает не из одномоментных ответов множества, а из растянутых во времени ответов одного индивида на один или на разные стимулы. Значит, если ее пересадить в одну голову, то это уже будет не сеть носителей, а сеть слов одного носителя, которые он произнес в разное время, которыми он готов отвечать на предъявляемые ему стимулы. Но самое интересное в том, что фактически это одна и та же сеть, но как бы вывернутая наизнанку, рассмотренная под разными углами зрения. Постановка знака равенства между АВС как сетью-носителей-каждый-со-своим-словом и сетью-слов-которыми-владеет-один-носитель снимает парадокс существования языка: язык существует внутри одного носителя в виде языковой способности (индивидуально присвоенная АВС) и одновременно язык существует между носителями, в коллективе — в виде суммы, совокупности единиц и правил. Как только мы согласились, что сеть-носителей-каждый-со-своим-словом идентична сети слов в голове одного носителя, совершенно иной статус приобретает набор слов и форм в ассоциативной статье вокруг стимула. Если при интерпретации ее как сети носителей мы видели в каждой реакции способ вычленения отдельным носителем какой-то частной стороны, какой-то осо-

бенности в плане выражения или содержания стимула, так что все реакции в совокупности многократно и с достаточной полнотой выявляют все характеристики стимула, известные коллективному сознанию и языковому опыту множества носителей, то теперь, привязывая АВС к одному носителю и оставляя один узел за одним словом (а не человеком), мы, при сохранении указанного выше качества этой сети, обнаруживаем в каждом узле появление вариантов, небольших колебаний, небольших отклонений — словоизменительных, словообразовательных, позиционных осцилляций каждой лексемы вокруг некоего ее инварианта. Так возникает образ АВС, существующей и работающей в пульсирующем режиме, когда каждое мгновенно фиксированное ее состояние отличается от предыдущего и от последующего как набором актуализованных связей между узлами, так и состоянием самих узлов, в которых лексема может принимать ту или иную словоизменительную форму или трансформироваться в один из своих дериватов. Картина постоянной пульсации АВС, пульсации, которая и есть способ ее существования, напоминает мигающую елочную гирлянду из нескольких десятков тысяч лампочек-слов, которые могут соединяться одна с другой и сотнями других самыми разнообразными, однако обусловленными законами семантики и этно-культурной спецификой языка, способами и при этом еще менять каждая свою окраску, т. е. словоизменительную форму. Непосредственной причиной каждой новой конфигурации вспыхивающей части гирлянды и ее расцветки служат проходящие через сознание, т. е. воспринимаемые или порождаемые держателем АВС, тексты. Подобное, хоть и несколько рискованное по форме метафорическое объяснение обосновывает, во всяком случае, ту исключительно высокую степень грамматикализованности ассоциативных статей и АВС в целом, которая следует из Сводной морфологической матрицы и которая сближает по этому параметру АВС с текстом. Одновременно это объяснение согласуется и с основной гипотезой нашей работы — о лексикализованном существовании грамматики в АВС, т. е. совместном хранении в каждом узле АВС и самой единицы и систем ее продукции, ее видоизменений.

Семантическое, словоизменительное и словообразовательное варьирование слова-узла. Эта постоянно существующая пульсация состояний АВС, колебания и осцилляция состояний единиц в ее узлах и связей между узлами могли бы быть охарактеризованы по трем линиям: речь идет о **семантическом, морфологическом и словообразовательном** варьировании слова в АВС. Первое из них определяет типы связей слов в ассоциативном поле, выявляя разные лексико-семантические варианты стимула и реакций, различные оттенки их значений и употреблений. В соответствующей литературе изучалось, как правило, семантическое варьирование только стимулов, когда ставился, например, вопрос об отражении многозначности слова в ассоциативной статье [7, с. 55–60]. Действительно, семантическое варьирование стимула легче всего

определимо, поскольку все множество реакций вокруг него довольно последовательно и однозначно распределяется по группам, которые соответствуют характеристикам разных его значений. Возьмем несколько примеров из СЛ.

- ПОЛОЖЕНИЕ – 1) *трудное, хорошее, безвыходное, невыносимое, выгодное...*;
2) *беременность*;
3) *о выборах, о премировании, закон*;
4) *лежа, вертикальное*;
5) *семейное, холост*;
6) *в обществе*;
7) *обязывает, хуже губернаторского*.
- ПОВОД – *с одной стороны, повод к ссоре, с другой стороны, возжжа*.
- ПОЛНЫЙ – 1) *зал (т. е. полный vs. пустой)*;
2) *человек (т. е. полный vs. худой)*;
3) *идиот (перен.)*.
- ПОДОЙТИ – 1) *к дому*;
2) *к лицу (в значении «быть к лицу, подойти кому-то»)*;
3) *подъехать, подкатиться (перен.)*.

Оставляя в стороне вопрос о полноте отражения в ассоциативной статье значений полисемантического стимула, об их соответствии принятой в толковых словарях рубрикации ЛСВ, мы только хотим еще раз подчеркнуть сам факт семантического варьирования, которое к тому же и передается в статье не одними и теми же, а варьируемыми, изменяющимися способами: сочетаниями с прилагательными, сочетаниями двух имен существительных, предикацией; согласованием, управлением или примыканием; синонимическими, антонимическими и подобными средствами и т. д.¹ Варьирование самих значений, складываясь с варьированием способов их передачи, их выражения, создает неповторимую и, казалось бы, не поддающуюся воспроизведению гамму семантических бликов, игры, осцилляции, которые и вызывают иногда у исследователей впечатление прихотливости, индивидуальности, субъективности ассоциаций и невозможности строго научного анализа этого материала. Однако опыт именно семантического анализа ассоциативных полей к настоящему времени настолько широк и успешен, что он должен был бы уже развеять существующий у части исследователей скепсис. Но и так называемые ассоциативные нормы, которые здесь готова усматривать другая часть исследователей, должны проявляться не в максимальном совпадении ответов, т. е. не в стремлении коэффициента

¹ Классификации того, что я называю способами варьирования, содержатся, например, в работах А. П. Клименко [8], Ю. Е. Ульянова [15].

разнообразия¹ к некоторой минимальной величине, а в таком закономерном обусловленном и предсказуемом разнообразии ответов, которое полностью и однозначно определяется семантической структурой стимула, как бы зеркально отображая ее с помощью других слов. Эмпирически установленный уровень надежности для получения такого отображения составляет, как было сказано в предыдущем разделе, 500 реакций.

Но семантическому варьированию в АВС подвержены не только стимулы ассоциативных статей, а каждая лексическая единица, занимающая свое место в своем, вполне определенном узле этой сети. О таком варьировании в литературе вообще не говорилось, видимо, из-за чисто технических трудностей его изучения, требующего больших массивов материала и обратных ассоциативных словников к ним. Семантическое варьирование, проявляющееся в актуализации разных ЛСВ любой единицы становится очевидным при сопоставлении каждой реакции всех тех стимулов, которые ее вызвали. Не ставя своей задачей подобный анализ, укажем только, что возможности для него предоставляет обратный словник АТ.

К семантическому варьированию АВС добавляется **словоизменительное варьирование** лексемы в каждом узле, которое есть другой показатель ассоциативных норм и которое можно наблюдать как в отдельной ассоциативной статье, так и в сети в целом. Что касается первого наблюдения, то проиллюстрируем его примерами из тех же статей, что были использованы для показа семантического варьирования:

- ПОЛОЖЕНИЕ** – *в игре, вне игры, игры* (вар. *игра*);
– *в обществе, общества* (вар. *общество*);
– *затруднительное, затруднительно* (вар. *затруднительный*);
– *лежать, лежа* (вар. *лежат*).
ПОВОД – *нашел, найти, найдется*;
– *для ссоры, к ссоре, ссоры, ссора*.
ПОЛНЫЙ ПОДОЙТИ – *до краев, до края, лететь через край*.
– *идти, идет*;
– *близко, ближе*;
– *из армии, к армии* и т. п.

Естественно, что одна ассоциативная статья не дает возможностей для такого варьирования всех входящих в нее слов, как и не содержит полного набора форм, полной парадигмы реально

¹ Коэффициент разнообразия реакций определяется как отношение разных ответов к общему числу ответов. В АТ каждая статья снабжена этими показателями, например, ОБЕЩАТЬ – всего опрошенных 108, получено реакций 105, из них разных 74 (следовательно, коэффициент разнообразия составляет $74/105 = 0,70$); ЧИСТЫЙ – опрошенных 96, реакций 94, разных 49 ($49/94 = 0,52$); ТАЛАНТ – опрошенных 101, реакций 99, разных 75 ($75/99 = 0,75$) и т. п. Можно полагать, что коэффициент разнообразия является довольно стабильной характеристикой частеречной принадлежности стимула, служа еще одним аргументом в пользу органического взаимопроникновения семантики и грамматики.

варьируемых в ней, т. е. включенных в нее в разных словоизменительных формах, единиц. Однако смысл словоизменительного варьирования заключается в том, что совокупность форм — не обязательно одного и того же, но разных — слов в АВС покрывает полную парадигму любого типа словоизменения. Так, если слово *игра* в ассоциативной статье ПОЛОЖЕНИЕ СЛ встретилось только в родительном и предложном падежах, то дательный этого типа склонения восполняется формой *к score* из статьи ПОВОД, творительный — *с девушкой* из статьи ВСТРЕЧА и т. д. Таким образом, полная парадигма — диссипативно и прецедентно, т. е. в аналогах, — неоднократно оказывается представленной в АВС. Это новое качество наступает, когда приводимая к выражению часть АВС достигает определенного объема — и по количеству стимулов, и по количеству данных на них реакций. В частности, предварительная оценка достигнутого к настоящему моменту уровня АТ показывает, что в нем почти нет ни одного стимула, который не появился бы в качестве реакции вторично, в ассоциативных статьях АТ, но уже не в лемматизированной, а в какой-либо зависимой, грамматикализованной форме. С другой стороны, приблизительный подсчет по обратному (от реакции — к стимулам) словнику АТ количества грамматикализованных на 26 тысяч разных словоформ, данных в виде реакций, приводит к тем же результатам, которые отражены в Сводной морфологической матрице: лемматизированных, т. е. встречающихся только в исходной форме, без словоизменительных вариантов, единиц среди реакций АТ оказывается не более 25%.

Точную оценку допускает более скромный по объему СЛ. Простое сопоставление всех первых реакций, т. е. самых частотных с точки зрения отраженности в них грамматических структур, оказалось весьма показательным: из общего состава статей СЛ в 79 самая частотная реакция не связана со стимулом грамматически, т. е. не образует с ним модели двух слов, тогда как 115 остальных пар стимул-реакция представляют собой грамматически оформленные сочетания типа ВХОДИТЬ в дом, ВСТРЕТИТЬ друга, ГУЛЯТЬ вечером, ДОГОВОРИТЬСЯ о встрече, ЗАПИСАТЬ в тетрадь, ПОМОГАТЬ маме, ПОЯВИТЬСЯ на свет, ПРИХОДИТЬСЯ родственником, СЛЕДОВАТЬ примеру, УЧИТЬ детей, ТЕЧЕНИЕ реки, СМЫСЛ жизни, СЛОВО не воробей, БИЛЕТ в кино, ЖЕЛАТЬ лучшего, БЕЛЫЙ снег, ВОЕННЫЙ человек, ГОЛОВА умная, ГОЛОС звонкий, ГОРОД большой, ГОСТЬ незванный, ДЕТСКИЙ лепет, РУССКИЙ язык, ЕХАТЬ далеко, ЖИТЬ долго и т. д. Иными словами, грамматикализованных среди первых реакций оказалось 68,6%. Подавляющее большинство среди неграмматикализованных первых реакций составили антонимы к стимулу, но за ними, второй по частоте реакцией в соответствующей статье является, как правило, грамматикализованная. Ср. ДАВАТЬ — 1) *брать*, 2) *взаимы*; ЕСТЬ — 1) *нет*, 2) *хлеб*; ЗВОНИТЬ — 1) *телефон*, 2) *по телефону*; КОНЧАТЬ — 1) *начать*, 2) *институт*; ЛЮБИТЬ — 1)

ненавидеть, 2) крепко; БАБУШКА – 1) бабушка, 2) старая; ГАЗЕТА – 1) журнал, 2) «Правда»; ДЕНЬ – 1) ночь, 2) короткий; МАТЬ – 1) отец, 2) добрая; МОЛОДОЙ – 1) старый, 2) человек; ЧИСТЫЙ – 1) грязный, 2) воздух и т.д. Появление грамматикализованной реакции уже как третьей или четвертой по частоте очень редко и отмечено лишь в пятой части из 79 статей. Таким образом, и эти цифры приводят нас к тем же выводам, что Сводная матрица и обратный словник АТ: общая степень грамматикализованности ассоциативной статьи, ассоциативного словаря, АВС в целом сопоставима с грамматикализованностью устного русского текста¹.

Словообразовательное варьирование в АВС распространяется, как было показано в предыдущем разделе, и на стимулы, и на такие корни (семы), которые в ассоциативной статье (а значит, и в АВС) соответствуют точкам наибольшей концентрации смысла и, следовательно, коррелируют с точками семантического варьирования. Обратимся к тем же статьям, которые служили для иллюстрации семантического и словоизменительного варьирования.

- ПОЛОЖЕНИЕ** – *положение, положить, расположение;*
– *безвыходное, выход;*
– *трудное, затруднительное, затруднительно, трудно;*
– *неудобное, неудобства;*
– *устойчивое, нестойко;*
– *семейное, в семье;*
– *в обществе, общества, общественное;*
– *беременность, беременная женщина;*
и т.д., всего 20 гнезд.
- ПОВОД** – *довод, вывод;*
– *водить, возжжа, поводырь;*
– *к ссоре, для ссоры, ссора, ссоры, поссориться;*
– *к драке, драка, подраться;*
– *к примирению, помириться;*
– *для приезда, поехать, приехать;*
и т.д., всего 21 гнездо.
- ПОЛНЫЙ** – *переполненный, полностью;*
– *худой, худенький, худощавый, похудеть;*
– *толстый, толстенький, толстяк;*
– *воды, вода, с водой, наводнение.*
- ПОДОЙТИ** – *отойти, уйти, прийти, выйти, пойти, пройти;*

¹ Я подчеркиваю постоянно, что при таком сопоставлении речь должна идти именно об устных разговорных текстах, имея в виду ту роль и место, которое в них занимают И.п., инфинитив и местоимение «я» (см., например, [16, с. 241–265]).

- *близко, поближе, ближе, приблизиться, приближение;*
- *подъехать, отъехать, приехать, уехать;*
- *к дому, домой;*
- *к ребенку, к ребятам;*
- *шагать, шаги, два шага;*
- и т. д., всего 14 гнезд.

Мы старались располагать точки словообразовательного варьирования в этих статьях в таком порядке, чтобы была возможность их соотнесения с точками семантического варьирования, представленными на с. 180. Как легко заметить, совпадение их, хотя и не 100-процентное, но тем не менее хорошее. Кроме того, обращает на себя внимание их частичное перекрытие и с точками словоизменительного варьирования, поскольку в состав многих словообразовательных гнезд входят словоизменительные формы дериватов. Такая ситуация заставляет еще раз подчеркнуть взаимодействие и взаимопроникновение всех трех видов варьирования: словоизменительное варьирование осуществляется часто в словообразовательном поле, а последнее, представляя собой варьирование вокруг корней, или сем, задает тем самым дифференциальные семантические признаки и сопровождает семантическое варьирование, так как охватывает своими семами все значения, все ЛСВ полисемантического слова-стимула.

Наблюдения над варьированием слова в сети по обратному словнику АТ. Если же говорить не о стимулах только, а распространить эту игру трех варьирующих сил на любое слово АВС, как на самом деле и происходит, то наблюдать ее проще всего, — располагая обратным словником ассоциативного словаря, где варьирующиеся дериваты и словоформы собраны по алфавиту в одном месте. Обратный словник СЛ пока не составлен, а обратный словник АТ такую возможность предоставляет. Правда, что касается семантического варьирования, то для его раскрытия надо провести сопоставления приводимых ниже реакций со всеми вызвавшими их стимулами, которые даны в правой части обратного словника, но коль скоро мы сосредоточились на «сумме морфологии», ограничимся фактами словоизменения и словообразования, и обратный словник даст развернутые и убедительные иллюстрации их распространенности в АВС. Возьмем случайно выбранный фрагмент словника со словом (корнем) *длина*. Первая цифра здесь означает порядковый номер реакции по алфавиту, далее следует сама словоформа-реакция; цифра в скобках показывает частотность этой словоформы в названных вслед за ней статьях-стимулах, а две последние цифры означают соответственно: первая — число разных стимулов, вызвавших данную словоформу в качестве реакции, вторая — частотность данной словоформы на всем массиве АТ. Например, реакция *длинная* встретилась 8 раз в статье БОРОДА, а всего она зарегистрирована в 17 статьях АТ с общей частотой 55.

Итак, приведем фрагмент обратного словника АТ:

4748 <i>длина</i>	(2) РОСТ, КИЛОМЕТР, (1) ВОЛОС, РАЗМЕР, О НОСАХ, НОГ, О НОГАХ	7	9
4749 <i>длинен</i>	(1) ПУТЬ	1	1
4750 <i>длинная</i>	(17) ОЧЕРЕДЬ (8) БОРОДА, (6) НЕДЕЛЯ, (4) ПАЛКА, (3) УЛИЦА, ФАМИЛИЯ, РУКА, (2) ИСТОРИЯ, (1) ПЕЧЬ, РЕЧЬ, СЕРИЯ, ГУБА, БЕСЕДА, РАСЧЕСКА, НОЧЬ, ЛЕСТНИЦА, ЖИЗНЬ	17	55
4751 <i>длинная дорога</i>	(1) ДЛИННЕЙШИЙ	1	1
4752 <i>длиннее</i>	(1) ШИРЕ	1	1
4754 <i>длинно</i>	(1) О ПЕСНЯХ, ВОССОЗДАВАТЬ	2	2
4755 <i>длинного</i>	(1) ДЛИННЕЕ	1	1
4756 <i>длинное</i>	(4) ПИСЬМО, (1) МЕТРО, СЛОВО	3	6
4757 <i>длинном</i>	(2) О НОСЕ	1	2
4758 <i>длинному</i>	(2) НОСУ	1	2
4759 <i>длинные</i>	(3) НОСАХ, (2) О ПАЛЬЦАХ, ПЕРЕСУДЫ, (1) ПИСЬМА,		

	ПАЛЬЦА, О НОГАХ, СПЛЕТНИ	7	11
4760 <i>длинные волосы</i>	(1) ОНА, ЖЕНЩИНА, ДЕВУШКОЙ	3	3
4761 <i>длинные ноги</i>	(1) ПАУКОВ	1	1
4762 <i>длинный</i>	(26) КОРИДОР, (19) КОРОТКИЙ, (11) НОС, ВОЛОС, (10) О НОСЕ, (9) ВЫСОКИЙ, (6) ПУТЬ, (4) КРАТКИЙ, (2) ПАЛЕЦ, ПРОЦЕСС, (1) ТАКОЙ, ПОСЛЕДНИЙ, ОГРОМНЫЙ, ШИРОКИЙ, ЧЛЕН, УРОК, РОСТ, СТЕБЕЛЬ, МЕСЯЦ, РАЗМЕР, СПОР, КАРАНДАШ, РАЗГОВОР, ОТЕЦ, НОСОМ, НОСАМ, О НОСАХ, О ПАЛЬЦЕ, ПУТЫ, ЛАКОНИЧНЫЙ, ДЛИННЕЙШИЙ, ВЫСОКОМЕРНЫЙ	39	136
4763 <i>длинным</i>	(2) НОСОМ, НОСАМ, (1) ЛИСТОМ	3	5
4764 <i>длинными</i>	(1) НОСАМИ	1	1
4765 <i>длинных</i>	(3) НОГ, (1) НОСОВ, О НОСАХ, О ПАЛЬЦАХ, О МИНУТАХ, О НОГАХ	6	8
4766 <i>длину</i>	(4) МЕРИТЬ	1	4

Что обращает на себя внимание при рассмотрении варьирования реакций по обратному словнику? Прежде всего, относительная бедность в нем падежных форм имени существительного из этого гнезда и, на таком фоне, более широкая представленность варьирования в роде, числе и падеже прилагательного *длинный*. Причем оказывается, что косвенные падежи, женский и средний род, а также множественное число этого прилагательного появляются только в статьях-существительных, стимулы которых оформлены соответствующей категорией, что согласуется с выводами об асимметрии грамматических отношений в статьях-прилагательных и статьях-существительных. Абсолютное преобладание форм единственного числа и именительного падежа прилагательного тоже находится в согласии с данными Сводной матрицы.

Приведем еще один пример трехнаправленного, трехмерного варьирования реакций по обратному словнику АТ, опустив для простоты статистические данные:

- 7463 *игра* – МОНОПОЛИЯ, СПЕКТАКЛЬ, ДВОЙНОЙ, ПЕСНЯМ, ТО;
- 7464 *игра хорошая* – МОНОПОЛИЯ;
- 7465 *играет* – КТО, МАЛЬЧИК, ДЕЛАЕТ;
- 7466 *играется* – РЕБЯТЕНОК;
- 7467 *играл* – СТУДЕНТ;
- 7468 *играли* – ДЕТИ;
- 7469 *играми* – ПЕСНЯМИ;
- 7470 *играть* – ПАЛЬЦАМИ, МАЛЬЧИКАМИ, ПЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ, УВАЖАТЬ, ИНТЕРЕСНЕЕ, ПОЗВОЛЯТЬ, НАЧАЛИ, ДЕВУШКОЙ, НАЧНЕМ, СТРАНОЙ, ЖЕНЩИНАМИ, НАЧНЕТ, КОНЧИТЬ, О ПЕСНЕ, ОТДЫХАТЬ, МАЛЬЧИКАМ, МУЖЕМ, ЛИСТАМИ, ПЕРЕТЬ, МИНУТАМИ, ПОЛЗАТЬ, СВИСТЕТЬ, ЗАНИМАТЬСЯ, НАЧНУТ, ГОТОВИТЬСЯ, ПРОДОЛЖАТЬ, ЗВАТЬ, БЕДСТВОВАТЬ, ПИСАТЬ, НАЧАЛ, УМЕТЬ, НРАВИТЬСЯ;
- 7471 *играю* – МАЛЬЧИКОМ, ДУМАЮ;
- 7472 *играют* – ДЕТИ, РЕБЯТА, ДЕЛАЮТ, ПАЛЬЦАМИ;
- 7473 *игре* – УЧИТЬ;
- 7474 *игривый* – ШАЛОПУТ;
- 7475 *игрок* – ОСНОВНОЙ, ВТОРОЙ, МАСТЕР, НАПОРИСТЫЙ;
- 7476 *игрока* – ЗАМЕНИТЬ;
- 7477 *игру* – НАЧИНАТЬ, ДЕЛАЕТЕ, ПРИНЯТЬ, ПРОДОЛЖАТЬ, ВЕСТИ;
- 7478 *игрушек* – ЗАВОД;
- 7479 *игрушечный* – ДЕТСКИЙ;
- 7480 *игрушка* – ДЕТИ, ИГРАТЬ, ВОЗМЕМ, ЧЕЛОВЕК, ОТНЯТЬ;
- 7481 *игрушки* – ДЕЛАЕТ;

- 7482 *игрушку* – ОТНЯТЬ, МАЛЬЧИКУ, ПОПРОСИЛА, ОТО.
 БРАТЬ;
 7483 *игры* – ПЕРИОД, ВРАКИ, МАЛЬЧИКАМ, ЗАПУТЫВАТЬ;
 1540 *в игры* – УЧАСТИЕ;
 1541 *в игру* – ИГРАТЬ;
 11922 *наигранный* – ЖЕСТ;
 11923 *наигрыши* – КОВАРНЫЙ;
 12505 *не играет* – СЛЕДУЮЩИЙ;
 12506 *не играть* – ЗНАМЕНЕМ;
 16917 *поиграть* – ПОПРОСИТ;
 18286 *проигран* – ПРОЦЕСС;
 19033 *разыгрался* – БУРАН;
 19034 *разыгрывать* – ЗВОНИТЬ;
 19831 *с игрушкой* – ИГРАТЬ;
 22366 *сыграть* – ПОПРОСИЛИ;
 3314 *выиграл* – СЕРИЯ, СИЛЬНЕЙШИЙ;
 3315 *выиграть* – УСПЕЮТ;
 3316 *выигрыш* – КРУПНЫЙ, ПОБЕДА.

Сумма морфологии в сети равна сумме морфологии текста. Эти примеры, как и весь материал данного параграфа, достаточно красноречиво свидетельствует о том, что АВС – это система, которая постоянно находится в состоянии, далеком от равновесия. Состояние неустойчивости свойственно каждому ее узлу, формой и способом существования которого является семантическое варьирование, тогда как основной бытования лексемы в узле служит словоизменительное и словообразовательное варьирование. Состояние неустойчивости и обуславливает наличие в системе, т. е. в АВС, диссипации, диссипативных структур, одним из наглядных примеров которых (на уровне морфологии, которой мы в данный момент занимаемся) может быть парадигма имени или глагола определенного типа, «собираемая» из аналогов, из форм, реализованных разными лексемами, относящимися к соответствующему типу словоизменения.

Значит, другой стороной диссипации грамматических структур и категорий в АВС следовало бы считать принципиальную неполноту парадигмы для каждой лексемы. Такой вывод был бы очень заманчив, если бы здравый смысл не заставлял нас сомневаться в том, что при достаточно пролонгированном ассоциативном эксперименте мы не получим всех парадигмальных форм каждой лексемы. Действительно, логически кажется убедительным, что если ассоциативный эксперимент проводить очень и очень долго, мы, по идее, должны прийти до такой ситуации, когда все формы всех лексем будут приведены к выражению в гигантской АВС. Но на деле вероятность такого результата сопоставима, на мой взгляд, с вероятностью, какой любят оперировать статистики, обсуждая вопрос о том, какое число обезьян, умеющих печатать на машинке, и за какое количество лет напечатают сонет Шекспира, случайным образом нажимая на

клавиши. Ведь дело в том, что всех словоформ, образуемых от всех употребленных индивидуумом слов, он не производит и за всю свою жизнь. Простые подсчеты это показывают. Допустим, что знаменательных слов, подчиняющихся законам словоизменения (и словообразования), в распоряжении индивида — 160 тыс. (считая от 200 тыс. всех функционирующих в языке слов за вычетом пятой части неизменяемых). Если в среднем числить за каждым словом 10 словоформ, то количество всех словоизменяемых вариантов превысит 1,5 млн. Человек же, как было показано выше (см. с. 146), произносит за свою жизнь не более 500 млн. слов. Если вычесть из них 20% лемматизированных, то окажется, что каждая форма в среднем может употребляться $\frac{400}{1,5} \approx 260$ раз. Однако с учетом частотности слов в речи очевидно, что такого числа употреблений не будет у весьма значительного количества слов, что и не позволит реализовать всех словоформ.

Чтобы не делать спор с возможными моими оппонентами беспредметным, сузим наш вывод из наблюдений над диссипацией в АВС и сформулируем его следующим образом: не существует такого ассоциативного словаря или тезауруса, который содержал бы в качестве реакций полную парадигму хотя бы одной лексемы; полная парадигма в АВС может быть представлена только в диссипированном виде. Для опровержения этого утверждения достаточно найти хотя бы один противоречащий ему пример. На материале АТ с его 120 тыс. словоупотреблений (т. е. 1284 стимула, умноженные на приблизительно 100 ответов на каждый стимул) мы такого примера не обнаружили: даже самая частотная среди реакций лексема *человек* входит в разные статьи во всех своих падежных формах только в единственном числе, а уже парадигма множественного *люди* представлена дефектно — *людей, людям, люди*.

Может статься, для ассоциативных словарей такая закономерность и не удивительна, но ведь мы не найдем и текста, где бы наличествовали, хотя бы экзemplарно, все словоформы всех употребленных в тексте лексем. Но самое удивительное заключается в том, что мера диссипации грамматических структур в устном русском тексте и в АВС оказывается одинаковой. В качестве такой меры можно принять степень грамматикализации, которая по приведенным выше оценкам для АВС равна приблизительно 75–80%. Для контрольного сопоставления по моей просьбе Ж. Г. Мошкович была составлена специальная программа и проведен анализ степени грамматикализованности устных разговорных текстов на ЕС–ЭВМ [17]. Результат оказался поразительным:

‘Мошкович Ж. Г.’

Тексты русской разговорной речи
Общее число словоупотреблений = 181295

Доля словарных форм изменяемых слов (существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, числительные) = 21,98%

22% словарных, т. е. лемматизированных, форм в устных разговорных текстах в точности соответствуют степени грамматикализованности АВС, в которой таких форм, по нашим расчетам (см. с. 177), от 20 до 25%. Этот результат заставляет нас укрепиться в тех представлениях об АВС, ее статусе, текстовых истоках и роли в феномене владения индивида языком, которые мы развиваем на всем протяжении этой работы. И теперь, сказав фразу «человек живет в мире текстов» [12, с. 216], мы должны наполнить ее и вторым смыслом: тексты не просто окружают человека вовне, они запечатлены в его индивидуальной АВС не только в виде фрагментов прецедентных общекультурных текстов, но и в виде грамматикализованных в словоформах следов повседневного речепроизводства, фиксируемых моментально при приведении в эксперименте АВС к выражению следов, в которых оказывается «схватенным», как бы «застывает» одно из грамматических состояний узла, имя которого активизировано прежде всего семантической связью с предложенным в данный момент стимулом, а состояние или оформление обусловлено памятью о недавних текстах. Отсюда следует, что семантическое варьирование стимула (т. е. узла), которое мы наблюдаем в семантических отношениях S-R (стимул и каждая реакция), является основным, определяющим, исходным, тогда как словоизменяемое и словообразовательное варьирование, которые собственно и определяют степень грамматикализованности, есть одна из форм бытования этого узла, постоянно пребывающего в состоянии морфологической осцилляции, колебаний, т. е. грамматической неустойчивости.

Морфологическое сходство АВС или ее фрагмента — ассоциативной статьи — с текстом (ведь «сумма морфологии» в АВС и в тексте оказывается одной и той же) делает заманчивой постановку такого эксперимента, в котором формальные или формализованные приемы анализа связного текста (а свойство связности, отсутствующее в ассоциативной статье, — это как раз тот аспект, который прежде всего и отличает ее от обычного текста) были бы распространены на фрагменты АВС. Результатом могли бы стать некоторые структуры, отражающие организацию АВС и характеризующие тем самым закономерности владения языком.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИМИТИВЫ В АВС

Такое название главы продиктовано двумя соображениями: во-первых, желанием автора подчеркнуть если не меньшую роль и распространенность, то меньшую глубину в АВС синтаксических отношений, чем морфологических, их элементарную, «примитивную» природу, а во-вторых, привлечь внимание к таким отношениям в парах слов, которые не лежат на поверхности и потому ранее не были предметом анализа лингвистов, работавших с материалом ассоциативных экспериментов. Понятие синтаксического примитива я использовал впервые в разделе «Наречие», обозначив им такую зависимость в паре стимул-реакция (S—R), которая не имеет поверхностного морфологического выражения, но может быть реконструирована путем постановки между членами этой пары некоторой стандартной связки, превращающей ее в элементарное нормативное высказывание (см. с. 93 и далее). Развиваемое здесь представление об АВС позволяет расширить смысл синтаксического примитива, относя к нему все те случаи, когда соединение двух и более полнозначных слов выступает как стандартная, т.е. целостно воспроизводимая, единица АВС, причем образующая это соединение связка—как реконструируемая, так и реально существующая—может принимать и облик простого, элементарного слова-примитива (типа «и», «это», «значит», «чтобы») и передаваться средствами интонации или порядка слов, порядка следования стимула и реакции. Понимаемые так расширительно синтаксические примитивы будут включать в себя рассматриваемые ниже скрытые и явные дефиниции, объяснительные, результирующие и некоторые другие формулы, но также и модели двух слов, не только образованные на базе обычных связей согласования, управления и примыкания (связей, которые, кстати, сами по себе не были предметом рассмотрения в разделе «Морфология»), но и являющиеся однородными членами предложения, связанными конъюнктивными, дизъюнктивными или сравнительными отношениями.

Основная особенность рассматриваемых в этой главе синтаксических примитивов заключается в том, что, будучи стандартно воспроизводимой, неделимой единицей АВС (может быть, даже наряду со словом—единицей «языковой способности» человека),

синтаксический примитив одновременно представляет собой «строительный» блок более крупной, «делимой» единицы речи и текста – предложения или высказывания. Иными словами, распространенное предложение – простое ли, сложное ли – составляется, складывается из разного типа моделей двух слов и синтаксических примитивов, одним из которых, согласно такой логике, должна быть и пара из подлежащего и сказуемого, т.е. так называемая ядерная структура, которая тоже нередко встречается в АВС. Синтаксический примитив, таким образом, это понятие, соотносимое и с традиционно понимаемым словосочетанием, и с распространившимся благодаря трансформационному синтаксису понятием ядерной структуры, но сильно расширяющее экстенционал указанных понятий и заполняющее его материалом, который извлекается из АВС, репрезентирующей языковую способность человека, моделирующей владение человеком языком.

§ 1. МЕНА S ↔ R И СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРИМИТИВ ПОРЯДКА СЛОВ

Реверсивность позиций в парах стимул-реакция. Если морфологию, морфологические отношения еще можно в принципе наблюдать на отдельной, изолированной реакции, как бы забывая на время о стимуле, то о синтаксических отношениях можно говорить исключительно при условии введения самого стимула в каждый рассматриваемый пример, в каждый случай реагирования испытуемого. Такая операция представляется оправданной, поскольку стимул, будучи аттрактором всех реакций в статье, т.е. совокупностью точек-признаков, «притягивающей», определяющей и словоизменительное, и словообразовательное, и семантическое варьирование, имеет тяготение быть «хозяином» всякой реакции, – если не синтаксическим, то ассоциативным. Быть синтаксическим «хозяином» – значит подчинять себе реакцию грамматически, наводить в ней соответствующие грамматические категории. Так, имя существительное подчиняет себе атрибутприлагательное, «передавая» ему род, число и падеж, глагол подчиняет себе актанты и сирконстанты. Но поскольку стимулом может быть и прилагательное, и наречие, утверждать, что каждый стимул является синтаксическим «хозяином», было бы неверным. Быть же ассоциативным «хозяином» – значит определять место, позицию реакции по отношению к стимулу: поскольку стимул всегда предшествует реакции по времени, он и в пространстве стремится занять позицию предшествования или, во всяком случае, допускает как предшествование, так и последование. Например, БАБУШКА – *старая* и *старая* – БАБУШКА, БЕЖАТЬ – *быстро* и *быстро* – БЕЖАТЬ, БЕЛЫЙ – *медведь* и *медведь* – БЕЛЫЙ, БИЛЕТ – *трамвайный* и *трамвайный* – БИЛЕТ, ВРЕМЯ – *бежит* и *бежит* – ВРЕМЯ, ВОЙНА – *народная* и *народная* – ВОЙНА и т.п. Таких реакций, отношения

которых со стимулами реверсивны¹, т. е. при мене позиции после стимула на позицию перед стимулом принципиально, в глубинном смысле не меняются, в отдельно взятой ассоциативной анкете, в ассоциативной статье СЛ и АТ, а значит, и в АВС,— большинство. Реверсивность отношений в таких парах можно изобразить двунаправленной стрелкой: БАБУШКА ↔ любимая, БЕЖАТЬ ↔ на работу, БЕЛЫЙ ↔ халат, БИЛЕТ ↔ в кино, БОЛЬШОЙ ↔ дом, ВИДЕТЬ ↔ далеко, ВОЙНА ↔ несправедливая, ВРЕМЯ ↔ коротать. При этом понятно, что речь может идти как о реверсивности, так и об однонаправленности отношений между S и R только в том случае, если такое линейное, т. е. синтаксическое, отношение в паре SR вообще существует. Когда же его нет и целостной синтаксической единицы из соединения S и R не возникает, мы говорим о нерелевантности этого правила «направленности» отношения для пар типа БАБУШКА—очки, БЕЖАТЬ—спортсмен, БЕЛЫЙ—чистота, БИЛЕТ—писать, ВИДЕТЬ—злостный, ВОЙНА—бомба, ВРЕМЯ—опоздал.

Значительно реже двунаправленных в парах S—R встречаются отношения однонаправленные «слева направо», жестко закрепляющие в пространстве временной порядок, временную последовательность стимула и реакции: БАБУШКА → надвое сказала, БАБУШКА → близкий друг, БАБУШКА → вяжет², БАБУШКА → нет у меня, БЕЖАТЬ → куда?, БЕЖАТЬ → ноги подгибаются, БИЛЕТ → в детство, ВРЕМЯ → деньги, ВРЕМЯ → года, ВРЕМЯ → больших ожиданий, ВИДЕТЬ → дорогу в жизнь, ВОЙНА → и мир, СУЩЕСТВОВАТЬ → а не жить, СУЩЕСТВОВАТЬ → и ничего более, СУЩЕСТВОВАТЬ → нельзя, надо жить.

На этом фоне экзотичными выглядят те совсем единичные пары S—R, где стимул синтаксически предполагает постпозицию и где реакция как бы опережает стимул во времени. Это, с одной стороны, такие реакции, которые включают в себя сам стимул и состоят из пар слов, причем стимул занимает в них второе место: БАБУШКА—моя бабушка, БИЛЕТ—экзаменационный билет, БИЛЕТ—купить билет, СУЩЕСТВОВАТЬ—не жить, а существовать. Во-вторых, это реакции, предполагающие обязательное употребление стимула в составе реакции в постпозиции, но прямо не повторяющие его: ГОСТЬ—не люблю слова, УГОЛ—встать в, УГОЛ—поставить в, СУЩЕСТВОВАТЬ—не жить, а..., ТЕЧЕНИЕ—плыть по, ПОНИМАТЬ—ничего не (все примеры из СЛ). Наконец, это такие реакции, которые, представляя собой одиночное слово, предполагают нормальное свое

¹ Мы используем здесь термин «реверсивность», а, скажем, не «симметричность», отдавая себе отчет, что при перестановках S—R ≈ R—S в некоторых таких парах, поверхностно-синтаксические отношения претерпевают изменения, хотя глубинный синтаксис не меняется; ср. *бабушка любимая* ≈ *любимая бабушка*.

² Здесь, казалось бы, возможен обратный порядок—*вяжет бабушка*,—но такая трансформация меняет глубинный смысл этой ядерной структуры, предполагая иное актуальное членение.

употребление в препозиции к стимулу, т. е. тоже опережают его. Ср. БАБУШКА – двоюродная, совсем не то же, что БАБУШКА – старая, так как нормальным является только сочетание двоюродная бабушка, при том, что во втором случае отношения в паре SR двунаправленны; то же самое БАБУШКА – Юркина < Юркина бабушка, ВРЕМЯ – делу < делу время. Среди этого последнего типа реакций с опережением стимула преобладают слова, образующие с ним устойчивые сочетания и тем однозначно свидетельствующие о естественном порядке слов $S - R = RS$: БИЛЕТ – белый < белый билет, БИЛЕТ – волчий < волчий билет, ВОЙНА – Великая Отечественная < Великая Отечественная война, ВОЙНА – первая мировая < первая мировая война.

Опросная анкета и открытие механизма ассоциирования. Приведенный материал, как и прочтение всего СЛ с целью выявления случаев с «левонаправленным» отношением $R \leftarrow S$ и опережением реакцией стимула, показывают как будто, что подобные отношения должны полностью исключаться для прилагательных-стимулов в лемматизированной форме, которые допускают только либо двунаправленные, либо «правонаправленные» отношения, а для стимулов-инфинитивов ограничиваться случаями с постановкой отрицания перед стимулом (типа ВИДЕТЬ – не видеть, ПОСТУПИТЬ – не поступить, СДАВАТЬ – не сдавать), которые есть в каждой ассоциативной статье (см. § 2 данной главы). Однако этот вывод, оставаясь в основе правильным, потерял свой абсолютный («для всех прилагательных...», «для всех инфинитивов...») характер после одного из серийных ассоциативных экспериментов (см. в Приложении анкеты № 2029, заполненную 18 ноября 1988 года испытуемым мужского пола, филологом по специальности).

На первый взгляд, эта анкета ничем не отличается от всех других: на 100 содержащихся в ней стимулов испытуемый дал 95 ответов, в числе которых однословные реакции и словосочетания, вопросительные, повествовательные и восклицательные конструкции, разные части речи и разные словоизменительные формы. Но с точки зрения фиксации порядка следования стимула и реакции, порядка слов в образуемых стимулом и реакцией словосочетаниях эта анкета оказывается крайне примечательной: в 18 из 95 ответов испытуемый использует специальные знаки, которые, будучи отображением внутреннего, промежуточного языка¹, могут расцениваться как показатели разных синтаксических примитивов, 8 из которых совершенно недвусмысленно указывают на опережение реакцией стимула и намену порядка слов в образуемом ими словосочетании SR на $R \leftarrow S$, тогда как 3 других при сохранении порядка SR обнаруживают влияние реакции на стимул, которое проявляется в изменении грамматической формы последнего. Разберем эти случаи.

¹ О промежуточном языке см. [12].

1) Стимул под № 449: КВАДРАТ¹; строка анкеты выглядит следующим образом: КВАДРАТЫ разбить на..., т.е. испытуемый трансформировал грамматическую форму стимула в винительном падеже множественного числа, дописав окончание -ы, и предпослал этой форме глагольную реакцию с сильным управлением, обозначив дополнительно многоточием порядок слов в получившемся словосочетании. В сформированной ассоциативной статье реакция должна была бы выглядеть так: КВАДРАТ – разбить на квадраты.

2) Стимул под № 423: ШТРАФ; ШТРАФ наложить _____, где длинная черта после реакции символизирует перестановку стимула, который таким образом в результирующем словосочетании опережается реакцией, и полный ответ должен выглядеть так – ШТРАФ – наложить штраф, т.е. опять-таки с постановкой стимула после реакции.

3) Стимул № 16:

КОНЧИТЬСЯ хорошо →

Эта запись довольно наглядно демонстрирует опережение стимула реакцией имену порядка слов в итоговом словосочетании: КОНЧИТЬСЯ – хорошо кончиться. Таким же способом обозначена мена SR на R ← S в трех других строках анкеты.

4) СТИМУЛ № 452:

ВЕЛОСИПЕД изобретать →

т.е. ВЕЛОСИПЕД – изобретать велосипед.

5) Стимул № 418:

ЕЛЬ сидеть под →

т.е. ЕЛЬ – сидеть под елью.

6) Стимул № 639:

ОТЕЦ мой →, т.е.

ОТЕЦ – мой отец. И еще в двух строках содержатся варианты приведенных способов.

¹ Список стимулов для АТ, к работе над которым имеет отношение анализируемая анкета, пронумерован для облегчения последующей обработки материалов ассоциативных экспериментов, и каждый стимул в генерируемой по методу случайных чисел анкете выступает под своим порядковым номером.

ВАННА принять

(Ср. пример 2.)

8) Стимул № 402:

КАРМАН держи шире.

Обращает на себя внимание, что символическое отражение изменения порядка слов таким образом, что стимул следует за реакцией и реакция становится тем, что мы назвали ассоциативным «хозяином» стимула, а проще говоря, синтаксически господствующим членом получившегося словосочетания, касается в основном стимулов-существительных, только в одном случае «нарушая» сделанное на материале СЛ наблюдение (пример 3 с инфинитивом). Ясно, что это «нарушение» кажущееся, поскольку инфинитив, оказавшись постпозиционным в сочетании *хорошо КОНЧИТЬСЯ*, не теряет своего статуса синтаксически господствующего члена. Три приводимых ниже примера из той же анкеты, хотя и не связаны с изменением порядка следования S—R, но убедительно показывают «правонаправленное» влияние реакции как ассоциативного «хозяина» на стимул—в данном случае—прилагательное:

- 9) Стимул № 252: **НАРЯДНЫЙ** ~~ая~~ женщина.
 10) Стимул № 327: **НИЧТОЖНЫЙ** ~~ая~~ личность.
 11) Стимул № 1220: **СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ** ~~ое~~ движение.

Во всех трех ответах реакция-существительное навязывает стимулу род, падеж и число и заставляет испытуемого, двигаясь против линейного развертывания результирующего словосочетания и как бы возвращаясь назад во времени, менять окончание стимула и подчинять его грамматическим категориям реакции. (Окончание исходной формы зачеркнуто и дописано новое окончание.)

Эти три примера с прилагательными могли бы показаться уникальными, свойственными одному индивидууму, и тогда бы мы не имели оснований рассматривать их как одно из проявлений синтаксического примитива, присущего всей АВС, тем более, что в ассоциативных статьях СЛ не находится прямых аналогий приведенным случаям. Однако мы настаиваем на универсальности возможностей для реакций-существительных воздействовать «справа-налево» на стимулы-прилагательные исходя, прежде всего, из допустимых, из принятых способов отражения такого воздействия в ассоциативной статье. Ассоциативная статья традиционно строится таким образом, что стимул в ней назван только один раз, и будучи раз названным, он не допускает уже

никаких трансформаций, как это было, например, в приведенной анкете. Значит, подобные трансформации, коль скоро они распространены в АВС, должны как-то иначе фиксироваться в ассоциативной статье словаря. Есть три логические возможности приспособления анкетных записей типа 9–11 к условиям ассоциативного словаря: либо оставить в качестве зафиксированной реакции только имя существительное, несогласующееся тем самым в роде со стимулом-прилагательным (т.е. НАРЯДНЫЙ – *женщина*, НИЧТОЖНЫЙ – *личность*, СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ – *движение*), либо, не эксплицировав, но сохранив «в уме» саму реакцию-существительное, записать только трансформированный под ее воздействием стимул (т.е. НАРЯДНЫЙ – *нарядная*, НИЧТОЖНЫЙ – *ничтожная*, СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ – *стремительное*), либо, наконец, записать в качестве реакции все словосочетание (НАРЯДНЫЙ – *нарядная женщина* и т. п.).

Практически все три варианта фиксирования таких реакций мы и находим в статьях-прилагательных СЛ, хотя наиболее распространенным в этом словаре оказывается первый из них, которого мы касались (по другому поводу) в разделе «Морфология». Примеры из СЛ таковы¹: БЕЛЫЙ – *смерть, платье*; ДЕТСКИЙ – *детское, улыбка*; ДОРОГОЙ – *дорогая, сердце, фотография*; НАСТОЯЩИЙ – *настоящий товарищ*; НОВЫЙ – *пальто*; ОПРЕДЕЛЕННЫЙ – *определенный тип*; ПЛОХОЙ – *вода, драма, настроение*; ПРЕКРАСНЫЙ – *жизнь, место отдыха, озеро*; ПРОСТОЙ – *история*; ЧИСТЫЙ – *совесть, белее*; ХОРОШИЙ – *платье*; ТЯЖЕЛЫЙ – *штанга, сумка, сессия*; РАБОЧИЙ – *спецовка, одежда, рабочая*; РУССКИЙ – *борода, русская*; СВОБОДНЫЙ – *страна*; СИЛЬНЫЙ – *руки, влияние*; СОВЕТСКИЙ – *моряки*; СТАРЫЙ – *бабушка, свеча*; ТЕМНЫЙ – *личность, глаза, туча*. Иными словами, образцы опережающего реагирования на стимул-прилагательное, которые проявляют себя в отсутствии формального согласования стимула со своим ассоциативным «хозяйником»-существительным, обнаруживаются практически в каждой статье-прилагательном СЛ, а значит, и не представляют собой уникального явления, свойственного той единственной анкете, которая позволила это явление заметить.

Влияние грамматической формы стимула на степень клишированности реакции. Внимательный читатель мог бы предложить четвертую логическую возможность для словарной фиксации анкетных записей типа 9–11. Теоретически она могла бы заключаться в такой реакции: НАРЯДНЫЙ – *женщина нарядная*, где есть и опережение, и трансформация стимула с подчинением его ассоциативному «хозяйину»-существительному. А что касается

¹ Далее даны именно образцы, а не исчерпывающий перечень несогласованных пар SR, но образцы из всех ассоциативных статей СЛ со стимулом-прилагательным, где такие пары встречаются.

принципиальной возможности такого порядка слов, то мы отмечали его как самый распространенный, правда, только при стимулах-существительных, говоря о двунаправленности отношений в паре SR. Примеры этого многочисленны, кстати, в той же анкете 2029: СТЕНА – *непробиваемая*, УГОЛ – *красный*, ФЛОТ – *морской*, ХВОРЬ – *старая*, ЖЕНЩИНА – *приятная* и т. п. Однако таких реакций – с меной порядка слов при стимуле-прилагательном – не встретилось ни в СЛ, ни на всем массиве АТ, т. е. теоретически допустимая возможность не реализуется в ассоциативных экспериментах. И дело здесь, видимо, в том, что гипотетическая реакция НАРЯДНЫЙ – *женщина нарядная* предполагала бы четыре трансформационных операции, четыре шага преобразований: 1) приписывание стимулу ассоциативного «хозяина» (*женщина*); 2) опережающее реагирование, которое проявляется в глубинно-семантическом подчинении стимула реакции, в ее «левонаправленном» воздействии на стимул (НАРЯДНЫЙ – *женщина*); 3) формальное, поверхностно-синтаксическое закрепление подчинения, выражающееся в изменении окончания стимула (НАРЯДНАЯ – *женщина*); 4) дополнительная мена местами стимула и реакции, как бы отказ от опережения, от «левонаправленного» воздействия на стимул и переход к «правонаправленному» воздействию (гипотетическое * *женщина нарядная*). Вот последняя операция и вызывает сомнение, поскольку, если бы она имела место, это означало бы, что одна и та же трансформация «опережения» в пределах одного ассоциативного акта осуществлялась бы дважды: сначала справа налево, с одним знаком, а затем слева направо, со знаком уже противоположным. Кроме того, материал ассоциативных словарей показывает, что для любых реакций, которые в сочетании со стимулом составляют некоторую целостную нормативную синтаксическую единицу, – будь то модель двух слов или более развернутое единство, – число трансформаций, число пошаговых преобразований никогда не превышает трех. Даже для таких усложненных случаев, которые представлены записями № 5 и № 7 из рассмотренной здесь анкеты 2029, переход к словарной фиксации от стимула ЕЛЬ к реакции *сидеть под елью* исчерпывается тремя из четырех перечисленных выше шагов: 1) ЕЛЬ – *сидеть*, 2) СИДЕТЬ – *ель*, 3) *сидеть под елью*, т. е. шагами «хозяин», «опережение», «оформление».

Сказанное и объясняет, почему в ассоциативных анкетах, ассоциативных статьях, а следовательно, и в АВС широко представлены случаи типа НОВЫЙ – *пальто* (один, первый шаг, опережения еще нет) и не обнаруживается случаев типа НОВЫЙ – * *пальто новое* (необходимы четыре шага). Одновременно такая ситуация дает основание поставить вопрос о рассмотрении пар типа НОВЫЙ – *пальто*, ПОСТУПИТЬ – *институт*, РЕШИТЬ – *задача*, БИЛЕТ – *поезд* как потенциальных словосочетаний, потенциальных моделей двух слов, за один трансформационный шаг допускающих превращение пары SR в грамматикали-

зованную (ср. *новое пальто, поступить в институт, решить задачу, билет на поезд*)¹.

До сих пор, говоря о синтаксическом взаимодействии стимула и реакции в рамках модели двух слов, о мене порядка следования их в результирующем словосочетании, т. е. об опережении в ряде случаев стимула реакцией, мы оперировали стимулами в лемматизированной форме. Обратившись же к ситуациям с грамматикализованными стимулами, которые представлены только в АТ, мы столкнемся с феноменом увеличения синтаксической активности стимула и, соответственно, интенсификации явлений мены порядка слов, т. е. опережения реагирования. Выразительным показателем синтаксической активности грамматикализованных стимулов (еще без опережения реагирования) может служить сравнение частот реакций, образующих со стимулом правильное синтаксическое сочетание, с частотами реакций, таких словосочетаний не образующих, т. е. остающихся потенциальными моделями двух слов. Так, для стимула РЕШИТЕ частота реакций в форме *задача* (т. е. * *решите задачу*) — 5, а в форме *задачу* (т. е. *решите задачу*) — 28, для стимула РЕШУ соответственно — 5 и 41 и т. д. Столь же многочисленны реакции с опережением стимула. Ср. ИЗ — *выйти* → *выйти из*, САМ — *сказал сам себе*; МАЛЬЧИКАХ — *интересных* → *интересных мальчиках*, МАЛЬЧИКАХ — *маленьких* → *маленьких мальчиках* (то же самое — *плохих, сильных, хороших*); ПАЛЬЦА — *безымянного* → *безымянного пальца* (то же — *большого, последнего, указательного*); ПАЛЬЦА — *вокруг* → *вокруг пальца*, ПАЛЬЦА — *два* → *два пальца*, ПАЛЬЦА — *изгиб* → *изгиб пальца*, ПАЛЬЦА → *нет пальца на руке*; ТРУДА — *без* → *без труда*, ТРУДА — *не без* → *не без труда*, ТРУДА — *апофеоз* → *апофеоз труда* (то же самое *герой труда, лозунг труда, охрана труда, праздник труда, психология труда, ударник труда, человек труда*); ТРУДЕ — *высказывание* → *высказывание (о) труде* (то же — *закон, постановление*); РЕШИТЕ — *если* → *если решите*, РЕШИМ — *давай* → *давай решим*, РЕШУ — *думаю* → *думаю (что) решу* и т. п.

Таким образом, синтаксический примитив порядка слов обнаруживает себя, активизируется под влиянием грамматикализации стимула, искусственно привнесенной, навязанной ему грамматической активности. Активизация синтаксического примитива проявляется в том, что он однозначно задает, жестко определяет порядок слов в результирующем словосочетании, в том числе фиксируя опережение реакцией стимула. Такое опережение могло бы интерпретироваться как движение — в рамках и по законам АВС — вспять по времени, но не рискуя делать подобное утверждение и искать, пусть и весьма увлекательные, аналогии в физических законах микромира (ср. траектовку позитрона как движущегося против стрелы времени электрона), мы

¹ Подробнее такого рода потенциальные модели двух слов рассматриваются в § 3 данной главы.

предлагаем более прозаическую интерпретацию опережающего реагирования. Так называемое опережение реакцией стимула происходит тогда, когда испытуемым реализуется целостная, автоматическая воспроизводимая единица языковой способности человека, т. е. стандартная и клишированная единица АВС.

Этот вывод, подтвержденный и на материале всей АВС (или, если угодно, ее модели, представленной в СЛ и АТ), и на материале способов приведения АВС к выражению, а именно, на анкете и отдельной ассоциативной статье, имеет своим следствием два утверждения. Во-первых, оказывается, что грамматикализация стимула увеличивает стандартность, клишированность реагирования. Во-вторых, обилие обнаруженных таким образом стандартно воспроизводимых единиц в анкете, статье и АВС подтверждает правомерность исходной посылки, на которую мы опираемся в нашем анализе грамматики в ассоциативном словаре: никакой факт, зафиксированный в нем, не является случайным, но имеет, как было показано, свое семантическое или грамматическое, либо, как мы увидим ниже, — также когнитивное или прагматическое оправдание.

§ 2. ОТНОШЕНИЯ S—R В ВОПРОСО-ОТВЕТНОМ РЕЖИМЕ

Не обусловленные семантически и синтаксически реакции как разные типы ответов на стимул-вопрос. Тот факт, что всякий диалог строится ассоциативно или, во всяком случае, обязательно содержит цепочечную ассоциативную связь, как минимум, попарно соединяющую реплики в нем, не требует как будто специального доказательства. Но постановка проблемы обратным образом, т. е. попытка увидеть следы диалога в ассоциативном эксперименте и его результате — ассоциативной статье, как это сделано в названии данного параграфа, может показаться сомнительной. Тем не менее, к этому нас побуждают два обстоятельства, два ряда фактов, которые с удивительным постоянством характеризуют почти каждую ассоциативную статью из СЛ и, соответственно, довольно часто обнаруживаются в статьях и анкетах АТ. Речь идет об осмыслении грамматического статуса реакций двух типов. Первый из них представляет собой простое повторение стимула: ДОБРЫЙ — *добрый*, СЛЫШАТЬ — *слышать*, ДЕЛАТЬ — *делать*, ПАПА — *papa*, ПОСЛУШАТЬ — *poslušat'*, ОСТАВАТЬСЯ — *ostavat'sja*, ЕСТЬ — *est'*, ГУЛЯТЬ — *guljat'*, НАДЕЯТЬСЯ — *nadejatsja*, ОКАЗЫВАТЬСЯ — *okazyvat'sja*, СУББОТА — *subбота*, ГОСТЬ — *gost'*, ДОРОГОЙ — *dorogoj*, ЗНАКОМЫЙ — *znakomyj* и т. д. Семантическая и грамматическая трактовка подобных случаев вроде бы не вызывает интереса: реакция — как эховый, почти бессознательный повтор стимула. Однако в совокупности со вторым типом реакций, реакций-отрицаний, которые распространены в ассоциативных статьях едва ли не в большей степени, чем реакции-повторы, эти факты застав-

ляют сделать предположение об их определенной синтаксической обусловленности. Ср., ЗНАТЬ — не *знать*, ПОНИМАТЬ — не *понимать*, ПОСТУПИТЬ — не *поступить*, ПОТЕРЯТЬ — не *потерять*, ПРИХОДИТЬСЯ — не *приходиться*, РАБОТАТЬ — не *работать*, ЛЮДИ — не *люди*, РУССКИЙ — не *русский*, ДОБРЫЙ — не *добрый*, ДРУГ — не *друг*, ДЕЛАТЬ — не *делать*, ГУЛЯТЬ — не *гулять*, ЗДОРОВЬЕ — не *здоровье*, ЗНАКОМЫЙ — не *знакомый*, ДЕЛО — не *дело* и т. д. Приведенные примеры, демонстрируя наличие отрицания, показывают одновременно, что и те, и другие типы ответов появляются независимо от частеречной принадлежности стимула, т. е. характерны для стимулов-существительных, стимулов-прилагательных и стимулов-глаголов, и что они могут появляться в статьях (или анкетах) также независимо и друг от друга, т. е. наличие или отсутствие повтора стимула не препятствует появлению его отрицания, но и не увеличивает вероятность последнего.

Наше предположение заключается в том, что здесь мы имеем дело с синтаксическим примитивом вопросо-ответного отношения между словом-стимулом и однословной или несколькословной реакцией. В самом деле, сама «анкетная» ситуация проведения ассоциативного эксперимента благоприятствует восприятию испытуемым предъявляемого стимула не только с повествовательно-утвердительной, но в ряде случаев и с вопросительной интонацией: ср. стандартную ситуацию в социологических анкетах, когда опрашиваемые именно дают ответы на содержащиеся в них вопросы. Примитивность вопросного отношения в ассоциативной анкете определяется тем, что оно реализуется вне вопросительной синтаксической структуры, а соответствующая вопросительная ситуация реконструируется, достраивается испытуемым, который апеллирует для этого к своему коммуникативному опыту. Фрагменты же индивидуального языкового опыта могут совпасть случайно с конкретным стимулом, и тогда мы получаем в ответе либо подтверждение, либо отрицание спрашиваемого: ДЕНЬ? — *день*, ДОЧЬ? — *дочурка*, ДЯДЯ? — *дядюшка*, ОПРЕДЕЛЕННЫЙ? — *неопределенный*, РАЗГОВОР? — *разговор двух подруг*, РЕБЕНОК? — *ребенок*, СЧЕТ? — *счет хоккейный*, СДАВАТЬ? — *не сдавать*, УМЕТЬ? — *не уметь*, РАБОЧИЙ? — *не рабочий*, УЧИТЬ? — *не учить*, ЛЕС? — *лес березовый*...

Отрицание или подтверждение в ответе тоже являются простейшими логико-синтаксическими операциями, поэтому у нас и есть основания говорить в данном случае о синтаксическом примитиве вопросо-ответного отношения. Однако хорошо известно, что, как подтверждающий ответ не ограничивается повторением вопроса, но уже с утвердительной интонацией, а может иметь самые разнообразные формы, так и опровергающий ответ не сводится только к конструкции с частицей *не*. Некоторые вариации подтверждающих ответов (дериватом того же корня, утвердительным воспроизведением стимула-вопроса, но с уточняющим атрибутом) мы имели возможность наблюдать

в только что приведенном перечне вопросо-ответных конструкций из ассоциативных статей СЛ. На самом деле формы подтверждающих и опровергающих ответов в АВС столь же, видимо, разнообразны, как и в живом употреблении, в реальной межличностной коммуникации. Так к простейшим, рассмотренным выше, добавляются прежде всего *да-* и *нет-*ответы: ДОБРЫЙ?—*да*, РЕБЕНОК?—*да*, СВЕТ?—*да*, ПРЕКРАСНЫЙ?—*да*, ЗНАКОМЫЙ?—*нет*, ЗАНЯТИЕ?—*нет*, УМЕТЬ?—*нет*, ДОЧЬ?—*нету*, ДОБРЫЙ?—*нет*, ДАВАТЬ?—*нет*, ДРУГ?—*нет*, ФАМИЛИЯ?—*нету*, ОТВЕЧАТЬ?—*нет*, ПОВОД?—*нет*, ПОМОЩЬ?—*нет*, ОТЕЦ?—*нету*, ПЛОХОЙ?—*нет*. В свою очередь, *да-* и *нет-*ответы имеют многочисленные варианты выражения идей подтверждения или опровержения информации, содержащейся в вопросе: РЕЗУЛЬТАТ?—*он есть*, БРЕХНЯ?—*верно*, БРЕХНЯ?—*точно!*, СЕСТЬ?—*конечно*, СПРОСИТЬ?—*ясно*, ДОБРЕЙШИЙ?—*факт*, ЗНАКОМЫЙ?—*я его знаю*, БРАТ?—*так*. Понятно, что однословные варианты подтверждающих ответов трактуются как такие только в том случае, если не допускают интерпретации как члены словосочетания, как составляющие модели двух слов. Ср. *любить верно, договориться точно, время конечно, определено ясно, интересный факт, это так*, где те же самые ответы получают иной статус, входя в непосредственное синтаксическое взаимодействие со стимулом. Это замечание справедливо и для идентификации вариантов опровергающих ответов: ОТВЕТИТЬ?—*не надо*, ПОЙТИ?—*не надо*, ДЕЛАТЬ?—*ничего*, ПРОСТИТЬ?—*не стоит*, УЕХАТЬ?—*не надо* (ср. иначе—*обещать не надо, входит не стоит, картина ничего*).

Из других типов ответов следует особо выделить отрицательные с объяснением причины (ИСКАТЬ?—*не найдешь*, ДАВАТЬ?—*не хочу одалживать*, КРИЧАТЬ?—*никто не услышит*), оценочные (МОЛОДОЙ?—*не ясно*, ВИДЕТЬ?—*хорошо бы*, НОВЫЙ—*не очень*, МНЕНИЕ?—*так себе*, ПРОИЗВОДСТВО?—*тьфу*) и довольно значительную группу *я-*ответов, среди которых преобладают опровергающие: ДЯДЯ?—*не имею*, КИНО?—*не был*, ОТЕЦ?—*это мне не знакомо*, ПАПА?—*не знаю*, ДЕРЕВНЯ?—*люблю ее*, УЕХАТЬ?—*не хочу*, УЧИТЕЛЬНИЦА?—*не люблю*, РАЙОН?—*не поеду* (ср. также иной статус подобных форм в случае согласования со стимулом—*достать не могу, помогать не хочу, праздник не люблю*).

Вопросо-ответный режим как способ трактовки некоторых ответов-реакций в ассоциативной статье был бы представлен однобоко, если бы испытуемый был поставлен только в пассивное положение спрашиваемого. Но материал СЛ и АТ свидетельствует о том, что довольно часто испытуемый занимает и активную позицию вопрошающего, хотя воздействие «анкетной ситуации» остается настолько сильным, что вопрос испытуемого скорее следует интерпретировать как ответ вопросом на вопрос анкеты: ДАТЬ?—*что?*, СИДЕТЬ?—*на чем?*, СЛЕДОВАТЬ?—*за кем?*, УВИДЕТЬ?—*кого?*, УЧИТЬСЯ?—*чему?*,

УСПЕТЬ?—куда?, ЛЮБОВЬ?—какая?, КОМНАТА?—чья?, ДЯДЯ?—кто такой (?). Такая активность, однако, кажется безадресной, поскольку она не может быть направлена на экспериментатора, от которого нельзя ожидать ответа. Скорее она адресована представленной стимулом ситуации, и тогда реакция-вопрос убедительнее всего интерпретируется как ответ вопросом на переспрос, сделанный самим испытуемым. Иными словами, стимул задает ситуацию, а испытуемый, мысленно переспрашивая, представляет ее в вопросе, на который отвечает тоже вопросом: СТАНОВИТЬСЯ—становиться? кем?, ГОВОРИТЬ—говорить? кому?, ПОДОЙТИ—подойти? зачем?, ПОДОЙТИ—подойти? как?, НАДЕЯТЬСЯ—надеяться? на что?, РЕЗУЛЬТАТ—результат? от чего?, СЕСТЬ—сесть? где?, СМОТРЕТЬ—смотреть? куда?, СКАЗАТЬ—сказать? что? В такой трактовке ответ вопросом предстает как вариант отрицательного, опровергающего ответа, полная реконструкция которого могла бы выглядеть следующим образом¹: * ОТВЕЧАТЬ—отвечать? но что?, отвечать-то нечего; * ПОЙТИ—пойти? но куда? ведь пойти-то некуда; * ПИСАТЬ—писать? но кому? все равно это бесполезно; * ПОМОГАТЬ—помогать? но кому? они того не стоят; * СЛЫШАТЬ—слышать? но как? ведь это невозможно; * ЛЮБОВЬ—любовь? где она? нет ее; * СТАРЫЙ—старый? ну и что? ничего страшного. В том, что подобная реконструкция не лишена оснований, убеждают, как будто, случаи реагирования вопросом без вопросительного слова, которые тоже должны быть отнесены к опровергающим ответам: СВОБОДНЫЙ—свободный? да?, ПРОСТИТЬ—простить? надо ли?, НАДЕЯТЬСЯ—надеяться? стоит ли?, ЛЮБОВЬ—любовь? бывает ли?

Заканчивая характеристику ответов, встречающихся в ассоциативной статье, рассматриваемой в диалоговом режиме, нельзя обойти молчанием специфические случаи реагирования, которые в обычном диалоге квалифицируются как неответы. Соединение такого рода реплик, одна из которых является вопросом, а другая неответом, довольно часто встречается в устной разговорной речи и в художественной литературе, где либо служит целям достижения комического эффекта, либо отвечает некоторой философской сверхзадаче автора. Пример из юмористического рассказа, представляющего собой диалог автоинспектора с водителем:

- Вы что, не видите, какой здесь знак висит?
- Да, сегодня очень жарко.

Имея в виду возможность использования неответа в структуре диалога, мы и при рассмотрении ассоциативной статьи в диалоговом режиме получаем основания интерпретировать реакции, не обнаруживающие ни семантической, ни граммати-

¹ В каждой предлагаемой реконструкции реально зафиксированная в статье реакция-вопросительное слово выделена курсивом.

ческой связи со стимулом, как неответ. Ассоциативными следами приведенных вопроса и неответа могла бы быть пара S—R: ВИСЕТЬ?—*жарко* или ЗНАК?—*очень*. На самом деле, такого рода реакции индивидуальны, т. е. никогда не обладают частотой больше 1, и встречаются не более чем в одной трети статей СЛ.

Возьмем для примера все реакции с частотой 1 из статьи СЛ ВОЙТИ и прокомментируем в скобках те случаи, где связь стимула и реакции неочевидна (естественно, явную семантическую или грамматическую связь—модель двух слов—оставляем при этом без комментария): ВОЙТИ—*без разрешения, библия (?)*, *вбежать* (гипоним), *веселое лицо* (* *войти с веселым лицом; вошел, лицо веселое*), *в замок, в историю, в кино, в клуб, в коллектив, в коридор, в космос, в магазин, вместе, внезапно, вникнуть* (синоним к одному из ЛСВ), *во вкус, в пальто, в помещение, в союз, въехать* (гипоним), *газовый мастер* (возможный субъект действия: * *газовый мастер вошел*), *гости* (то же, что предыдущее), *гостиница* (* *войти в гостиницу*), *далеко* (* *войти далеко в лес, например, доверие, душа, к нам, куда?, куда-нибудь, лифт, не в ту дверь, неожиданно, открыть* (логическая связь однородных членов предложения: *открыть и войти*), *первым, пожалуйста* (подтверждающий ответ: *войти?—пожалуйста*), *поклониться* (однородные: *войти и поклониться*), *положение* (*войти в положение*), *почта* (*войти на почту*), *прямо, решительно, робко, свалиться с неба* (скрытый сравнительный оборот: *войти как свалиться с неба*), *смело, старая гостиница* (*войти в старую гостиницу*), *сумерки* (*в сумерки*), *тихонько, улыбаясь, упасть* (однородные: *войти и упасть*), *хата, цирк*.

Как видим, из 732 реакций-ответов этой статьи (в том числе из 50 индивидуальных, с частотой 1), только одна пара S—R ВОЙТИ?—*библия*, которая в нашем скобочном комментарии отмечена знаком вопроса, квалифицируется как неответ. Такие реакции-неответы встречаются не чаще, чем в каждой третьей или четвертой статье СЛ, и их редко бывает больше одной на статью. Ср., почти исчерпывающий их перечень: ВОДА?—*перо*, ВСТРЕТИТЬ?—*вина, камень*, ВСТРЕЧА?—*пистолет*, ГОСТЬ?—*вождь*, ДЕВОЧКА?—*столы*, ПЕТЬ?—*валить*, ПИТЬ?—*сани*, ПОВОД?—*черт*, ПОКУПАТЬ?—*привет*, ПОМОЩЬ?—*яблоко*, СИЛЬНЫЙ?—*синица*, СЛЫШАТЬ?—*солнце*, СМЫСЛ?—*разлитая вода*, СУЩЕСТВОВАТЬ—*стружка*, ТОЧКА?—*немецкий язык*, УГОЛ?—*крот*, УМЕТЬ?—*поток*, ЭКЗАМЕН?—*с ним*.

Следует подчеркнуть, что предложенная интерпретация семантически и грамматически не связанных со стимулом реакций как неответов имеет смысл только при рассмотрении отношений S—R,—там, где они это допускают,—в диалоговом, или вопросоответном режиме. Такая квалификация этих «неудобных» для исследователей реакций, обычно не поддающихся интерпретации и списываемых на субъективизм испытуемого, объясняемых прихотливостью индивидуальных ассоциаций и отсутствием в части из них отчетливых закономерностей, ликвидирует последнее

«белое пятно» в ассоциативной статье и ставит точку в разумном объяснении любой реакции в ее отношениях со стимулом. Тем самым, сделанное во Введении в предположительном плане утверждение о том, что все «сущее» в ассоциативной статье «разумно», что каждая ассоциация имеет ту или иную логико-лингвистическую, коммуникативную или когнитивно-прагматическую мотивировку, получает окончательное обоснование и подтверждение.

Итак, общий обзор реакций, отношения которых со стимулом могут интерпретироваться в вопросе-ответном режиме, позволил выделить следующие типы ответов на стимул-вопрос:

- подтверждение-повтор стимула;
- опровержение-отрицание с частицей *не*;
- *да-* и *нет-*ответ;
- другие способы подтверждения (*точно, конечно, факт, пожалуйста*);
- другие способы опровержения (*не надо, не стоит, ничего, никогда*);
- отрицательно-опровергающие ответы с объяснением причины;
- оценочные;
- *я-*ответы;
- ответ вопросительным словом;
- ответ общим вопросом;
- неответ.

Типология вопросов и разновидности информирующих ответов-реакций. Этот перечень представляется внушительным, хотя и оставляет сомнения в том, что он является исчерпывающим, что в нем нашли отражение все типы ответов, возможных при восприятии испытуемым стимулов в диалоговом режиме. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в перечне отсутствует один из самых важных и распространенных ответов, то, что называют «собственно ответ», т.е. ответ, содержащий некоторую позитивную, некоторую новую информацию, — информирующий ответ. Например: — *Где находится остановка 26-го автобуса?* — *Остановка 26-го автобуса — на площади за углом.* Ассоциативные следы S—R таких вопроса и ответа могли бы выглядеть следующим образом: * *остановка — за углом* или * *автобус — площадь*. Эти пары кажутся вполне правдоподобными, более того, в АТ зафиксирована похожая пара МЕТРО — *за углом*. Однако распознать за подобными парами стимулов и реакций информирующий ответ в диалоговом режиме, как представляется, совсем не просто, поскольку размывается граница между реакцией-ответом на вопрос и реакцией-констатацией, обыкновенным утверждением. Принимая подобные пары за информирующий ответ, мы вынуждены были бы признать 75–80% всех реакций относящимися к этому типу ответов и тем самым нарушили бы исходный принцип диалогового подхода к трактовке части реакций в ассоциативной статье или анкете, а именно,

только тогда квалифицировать ту или иную ассоциацию в вопросо-ответном режиме, когда она не допускает иной интерпретации или эта иная интерпретация оказывается более сложной, т.е. требующей более изощренной реконструкции. Для того чтобы попытаться как-то разрешить эту трудность, обратимся к нашим диагностическим ассоциативным статьям и проделаем сплошной анализ их состава, специально выделяя типы реакций, которые являются ответами в вопросо-ответном режиме. При этом будем проводить там, где это возможно, сопоставление материалов СЛ с соответствующими статьями АТ.

БАБУШКА (см. состав статьи в Приложении на с. 320)

- 1) опровергающий *нет*-ответ: *нет*;
- 2) опровергающий *я*-ответ: *нет у меня*;
- 3) оценочный ответ: *хорошо*;
- 4) ответ вопросом: *у кого?*

Этими случаями исчерпываются реакции, которые соответствуют перечню типов ответов в диалоговом режиме. В той же статье АТ из этих типов ответов зафиксирован лишь один, ПОСЛЕДНИЙ – *куда?* Однако среди предикативных реакций, т.е. реакций, составляющих со стимулом ядерную структуру, в СЛ выделяются три разновидности, которые могут расцениваться как собственно ответ на реконструированный стимул-вопрос: это *где-вопрос*, *что-вопрос* и *как-вопрос*. Все они предполагают переспрос испытуемого.

Первый из них возникает в ситуации отсутствия БАБУШКИ и может быть реконструирован, т.е. может представлять ситуацию, следующим способом: «А где же бабушка?» – «БАБУШКА? Ушла». Особенность информирующих ответов вообще, в отличие от всех других их типов, в том, что они появляются не только с единичной частотой, но могут быть повторяющимися в ассоциативной статье. Так, к той же разновидности, т.е. к ответам на сформулированный выше гипотетический вопрос, мы относим реакции *умерла* (4), *далеко* (3), *ушла* (2), *придет* (1), *царство ей небесное* (1). В такой же статье АТ сюда относится одна реакция – *идет*.

Другой синтаксический примитив ориентирован на ситуацию, которая в самом вопросе создает представление о некоем конкретном событии и отношении к нему БАБУШКИ. Он интерпретируется следующим образом: «А что же бабушка?» – «БАБУШКА? Ругается». В этом ряду ответов в статье СЛ стоят – *сердится, это не дедушка, ей 70 лет*.

Наконец, третья разновидность реакций, также сообщая определенную информацию, служит ответом на гипотетический вопрос о состоянии, самочувствии БАБУШКИ: «Как бабушка?» – «БАБУШКА? Хорошо». В этом же ряду в СЛ – *болеет, умрет скоро*, а в АТ – *ничего, болела*.

Не нужно думать, что сам предикативный характер реакции делает возможной ее интерпретацию как информирующего от-

вета на стимул-вопрос. Если бы дело обстояло так, то при реконструировании подобных вопросов для всех реакций-финитных форм глагола мы уже не обошлись бы синтаксическими примитивами, а вынуждены были вкладывать существенную информацию в сам гипотетический вопрос. Например, такие предикативные реакции из рассматриваемой статьи, как *рассказывала, вяжет, вспомнила*, требуют построения для каждой из них своей, далеко не примитивной вопросной ситуации, и потому они не могут интерпретироваться в вопросе-ответном режиме, а получают в своих отношениях со стимулом иной статус—предикативной модели двух слов.

Обратимся к другой статье со стимулом-существительным из наших диагностических матриц.

БИЛЕТ

- 1) ответ-подтверждение повтором: БИЛЕТ?—*билет*;
- 2) две разновидности ответа-опровержения: БИЛЕТ?—*нет*;
БИЛЕТ?—*без билета*;
- 3) отрицательный я-ответ: БИЛЕТ?—*не знаю*.
- 4) ответы вопросом на вопрос: БИЛЕТ?—*какой? ; какой билет? ; куда?*

Из информирующих ответов на вопросы-примитивы *что?—где?—как?* в СЛ встречаются только две разновидности: «Что билет?»—«БИЛЕТ? Возьми», «Что билет?»—«БИЛЕТ? Покупай», «Как билет?»—«БИЛЕТ? Купила». (То же—*купил, куплен*, а в соответствующей статье АТ—*купили*.) Кроме того, в АТ есть одна реакция-ответ на *где*-примитив: «Где билет?»—«БИЛЕТ? Потерялся». Однако в этой же статье—и в СЛ, и в АТ—обнаруживается еще одна разновидность информирующего ответа, содержащего выводное знание: «БИЛЕТ? Контрамарка», «БИЛЕТ? Пропуск». Такого типа ответы интерпретируются как а) опровергающие (БИЛЕТ?—*нет, не билет*) и б) информирующие (*не билет, а контрамарка*).

С точки зрения лексико-семантических отношений между стимулом и реакцией пары БИЛЕТ—*контрамарка* и БИЛЕТ—*пропуск* являются антонимами, а с позиций вопросо-ответного режима они получают альтернативную интерпретацию как синтаксический примитив-ответ. Не ставя задачу как-то обосновать выбор одного или другого решения как единственно правильного в подобных случаях, мы бы хотели подчеркнуть факт двойной интерпретации как еще одно свидетельство зыбкости и текучести границ между лексическим и грамматическим, на основании которой мы и строили нашу исходную гипотезу, и сделать акцент на том, что грамматические свойства так далеко простирают свое влияние, что в сферу их интерпретации вовлекаются и исконно лексические феномены—антонимы и, как мы увидим ниже, синонимы.

Такие информирующие ответы с выводным знанием особенно широко представлены в глагольных ассоциативных статьях.

БЕЖАТЬ

- 1) выводной информирующий ответ: БЕЖАТЬ? – *(не бежать, а), идти, стоять, идти шагом, лежать, сидеть*; в АТ соответственно имею – *идти, стоять, лежать*;
- 2) подтверждение повтором: БЕЖАТЬ? – *бежать ото всех*;
- 3) опровержение с объяснением причины: БЕЖАТЬ? – *ноги подгибаются*; в АТ на этом месте – опровержение отрицанием: БЕЖАТЬ? – *нельзя*;
- 4) я-ответ с подтверждением: БЕЖАТЬ? – *убегу*;
- 5) ответ вопросом на вопрос: БЕЖАТЬ? – *от чего?; куда?*; в АТ – *куда?*.

ВИДЕТЬ

- 1) выводной информирующий ответ: ВИДЕТЬ? – *(не видеть, а) слышать*; в АТ то же;
- 2) подтверждение повтором: ВИДЕТЬ? – *видеть*;
- 3) опровержение отрицанием: ВИДЕТЬ? – *не видеть, всем не видно*;
- 4) ОЦЕНОЧНЫЙ: ВИДЕТЬ? – *хорошо бы*;
- 5) вопросом: ВИДЕТЬ? – *что?* (то же в АТ);
- 6) я-ответ (только в АТ): ВИДЕТЬ? – *хочу*.

ОБЕЩАТЬ

Эта статья интересна тем, что ни один антоним в ней не интерпретируется как выводной информирующий ответ, а значит, нет прямой механической зависимости между принадлежностью реакции к данной лексической категории по отношению к стимулу и возможностью ее двойной – грамматической и лексико-семантической – интерпретации. В частности, антонимы в этой статье таковы – *ВЫПОЛНИТЬ, ИСПОЛНИТЬ, СДЕЛАТЬ*. Другая особенность статьи заключается в том, что обычные средства подтверждающего или опровергающего ответа, имеющиеся в ней (и в СЛ, и в АТ) – *надо, не надо, нельзя, нечего*, а также оценивающего ответа – *глухо, можно, напрасно, трудно, лучше не надо*, – не могут трактоваться в вопросо-ответном режиме, так как допускают более простую интерпретацию, образуя со стимулом модель двух слов (ОБЕЩАТЬ *не надо* или, с меной порядка слов, *не надо* ОБЕЩАТЬ и т. п.). То же касается и единственной реакции, которая по форме могла бы идентифицироваться как я-ответ – *не буду*, – но на деле тоже составляет со стимулом довольно употребительную модель двух слов (*не буду обещать, но...*). В итоге к диалоговому режиму в этой статье можно лишь отнести:

- 1) опровергающий ответ: ОБЕЩАТЬ? – *некому, никогда, ничего не будет*; в АТ – *ничего*;
- 2) ответ вопросом (только в АТ): ОБЕЩАТЬ? – *что?*

Последний глагол-стимул из наших диагностических статей принадлежит АТ и зафиксирован в финитной форме. Здесь мы впервые встречаемся с информирующим ответом-подтверждением, выражаемым синонимом к вопрос-стимулу.

ДУМАЕТ

- 1) ответ-подтверждение: ДУМАЕТ?– (да,..) *мыслит, (да,...) размышляет, (да, ...) соображает*;
- 2) информирующий выводной ответ-опровержение: ДУМАЕТ?– (не думает, а) *мечтает*.

Подтверждающе-информирующие и опровергающе-информирующие реакции-ответы широко представлены в статьях со стимулами-прилагательными. Анализ несколько большего, чем включают диагностические матрицы, числа таких статей позволил установить, что информирующие-подтверждающие ответы могут выражаться не только синонимами, т.е. той же частью речи, но и другими частями речи. Так, в статье БОЛЬШОЙ, наряду с обычными ответами-подтверждениями *огромный, громадный* (те же два в АТ), а также *длинный, высокий, колоссальный, не маленький, необъятный*, встречаем также подтверждение наречием – *очень* (то же в АТ) и существительными – *гигант, великан*. Среди ответов-опровержений – *маленький, средний, крошечный, мизерный* и соответственно в АТ – *маленький, мальй*.

ДОБРЫЙ

- 1) подтверждение повтором: ДОБРЫЙ?– *добрый, очень добрый*;
- 2) да-ответ: ДОБРЫЙ?– *да*;
- 3) подтверждающе-информирующий ответ: ДОБРЫЙ?– *ласковый, мягкий, не злой, сердечный, щедрый*; в АТ – *ласковый, мягкий, не злой, отзывчивый, хороший*;
- 4) опровергающе-информирующий ответ: ДОБРЫЙ?– *злой, недобрый* (ант.); *не очень* (другая часть речи – наречие); в АТ – *злой, злобный*;
- 5) оценочный ответ: ДОБРЫЙ?– *очень хорошо*.

БЕЛЫЙ

- 1) подтверждение повтором (только в АТ): БЕЛЫЙ?– *белый*;
- 2) подтверждающе-информирующий ответ: БЕЛЫЙ?– *не снег только*;
- 3) опровергающе-информирующий ответ: а) антонимом – БЕЛЫЙ?– *черный, красный, синий, серый, цветной* и в АТ – *черный, красный, зеленый, серый, розовый*; б) антонимом к другому ЛСВ – БЕЛЫЙ?– *негр*.

На этом кончаются диагностические ассоциативные статьи, по которым можно было проводить сравнение между СЛ и АТ. Мы могли убедиться, что реакции АТ, интерпретируемые в вопросо-ответном режиме, дают хорошее совпадение с соответствующими реакциями СЛ. Анализ оставшихся диагностических статей, принадлежащих только АТ, не добавляет ничего нового к типам реакций-ответов, но привести этот материал, хотя бы вкратце, нам кажется целесообразным, поскольку он расширяет диапазон приложения синтаксических вопросо-ответных примитивов на все части речи.

ЭТО – 1) информирующе-опровергающий – *то*; 2) вопросом – *не так, что?; что?* САМ – 1) подтверждающий (иной частью речи) – *один, без помощи*; 2) опровергающий – *не сам, нет*. ПЕРВЫЙ – 1) опровергающе-информирующий – *второй, третий, последний, десятый*; 2) подтверждающий – *точно*. СОРОК – 1) подтверждающий повтором – *сорок, 40*; 2) опровергающе-информирующий – *пятьдесят, двадцать, 100, 35, 50*. ТЫ – опровергающе-информирующий – *я, он, вы, они, она*. ИЗ – опровергающе-информирующий в. ЧИЩЕ – 1) повтором – *чище*; опровергающе-информирующий – *грязнее*. ВОТ – 1) да-ответ; 2) нет-ответ. ВМЕСТЕ – 1) подтверждение-повтор – *вместе*; 2) вопросом – *с кем?* 3) отрицанием – *никогда*; 4) опровергающе-информирующий ответ – *вдвоем, врозь, отдельно, поодиночке, порознь*.

Подводя итоги рассмотрению и квалификации части реакций в ассоциативной статье или анкете как ответов на вопрос-стимул, мы должны констатировать, что в АВС запечатлены не только следы текстуальных связей слов-реакций в виде их морфологического варьирования, но и обнаруживаются следы диалоговых отношений. Позиция диалогового режима дает возможность найти рациональную основу для интерпретации связей, алогичных с линейно-синтагматической или семантико-парадигматической точек зрения. Тем самым с ассоциаций и с АВС в целом снимаются последние подозрения в их хаотичности, бессистемности, не обязательной обусловленности.

§ 3. МОДЕЛИ ДВУХ СЛОВ

Типы отношений в грамматически оформленных словосочетаниях SR. Предмет рассмотрения в этом разделе не требует предваряющих пояснений: сочетания слов всякого рода так или иначе затрагивались ранее, при анализе морфологических характеристик реакций, поскольку в значительной части моделей двух слов находят выражение грамматические, т. е. морфологические, категории. При установлении степени грамматикализации ассоциативной статьи существенная доля падала как раз на словосочетания, поэтому здесь нет необходимости начинать с демонстрации их наличия, разнообразия в АВС, и даже строить исчисление их типов вряд ли целесообразно, потому что и приводимые ранее, и последующие примеры, как и вынесенный в Приложение материал, легко убедят читателя, что если понадобится провести их классификацию, в ней найдут место и все структурные типы (простое – сложное, членимое – нечленимое), и все лексико-грамматические типы (глагольно-субстантивное, глагольно-инфинитивное, адъективно-субстантивное и т. д.), и все многообразие синтаксических связей между компонентами (согласование, виды управления, примыкание) с полным набором грамматических средств связи между словами и синтаксических отношений (объектные, субъектные, определительные и т. д.) между ними. Естественно, что это утверждение справедливо при двух обяза-

тельных посылках, которые мы считаем само собой разумеющимися и которые сформулированы во вступлении к этой главе: 1) модель двух слов формируется, как правило, при участии стимула, т.е. грамматически зависима от него, хотя и возможны случаи появления в ассоциативных статьях сочетаний с необязательной зависимостью от стимула (ДОБРЫЙ — человек из *Сецуана*, ДЯДЯ — *хороший человек*, ПОМОГАТЬ — *готовить ужин*), сочетаний, которые в отрыве от него обладают грамматической самостоятельностью, а в соединении с ним могут составлять или не составлять (МАСТЕР — *ящик с инструментами*) сложное словосочетание; 2) говоря о совпадении классической классификации словосочетаний с набором их разновидностей, извлеченным из АВС, мы, конечно, имеем в виду все разнообразие стимулов, представленное не только в СЛ, но и в АТ, поскольку в последнем, помимо всех знаменательных, есть и вспомогательные части и частицы речи, а тип словосочетания, в частности, зависит и от типа входящих в него составляющих.

Дальнейшее изложение, как нам думается, покажет обоснованность использования здесь термина Н. И. Жинкина «модель двух слов» вместо общепринятого «словосочетание»: ведь к числу словосочетаний грамматики не относят обычно однородные члены предложения, некоторые сочетания с причастиями из-за их полупредикативности и др., тогда как нами они квалифицируются как «модели двух слов». Вместе с тем, мы отдаем себе отчет в условности оперирования и нашим термином, потому что, строго говоря, под это понятие должны были бы подходить также сочетания типа *в кино, о детстве, очень добрый, хорошо бы*, которые на самом деле мы рассматриваем в разделе «Морфология», а с другой стороны, в этот разряд мы зачисляем часто и синтаксические соединения более чем двух слов (ЗАПИСАТЬ — *в записную книжку*, т.е. «записать в записную книжку»; ЗЕМЛЯ — *черное вспаханное пространство*, ПРОСТОЙ — *отзывчивый человек*, т.е. «простой отзывчивый человек» и т.п.), трактуемые в грамматиках как сложные словосочетания.

С учетом сделанных замечаний, обратимся к сплошной росписи ряда статей СЛ и АТ с целью иллюстрировать некоторые типы как явных, так и скрытых, реконструируемых (т.е. примитивов) синтаксических связей и синтаксических отношений в понимаемых указанным образом моделях двух слов и тем пролить свет на степень отражения синтаксиса словосочетаний в АВС. Для иллюстрации выберем, разумеется, статьи со стимулами разных частей речи и проведем подсчеты, не ставя задачей получение определенных количественных характеристик на представительных выборках ассоциативного материала, а апеллируя лишь к качественно-статистическому механизму оценок, свойственному каждому носителю и, надеюсь, исследователю русского языка. Итак, три статьи из СЛ.

ВСПОМИНАТЬ: все типы отношений реакций со стимулом в этой статье укладываются в следующий перечень.

1. Сильное беспредложное управление, реакция представляет собой актант-прямой объект: *вспоминать прошлое, тебя, друга, школу, что было, Витю, какую-нибудь вещь ...* — всего 445 реакций-моделей двух слов.
2. Сильное предложное управление, реакция представляет собой актант-косвенный объект: *вспоминать о прошлом, о тебе, о дружбе, о Москве ...* — всего 100 реакций этого типа.
3. Примыкание: а) раскрывающее сирконстантную структуру стимула по линиям — как; когда; где; чем: *вспоминать интересно, с сожалением; по ночам; далеко; добром. ...* — всего 30 реакций; б) превращающее сам стимул в сирконстант, с опережением его реакцией: *ВСПОМИНАТЬ — ушла > ушла вспоминать*.
4. Однородные со стимулом члены предложения (причем предложение, конечно, мыслится потенциальное). Сложность при установлении этого типа отношений заключается в том, что «однородность» реакции может быть выражена не только явно, но может, — и это охватывает большинство случаев, — быть имплицитной, т.е. требовать реконструкции, а значит, представлять собой синтаксический примитив. Так, в рассматриваемой статье мы имеем, с одной стороны, *ВСПОМИНАТЬ — и думать*, а с другой, — *ВСПОМИНАТЬ — мучиться, ВСПОМИНАТЬ — рассказывать, ВСПОМИНАТЬ — размышлять, ВСПОМИНАТЬ — плакать, ВСПОМИНАТЬ — сидеть, ВСПОМИНАТЬ — думать* и т.п., где союз и между стимулом и реакцией отсутствует, но легко восстанавливается, передавая отношения либо следования во времени, либо причинно-следственные, либо просто соположения — сочинения и перечисления. Этот реконструируемый союз может либо следовать за стимулом, либо предшествовать ему, если реакция «опережает» стимул, например, *сидеть* и *вспоминать*. Реакций, квалифицированных в этой статье как однородные члены предложения, насчитывается 22. Заметим попутно, что для однородных членов предложения протетический союз и в принципе может быть и не вербализован, и тогда при интерпретации мы просто потеряем дополнительные, привносимые им смыслы следования или причины, сохранив, правда, при наличии интонации перечисления, отношения «однородности» между стимулом и реакцией: *вспоминать, рассказывать; вспоминать, плакать; сидеть, вспоминать* и т.п.

На этом заканчиваются в рассматриваемой статье отношения, которые отвечают признакам и условиям явно выраженных моделей двух слов, а далее следуют иные типы грамматических и семантических связей между стимулом и реакцией, причем часть из них была описана нами ранее, тогда как другие еще предстоит рассмотреть. Но чтобы исчерпать весь состав статьи и тем показать, что в ней нет неинтерпретируемых отношений, не будем ограничиваться дополнением рассмотренного только неявными, реконструируемыми моделями двух слов, а приведем оставшиеся разновидности отношений полностью.

5. Реакции в вопросе-ответном режиме: *вспоминать — забыть, вспоминать — что, вспоминать — вспоминать о счастье, вспоминать — хочу* и т.д. — всего 52 ответа.
6. Словообразовательные отношения (т.е. гнездо от стимула, причем, как отмечалось в соответствующем разделе, дериваты могут группироваться в гнездо при неразличении синхронических и диахронических связей между ними): *ВСПОМИНАТЬ — вспомнить, запомнить, помнить, воспоминания, память* — суммарная частота дериватов 18.
7. Дефиниция стимула (подробнее см. ниже): *ВСПОМИНАТЬ — заглянуть в прошлое*.
8. Неоформленные грамматически реакции, которые с помощью одношаговой трансформации могут быть превращены в актанты стимула — в данном случае, объекты и/или субъекты действия: *вспоминать — война, школа, беседа, бабушка, книга, боец ...* (ср. *вспоминать о войне, вспоминать бабушку, боец вспоминает*) — всего 13 реакций.

Здесь мы впервые встречаемся с одной из разновидностей синтаксического примитива модели двух слов, связывающего

глагол и его актанта и допускающего варьирование для одушевленных имен существительных, которые могут быть как агенсом, так и объектом обозначенного стимулом действия, а неодушевленные — выступать в роли прямого или косвенного объекта. Признаки синтаксического примитива в паре слов *вспоминать — школа* я усматриваю в том, что путем простейшего преобразования одного из членов пары мы легко получаем осмысленное словосочетание, которое не просто оказывается правильным грамматически, но очень правдоподобно отражает и типовую жизненную ситуацию, хорошо знакомую каждому носителю языка. Естественно, это одношаговое преобразование нулевой формы реакции-существительного в падеж, скажем, прямого объекта как бы подготовлено общностью лексической семантики и грамматической потенции стимула и реакции. Если представить себе такой мысленный эксперимент, в котором носителям языка будут предьявлены пары деграмматизированных слов типа *вспоминать — война* с предложением построить из них грамматически правильные словосочетания, то в исходе его не придется сомневаться. Одновременно такой результат мысленного эксперимента подсказывает нам, что подобные пары могут рассматриваться в ассоциативных анкетах и как результат обратной, противоположной процедуры, т. е. процедуры деграмматикализации, или превращения грамматически оформленного словосочетания в пару соположенных, приведенных к нулевой форме, лемматизированных слов. Тогда ситуацию, в которой находится испытуемый в ассоциативном эксперименте, можно представить и таким образом, что в ответ на стимул он берет из своей языковой памяти «готовое», грамматически связанное сочетание, например, *вспоминать о войне*, и «разбирает» его на «кирпичики» — составляющие, стремясь максимально точно выполнить задание экспериментатора: ответить на стимул анкеты одним словом. А вот этот самый «разбор» на составляющие оказывается весьма неоднозначным. Так, для одних испытуемых составляющей будет словоформа «о войне» (ср. тип 2 на с. 212), для других — «войну» (тип 1), для третьих модель может показаться вообще неразложимой (ср. реакцию *вспоминать о счастье* в типе 5), наконец, возможен и случай, который мы сейчас разбираем: **ВСПОМИНАТЬ — война**. Значит, восстанавливая это разрушенное в момент эксперимента словосочетание, эту модель двух слов, мы только воспроизводим доэкспериментальную ситуацию в состоянии АВС испытуемого, для которого, следовательно, написанное им в анкете **ВСПОМИНАТЬ — война** равно хранимому в его АВС *вспоминать войну* или /и *вспоминать о войне*. Вот такую и подобные ситуации я и буду называть в дальнейшем подлежащими реконструкции синтаксическими примитивами, подчеркнув, что восстанавливаться может все то, образцы для чего имеются в АВС, т. е. в анкетах или статьях ассоциативного словаря.

Понимаемый разъясненным образом синтаксический прими-

тив выступает как способ преодоления нечистоты эксперимента, влияния на его результат прибора (т.е. анкеты) и установки экспериментатора, ориентирующего испытуемого на реагирование одним словом (см. инструкцию, которую дает испытуемым перед заполнением анкеты проводящий эксперимент, в Приложении).

Из 8 типов отношений стимула и реакции в статье СЛ ВСПОМИНАТЬ четыре типа — две разновидности управления, примыкание и однородные члены предложения — составляют эксплицитные модели двух слов, охватывая в совокупности 601 реакцию из 687, соде́л жасшихся в ней. Статистика, как мы видим, весьма показательная: модели двух слов, даже без учета соответствующего синтаксического примитива (тип 8), в статье со стимулом-инфинитивом оказываются преобладающими среди всех реакций.

В статьях со стимулами-существительными обнаруживается гораздо бóльшая неопределенность, поскольку имя не задает такой жесткой структуры отношений, как глагол в предложении, а предполагает значительную свободу выбора в синтаксических связях его с другими словами. Отсюда и большее разнообразие типов отношений в статье, например, ГОЛОС, к рассмотрению которой мы теперь переходим.

1. Согласование: реакция представляет собой атрибут, выраженный прилагательным, местоимением или причастием, а суммарная модель двух слов является определительным словосочетанием — с меной SR местами или без нее: ГОЛОС — *звонкий, родной, веселый, внушающий, человеческий* ... — всего 454 реакции-определения.

2. Управление, при котором стимул является управляющим, а реакция представляет собой атрибут, выраженный именем или местоимением, обозначающим принадлежность (владельца «голоса» или его источник): ГОЛОС — *Америки, совести, всевышнего, его, водных глубин* ... — всего 82 реакции.

3. Управление, при котором управляющей является реакция, опережающая стимул, а последний выступает в роли актанта — прямого объекта: ГОЛОС — *потерять, слышать, подать, имеет, подал* ... — всего 29 реакций.

4. Согласование, где стимул выступает как агенс, субъект действия, а реакция — как предикат, причем во всех случаях в данной статье выраженный финитной формой глагола: ГОЛОС — *прорезался, поет, охрип, раздался* — всего 6 реакций.

5. Примыкание, характеризующее сирконстантную структуру стимула по признакам «где», «откуда»: ГОЛОС — *издалека, сверху, в пустыне, из темноты, по радио* ... — всего 13 реакций.

6. Примыкание, характеризующее сирконстантную структуру синтаксического примитива, образованного постановкой между стимулом и реакцией связки *звучит*, которая выражает неотъемлемый атрибут стимула ГОЛОС; примитив характеризуется по признаку — как: *громко, жалобно, звонко, холодно* — всего 11 реакций.

7. Однородные члены предложения: ГОЛОС — *[и] слух* — 1 реакция.

8. Синтаксический примитив сравнительного оборота: ГОЛОС — *труба > голос как труба* — 1 реакция. Надо сказать, что этот синтаксический примитив довольно распространенное явление в ассоциативных статьях с самыми разными стимулами: ср. реально зафиксированные реакции БЕЛЫЙ — *как медведь* и БЕЛЫЙ — *медведь*, БЕЛЫЙ — *как стена* и БЕЛЫЙ — *стена*, БЕЖАТЬ — *[как] ветер*, ВРЕМЯ — *[как] сказка*, ГОЛОВА — *[как] кочан*, СТОЯТЬ — *как пень*, ВОЙТИ — *[как] свалиться с неба* и т. п.

В данной статье из общего числа 18 типов отношений между

стимулом и реакцией 8 реализуются в моделях двух слов и составляют 597 реакций из общего числа 773 ответа.

Что касается остальных типов отношений, то они таковы:

9. Реакции в вопросо-ответном режиме: ГОЛОС — *сопрано, бас, контральто* и т. п., (неответ): *мост, делать, веревка*; всего в вопросо-ответном режиме 31 реакция.
10. Грамматически неформальные реакции, которые одношаговой трансформацией преобразуют стимул в управляющий член сочетания, а реакцию — в подчиненный ему, выражающий отношение принадлежности (ср. выше, в этой же статье, тип. 2). Иначе, этот и подобные ему типы отношений можно представить и «зеркальным» образом: мы относим к нему такие модели двух слов, в которых второй, зависимый член словосочетания деграмматизирован, и эта операция легко поддается реконструкции, поскольку указанная грамматическая зависимость между составляющими поддерживается семантикой соответствующих лексем. Ср. ГОЛОС — *певец > голос певца*, ГОЛОС — *Магомаев > голос Магомаева*, ГОЛОС — *правда > голос правды*, *голос света*, *голос диктора* и далее: *певица, жenuшка, Карузо, лебедь, лес, прокурор*... — всего 46 реакций.
11. Реакции, предполагающие путем одношаговой трансформации стимула превращение его в зависимый, управляемый член, актант действия: ГОЛОС — *звать > звать (...)* *голосом*, ГОЛОС — *петь > петь (...)* *голосом*, ГОЛОС — *пробудиться > пробудиться от (...)* *голоса* и т. п. — всего 19 реакций. Как видим, этот синтаксический примитив предполагает при его полной вербализации еще некоторую дополнительную характеристику стимула, например: *звать тихим голосом*, *крикнуть тонким голосом*, *петь полным голосом*, *пробудиться от его голоса* и т. п., хотя разговорный, свернутый, стиль общения допускает, видимо, и конструкции без прилагательного.
12. Реакции, противоположные по отношению к типу 10, т. е. интерпретирующие сам стимул как деграмматизированную форму, которая реконструируется в зависимый от реакции член словосочетания: ГОЛОС — *звук > звук голоса*, ГОЛОС — *тембр > тембр голоса*, ГОЛОС — *звонкость > звонкость голоса* и т. п. — всего 28 реакций.
13. Реакции, интерпретируемые путем синтаксической примитивизации как сирконстанты стимула: ГОЛОС — *репродуктор > голос из репродуктора*, ГОЛОС — *сцена > голос со сцены*, ГОЛОС — *эфир > голос в эфире* и т. п., так же для реакций *концерт, связь (> по связи), могила* — всего 9 реакций.
14. Словообразовательные отношения: ГОЛОС — *голосовать, голосовые связки* — всего 2 реакции.
15. Рифма: ГОЛОС — *волос, колос*. Сюда же, видимо, следует отнести синтаксический примитив модели двух слов, образованной не со стимулом непосредственно, а с рифмованной с ним реакцией: ГОЛОС — *дыбом*, очевидно, через промежуточные ступени, через реконструируемый примитив — *голос — волос — дыбом*; к этому типу относим 5 реакций.
16. Синтаксический примитив дефиниции (реконструируется постановкой связки *это*) или объяснительного суждения (реконструируется постановкой связки *значит* между стимулом и реакцией): ГОЛОС — *песня, пение, крик, шепот, шум, эхо* и т. п. — всего 23 реакции.
17. Идиома: ГОЛОС — *глас вопиющего в пустыне* (1 реакция).
18. Прецедентный текст: ГОЛОС — *твой голос для меня и ласковый* ... (1 реакция).

В данной статье несколько реакций не получили интерпретации ни в рамках эксплицитной модели двух слов, ни путем восстановления таких моделей с помощью синтаксических примитивов; это вошедшие в статью названия частей тела человека: *рот, голова, язык* с суммарной частотностью 5 ответов. Хотя, может быть, и с некоторой натяжкой, названные реакции вписываются в синтаксический примитив однородных членов по аналогии с единственным бесспорным представителем этого типа отношения в статье (ср. выше *голос и слух*).

Наконец, в последней намеченной к полной росписи статье

стимулом является имя прилагательное – ДЕТСКИЙ. Здесь из 7 типов отношений между стимулом и реакциями эксплицитную модель двух слов составляет лишь один тип, включающий, правда, подавляющее большинство реакций – 631 из 795.

1. Согласование, в котором стимул выступает атрибутом, а реакция – носителем заданного признака: ДЕТСКИЙ – *лепет, билет, рассказ, облик, стол, язык* – всего 631 реакция.
2. Словообразовательные отношения: *детское, детство, детей* – всего 3 реакции.
3. Реакции в вопросо-ответном режиме: ДЕТСКИЙ – *взрослый, ребячий, какой, жаль, время вышло, шесть лет ...* – всего 70 реакций.
4. Синтаксический примитив объяснительного суждения, реконструируемый с помощью связи *значит* между стимулом и реакцией: ДЕТСКИЙ – *маленький, веселый, приятный, розовый, милый, несовершенный, смешное ...* – всего 47 реакций.
5. Синтаксический примитив дефиниции стимула, реконструируемый с помощью связи *это* между стимулом и реакцией: ДЕТСКИЙ – *ребенок, сын, малютка, сестра, лепетать* – всего 16 реакций.
6. Синтаксический примитив определительного словосочетания, в котором стимул выступает как деграмматикализованный атрибут, рассогласованный с реакцией в роде или числе (ср. тип 1 здесь же): ДЕТСКИЙ – *коляска, игрушки, кукла, мыло, туфли, рассуждение, ясли, комната ...* – всего 28 реакций.
7. Идиома: ДЕТСКИЙ – *устаи детей глаголет истина*.

Корреляция грамматически оформленных словосочетаний с синтаксическими примитивами. Если исключить рассмотренные ранее отношения стимула и реакции в вопросо-ответном режиме, словообразовательные связи и рифму, а, кроме того, также дефинитивные отношения, объяснительные формулы, идиомы и прецедентные тексты (нам еще предстоит их рассмотреть), то в качестве предмета для обсуждения у нас останутся модели двух слов и синтаксические примитивы моделей, зафиксированные в ассоциативных статьях в виде свернутых, деграмматикализованных словосочетаний. Каждый примитив, согласно определению, некоторым простым способом может быть преобразован в модель двух слов, и правомерность подобной восстановительной процедуры удостоверяется естественностью получаемого в результате словосочетания и наличием в числе реакций таких, которые составляют аналогичную модель со стимулом. Ср. ряды соотносимых пар, в которых первой дается модель двух слов из соответствующей ассоциативной статьи, а второй – синтаксический примитив из той же статьи, поддающийся преобразованию в эту модель: ВСПОМИНАТЬ – *прошлое, друга, школу* vs. ВСПОМИНАТЬ – *школа, бабушка*; ВСПОМИНАТЬ – *и думать, и думать* vs. ВСПОМИНАТЬ – *думать*; ГОЛОС – *певицы, совести* vs. ГОЛОС – *певец, правда*; ГОЛОС – *издалека*; ГОЛОС – *репродуктор*; ГОЛОС – *прорезался* vs. ГОЛОС – *звать, петь*; ДЕТСКИЙ – *велосипед* vs. ДЕТСКИЙ – *коляска*; БЕЖАТЬ – *до троллейбуса* vs. БЕЖАТЬ – *троллейбус*; БЕЖАТЬ – *по тропинке* vs. БЕЖАТЬ – *тропинка*; БАБУШКА – *седая, старая* vs. БАБУШКА – *седой, старый*; БАБУШКА – *дедушка* vs. БАБУШКА – *дедушкой*; БАБУШКА – *вяжет, придет* vs. БАБУШКА – *держаться, читать*; БЕЛЫЙ – *как стена* vs. БЕЛЫЙ – *стена, простыня, сажка*; ВИДЕТЬ – *картину, звезды* vs. ВИДЕТЬ – *мечта, губа*.

Естественно, далеко не в каждой ассоциативной статье реализованные в ней модели двух слов однозначно соотносятся с коррелирующими синтаксическими примитивами: в одних случаях для модели двух слов не обнаруживается соответствий в составе синтаксических примитивов, в других, наоборот, синтаксические примитивы, отвечая требованиям одношагового преобразования в нормальное словосочетание, не находят своих пар в числе вошедших в статью моделей двух слов. Такая асимметрия между моделями двух слов и соответствующими им синтаксическими примитивами, свойственная одной ассоциативной статье, нейтрализуется, исчезает в масштабе всей АВС. Покажем это на примере статьи СЛ БИЛЕТ, поместив в левой половине страницы реально зафиксированные в статье модели двух слов, а справа — соотносительные синтаксические примитивы с комментариями в скобках, если это необходимо.

БИЛЕТ

1) <i>в кино, в театр, на поезд, на самолет, на концерт, на экзамене</i>	<i>кино, театр, поезд, самолет, концерт, экзамен</i>
2) <i>проездной, трамвайный, экзаменационный, лотерейный</i>	<i>проезд, экзамен, трамвай, лотерея</i>
3) <i>в кассе</i>	<i>касса, карман, шапка; кассир (т. е. «билет у кассира»), парта («билет на парте» — имеется в виду ситуация на экзамене)</i>
4) <i>Ѹ</i>	<i>отъезд (> «билет на отъезд»), ехать (> «билет; чтобы ехать»)¹, человек (> «билет для человека»), контролер (> «билет — контролеру»)</i>
5) <i>Ѹ</i>	<i>путевка («БИЛЕТ и путевка», например, в санаторий); тетрадь («БИЛЕТ и тетрадь» — на экзамене); карта («БИЛЕТ и карта», например, в туристской поездке); платок («БИЛЕТ и платок», например, при прощании на вокзале).</i>

Первые пять моделей строятся на основе неизменяемого стимула и содержательно охватывают как бы его внешние характеристики и свойства. Три из них имеют соотносительные пары в самой статье, отражающие тот же тип словосочетания: *билет куда, билет какой и билет где*. Четвертый тип, выражающий предназначенность билета, что грамматически может передаваться, как

¹ Этот, как и прочие синтаксические примитивы, выходящие за рамки моделей двух слов, подробнее рассматриваются далее.

мы видим, самыми разными средствами, не имеет в данной статье соответствия среди моделей двух слов, однако аналогичные разновидности моделей фиксируются в других статьях СЛ и АТ. Ср., в СЛ: БУМАГА—на курсовую, РАБОТАТЬ—на благо общества, СДАВАТЬ—на стипендию; в АТ: ТРУД—на благо, СПОР—на деньги, МИНУТУ—на раздумье, ПЕРЕДАТЬ—на билет, ДЕНЬГИ—на цель. То же самое для другой разновидности семантического примитива: ВЕРНУТЬСЯ—чтобы понять, ПОЯВИТЬСЯ—чтобы снова исчезнуть (СЛ); ПРИЙТИ—чтобы остаться, ПОПРОБОВАТЬ—чтобы знать, МОЛОТОК—чтобы ударять (АТ). Словосочетания двух существительных с предлогом для с тем же смыслом предназначенности очень многочисленны в АВС: КАРМАН—для денег, ПОЛКА—для книг, ИСКУССТВО—для народа, МУКА—для пирога (АТ). Наконец, последняя разновидность синтаксического примитива и соответствующей модели двух слов билет—контролеру (пункт 4 встречается довольно редко, но тем не менее в АВС зафиксирована: ИСКУССТВО—народу (АТ).

Что касается пятого типа моделей (см. с. 217), предполагающего однородные члены предложения, то распространенность его в АВС не вызывает, видимо, у читателя сомнения, которое не должно возникнуть и из-за его отсутствия в данной статье. Достаточно сказать, что реакции, вводимые союзом *и*, т.е. представляющие собой, как правило, однородный со стимулом член предложения, занимают в обратном словнике АТ номера от 6870 до 7442: ЛАМПА—и абажур, ФЛОТ—и армия, ЧИСТЫЙ—и белый, НАДЕЯТЬСЯ—и верить, ДЛИННЕЕ—и быстрее, СЕБЯ—и вас и т.д. Не менее значительно их число и в СЛ: ЛИТЕРАТУРА—и живопись, ЖИТЬ—и учиться, МАТЬ—и отец, ПРИЙТИ—и уйти и т.п. (См. также раздел «Морфология»).

В отличие от комментированных до сих пор моделей и синтаксических примитивов, касавшихся внешних характеристик стимула БИЛЕТ и не менявших при их оформлении грамматического статуса самого стимула (именительный падеж, единственное число), препозиция по отношению к реакции, все прочие—как реальные (модели двух слов), так и потенциальные (синтаксические примитивы)—словосочетания в этой статье требуют для приведения их к выражению той или иной манипуляции со стимулом, поскольку вскрывают как бы внутренние, сущностные свойства БИЛЕТ'а. Общая для всех этих, с шестой по девятую, моделей черта—постпозиция стимула.

БИЛЕТ

6) *купить, возьми, куплен, тянуть, писать* (имеется в виду на экзамене)

7)

деньги (т.е. деньги на БИЛЕТ), *полтинник* (на БИЛЕТ), *драка* (из-за БИЛЕТ'а), *зайти* (за БИЛЕТ'ом)

- 8) *вопрос* в БИЛЕТ'е или БИЛЕТ'а, *ряд* (в БИЛЕТ'е)
- 9) *номер* (БИЛЕТ'а), *цена* (БИЛЕТ'а), *пол* (БИЛЕТ'а), *нет* (БИЛЕТ'а), *контроль* (БИЛЕТ'ов)

Шестая модель требует мены местами стимула и реакции, превращая стимул в объект прямого воздействия глагола-реакции. Естественно, что эта модель не может иметь коррелята среди синтаксических примитивов. Седьмая модель, наоборот, преобразуя стимул в косвенный объект, требующий предложного управления, может быть передана только с помощью синтаксического примитива, хотя допускает и эксплицитное воплощение в случае повторения стимула в составе реакции, примеры чему находим и в СЛ: ГЛАЗ—*красивые глаза*, ТЕЧЕНИЕ—*плыть по течению*, и в АТ: МАГАЗИНА—*вывеска над магазином*, ПИВУ—*графин с пивом*. Восьмая модель преобразования синтаксического примитива предполагает интерпретацию стимула как «содержащего» (в данном случае—содержащего информацию) и требует постановки его в соответствующем—предложном—падеже. Наконец, последний синтаксический примитив программирует генитив стимула, обозначая с помощью реакции какой-то его атрибут.

По охарактеризованным типам моделей двух слов и синтаксических примитивов распределяются все реакции данной статьи, за исключением тех, что попадают в разряд вопросо-ответных и дефинитивных. Неинтерпретируемый остаток, который есть в каждой или почти каждой статье, составил 4 слова, и их можно было бы отнести к «неответам», появляющимся в вопросо-ответном режиме: *желтеть, кушать, голова, парус*. Однако, не предпринимая вопроса об окончательном определении статуса этих 4 реакций, укажем только, что неинтерпретируемое на длине модели двух слов в принципе может приобрести синтаксическую обусловленность в более развернутой синтагматической перспективе—на длине предложения или периода. Что касается последнего, то периодов не бывает в АВС, предложения же, и не только ядерные, возможны и фиксируются практически в каждой полноценной ассоциативной статье.

Операции преобразований примитивов в модели двух слов. Здесь хотелось бы сделать методологически важное обобщение, предпосылкой для которого служит все предшествующее изложение, касающееся моделей слов и соответствующих синтаксических примитивов. Оно заключается в том, что синтаксическая интерпретация отношений стимула и реакции оказывается мощнее, чем семантическая, оказывается способной охватить гораздо большее число случаев, вскрыть с помощью синтаксического примитива связь там, где семантика не дает никаких подсказок. Как было отмечено выше, семантическая связь стимула и реакции обуславливает, влечет за собой возможность синтаксической

связи между ними, но отсутствие семантической связи еще не значит, что путем простейшей операции мы не можем построить из стимула и реакции модель двух слов. Материал этого параграфа достаточно красноречиво подтверждает сказанное. Например, БИЛЕТ – *касса*, БИЛЕТ – *контролер* обнаруживают отчетливую ситуативно-тематическую связь, а будучи квалифицирована как синтаксический примитив, каждая из этих пар трансформируется в модель двух слов БИЛЕТ в *кассе*, БИЛЕТ – *контролеру*. С другой стороны, в таких парах S – R, как БИЛЕТ – *драка*, БИЛЕТ – *зайти*, усмотреть общность сем не удастся, но синтаксический примитив они образуют, а значит, грамматическое отношение между ними, наличествующее в АВС и поддержанное существованием в ней прецедентов, т. е. аналогичных моделей, может быть реконструировано (например, в АТ *борьба за оценку*, ср. * *драка за билет* или *послать за деньгами*, ср. * *зайти за билетом*). Каков же круг тех преобразований, с помощью которых осуществляются такие реконструкции и синтаксические примитивы превращаются в модели двух слов?

Если для ответа на этот вопрос обратиться к последней из проанализированных статей, то мы назовем следующие процедуры. I. Придание падежных форм либо реакции, либо стимулу, т. е. превращение именительного падежа в родительный: БИЛЕТ – *кассир* > билет у *кассира*, БИЛЕТ – *человек* > билет для *человека*, БИЛЕТ – *номер* > номер *билета*, БИЛЕТ – *контроль* > контроль *билетов*¹;

– дательный: БИЛЕТ – *контролер* > билет *контролеру*;

– винительный: БИЛЕТ – *поезд* > билет на *поезд*, БИЛЕТ – *драка* > *драка за билет*, БИЛЕТ – *купить* > *купить билет*, БИЛЕТ – *деньги* > *деньги на билет*¹;

– творительный: БИЛЕТ – *зайти* > *зайти за билетом*;

– предложный: БИЛЕТ – *карман* > билет в *кармане*, БИЛЕТ – *вопрос* > *вопрос в билете* (на экзамене)².

II. Словопроизводственные преобразования: БИЛЕТ – *проезд* > *проездной билет*, БИЛЕТ – *экзамен* > *экзаменационный билет*, БИЛЕТ – *лотерея* > *лотерейный билет*³.

III. Соединение однородных членов предложения с помощью союзов: БИЛЕТ – *карта* > билет и *карта*, БИЛЕТ – *путевка* > > *билет и путевка*⁴.

¹ Возможные варианты реконструкций: *кассир выдал билет* (но не «к кассиру за билетом», поскольку этот вариант потребовал бы двойного преобразования – и стимула и реакции, а синтаксический примитив, по определению, допускает лишь одношаговую трансформацию), *билет для человека или человек с билетом, билет номер три, билет на контроле* и т. п.

¹ Варианты: *драка из-за билета, деньги за билет*.

² Варианты: *билет не по карману, вопрос билета* (экзаменационного).

³ Варианты: *билет на проезд, билет на экзамене, билет в лотерею*.

⁴ Хотя и здесь возможны варианты, впрочем, кажущиеся довольно усложненными, не поддержанными типовой ситуацией: *карта к билету, билет к путевке*.

Синтаксический примитив однородных членов предложения восстанавливается не только с помощью союза *и*, о чем свидетельствуют прецеденты использования для этой модели в АВС и других союзов: СУЩЕСТВОВАТЬ – *и жить; а не жить; но не жить*; ПРОСТОЙ – *но милый; но не глупый*; НЕБОЛЬШОЙ – *да удалый* (СЛ); ГОВОРИМ – *а делаем*, СТОЯЛ – *да упал*, МОЛОДОЙ – *но мудрый*, СМОТРЕЛИ – *но не видели*. Естественно, все они могут реконструироваться и служить действенным инструментом приведения к выражению синтаксического примитива однородных членов. Особый интерес представляет в этих моделях дизъюнктивный союз *или*, поскольку однородные члены могут связываться не только отношением конъюнкции, но и отношением дизъюнкции. Примеры дизъюнктивных отношений стимула и реакции в АТ: ПОМНИТЬ – *или забыть*, ПЛАТИТЕ – *или уходите*, О ЧАЕ – *или о кофе*, ПОВОД – *или причина* и др. Союз *или* наиболее уместен при наличии антонимического аспекта во взаимосвязях стимула и реакции, ср. в СЛ: БИЛЕТ – *контрамарка > билет или контрамарка*, ЖИЗНЬ – *смерть > жизнь или смерть*, ВОЙНА – *мир > война или мир*, ГУЛЯТЬ – *работать > гулять или работать*, ВСПОМНИТЬ – *забыть > вспомнить или забыть*, ДОЧЬ – *сын > дочь и/или сын*, ЕХАТЬ – *идти > ехать или идти*, ДАВАТЬ – *не давать > давать или не давать*. Возможность синтаксической интерпретации антонима не только в вопросо-ответном режиме (см. предыдущий раздел), но как однородного со стимулом члена, вводимого реконструируемым разделительным *или*, указывает на такую же варьируемость грамматических средств в этой модели, которая характерна для большинства синтаксических примитивов.

Обращение к другим (помимо статьи БИЛЕТ) рассмотренным в этом разделе статьям пополняет список выделенных процедур еще двумя.

IV. Сравнение стимула с реакцией постановкой между ними союза как: ГОЛОС – *труба > голос как труба*, БЕЛЫЙ – *стена > белый как стена*, БЕЖАТЬ – *ветер > бежать как ветер*; примеры из других статей СЛ: ПОЯВИТЬСЯ – *свалиться с Луны > появиться как свалиться с Луны*, ВОДА – *лед > вода как лед*, ВРЕМЯ – *сон > время как сон*, ГЛАЗ – *алмаз > глаз как алмаз*, ВОДА – *течение жизни > течение жизни как вода*, ЗДОРОВЬЕ – *бык > здоровье как у быка*.

V. Мена числа или рода прилагательного (либо, стимула, либо реакции): ДЕТСКИЙ – *коляска > детская коляска*, ЗАНЯТИЕ – *интересные > интересные занятия*, МЕСТО – *красивый > красивое место* и т. д.

Конечно, охарактеризованные процедуры не исчерпывают всех способов преобразований, с которыми мы можем встретиться в АВС при приведении синтаксического примитива к модели двух слов. Здесь были показаны наиболее распространенные и в то же время охватывающие наибольшее число пар S–R, составляющих синтаксический примитив. Если обратиться ко

всему массиву АВС, мы найдем трансформации, касающиеся и глагольных категорий (ОТЕЦ – *уходит* > *отец ушел* или *отец уходит*, при варианте *отцу уходит*, но ср. в той же статье СЛ ОТЕЦ – *явился*, ОТЕЦ – *гуляет*; ЗАНЯТИЕ – *кончатся* > *занятия кончатся* или *занятие кончается*; УПАСТЬ – *но не разбился* > *упал, но не разбился* и т. п.), и категорий иных частей речи, в частности, местоимений и числительных, поскольку о синтаксических примитивах применительно к наречиям речь шла в разделе «Морфология». Таким образом, несмотря на статистически не слишком представительный массив синтаксических примитивов-словосочетаний – по сравнению с реально существующими в ассоциативных статьях моделями двух слов, – имплицитно грамматика в них представлена столь же широко и разнообразно, как и в выраженных моделях двух слов, что и дает нам основания говорить о потенциальной грамматике в АВС, существующей рядом с грамматикой реализованной. АВС, будучи по степени грамматикализации сопоставима с текстом, еще и потенциально заряжена грамматикой.

Последнее утверждение не надо понимать так, что пары, составляющие синтаксический примитив, существуют сами по себе, а процедуры, превращающие этот примитив в модель двух слов, являясь «потенциальными», существуют отдельно от них. Такое понимание шло бы вразрез с основной идеей книги и опровергало бы гипотезу, положенную в ее основу, о распределенности, разлитости грамматики в АВС, ее «лексикализованности» и диссипированности. На самом деле, для каждого случая реконструкции модели двух слов из синтаксического примитива находится образец, аналогия, прецедент – либо в той же самой ассоциативной статье, либо в какой-то или каких-то других. Но диссипация, которая проявляет себя таким образом и которая вообще определяет бытование грамматики в АВС, кроме того, специфически распространяется на синтаксические примитивы, где ее можно видеть во множественности способов приведения их к моделям двух слов. Подчеркивая выше вариативность почти каждой из осуществляемых реконструкций (см. подстрочные примечания к соответствующим примитивам), я хотел обратить внимание читателя на их гипотетичность, на их вероятностный характер. Дело в том, что в основе диссипации лежит случайность, а она предзадана в данном случае не только типом самого ассоциативного эксперимента, но и результатом реализации одной, а не другой семантической связи в сети (ср. выше понятие семантического варьирования), приданием той или иной грамматической формы реализованной лексеме (ср. морфологическое варьирование), наконец, тем или другим путем преобразования, – если реализованным оказался семантический примитив, – в естественную модель двух слов. Значит, одной из обязательных характеристик всякой диссипативной структуры, каковой представлена в АВС грамматика в широком смысле, т. е. морфология и синтаксис, является ее вероятностность. Поэтому восстанавли-

ваемые из примитивов модели и допускают вероятностное варьирование как в процедурах преобразований, так и в их результатах. Однако это варьирование вовсе не отменяет ни суммарного перечня приведенных выше процедур преобразований, ни оценки их свойств, поскольку, приняв один вариант реализации синтаксического примитива вместо другого и соответственно изменив процедуру, мы компенсируем эту замену в другом месте, в другой ассоциативной статье, таким образом, что в совокупности, на фоне достаточно широко развернутой АВС будут использованы все процедуры и приведены к выражению все модели, в которые могут воплотиться синтаксические примитивы.

§ 4. СИНТАКСИС В АВС ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОДЕЛИ ДВУХ СЛОВ

За пределы модели двух слов мы выводим конструкции, в которых реакция в совокупности со стимулом (в редких случаях — независимо от стимула) образует не подчиненную модель, входящую в качестве составной части в более крупное целое, т. е. не словосочетание как строевой элемент предложения, а представляет собой законченное высказывание, которое может употребляться самостоятельно и имеет разный статус — констатации факта или события, правила, лозунга, общего места, формулировки социальной, повседневно-бытовой или физической закономерности и т. п. К числу таких конструкций я отношу так называемые ядерные предложения (типа ВРЕМЯ — *течет*, РАБОТА — *спорится*, УЧИТЕЛЬНИЦА — *моя профессия*, ЖИЗНЬ — *штука хорошая*), инфинитивные предложения, в том числе синтаксические структуры с модальным оттенком, носящие характер правила (УЧИТЬСЯ — *всегда пригодится*, ВЕРНУТЬСЯ — *чтобы понять*, ВХОДИТЬ — *куда пускают*), предложения дефинитивно-оценочного типа (ПОМНИТЬ — *значит жить*, ГОСУДАРСТВО — *это мы*, ДЕТИ — *это прекрасно*), генерализованные высказывания (ДЕЛО — *сделано — можно отдохнуть*), устно-разговорные синтаксические построения с вынесением предмета речи, т. е. стимула, как топика в препозицию всего высказывания (БУМАГА — *наши мысли на ней*), а также идиомы (БАБУШКА — *надвое сказала*) и прецедентные тексты (ВСТРЕЧА — *на Эльбе*, ГОЛОС — *твой голос для меня и ласковый ...*).

Прежде чем перейти к рассмотрению каждого из названных типов, сделаем два замечания. Первое касается общего количества разных типов конструкций, которое не идет, конечно, в сравнение с количеством моделей двух слов, соизмеримым с числом реакций вообще, и на всем массиве СЛ не превышает 2–3 тысяч, даже с учетом того, что некоторые из них, например идиомы и прецедентные тексты, бывают иногда довольно частотны. Так, БЕЖАТЬ — *сломя голову* имеет частоту 11, БУМАГА — *все стерпит* — 5, а УЧИТЕЛЬНИЦА — *первая моя* (строчка из песни, т. е. прецедентный текст) — 36. Тем не менее, отсутствие

развернутой статистики не уменьшает структурной ценности конструкций, соотносимых с целым высказыванием – предложением и текстом, их места и роли в АВС: несмотря на их незначительное суммарное число, некоторый обязательный минимум законченных конструкций того или иного типа всегда обнаруживается в полной (т.е. включающей 500–700 реакций) ассоциативной статье. А это означает, что законченные высказывания рассматриваемых ниже типов составляют необходимую принадлежность АВС и являют собой – наряду со словоизменительными формами, словообразовательными парами и моделями двух слов – одну из элементарных единиц, из владения совокупностью которых и складывается знание языка. Наличие перечисленных единиц в каждой ассоциативной статье и нужно трактовать как норму. Поэтому когда ведут речь об ассоциативных нормах, то надо иметь в виду вовсе не то, что чаще всего и имеют, – не одинаковость, не буквальное совпадение или семантическую близость высокочастотных реакций, но, прежде всего, повторяемость их типов в зависимости от характера стимула и подобие, однотипность их совокупного набора в «законченной» ассоциативной статье, при условии полной реализации ассоциативного потенциала ее стимула (500 и более реакций). В этом смысле единичные реакции так же типичны, как высокочастотные, и имеют равную с ними структурно-нормативную – с точки зрения полноты структурной реализации ассоциативного потенциала каждой статьи и структуры всей АВС – ценность.

Второе замечание должно напомнить читателю, что все синтаксические единицы, свойства которых обсуждались до сих пор в этой главе, имели скрытые, грамматически не оформленные, но путем простой операции восстанавливаемые до модели двух слов, корреляты, названные синтаксическими примитивами. Подобные синтаксические примитивы мы находим и для большинства типов целых высказываний, и эти неявно выраженные их варианты, естественно, увеличивают потенциальное количество таких конструкций в АВС. Переходим к последовательному рассмотрению конструкций, соотносимых с целым высказыванием.

Ядерные предложения. Под этими конструкциями понимаются полные, как правило, нераспространенные предложения с подлежащим и сказуемым, причем чаще всего в роли подлежащего выступает стимул-существительное, а сказуемое может быть выражено, как кажется, всем разнообразием способов, доступных русскому языку. Правда, более половины всех ядерных конструкций в СЛ относятся к простому нераспространенному предложению с глагольным сказуемым: *ВСТРЕЧА состоится, ГОЛОВА белеет, кружится, ДЕВОЧКА плачет, смеется, пишет* и т.п., *ДЕРЕВНЯ ждет, ЗЕМЛЯ вертится, КИНО окончилось, КНИЖКА надоела, ЛЕС шумит, ЛЮДИ идут, НАЧАЛЬНИК задержался, НАРОД борется, ОТЕЦ погиб, ПАПА устал, ПОВОД найдется, ПРАЗДНИК не получается, СВЯЗЬ оборвалась*

СЛАВА придет, пришла, прошла, СУББОТА наступила и т. д. — всего не менее 200 реакций. Развертывающиеся на этой базовой структуре распространенные предложения гораздо более редки и как будто исчерпываются следующим перечнем: ГЛАЗ плохо видит, СЛАВА сама придет, ТЕЧЕНИЕ быстрое у реки, СТУДЕНТ пишет — помогите, ПОЛНЫЙ повар варит кашу.

Особое место в числе глагольных ядерных конструкций занимают распространенные и нераспространенные предложения, как бы раскрывающие содержание ситуации, заданной стимулом. В структурную схему таких предложений сам стимул не входит: БЕЖАТЬ — мелькают деревья; НАДЕЯТЬСЯ — мечта сбудется; КОНЧИТЬСЯ — тяжело бьется сердце; УГОЛ — стоит мальчик в углу.

Другие разновидности ядерных конструкций таковы:

— ЗЕМЛЯ кругла, СЛАВА вредна, СТУДЕНТ голоден, ДЕВОЧКА хороша;

— ЛЕС вырублен, СВЯЗЬ не налажена, утеряна, ЧАС назначен;

— КИЛОМЕТР впереди, ЭКЗАМЕН на носу, ПРАЗДНИК завтра;

— ЛЕС — люблю > люблю лес, ЖИЗНЬ — люблю > люблю жизнь, КИЛОМЕТР — дороги пройдем > пройдем километр дороги;

— МАТЬ — самый близкий человек, УЧИТЕЛЬНИЦА — моя профессия, ЖИЗНЬ — хорошая штука, ДЯДЯ — мой лучший друг;

— ПОВОД — был бы > был бы повод;

— СМЫСЛ тот же.

Что касается синтаксических примитивов, за которыми могут скрываться указанные ядерные структуры, то в статьях-существительных они обнаруживаются прежде всего в парах стимула с реакцией-инфинитивом: ЗАНЯТИЕ — кончатся, проходить (> занятие кончается), НАЧАЛЬНИК — заставлять, кричать (> начальник кричит), ДЯДЯ — приезжать (> дядя приезжает и т. п.), ПРАЗДНИК — прийти, ОТЕЦ — уходить и т. п. (естественно, если в подобных парах стимул не становится объектом, потому что тогда его соединение с глаголом превращается в модель двух слов и остается на уровне словосочетания: ДОМ — построить (> построить дом и т. п.), МНЕНИЕ — поддержать, составить, спросить, РЕЗУЛЬТАТ — выводить и т. д.). Соответственно, в статьях со стимулами-инфинитивами предикативные конструкции могут скрываться за парой инфинитив-существительное только в том случае, если глагол непереходный, поскольку для переходных глаголов в таких сочетаниях превалирует синтаксическая связь управления. Ср. КОНЧИТЬСЯ — занятие, зима, отпуск, твоя сладостная жизнь (т. е. занятие кончилось и т. п.), РАБОТАТЬ — учитель (т. е. учитель работает), УПАСТЬ — яблоко, а с другой стороны, ПИСАТЬ — письмо, план, стихи (т. е. писать стихи и т. п.), ПИТЬ — вода, вино, сок, хотя возможны и синтаксические примитивы с реконструируемыми предикативными отношениями: ПИТЬ — пьяница, человек (т. е.

человек пьет и т. п.), ПЕТЬ – певец и т. д. Предикативные синтаксические примитивы, коррелирующие с ядерными структурами, полностью отсутствуют в статьях-прилагательных, как, впрочем, и сами ядерные конструкции, за исключением единственного случая из статьи ПОЛНЫЙ, приведенного выше. Это вовсе не означает, что в статьях со стимулами-прилагательными нет других типов целых высказываний, в частности, в них преобладают объяснительные и дефинитивные конструкции (см. ниже), что также определенным образом характеризует ассоциативный потенциал данного стимула.

Генерализованные высказывания. Этот тип целых высказываний, примыкающий по оформлению к предыдущему, т. е. выливающийся в элементарную или слабо распространенную синтаксическую конструкцию, выделяется в самостоятельный не на основании каких-то своих структурных особенностей, а только в силу специфики содержания, которое представляет собой какое-то общее место, расхожее, часто банальное утверждение, общеизвестный трюизм (*дети есть дети, годы берут свое* и т. п.). Совокупное число генерализованных высказываний в СЛ относительно невелико, оно едва переваливает за три десятка. Встречаются конструкции этого типа практически только в статьях-существительных, что в общем объяснимо, поскольку по своему назначению они призваны раскрывать те или иные стороны понятия, а средний испытуемый в первую очередь воспринимает именно существительные как выразители понятий. По структурной схеме большинство генерализованных высказываний являются предложениями с нулевой связкой, хотя встречаются и другие схемы. Вот несколько примеров:

БАБУШКА – это не дедушка; счастье иметь бабушку,
ВРЕМЯ летит незаметно, ВРЕМЯ не терпит,
ДЕРЕВНЯ так и осталась деревня, ДЕРЕВНЯ – не город,
ДЕЛО – не ждет,
ЖИЗНЬ холостым – жуть,
ЗЕМЛЯ – наш дом,
ЗДОРОВЬЕ – прежде всего; береги (здоровье),
ИСТОРИЯ – история так история,
ЛЕС – любимое место природы,
ЛИТЕРАТУРА – вещь хорошая,
ЛЮБИТЬ – как хорошо (любить),
ЛЮДИ везде живут,
НАРОД непобедим,
НАЧАЛО хорошее, и вот конец,
ОТЕЦ – не у всех,
РЕЗУЛЬТАТ – не важен способ, важен результат,
СЛАВА – вещь непрочная,
СТУДЕНТ – 5 лет отдыха, 20 мин. позора,
ТРУД выше всего,
УПАСТЬ на землю – хорошо,

ХЛЕБ *не бросать*,
ЧЕЛОВЕК *творит чудеса*.

Обнаружить синтаксические примитивы подобных высказываний, очевидно, не так просто, но тот факт, что они существуют, подтверждается двумя примерами из приведенных здесь – ЗДОРОВЬЕ и ЛЮБИТЬ, в которых для реконструкции генерализованного высказывания (в скобках) необходимо осуществить операцию мены местами стимула и реакции. Иная трансформация стимула – постановка его во множественном числе – требуется для приведения к выражению синтаксического примитива РЕБЕНОК – *цветы жизни* > ДЕТИ – *цветы жизни*, а реконструкция связки превращает синтаксический примитив СОВЕТСКИЙ – *отличный* в генерализованное высказывание СОВЕТСКИЙ – *значит отличный*.

Именительный темы (топик). Разговорные конструкции, в которых стимул-существительное играет роль именительного темы и выступает как топик, предмет всего высказывания, тоже немногочисленны:

- БАБУШКА – *ей 70 лет* (1),
- БУМАГА – *наши мысли на ней* (2),
- ВОЙНА – *все же не будет* (3),
- ГАЗЕТА – *люблю читать* (4),
- ДЕРЕВНЯ – *люблю ее* (5),
- ОТЕЦ – *это мне незнакомо* (6),
- ПАПА – *нет его*; ПАПА – *не знаю его* (7),
- ПОВОД – *нет его* (8),
- СЛАВА: *холм, а мы спешим добраться до вершины поскорей* (9),
- СМЫСЛ – *не вижу в этом его* (10),
- СТАРЫЙ – *я еще молод* (11),
- УТРО – *как не хочется вставать* (12),
- УЧИТЕЛЬНИЦА – *черное платье, белый ворот* (13).

Этот список почти исчерпывает рассматриваемые конструкции в СЛ, в него не включены лишь близкие варианты высказывания (12). Особенность этого типа заключается в том, что он допускает альтернативные интерпретации: так, почти все приведенные высказывания, за исключением, может быть, 2, 9, 12 и 13, могут быть представлены в вопросо-ответном режиме, а некоторые из них и были приведены в соответствующем разделе (см. с. 201) как образцы такого способа реагирования. Отдельные структуры из этого списка можно расценить также и как синтаксические примитивы первого типа – ядерные конструкции, развернутые за счет простых распространителей: *войны все же не будет, люблю читать газету*. Считая альтернативные интерпретации в АВС вполне нормальным явлением, мы нашли целесообразным выделить рассматриваемый тип конструкции в качестве самостоятельного еще и потому, что топик, как тип реакции, был

обнаружен нами и в разделе «Морфология», — при интерпретации некоторых сочетаний существительных с наречиями-предикативами (см. с. 81).

Объяснительные суждения: причина, цель, условие, следствие, дефиниция, квалификация. К этому типу высказываний мы относим довольно многочисленные конструкции и коррелирующие с ними синтаксические примитивы, которые носят характер аргументирующего, оправдательного суждения, объясняющего причину, цель, условие, следствие и результат или какое-то существенное свойство (т. е. определение по признаку) предмета или явления, обозначенного стимулом. По форме такие конструкции представляют собой сжатые, свернутые суждения с вербализованными или реконструируемыми союзами-связками — *потому что, чтобы, если, и (=и в итоге), это, значит*. Надо сказать, что в эксплицитном виде объяснительные суждения представлены в очень незначительном количестве: по сути дела, мы имеем лишь образцы, прецеденты использования каждой из разновидностей, основная же их масса присутствует в АВС в качестве синтаксических примитивов, т. е. в данном случае — с опущенной связкой. Тот факт, что семантика, а отчасти и грамматическое оформление реакции позволяют достаточно уверенно восстанавливать связку-союз, подкрепляется таким, например, обстоятельством, что при анализе материала ассоциативного словаря этот тип конструкций — объяснительные суждения — был обнаружен раньше не в своем полностью вербализованном виде, а именно как синтаксический примитив, и лишь потом были найдены его реализации со связками. Правда, одну из объяснительных конструкций, самую первую из названных — суждение причины, так и не удалось подтвердить прецедентным употреблением с союзом *потому что*, и иллюстрации ее использования ограничиваются примитивизированными сочетаниями.

Причина

В статьях, вошедших в диагностические матрицы, примеры употребления суждений, объясняющих, аргументирующих причину действия, явления или предмета и факта, таковы: **БЕЖАТЬ — погоня**, **БЕЖАТЬ — догоняют**, **БЕЖАТЬ — опасность**, **БЕЖАТЬ — враги**. Как видим, постановка союза-связки между стимулом и реакцией в этих парах превращает их в свернутые суждения-оправдания, суждения-аргументации совершаемого действия, при этом стимул-инфинитив приобретает модальную окраску долженствования: *надо БЕЖАТЬ, ПОТОМУ ЧТО за ними ПОГОНЯ; надо БЕЖАТЬ, ПОТОМУ ЧТО нас ДОГОНЯЮТ; надо БЕЖАТЬ, ПОТОМУ ЧТО нас подстерегает ОПАСНОСТЬ*. А в сжатом выражении соответственно — **БЕЖАТЬ, потому что догоняют**, **БЕЖАТЬ, потому что враги** и т. д. Наряду с лексической семантикой роль грамматического оформления реакции, о котором я упомянул, для восстановления

суждений из примитивов проявляется, например, в том, что финитная форма *догоняют* в сочетании со стимулом дает синтаксический примитив суждения причины, тогда как употребляемая в той же статье инфинитивная форма реакции *догонять* образует совсем иную структуру со стимулом, а именно, синтаксический примитив, тяготеющий к дефинитивно-объяснительному типу, со связкой *значит* (уже не только реконструируемой, но и реально обнаруживаемой в соответствующих конструкциях, примитив, который может быть назван собственно объяснительным): БЕЖАТЬ – [значит] *догонять*, БЕЖАТЬ – [значит] *спешить*, БЕЖАТЬ – [значит] *опаздывать*, БЕЖАТЬ – [значит] *гнаться*.

Возвращаясь к суждению причины, приведем еще несколько примеров его синтаксических примитивов из разных статей: БЕЛЫЙ – [потому что] *простой* (т. е. не цветной); БИЛЕТ – [потому что] *контроль*; ВЕРНУТЬСЯ – [потому что] *забыла*; ВЕРНУТЬСЯ – [потому что] *не прошел* (скажем, в институт); ГУЛЯТЬ – [потому что] *делать нечего*; ЗНАКОМЫЙ – [потому что] *я его знаю*, СЕСТЬ – [потому что] *устала* и т. д. Определенным подтверждением достоверности подобных реконструкций может служить такая, например, реакция в статье ПЛОХОЙ СЛ, как вопрос *почему?* (ПЛОХОЙ – *почему?*), которая как бы обособливает и возможность ожидаемых ответов на такой вопрос *потому что* ... Естественно, реакции *грязный, горький, грубый, невкусный* в этой статье интерпретируются в сочетании со стимулом как синтаксический примитив суждения причины: ПЛОХОЙ – [потому что] *грязный*.

Цель

Эта разновидность объяснительных конструкций на массиве СЛ встретила дважды (ВЕРНУТЬСЯ – *чтобы понять*, ПОЯВИТЬСЯ – *чтобы снова исчезнуть*), а в АТ таких примеров оказалось больше: ВЕРНУТЬСЯ – *чтоб не уходить*, ПРИЙТИ – *чтоб остаться*, СУЩЕСТВОВАТЬ – *чтобы жить*, ПОПРОБОВАТЬ – *чтобы знать*, МОЛОТОК – *чтобы ударять*. Синтаксические примитивы свернутых целевых суждений устанавливаются довольно четко. Среди диагностических статей они обнаружены в следующих: БЕЖАТЬ – *чтобы поймать, спастись*; БИЛЕТ – *чтобы ехать*; ВИДЕТЬ – *чтобы узнать, понять*, а также – с меной местами стимула и реакции – *смотреть, чтобы ВИДЕТЬ*. Уже приведенные примеры заставляют подозревать, что эта конструкция свойственна преимущественно статьям со стимулом в инфинитиве, и два случая отнесения ее к имени существительному (БИЛЕТ и МОЛОТОК) не колеблют сделанного предположения, поскольку все остальные случаи выявления синтаксических примитивов целевого суждения в СЛ связаны только со стимулами-инфинитивами: ПРИЙТИ – [чтобы] *увидеть, узнать, услышать*; СПРОСИТЬ – [чтобы] *узнать*; УЧИТЬСЯ – [чтобы] *приобрести знания*; ЗАПИСАТЬ – [чтобы] *запомнить*; КРИЧАТЬ – [чтобы]

звать на помощь; и с меной местами стимула и реакции, т.е. с опережением последней стимула, *открыть рот* [чтобы] ПЕТЬ. Этот перечень мог бы быть продолжен, так как целевые конструкции представлены довольно широко.

Условие

В СЛ встретились три синтаксические структуры, вводимые союзом *если*, которые могут быть интерпретированы как свернутые суждения условия: СЕСТЬ—*если нужно*, ДОСТАТЬ—*если есть*, ЕСТЬ—*если есть что*. Однако понятно, что для передачи отношения, при котором реакция становится условием проявления свойств или осуществления действия, обозначаемого стимулом, используются разные средства, а не только союз *если*. Поэтому к данной разновидности конструкций я отношу и такие случаи из СЛ, как ВХОДИТЬ *куда пускают* (в значении «если пускают»), ПОМОГАТЬ—*когда заставят* («если заставят»). АТ дает примерно такое же число подобных реакций: ПРОСИТЕ—*если вам не трудно*, ВОЗЬМЕШЬ—*если дашь*, ИЗМЕНИШЬ—*если захочешь*, УСПЕЮ—*если поспею*. Синтаксические примитивы, которые путем реконструкции союза-связки приводятся к суждению условия, обнаруживаются в статьях-прилагательных и статьях-инфинитивах: СИЛЬНЫЙ—[если] *большой*, СЛЫШАТЬ—[если] *слушать внимательно*, СТАРЫЙ—[если] *седой*, УМЕТЬ—[если] *научиться*, ЧИСТЫЙ—[если] *вымытый* и т. п.

Следствие/результат

Соединение стимула и реакции в конструкцию с таким синтаксическим смыслом производится с помощью союза *и* со значением «результата», союза *так что* или его варианта *так* с тем же значением: ПРОСИТЕ—*и вам откроют*, ПОЯВЛЮСЬ—*и все упадут*, ПРОСИЛА—*и не допросилась* (АТ); ПОСЛУШАТЬ—*его, так волосы дыбом*, ПОСЛУШАТЬ—*так уши вянут* (СЛ). Реконструкцию соответствующих примитивов лучше осуществлять постановкой между стимулом и реакцией связки *и в итоге* или *так что в результате*. Примеры синтаксических примитивов суждений-следствий не слишком многочисленны. Так, из диагностических статей они встречаются только в двух: БЕЖАТЬ—[и] *убежать*, БЕЖАТЬ—[и в итоге] *усталость*, БЕЖАТЬ—[и в итоге] *выдохнуться*, БЕЖАТЬ—[так что в результате] *упасть*; ВИДЕТЬ—[и] *узнавать*, ВИДЕТЬ—[и в итоге] *не увидеть*. Как легко заключить из приведенных примеров, эта разновидность свернутых суждений возможна лишь в глагольных статьях и связывает, как правило, стимул с глагольной же реакцией: НАДЕЯТЬСЯ—[и в итоге] *находить*, ПЕТЬ—[так что в результате] *надоедать*, ПОМОГАТЬ—[и в результате] *портить*, ПОСЛУШАТЬ—[и] *не повиноваться* и т. п.

Данный тип суждений-определений строится на сопоставлении стимула с родовым по отношению к нему понятием, либо некоторым воплощающим его наглядным образом, либо с одной из конкретных реализаций обозначенного стимулом понятия. Будучи структурно-синтаксически всегда одной и той же, а именно, оформленной эксплицитной и реконструируемой связкой *это*, дефинитивная конструкция содержательно различается в зависимости от того, какой признак стимула кладется в основу определения в реакции. Самым распространенным оказывается определение через родовое понятие, трактуемое не строго логически, а на уровне здравого смысла, и примерно 70–80% всех дефиниций строится как раз таким образом: ВОДА – [это] *жидкость, вещество, H₂O*; БАБУШКА – [это] *старая женщина, престарелый человек*; БЕЖАТЬ – [это] *скорость, быстрота*; БЕЛЫЙ – [это] *альбинос*; ВИДЕТЬ – [это] *зрение, чувство*; ЗЕМЛЯ – [это] *планета, по чему мы ходим*; КИНО – [это] *массовое развлечение*; ЛИТЕРАТУРА – [это] *произведения писателей*; МАСТЕР – [это] *умеющий все делать*; ОТЕЦ – [это] *родитель*; ПАПА – [это] *член семьи*; РАЙОН – [это] *часть города*; СУББОТА – [это] *день недели, день отдыха, конец неде.ш, полувыходной, короткий день, нерабочий день*; ТОВАРИЩ – *хороший* [это] *друг*; УТРО – [это] *начало дня*; ВПЕЧАТЛЕНИЕ – [это] *как понравилось*; ДОБРЫЙ – [это] *черта характера* и т. п.

Другой разновидностью дефинитивных конструкций являются такие, в которых за основу определения берется некоторый наглядный образ, иногда, может быть, носящий налет субъективности, но в любом случае доступный носителю языка, легко понимаемый и принимаемый им: ВОДА – [это] *жизнь*; ЛЕС – [это] *нечто зеленое и шумящее*; МАСТЕР – [это] *человек в рабочем фартуке*; ВРЕМЯ – [это] *золото*; СТУДЕНТ – [это] *1/2 ничего*; СИЛЬНЫЙ – [это] *широкие плечи*; ЗАНЯТИЕ – [это] *много склоненных спин*.

Как самостоятельную разновидность определений следует рассматривать конструкции остенсивного характера, когда дефиниция дается указанием на некоторый конкретный образец – носитель соответствующего признака или свойства: БУМАГА – [это] *лист, на котором я пишу*; БУМАГА – [это] *на чем мы пишем*. Но чаще образец, к которому дается отсылка в таком определении, сужается до индивидуального проявления, до единичного носителя свойств, и тогда указанием на него становится имя собственное: БЕЛЫЙ – [это] *Деникин*; ГАЗЕТА – [это] *«Правда», «Вечерняя Москва», «Искра», «Вечерний Челябинск», «Витебский рабочий» ...*; ГРУППА – [это] *третья, «А», 204...*; ДЕРЕВНЯ – [это] *Лужки, Золотая Сопка, Ведрица, Пушки ...*; ДОЧЬ – [это] *Алена, Лидина, Люська, Вера ...*; ДЯДЯ – [это] *Коля, Петя, Гоша, Жора ...*; ЖУРНАЛ – [это] *«Огонек», «Юность», «Пионер» ...*; КАРТИНА – [это] *Репина, Шишкина, Айвазовский,*

«Бурлаки на Волге», «Девятый вал», «Незнакомка» ...; то же в статьях ГОРОД, КИНО, КНИЖКА, ЛИТЕРАТУРА; ПРАЗДНИК — [это] *Новый год, 7 ноября, 9 Мая ...*; РАЙОН — [это] *Витебский, Октябрьский, Кузнецкий, Печерский ...*; СИЛЬНЫЙ — [это] *Жаботинский, Власов, Геркулес, Шаляпин, Геракл*; ФАМИЛИЯ — [это] *Петров, Савельева, Иванов, Леонтьев ...*

Таким образом, в АВС антропонимы, топонимы, названия кинотеатров, газет, произведений искусства, имена персонажей и авторов часто служат средством индивидуализации задаваемого стимулом понятия и тем самым используются для остенсивного, на случай найденного, я бы даже сказал обывательски-повседневного, его определения. Когда такой способ определения применяется к явлениям культуры — КИНО, КНИЖКА, ЛИТЕРАТУРА, КАРТИНА и т. п., он практически совпадает с апелляцией к прецедентным текстам, которая обычно осуществляется говорящим или пишущим с определенными риторическими, познавательными или прагматическими целями.

Особый случай дефинитивных конструкций представляют собой такие способы реагирования, такие сочетания реакции со стимулом, которые ориентированы на само слово, а не на стоящее за ним предметное или понятийное содержание. Их число невелико: ЗНАКОМЫЙ — [это] *существительное субстантивированное*, МИЛЫЙ — [это] *хорошее слово*.

Квалификационные суждения

Их отличие от предыдущей разновидности конструкций в том, что в них в соответствие стимулу ставится не родовое понятие и не какой-то основополагающий, сущностный его признак, а подыскивается видовое сопоставление, и если реакция все же подчеркивает какой-то признак, то последний носит оценочный характер. Формальным показателем принадлежности пары стимул-реакция к квалификационным суждениям может служить тот факт, что реакция в этом случае, как правило, односложна, а в качестве связи используется слово *значит*: БЕЖАТЬ — [значит] *бегать, опаздывать*; БЕЛЫЙ — [значит] *чистый*; ВИДЕТЬ — [значит] *понимать*; БОЛЬШОЙ — [значит] *гигант*; ПЛОХОЙ — [значит] *драчун, слюнтяй*; ПРАЗДНИК — [значит] *веселиться, гулять, отдых*; ЛЮБИТЬ — [значит] *верить, уважать*; ПРОСТОЙ — [значит] *глупый, доступный*; СТАРЫЙ — [значит] *немогущий*.

Если реакция оформляется той же частью речи, что и стимул, то квалификация осуществляется с помощью синонимов: КОНЧИТЬСЯ — [значит] *умереть, иссякнуть, оборваться*; ПРОВЕСТИ — [значит] *обмануть*; РАБОТАТЬ — [значит] *вкалывать*; ИНТЕРЕСНЫЙ — [значит] *занимательный*.

В противоположность всем другим объяснительным суждениям в квалификационных суждениях отношение между левой и правой частями, т. е. между стимулом и реакцией, реверсивно,

так как видо-видовые связи, как правило, равнозначны: *большой значит гигант = гигант значит большой, плохой значит драчун = драчун значит плохой, настоящий значит без подделки = без подделки значит настоящий, чистый значит невинный = невинный значит чистый*. Эта реверсивность оказывается не только гипотетически обоснованной, но и реально вербализованной, ср. в СЛ ДУМАТЬ – [значит] *жить* (связка выражена эксплицитно) и ЖИТЬ – [значит] *думать* (связка реконструирована), в АТ ЖИТЬ – [значит] *любить*, ЛЮБИТЬ – [значит] *жить*; ЖИТЬ – [значит] *работать*, РАБОТАТЬ – [значит] *жить* и т. п.

Иногда квалификационное суждение выглядит как тавтологическое определение значения или одного из значений слова-стимула: НАДЕЯТЬСЯ – [значит] *проявлять надежду*, ЗАПИСАТЬ – [значит] *сделать запись*, ЖЕЛАТЬ – [значит] *иметь желание*, СУЩЕСТВОВАТЬ – [значит] *просто жить, быть живым*, ОБЕЩАТЬ – [значит] *дать обещание*.

Видо-видовое отношение между стимулом и реакцией, его реверсивность и преобладание оценочного момента в такого рода суждениях делают в ряде случаев необязательной реконструкцию связки и допускают использование синтаксического примитива, которым оно представлено в ассоциативной статье, без всяких трансформаций прямо в живой речи: БАБУШКА – *труженица*, ВОЕННЫЙ – *бедный человек*, СУББОТА – *хлопотливый день*, сближая по форме объяснительные суждения квалификационного характера с генерализованными высказываниями.

Идиоматические выражения и их примитивизация в АВС. Рассмотрение фразеологически связанных употреблений стимулов и реакций в разделе, посвященном синтаксису, а не лексике, как это традиционно принято, продиктовано двумя соображениями. Во-первых, условия АВС, в которых оказываются идиоматические выражения, а именно «разъятие», разделение их на стимул и реакцию, позволяют обнажить внутреннее грамматическое устройство идиомы и увидеть пределы изменений, варьирования, в которых целостность выражения еще сохраняется. А значит, ориентируют эти условия исследователя прежде всего на грамматику. Во-вторых, способы задания идиомы, ее введения в ассоциативную статью более чем в 50% случаев основываются на использовании синтаксических примитивов, т. е. сокращенных, свернутых приемов обозначения идиомы, так что для приведения ее к выражению, к полному, нормативному виду необходимо проделать некоторые восстановительные синтаксические операции. Они-то, наряду с грамматическими формами, и должны быть предметом анализа в этом разделе.

Прежде чем перейти к интерпретации конкретного материала, хочу подчеркнуть, что в группу идиоматических выражений я зачисляю в данном анализе не только традиционно относимые к ним фразеологические сочетания, единства и сращения, но также ритуальные фразы, крылатые выражения, лозунги, поговорки, пословицы, распространенные присловья и речения. Число

такого рода связанных «целых высказываний» оказывается весьма значительным на массиве СЛ, особенно с учетом частотности употребления всех этих сочетаний и их вариантов. По нашим подсчетам, количество появлений в АВС трактуемых указанным образом идиом приближается к 1000, что составляет 1% от общего числа словоупотреблений-реакций в СЛ. В нашем распоряжении нет данных о среднем проценте фразеологических единиц в усредненном литературно-разговорном тексте русского языка, но интуитивно этот показатель представляется очень близким к найденному в АВС, что дополнительно подтверждает вывод, сделанный на основе морфологического анализа этой сети, о хранении каждой единицы в ней в состоянии речевой готовности.

Итак, предлагаемая ниже классификация сделана не по типам идиом, а дана соответственно типам преобразований, которые должен претерпеть способ обозначения идиомы, выявленный в той или иной ассоциативной статье, для приведения ее к нормальному виду. Естественно, некоторая, хотя и небольшая, часть идиоматических выражений приводится в реакциях целиком и не требует поэтому никаких преобразований: БАБУШКА – *надвое сказала*, БАБУШКА – *царство ей небесное*, БУМАГА – *все вытерпит*, ЖИЗНЬ – *прожить – не поле перейти*, ЛЕС – *рубят – щепки летят*, МАСТЕР – *дело мастера боится*, МАТЬ – *твою бабушка родила*. Уже эти немногочисленные примеры заставляют обратить внимание на разную роль стимула в тех или иных выражениях: в одних случаях, особенно, если стимул начинает идиому, оказывается первым словом в ней, он органически входит в состав всей формулы, и реакция выступает как продолжение и завершение целого высказывания; в других случаях, когда слово, совпадающее со стимулом, занимает позицию в середине или конце идиоматического выражения, реакция, воспроизводя последнее целиком, просто повторяет стимул в той форме, которая навязана идиомой; ср., с одной стороны, ГОСТЬ – *как и рыба, на третий день теряет свежесть*; ЕСТЬ – *такое дело*; ЖИТЬ – *на широкую ногу*; ЛЕС – *наше богатство*; ПОЛОЖЕНИЕ – *хуже губернаторского*; а с другой стороны, ВЗЯТЬ – *ни дать ни взять*; ДОБРЫЙ – *в добрый путь*; ЛЕС – *Берегите лес*; СЧЕТ – *свести счеты*; ТЕЧЕНИЕ – *все течет, все изменяется*.

Не останавливаясь более подробно на этих особенностях, отметим, что среди идиом, целиком воспроизводимых в реакциях, подавляющее большинство составляют такие, синтаксическая структура которых соотносима со словосочетанием, а не с полным предложением, но мы, однако, рассматриваем те и другие совместно в данном параграфе, чтобы не разрывать однородный материал: ГОЛОВА – *садовая*; ГОЛОВА – *два уха*; ГОЛОС – *из провинции*; ДЕНЬ – *деньской*; ДЕНЬ – *черный > черный день*; ДЕЛО – *дело – табак*; ДЯДЯ – *«достань воробышка»*; СВЕТ – *клином не сошелся*; ПОЯВИТЬСЯ – *на свет*; РАБОТАТЬ – *не покладая рук*; РУКА – *руку моет* и т. п.

Поскольку индивидуальное употребление идиоматических выражений допускает их варьирование, эта вариативность находит отражение и в ассоциативных статьях, причем она может быть как минимальной, не затрагивающей содержательно-эмоциональной стороны идиомы, так и заметно влияющей на смысл, вплоть до разрушения ФЕ. Примеры чисто формального и находящегося в рамках нормы варьирования таковы: БУМАГА — *все стерпит, стерпит все, все выдержит, выдержит все, все вытерпит*; ЗВОНИТЬ — *в колокола, в колокол, во все колокола*; БЕЖАТЬ — *что есть сил, что есть силы; во всю силу, из всех сил*; УПАСТЬ — *в глазах людей, в чьих-то глазах*; КРИЧАТЬ — *во весь голос, во все горло, во всю глотку*; УПАСТЬ — *с неба на землю* (вместо «спуститься» с неба на землю); СТАНОВИТЬСЯ — *на ноги, встать на ноги*; ДЕТСКИЙ — *устами детей глаголет истина* (вместо канонического «устами младенца ...»). Случаев деформации ФЕ, когда варьирование затрагивает содержательную сторону (при внешнем сохранении формальной афористической структуры), оказывается в общем немного, и к ним можно отнести: МАСТЕР — *человеческих душ* (< *инженеры человеческих душ*); СВЕТ — *не без добрых дел* (< *не без добрых людей*); СТАНОВИТЬСЯ — *на ножки* (полностью меняет смысл приведенной в той же статье идиомы «становиться на ноги», хотя сохраняет идею самостоятельности, относясь уже не ко взрослому, а характеризуя ситуацию «ребенок встает и скоро пойдет самостоятельно»).

На этом можно закончить характеристику ФЕ, приводимых в ассоциативных статьях целиком, в полном виде, подчеркнув, что среди них преобладают те, в которых стимул начинает идиому, оказывается в ней первым, а зачастую и концентрирующим на себе ее смысл, словом. Но около половины всех идиоматических выражений в АВС, как было отмечено выше, вводятся в ассоциативные статьи в сокращенном, свернутом виде, т.е. заданы синтаксическими примитивами, и для приведения их к полному выражению необходимо проделать некоторые простейшие преобразования. Элементарной операцией такого рода является дополнение, достраивание идиомы до полного ее вида, что бывает в том случае, когда соединение стимула с реакцией дает в результате только фрагмент — начальный или конечный — ФЕ, но такой, по которому процедура достраивания, реконструкции осуществляется однозначно: ГОЛОВА — *ногам покоя не дает* < *дурная голова ногам покоя не дает*; ГОЛОВА — *Дом Советов* < *не голова, а Дом Советов*; ГОСТЬ — *хуже татарина* < *незванный гость хуже татарина*. По поводу последнего примера интересно отметить, что эта идиома (как впрочем, и некоторые другие) «разъята» в АВС различными способами. Так, в рассматриваемой статье она обозначена трижды: 1) ГОСТЬ — *незванный*, с частотой 115 (самая частотная реакция!), таким образом, что ее реконструкция требует дополнения второй частью; «незванный гость» плюс «хуже татарина»; 2) уже приведенным вариантом

ГОСТЬ – хуже татарина, тоже с достаточно высокой частотой (11) и необходимостью восполнения в структуре только определения – незваный; 3) самым скупым образом, ставящим в соответствие стимулу только одно слово-реакцию, но так, что получившаяся пара задает ключевые понятия, по которым идиома восстанавливается тоже однозначно ГОСТЬ – татарин (частота этой последней реакции, как и предыдущей, – 11). В итоге оказывается, что все компоненты данной идиомы в соответствующем грамматическом оформлении присутствуют в этой ассоциативной статье, суммарно составляя пятую часть всех реакций (137 из 702), и реконструкция может сводиться лишь к подбору этих компонентов и последовательному их расположению в структуре ФЕ.

Из других синтаксических примитивов этого типа, при котором задание идиомы происходит по ее оформленному и требующему завершения фрагменту, укажем следующие: ЛЕС – рубят < лес рубят – шенки летят (фрагмент идиомы появляется в реакциях наряду с ее полным вариантом (см. выше), отличаясь от него большей частотой (15 vs, 2); ДЕЛО – мастера < дело мастера боится; СТАРЫЙ – конь < старый конь борозды не портит; СМОТРЕТЬ – в книгу < смотреть в книгу, а видеть фигу; РУКА – моет < рука руку моет; ТРУД – без труда < без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Более сложный случай представляет собой синтаксический примитив, получившийся в результате деграмматикализации идиомы, в результате приведения форм всех или некоторых ее компонентов к лемматизированному виду. При этом речь не идет об обычных, так называемых словарных, формах ФЕ типа ВОЙТИ – в чье-либо положение, БЕЖАТЬ – сломя голову, а имеются в виду процедуры, как бы даже разрушающие нормальный облик идиомы, но оставляющие возможность у носителя языка все же однозначно восстановить ее. Примеры этих синтаксических примитивов таковы:

1) КОНЧАТЬ – гулять смело; ясно, что подобная реакция могла возникнуть под воздействием двух факторов, во-первых, канонического вида идиомы «кончил дело – гуляй смело», а во-вторых, инфинитивной формы стимула, аналогия с которым привела к трансформации и второго глагола из этой идиомы в инфинитив.

2) ВОДА – огонь и медные трубы; здесь символы трудностей, которые должен или может преодолеть некто, даны в номинативном перечислении, чему опять-таки способствует именительный падеж стимула, тогда как в нормативном употреблении идиомы соответствующие атрибуты представлены, как правило, падежом объекта, потому что «воду, огонь и медные трубы» некто «прошел» или ему их предстоит «пройти».

3) БИЛЕТ – желтеть; может показаться, что за этим сочетанием не скрывается никакой идиомы, однако имеющиеся в той же статье реакции БИЛЕТ – белый, БИЛЕТ – волчий позволяют пред-

положить здесь синтаксический примитив, поддающийся восстановлению во фразеологическое сочетание *желтый билет* (тем более, что это единственная возможность осмысленно интерпретировать данную реакцию). Трансформация, предшествовавшая «разъятию» идиомы, здесь не может быть названа лемматизацией или деграмматикализацией, а скорее является грамматическим усложнением исходной формы компонента на словообразовательной основе, вероятно, с целью передать оценку некоторого социального или психологического процесса, характеризующего падение нравов и ведущего к «желтению» чьего-то «билета».

4) **МАСТЕР** – *бояться*; это случай типичной лемматизации одного из компонентов идиомы, который в паре со стимулом позволяет однозначно реконструировать этот примитив в «дело мастера боится». Здесь деграмматикализация второго компонента, его перевод в «словарную» форму обусловлен как бы исходной деграмматикализацией стимула, который в структуре ФЕ употребляется в косвенном падеже, а по условиям ассоциативного эксперимента предложен носителю языка (испытуемому) в именительном: компонент идиомы подстраивается к форме лемматизированного стимула. Реконструкция в идиоме – также единственный способ интерпретации этой реакции.

5) **ПРИЙТИ** – *увидеть – победить* < *пришел, увидел, победил*; процедуры и факторы преобразований те же, что в предыдущем случае.

6) **БЕЛЫЙ** – *сажа* < ... *как сажа бела*. Ср.: – *Как дела?* – *Дела как сажа бела*.

Другую разновидность синтаксического примитива, из которого идиома выводится на основе сохраненной в нем грамматической формы одного из компонентов, представляют следующие случаи: **ГЛАЗ** – *ворон ворону* < *ворон ворону глаза не выключет*; **МАСТЕР** – *боится* < *дело мастера боится*; **ПРОВЕСТИ** – *на воронных* < *обехать на воронных*; **СВЕТ** – *в темном царстве* < *луч света в темном царстве*; **СДЕЛАТЬ** – *гуляй смело* < *сделал дело – гуляй смело*; **ВРЕМЯ** – *делу* < *делу время, потехе час*; **ЧАС** – *потехе* < *делу время, потехе час*; **ТРУД** – *все перетрут* < *терпение и труд все перетрут*; **ЧЕЛОВЕК** – *собака* < *собака – друг человека*. Операция реконструкции для этих случаев заключается в том, что стимул, входящий в состав идиомы, заданной словоформой своего компонента, должен грамматикализироваться, т. е. приобрести соответствующую словоизменительную форму, и занять свою позицию в структуре ФЕ.

Наконец, с наиболее сложным, с точки зрения его расшифровки, способом введения идиомы в АВС мы имеем дело тогда, когда синтаксический примитив образуется грамматически нейтральным соединением стимула и однословной, как правило, реакции, как бы реакции-намек, так что реконструкция ФЕ может исходить лишь из семантической связи, связи, которую стимул и реакция обретают, входя вместе в идиоматическое

выражение, и которая отсутствует, если два эти слова рассматривать как самостоятельные лексические единицы. В самом деле, как связаны в лексическом пространстве русского языка, какие общие семы есть в значениях таких пар, как *гость* и *татарин*, *сила* и *солома*, *работа* и *Алитет*? Ответ очевиден – никаких, кроме совместного участия в одной идиоме: *незваный гость хуже татарина*, *сила солому ломит*, *работа не Алитет – в горы не уйдет*. Аналогичным способом в ассоциативные статьи СЛ введены ДЕЛО – время, ВРЕМЯ – потеха < делу время, потехе час; РАБОТА – убежать < работа не медведь; в лес не убежит; УВИДЕТЬ – победить < пришел, увидел, победил; ЧЕЛОВЕК – обезьяна < человек произошел от обезьяны; САДИТЬСЯ – огромная калоша < садиться в калошу; или в другой статье: СЕСТЬ – калоша < сесть в калошу (впрочем, в этой последней статье есть и полная форма данной идиомы); СЛАВА – смолоду – эта пара представляет собой результат контаминации двух выражений – «честь и слава» и «честь смолоду».

Завершая рассмотрение способов введения идиоматических выражений в АВС, а по сути дела, различных способов синтаксической связи стимула с идиомой, укажем еще два. В одном случае идиома выступает как средство дать определение значению слова-стимула, и тогда совокупное выражение из стимула и реакции совпадает с уже рассмотренной в этом параграфе разновидностью целого высказывания – дефиницией, отличаясь от нее тем, что в правой части выражения использована идиома и что отношения между левой и правой частями реверсивны: ДОГОВОРИТЬСЯ – сообразить на троих, ДОРОГОЙ – не по карману, ДУМАТЬ – ломать голову, ДУМАТЬ – шевелить мозгами, ОБЕЩАТЬ – соврать с три короба, ИСТОРИЯ – кануло в Лету; последнее высказывание представляет собой синтаксический примитив, который интерпретируется так: *история – это то, что кануло в Лету*.

В другом случае стимул и ключевое слово идиомы связаны деривационными отношениями, т. е. принадлежат одному словообразовательному гнезду (ДЕТСКИЙ – устами детей глаголет истина, ОБЕЩАТЬ – обещанного три года ждут, ТЕЧЕНИЕ – все течет, все изменяется), а значит, идиома вызвана к жизни фактически общим со стимулом корнем, что еще раз подчеркивает структурогенную роль словообразовательных отношений в сети, которая держится, как мы помним, на трех китах – семантике, словоизменении и словообразовании.

Несколько слов об общих особенностях синтаксических примитивов, с помощью которых в ассоциативные статьи вводятся идиоматические выражения. Эти примитивы, в отличие от таковых для свободных сочетаний (см. предыдущий параграф или разделы о ядерных предложениях, генерализованных высказываниях и объяснительных суждениях в этом параграфе), не ориентированы при их реконструкции на дискретные морфологические или синтаксические операции над составляющими их словами.

Если бы это было так, то количество трансформаций для приведения идиоматического примитива к нормативному виду оказалось бы очень большим, а сами операции не были бы элементарными, как того требует статус примитива. В самом деле, сколько надо осуществить (исследователю или носителю языка) простых преобразований, чтобы из пары ОБЕЩАТЬ – *ждать* получить ФЕ «обещанного три года ждут»? Надо полагать, что независимо от способа задания идиомы или, что то же самое, от способа оформления ее синтаксического примитива, операция восстановления всегда одна и та же: она состоит в одноактном и недискретном воспроизведении целокупной формулы идиоматического выражения по любому значимому ее фрагменту, по любому компоненту ФЕ. И если говорить о голографических принципах организации лексикона человека и хранения в памяти лексических единиц [18, с. 150–171] не только метафорически, но пытаться обнаружить в АВС конструктивные черты голографии, то взаимоотношения нормативных идиоматических выражений и их синтаксических примитивов дают прекрасный материал и для наблюдения над диссипацией, над прихотливым распределением в АВС «разъятых» на фрагменты фразеологических структур, и над воссозданием в речи (тексте), но любому из этих фрагментов исходной идиоматической структуры в ее целостности. Диссипация может иметь место в одной ассоциативной статье или происходить между разными статьями. Примером первой могут служить три способа введения в статью ГОСТЬ идиомы «незваный гость хуже татарина» или следующий случай, интересный тем, что в качестве синтаксического примитива идиомы использован в разных реакциях испытуемых каждый значимый ее фрагмент, а кроме того, дана также полная структура и ее вариант:

ОБЕЩАТЬ – *ждать* – *три года* – *три года ждут* – *обещанное три года ждут* – *обещанного три года ждут*.

Примеры диссипации между несколькими статьями таковы:

ДЕЛО
мастера

МАСТЕР
боится
бояться
дело мастера боится

ВРЕМЯ
делу
потеха
час

ДЕЛО
время
потеха
час

ЧАС
потехе
время

КОНЧАТЬ
гулять смело

СДЕЛАТЬ
гуляй смело

ПРИЙТИ
увидеть – победить

УВИДЕТЬ
победить

Итак, каждая идиома обладает устойчивой синтаксической структурой, которая при ее употреблении воспроизводится целиком и сама по себе не варьируется, допуская некоторое грамматическое варьирование лишь в компонентах. Вот эта устойчивая синтаксическая структура и может быть задана свернутым, сжатым, способом с помощью синтаксических примитивов, основанных главным образом на соположении слов, совместно встречающихся в идиоме, т. е. на соположении ее лексических компонентов. Такой сжатый способ реагирования синтаксическим примитивом идиомы, ее грамматически оформленным или лемматизированным фрагментом должен свидетельствовать о том, что хранится она в АВС скорее всего именно в таком виде, т. е. ее предтекстовая, предречевая готовность запечатлена в тех типах реакций, которые были рассмотрены выше. Грамматикализованный ли (а значит, стандартно воспроизводимый) или лемматизированный (а значит, активно измененный) облик приобретает синтаксический примитив идиомы в тот или иной момент речепорождения или речевосприятия, зависит от того, с какой «парой» он входит в этот момент в контакт, т. е. грамматикализованный или лемматизированный облик имеет в данный момент в сети один из его ассоциативных партнеров, которые мы называем стимулами в ассоциативном эксперименте и которые являются просто равноправными друг с другом узлами, если их рассматривать на фоне АВС в целом.

Прецедентные тексты. Реакции, которые мы относим к прецедентным текстам, занимают такое же место в СЛ (а значит, и в АВС), как и идиоматические выражения, т. е. составляют примерно 1% от всех словоупотреблений. Напомним, что прецедентными текстами мы называем общеизвестные явления культуры, апелляция к которым в порождаемом говорящим тексте служит задачам усиления семантико-когнитивного фона, философского и эмоционального обоснования и дополнительной аргументации в пользу занимаемой им позиции, является условным кодом для обозначения «своих», в отличие от «чужих», сокращенным приемом указания аналогии в ситуации и ее оценке, наконец, просто приемом орнаментального украшения собственного текста [12, с. 216–237]. Показательно, что перечисленные задачи оказываются идентичны тем, которые говорящий решает и с помощью использования идиом: прецедентные тексты культуры по своим функциям в актуальном тексте аналогичны идиоматическим выражениям.

Однако в ассоциативном эксперименте новый текст не создается, получающаяся в результате него ассоциативная статья является словно набором припоминаний о прежних текстах испытуемого, и поэтому вкрапленные в эти воспоминания прецедентные тексты (так же, как и идиомы) в АВС не функциональны.

Они нейтральны по отношению к названным задачам, и их появление служит просто указанием того места, которое они занимают в АВС, и характеристикой ее состояния в момент эксперимента. Тот факт, что реакции-отсылки к прецедентным текстам в ассоциативном эксперименте возникают спонтанно и автоматически, без какой-то явной, видимой для испытуемого цели, не означает, однако, равноценности их с обычными лексико-грамматическими реакциями. Последние, соединяясь со стимулом, как бы дополняют, расширяют его семантику, но имеют все же достаточно локальный смысл, тогда как введением прецедентных текстов достигается резкое расширение смысла и одновременно исключительная его концентрация. Ср., с одной стороны, *ВОЙНА – ужас*, *ВОЙНА – разрушительная*, *ВОЙНА – все же не будет*, а с другой стороны, *ВОЙНА – и мир*, – как отсылка к различным аспектам проблематики, эмоционального настроения романа, страницам русской истории, любимым героям, гениальному автору и т.д., и т.д. – до бесконечности. Конечно же, второй способ реагирования влечет такое наращивание смысла, которое не идет ни в какое сравнение с его расширением путем обычной реакции.

Можно предположить, что в условиях ассоциативного эксперимента испытуемый, носитель языка, не остается механическим исполнителем предписаний, данных ему экспериментатором, но бессознательно стремится достичь и некоторой собственной цели, решить собственную задачу самовыражения, самореализации: в ситуации дефицита времени и ограничения на длину порождаемых в ответ на стимул отрезков – дать как можно больше смысла, знаний, эмоций. Самый эффективный путь достижения подобной цели – максимум смысла в минимуме объема – это апелляция к устойчивым, идиоматическим выражениям и использование готовых, общеизвестных, прецедентных текстов. Именно так хотелось бы объяснить появление последних в АВС: они являются крайним, высшим выражением собственной этой сети тенденции к максимальному наращиванию, к постоянному расширению смысла. Эту тенденцию следует рассматривать как одну из основных закономерностей, на которых зиждется организация АВС и из которой исходит испытуемый в своем поведении в ассоциативном эксперименте. Понятно, что этой тенденции положены естественные пределы – конечностью числа слов, конечностью смысла каждого слова и соответственно – повторяемостью его ассоциативных связей: при достижении в отдельной статье ассоциативного насыщения наращивания смысла уже не может происходить. Таким образом, тенденция к постоянному увеличению, к постоянному росту смысла при наличии естественных пределов такого роста свидетельствует о замкнутости АВС и одновременно о ее потенциальной бесконечности. Но вернемся к прецедентным текстам в ней.

Выделяются четыре способа апелляции к прецедентным текстам – имя автора, название произведения, имя персонажа

и цитата. В условиях массовой культуры к ним добавляются, очевидно, и какие-то иные способы, один из которых во всяком случае ясен, — это имя исполнителя. Нас эти факты будут интересовать только со стороны грамматики, хотя аспекты изучения прецедентных текстов гораздо шире и выходят, собственно говоря, за рамки самой лингвистики — в психологию, социологию и культурологию. С точки зрения грамматической, каждый из названных способов воплощается в АВС в специфический синтаксический примитив, но типология синтаксических примитивов для прецедентных текстов оказывается той же самой, что и для идиоматических выражений, поэтому при их рассмотрении мы не будем повторять рубрикацию предыдущего раздела, а расположим материал в соответствии с указанными четырьмя или пятью способами обращения к прецедентным текстам.

Из общего числа примерно в тысячу их упоминаний в СЛ более половины являются названиями — литературно-художественных, живописных произведений, кинофильмов и спектаклей (пьес), четверть составляют цитаты, значительное число которых — цитаты из песен, несколько меньше упоминаний авторов, и в основном это писатели, и, наконец, довольно небольшое количество имен персонажей, причем очень прихотливо подобранных и не поставляющих никаких материалов для грамматических наблюдений. Здесь и сказочные (БАБУШКА — *Красная Шапочка*, ДОБРЫЙ — *Айболит*, ПАПА — *Карло*), и мифические (ПРЕКРАСНЫЙ — *Елена*), из классической литературы (СЛАВА — *Андрей Болконский*) и из советской (ЛЮБОВЬ — *Яровая*, СТАРЫЙ — *дед Щукарь*), из русской и зарубежной (ЛИТЕРАТУРА — *Сковрон*, *Онегин*), из детской (ДЯДЯ — *Степа-великан*, ДЯДЯ — *Том*). Этот список становится почти исчерпывающим, если в него добавить случаи, когда имена персонажей являются одновременно названиями произведений: ДЯДЯ — *Ваня*, ДЯДЯ — *Степа*, МАСТЕР — *и Маргарита*.

Что касается названий, то более половины их вводится в ассоциативную статью в своем полном виде, без сокращений и трансформаций. Приведем их без комментариев, сохранив кавычки там, где они поставлены испытуемыми: ВРЕМЯ — *вперед*, ВСТРЕЧА — *на Эльбе*, ДЕВОЧКА — *на шаре*, ДЕЛО — *Румянцева*, ДЕЛО — *которому служишь*, ДЕЛО — *№ 306*, ДЕЛО — *дело «пестрых»*, ДОБРЫЙ — *человек из Сезуана*, ДОРОГОЙ — *мой человек*, ДОСТАТЬ — *«Тихий Дон»*, ДЯДЯ — *Ваня*, ЗВОНИТЬ — *звонят, откройте дверь*, ИНТЕРЕСНЫЙ — *«Живые и мертвые»*, ИНТЕРЕСНЫЙ — *«Привидения»*, ЛЕС — *«Русский лес»*, ЛЮБОВЬ — *под вязами*, МИЛЫЙ — *лжец*, РЕБЕНОК — *«Дитте — дитя человеческое»*, СЛОВО — *о полку Игорева*, СЛОВО — *о словах*, СМЫСЛ — *заглавие «Отцы и дети»*, СТАРЫЙ — *Джюльбарс*, СТАРЫЙ — *Старик и море*, ХЛЕБ — *имя существительное*, ЧЕЛОВЕК — *родился*, ЭКЗАМЕН — *опять двойка*.

Типы синтаксических примитивов, в которые свертываются названия, — самые простые:

– мена местами стимула и реакции: ГОСТЬ – *каменный*, ИСТОРИЯ – *обыкновенная*, ИСТОРИЯ – *иркутская*, ЛЕС – *русский*, УЧИТЕЛЬНИЦА – *сельская*;

– дополнение названия слева или справа: ДЯДЯ – *Миша* < «Твой дядя Миша», ВРЕМЯ – *жить* < «Время жить и время умирать»;

– деграмматикализация полная или частичная: ВСТРЕЧА – *Эльба* < «Встреча на Эльбе», ДЕВОЧКА с *персиком* < «Девочка с персиками», ДОМ – *набережная* < «Дом на набережной», ДОЧЬ – *капитанская* < «Капитанская дочка», НАЧАЛЬНИК – *Чукотка* < «Начальник Чукотки», ПРОСТОЙ – *история* < «Простая история», ТЕМНЫЙ – *царство* < «Луч света в темном царстве»;

– лексическая вариативность: ВСТРЕЧА – *на Одере* < «Встреча на Эльбе», СВЕТ – *в темном царстве* < «Луч света в темном царстве».

Цитата, как третий способ оперирования прецедентными текстами, не увеличивает разнообразия типов синтаксических примитивов, хотя большая их часть представлена именно примитивами. Среди тех, что приводятся в статьях целиком, как полные, законченные высказывания, преобладают предложения из 2–3 слов: ДЕРЕВНЯ – *вот моя деревня*, ДЯДЯ – *«самых честных правил»*, ЗЕМЛЯ – *я своих провожаю питомцев*, ЛЕС – *«У лукоморья дуб зеленый»*, МНЕНИЕ – *чужое только свято*, НАРОД – *безмолвствует*, ЧЕЛОВЕК – *из дома вышел*, ЕСТЬ – *такая партия*, КИЛОМЕТР – *дистанция огромного размера*.

Гораздо больше в статьях тех цитат, которые даются одним словом, намеком, требующим продолжения, достраивания до заверченного фрагмента: УТРО – *туманное*, ДЯДЯ – *гражданин* < «жил высокий гражданин ...», ДЯДЯ – *Степа-великан* («Дядя Степа»), ДЯДЯ – *недаром* < *Скажи-ка, дядя, весь недаром ...*, ИСКАТЬ – *боротся* < *боротся и искать, найти и не сдаваться*, ТОЧКА – *два крючочка* < *точка, точка, два крючочка ...*, ДЕРЕВНЯ – *где скучал Евгений*, ДЕРЕВНЯ – *преlestный уголок*. Есть среди синтаксических примитивов цитат и деграмматикализованные: ПОМОЩЬ – *дети голодающего Поволжья*; ПРЕКРАСНЫЙ – *маркиз* < «Все хорошо, прекрасная маркиза»; БЕЛЫЙ – *парус* < «Белеет парус одинокий ...».

Упоминания авторов с грамматической точки зрения неинтересны, хотя сам их перечень, так же как и весь набор прецедентных текстов, заданными разными способами, должен быть предметом изучения с культурологической, социологической, психологической, искусствоведческой, философской и этической точек зрения. При нашем подходе, опуская элементарные, «лобовые», так сказать, обращения к именам авторов (типа КАРТИНА – *Репина*, ШИШКИНА, АЙАЗОВСКОГО ...), КИНО – *Довженко*, НИКИТА МИХАЛКОВ, КНИЖКА – *Гайдар*, *Гете*, *Диккенс* ...), следует обратить внимание на те случаи, которые можно трактовать как своеобразные синтаксические примитивы. К ним мы относим такие ситуации, когда стимул воспринимается как примитив цитаты,

названия или излюбленной темы, а реакцией становится имя автора: УГОЛ – поэт Коган < Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал; ДОРОГОЙ – Герман (трилогия) < «Дорогой мой человек»; ЛЕС – Шишкин; ПОЛНЫЙ – Чехова < «Толстый и тонкий»; БЕЛЫЙ – У. Коллинз < «Женщина в белом».

АВС КАК СПОСОБ ЛИЧНОСТНОГО ПРИСВОЕНИЯ ЯЗЫКА И ВЛАДЕНИЯ ИМ

§ 1. ПРИВЕДЕНИЕ К ВЫРАЖЕНИЮ И ОБЩИЕ СВОЙСТВА АВС

Анкета – статья – словарь. Эти три ступени представляют собой обычный путь последовательного приведения АВС к выражению, и с образцами двух первых этапов для АТ читатель имеет возможность познакомиться, заглянув в Приложение (см. с. 317). Анкета состоит из набора стимулов и реакций, вопросов и ответов одного испытуемого, одного носителя языка. Статья группирует разные ответы всех испытуемых на один и тот же стимул. Если в анкете мы имеем дело с индивидуальностью, то в ассоциативной статье статистическая градация ответов как бы стирает индивидуальные черты, превращает индивидуальность в «коллективную», или усредненную, языковую личность и заставляет говорить о «нормах», свойственных той языковой общности, к которой принадлежит эта личность. Впечатление, будто в ассоциативной статье, особенно в частотной ее части, мы имеем дело с некоей «нормой», усиливается благодаря тому обстоятельству, что при переходе от анкеты к статье утрачивается не только индивидуальная принадлежность реакций, но теряется также диалогический характер в соединении реакции со стимулом, и последний перестает восприниматься как вопрос, на который реакция является ответом. В самом деле, анкета задает и моделирует коммуникативную ситуацию, в которой стимул выступает как слабый импульс, «запускающий» процесс активации в сети и приводящий в предречевую готовность значительный ее участок, в результате чего испытуемый реализует (т.е. выбирает) одно из потенциально возможных решений, вербализует один из находящихся в предречевой готовности «узлов». Тот же стимул может вызвать у другого испытуемого потребность реализовать иной «узел» сети из активированной зоны, и, переходя таким образом от одного испытуемого к другому, мы очерчиваем весь потенциально активируемый слабым импульсом участок коллективно существующей, или принадлежащей «коллективной личности», сети. Статья и должна по идее репрезентировать этот участок сети, но стимул по отношению к статье перестает быть «слабым импульсом» вопросо-ответного режима, а становится своеобразным «аттрактором», стягивающим вокруг себя узлы-лексемы эксплицированного, но активируемого у каждой инди-

видуальности лишь потенциально, участка коллективно существующей, но индивидуально присваиваемой АВС. Статья представляет собой поле с размытыми границами и флуктуирующим составом, в котором выделяются универсальные, с точки зрения когнитивно-семантических и логических отношений между словами (узлами), т. е. общечеловеческого содержания зоны; зоны с преобладанием национально-культурной обусловленности связей между лексемами; наиболее неустойчивые и подверженные изменениям во времени зоны индивидуально устанавливаемых, но типизированных для данной языковой общности связей (см. например, [7; 19; 20]). Их не поверхностная, но глубинная стандартность (т. е. не пословное совпадение, а категориально-грамматическое и когнитивно-семантическое подобие связей между стимулом и реакциями) навязана и в конечном счете контролируется одними и теми же текстами, циркулирующими в данной языковой общности, повседневно проходящими через индивидуальное языковое сознание и подкрепляющими генетически сформировавшиеся у личности связи в ее АВС.

Из этих рассуждений ясно, что соотношение анкеты и статьи довольно сложно и запутанно: реальная анкета вполне индивидуальна, тогда как статья, в своем эксплицированном, проявленном виде, — надындивидуальна, коррелирует не с конкретной личностью, а с тотальной, или «коллективной», но в то же время в своем потенциальном состоянии или качестве статья может быть «индивидуализирована» и идеализирована, приписана некоей отдельной гипотетической личности, идеальному говорящему, представляющему среднего носителя языка. Возможность и обоснованность такого шага усиливается при переходе от статьи к словарю, который строится как совокупность статей, покрывающих своим содержанием некоторый репрезентативный набор словоупотреблений, обеспечивающих возможность повседневного общения и взаимопонимания любой личности из данной языковой общности с любой другой. Иными словами, эксплицированная, приведенная к выражению через индивидуальные анкеты и через построение из них надындивидуальных статей усредненная АВС оказывается в целом ближе к индивидуальной сети «в голове» каждого реального носителя, чем отдельный ее фрагмент, отдельная ассоциативная статья из словаря, отнесенная нами к идеальному говорящему. Как же это происходит?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, устраним одно недоумение, которое, вероятно, уже возникло у читателя: до сих пор понятия «словарь» (ассоциативный) и «сеть» употреблялись в тексте недифференцированно и могли восприниматься как синонимы. Вообще говоря, по большому счету, это справедливо, при условии, что мы отдаем себе отчет, что «сетевой характер» словаря предстоит еще раскрыть (см. здесь же, ниже) и что не всякий ассоциативный словарь способен достаточно полно отразить «коллективную» АВС данной языковой общности. В са-

мом деле, 50 или 100 стимулов, собравшие даже по тысяче ответов, еще не воспроизведут «всей» АВС. (Понятно, когда я говорю «всей АВС», я имею в виду прецедентную, в образцах, т. е. хотя бы однократную, представленность всех типовых словоупотреблений в изучаемой языковой общности.) Сколько же нужно стимулов, чтобы это отражение было адекватным? Мы не можем утверждать, что их количество должно для этого совпадать с общим числом слов в больших словарях литературного языка, т. е. равняться 200 или 100 тысячам слов. Основным критерием для определения оптимального числа стимулов следует считать возможность языковой личности, и ход рассуждений здесь должен быть таков. Если средняя языковая личность для активного повседневного общения использует около 2 тысяч слов (а именно это число получено мной в эксперименте по изучению одного дня русской языковой личности), которые обеспечивают ей понимание всего языкового богатства русского языка, а значит, взаимодействие ее индивидуальной сети с любой другой индивидуальной сетью и тем самым ее включенность в коллективную АВС, то эти 2 тысячи «узлов»-стимулов оказываются достаточными для того, чтобы «держаться» своими связями всю коллективную (=индивидуальную) АВС и охватывать потенциально (хотя бы для пассивного владения) все 100 или 200 тысяч слов литературного языка. В этом смысле АТ приближается к такому идеалу (в нем 1284 стимула) и достигнет его, когда число реакций на каждый стимул превысит 500.

Итак, вернемся к ответу на вопрос, почему же коллективная АВС, отраженная в ассоциативном словаре, оказывается ближе к любой индивидуальной АВС, чем отдельный ее фрагмент в виде ассоциативной статьи, предъявленный для оценки, например, случайно выбранному носителю языка, не говоря уже о частной анкете. Ведь если заполненную одним испытуемым анкету предъявить для оценки другому испытуемому, даже из той же самой группы, его согласие с ответами коллеги будет минимальным, а вопросы, недоумения, эмоционально-негативное восприятие полученных реакций и их квалификация как «субъективных» будут преобладающими. Аналогичным, хотя, может быть, лишь в малочастотной зоне, окажется, как правило, и восприятие отдельной, «вырванной» из словаря ассоциативной статьи, где большая часть единичных реакций также получит оценку ненадежных и субъективных со стороны впервые сталкивающегося с этим материалом непредвзятого носителя языка и даже лингвиста. В то же время, имея дело с полным ассоциативным словарем, такой гипотетический посторонний, не искушенный в психолингвистике «оценщик» не может не почувствовать в нем некую основу, совпадающую с его собственными представлениями о связях слов в родном языке, основу, в чем-то конгруэнтную его индивидуальной сети. Могло бы показаться, что этот эффект возникает по статистическим причинам: большое число повторяющихся реакций на один и тот же стимул на-

страивает наблюдателя на то, чтобы усматривать в них какую-то управляющую носителями «норму», некий набор предписаний, которым в массе своей носители языка подчиняются. Такое объяснение существует, но оно, на мой взгляд, не содержит всей истины, поскольку, опираясь лишь на внешний признак, не учитывает некоторых важных особенностей устройства и функционирования АВС, тающихся в ее природе.

Динамический характер АВС и диссинативные процессы в ней. Теперь я хочу открыто прибегнуть к аналогии, которую втайне от читателя давно держал в уме, и провести параллель между АВС и любой открытой (т. е. обменивающейся энергией со средой) и неустойчивой, неравновесной (т. е. меняющей свои состояния не детерминистски, а вероятностно) физической или социальной системой. Примером первой может служить любое турбулентное движение, как, скажем, падающая с уступа масса воды – водопад, примером второй – процессы урбанизации и роста городского населения. Используя эту аналогию, я буду опираться на идеи И. Пригожина [21; 22]. Уже сама заявка на такую аналогию заставляет отказаться от образа «сети», совпадающего с реальной, сплетенной, например, из веревок сетью. АВС – это не статическое образование, а находящаяся в состоянии неустойчивого равновесия система, в которой позиции и связи входящих в нее элементов постоянно флуктуируют и динамически меняются в зависимости от воздействий, оказываемых проходящими через нее текстами. В этом отношении те моментальные картины сети, которые мы получаем в ассоциативном словаре, в отдельной ассоциативной статье вполне справедливо при первом впечатлении могут казаться хаотическими, но это тот самый хаос неравновесного состояния, который, согласно И. Пригожину, служит источником самоорганизации и из которого рождается порядок. По сравнению с проходящими через сеть текстами, целиком меняющими ее состояние, стимул в ассоциативном эксперименте представляет собой, как сказано выше, всего лишь слабый импульс, который приводит к бифуркациям, т. е. к ветвлению, расслоению возможных активизируемых им связей. Слабый импульс вызывает некоторый индивидуальный свернутый¹ ответ, который берет на себя представительство всей активированной зоны, а последняя, очерченная траекториями возможных бифуркаций, как бы оконтуривает, обозначает потенциальную статью из индивидуальной АВС. Реальная же статья, приведенная к выражению в массовом эксперименте и являющаяся

---

¹ Всякая реакция в ассоциативном эксперименте является «свернутой», скомпрессированной и сжатой, как бы дважды – на микроуровне, скрывая в себе синтаксическую связь со стимулом, либо допуская преобразование через синтаксический примитив, либо, наконец, намекая на определенную тему или ситуацию, – и на макроуровне, выступая свернутым, сокращенным представителем целой совокупности собственных словоизменительных и словообразовательных модификаций, рассеянных в АВС и комплектуемых в «ассоциативную парадигму».

надындивидуальной, выступает как подобие, как вариант индивидуальной (но остающейся потенциальной) ассоциативной статьи, и одновременно как фрагмент сети, в котором проявляются все ее свойства.

Стимул для такого фрагмента оказывается аттрактором, т. е. такой точкой, которая притягивает близкие бифуркации, близкие активированные связи, или траектории. Наличие же аттрактора в неравновесной системе ведет к образованию адекватных данной среде структур, названных И. Пригожиным «диссипативными». Диссипативные, или рассеянные, структуры являются важнейшим фактором самоорганизации в сложных системах. На примере диссипации грамматических структур в ассоциативных статьях и АВС мы имели возможность убедиться и в их распространенности, и в полноте представленности в них грамматических факторов и закономерностей, и в их роли для возникновения самоорганизации и порядка. «В синэргетике, — пишет С. П. Курдюмов, — существует даже принцип, пока, правда, полуэмпирический, т. е. строго не доказанный: в любой сложной самоорганизующейся нелинейной системе должны быть диссипативные процессы, другими словами — необходима определенная доля хаоса на микроуровне, которая играет роль силы, выводящей систему в область создания сложной структуры» [23, с. 42]. И далее в этой статье следует характеристика неравновесных систем с нелинейными процессами в них, которую прямо можно соотнести со структурой ассоциативного поля (статьи) и ассоциативного словаря, или сети: «Закономерность и случайность проявляют себя на разных стадиях, создавая возможности и для устойчивости, и для изменчивости эволюционного процесса... В этой особенности развития нелинейных систем видно триединство: предопределенность поля путей возможного развития (аналог второго начала термодинамики), возможность вероятностного движения по этому полю (изменчивость) и, наконец, работа отбора, обусловленного внешними влияниями (приспособляемость)» [Там же, с. 43].

Значит, возвращаясь к оценке, приводимой к выражению в ассоциативных словарях сети, к причинам «узнавания» в ней наблюдателем подобной его собственной, индивидуальной АВС, мы должны сказать, что основой такого сближения и отождествления служат не только и не столько сами элементы (т. е. «узлы»- слова), сколько схожесть образуемых ими в разных индивидуальных сетях, так же как в коллективной АВС, диссипативных структур. Они относятся не только к грамматическому оформлению реакций, рассеянию категорий и форм на всем сетевом пространстве, формированию моделей двух слов и более сложных синтаксических конструкций, но охватывают и типовые семантико-когнитивные структуры, и тождественные фонетические комплексы, и узнаваемые прагматико-мотивационные модели.

Представим себе такую картину: мы соединили все наши

морфологические диагностические матрицы – для имени существительного, прилагательного, глагола и т. д. – в одну линию¹, добавив к ним справа еще новые столбцы или графы, отражающие, наряду со словообразовательной (с. 142–145), также синтаксическую градацию вопросов и ответов, разновидности моделей двух слов и синтаксических примитивов разного рода из второй части нашей работы. В результате получилась очень длинная цепочка, включающая не менее 1500 делений, или ячеек, с весьма конкретными обозначениями грамматических явлений разных уровней: дательный падеж имени существительного, наречие степени, объяснительное суждение, прецедентный текст и т. п. Если теперь через такой «фильтр» пропустить содержание любой ассоциативной статьи, скажем, из АТ, то в соответствующих клетках «задержатся» многочисленные структуры – диссипативные структуры, как бы остановленные в своем, на самом деле никогда не прекращающемся колебательно-осциллирующем, флуктуирующем движении и рассеянные в пределах АВС. Этот мысленный эксперимент, который, впрочем, легко может реализовать и сам читатель, показывает, во-первых, диссипацию грамматических структур по каждой ассоциативной статье, а, во-вторых, их значительное богатство даже в таких небольших фрагментах сети, которые представляют собой отдельные статьи. Это означает, что некоторый стимул-аттрактор, вызвав целую серию бифуркаций или потенциальных ответов, приводит в потенциальную, предречевую готовность окружающий его участок АВС, активируя в нем не только семантические связи между словами-узлами, но и существенные пласты грамматики, морфологии и синтаксиса, которые в совокупности несут память о предшествующих текстах, проходивших через этот участок, и являются заголовками для текстов будущих.

Тот факт, что в роли аттрактора в сети, или заголовочного слова в словаре, может выступать любое слово, подтверждается как структурированием АТ, в котором, наряду с синонимами, родо-видовыми парами и экспрессивными словами, в числе стимулов есть и все разряды слов вспомогательных – числительные, местоимения, предлоги и частицы, образовавшие вокруг себя полноценные ассоциативные статьи, так и построением индивидуального ассоциативного словаря, использовавшего более 8 тысяч стимулов и тоже выявившего диссипацию грамматических и семантических структур в АВС. Такая готовность любого слова реализовать в сети функцию аттрактора есть основа самоорганизации и одновременно аргумент против усмотрения «нормативности» в группировке реакций вокруг стимула в статье, ибо нормативность предполагает, помимо всего

---

¹ Читатель, видимо, обратил уже внимание на то, что нумерация клеток всех приведенных ранее матриц по горизонтали сделана сплошной, продолжающейся линией, так что морфологическая информация вмещается в 100 клеток.

прочего, избранность, маркированность, какую-то особую выделенность точек концентрации семантики и грамматики, а значит, несет печать «произвола», сознательного вмешательства в структурирование сети, как бы «назначения» этих точек-стимулов «сверху», а не демократически-случайного, самоорганизованного «выдвижения» их снизу. Приведу еще одну аналогию для усиления своей позиции по этому вопросу.

Постройка гнезда (термитника) термитами – одна из тех когерентных активностей, которые дали некоторым ученым повод для умозрительных утверждений о «коллективном разуме» в сообществах насекомых. Проявляется этот «коллективный разум» довольно необычным способом: для участия в постройке такого огромного и сложного сооружения, как термитник, термитам необходимо очень мало информации. Первая стадия строительной активности (закладка основания), как показал Грассе, является результатом внешне беспорядочного поведения термитов. На этой стадии они приносят и беспорядочно разбрасывают комочки земли, но каждый комочек пропитывают гормоном, привлекающим других термитов. Ситуацию можно представить следующим образом: начальной «флуктуацией» является несколько большая концентрация комочков земли, которая рано или поздно возникнет в какой-то точке обитания термитов. Взросшая плотность термитов в окрестности этой точки, привлеченных несколько большей концентрацией гормона, приводит к нарастанию флуктуации. Поскольку число термитов в окрестности точки увеличивается, постольку вероятность сбрасывания ими комочков земли в этой окрестности возрастает, что, в свою очередь, приводит к увеличению концентрации гормона-аттрактанта. Так воздвигаются «опоры». Расстояние между ними определяется радиусом распространения гормона...

Хотя принцип порядка Больцмана¹ позволяет описывать химические или биологические процессы, в которых неоднородности выравниваются, а начальные условия забываются, он не может объяснить ситуации, подобные только что описанным, где несколько «решений», принятых в условиях потери устойчивости, могут направить развитие системы, состоящей из большого числа взаимодействующих единиц, к некоторой глобальной структуре [22, с. 245–248].

Возникающая глубокая, как мне представляется, и не требующая дополнительных комментариев аналогия с рассматриваемым нами предметом – АВС и ее проявлениями – усиливается

---

¹ Здесь необходимо сделать минимальные пояснения для читателя-филолога, использовав для этого ту же цитируемую книгу И. Пригожина. Упомянутый принцип означает, «что необратимое термодинамическое изменение есть изменение в сторону наиболее вероятных состояний и что состояние-аттрактор есть макроскопическое состояние, соответствующее максимуму вероятности... Коль скоро наиболее вероятное состояние достигнуто, система отклоняется от него лишь на небольшие расстояния и на короткие промежутки времени. Иначе говоря, система лишь флуктуирует около состояния-аттрактора» [22, с. 177].

благодаря тому обстоятельству, что примеры, подобные приведенному, имеют универсальное распространение в биологических, социальных, экологических, психологических средах.

Специфика АВС на фоне сетевых методов и структур. Кажется, принципиальной и основополагающей особенностью АВС является ее онтологический характер: в противоположность известным семантическим, лексическим [24], синтаксическим сетям [25], а также сетевой организации текста [24, с. 101–150] или сетевым моделям памяти [26, с. 287–290, 364–370], которые возникают как артефакты, как конструкторы, как результат систематизирующего усилия исследовательского ума, АВС существует как исходная реальность и как конечная данность, которая только проявляет себя в ассоциативном эксперименте. Если для сетевого структурирования искусственно вычлененного лингвистом из словаря семантического поля, например, *дорога (шоссе, тропинка, аллея, идти, ехать, остановка, поворот, ворота...)*, исходным моментом служит некоторая метафора сети, то соответствующая ассоциативная статья в словаре имеет сеть естественной и единственной формой своего бытования. Действительно, каждая реакция в статье, будучи конечной точкой, направленной от стимула семантической (морфологической, синтаксической, когнитивной, прагматической) связи, одновременно сама может выступать в роли стимула в другой статье, т. е. образовывать исходную точку другой направленной связи, да еще в качестве реакции «принимать» направленные связи от других стимулов. Эксплицирование всех этих отношений естественным образом и формирует сеть, которая на самом деле осложняется, помимо названных прямых, еще рядом косвенных, опосредованных связей между составляющими ее узлами-словами.

АВС имеет сложное и многоуровневое строение, но уже самое поверхностное представление о ней, составленное из соотнесения прямого (от стимула – к реакциям) и обратного (от реакции – к стимулам) ассоциативного словарей, неминуемо оказывается сетевым, что и должно соответствовать ее природе.

Названные аспекты, или разрезы, АВС: 1) прямой ассоциативный словарь и 2) обратный – относятся к ее макроструктуре, которую помимо них формируют также следующие массивы: а) список реакций, не встретившихся в числе стимулов. Надо сказать, что этот массив, естественно, должен быть велик по объему, поскольку простое численное сравнение показывает, что даже при 100 реакциях на каждый стимул, их общее число в АТ превышает число стимулов в 20 раз. По мере же роста количества реакций этот массив будет увеличиваться, достигая в какой-то момент насыщения; б) список стимулов, не встретившихся в качестве реакций. Он тоже не составляет пустого множества, хотя его состав исчисляется уже при нынешнем состоянии АТ не более чем полупроцентом от исходного числа стимулов, а при дальнейшем росте реакций он будет сокращаться, имея тенденцию приближаться к нулю; в) списки стимулов и реакций, находящихся

в разной степени эквивалентности друг с другом, т.е. «полной обратимости», «обратимости в пределах словоизменительной парадигмы»; г) частотный список реакций (по убыванию частоты).

Специфическим свойством АВС можно назвать и многообразие отношений, лежащих в основе связей между ее элементами. В искусственно возводимых сетях, во-первых, ограничивается сам перечень отношений (исключаются стилистические, эмоционально-оценочные, прагматические отношения), во-вторых, и это самое главное, все прочие отношения трансформируются, переводятся в однотипные, отвечающие характеру данной сети: если сеть семантическая (лексическая), то все отношения представляются в ней как семантические и парадигматические, при этом словообразовательные и словоизменительные не учитываются, а синтаксические роли элементов соответственно сами передаются как парадигматически связанные элементы; если сеть синтаксическая, то в основу ее кладутся отношения непосредственно составляющих в различного типа древовидных структурах предложений; наконец, при сетевом моделировании текста расширяется прежде всего набор элементарных единиц сети, к числу которых в этом случае относят кроме слов также предложения и абзацы, но связи между ними остаются по сути дела семантическими [24, с. 103]. Напротив, в АВС сохраняется все мыслимое многообразие отношений между ее элементами, которое, вообще говоря, исчислимо, хотя до сих пор не исчислено, и которое покрывает фактически всю структуру языка и отражает взаимоотношения его единиц на разных уровнях и между уровнями. Совокупность этих взаимодействий между каждым стимулом и каждой реакцией составляет микроструктуру АВС. Анализ грамматического содержания микроструктуры были посвящены две первые главы данной книги, которые, конечно, не исчерпывают всего ее богатства, предполагающего возможность, помимо традиционного семантического, также культурологического, прагматического, социально-политического, психологического и иных видов анализа микроструктуры АВС.

Следующее, третье свойство АВС – вариативность ее элементов, которая в конечном итоге и определяет степень неустойчивости, неравновесности всей системы. В разделе «Сумма морфологии» мы охарактеризовали три типа варьирования – словоизменительное (в пределах парадигмы), словообразовательное (в пределах гнезда) и семантическое (колебания в ассоциативной статье между разными ЛСВ, как стимула, так и реакции, вплоть до омонимии). К этим разновидностям варьирования добавляются колебания в типах связи между стимулом и реакцией, а также изменчивость в выборе той или иной ветви «бифуркации» от индивидуума к индивидууму при массовом анкетировании. Показателем последней может служить так называемый коэффициент разнообразия реакций в ассоциативной статье, который

вычисляется по формуле $\frac{R \text{ разных}}{R \text{ всего}}$ и величина которого на массиве АТ колеблется в пределах от 40 до 60 % (см., например, Приложение, с. 323–325). А с учетом того, что перечисленные пять линий варьирования могут комбинироваться одна с другой самым причудливым образом, ощущение запутанности, непредсказуемости, хаотичности отношений элементов в АВС будет полным.

Четвертое свойство АВС вытекает из двух последних: многообразия связей между элементами сети и вариативность самих элементов служат предпосылкой диссипации в ней грамматических, семантико-когнитивных, прагматических структур. Диссипация понимается двояко – как рассеянность в сети, распределенность между разными лексемами – стимулами и реакциями – парадигмы (словоизменительной, деривационной, семантической, т.е. в пределах полисемии) каждого конкретного слова и как ее потенциальность, или принципиальная неполнота и размытость. Вспомним потенциальность словообразовательного гнезда в одной ассоциативной статье и в сети в целом, а также потенциальность корня; потенциальность многозначности стимула в одной статье и потенциальность многозначности реакции – в ее связях с разными стимулами; потенциальность словоизменительной парадигмы, которая полностью реализуется на всем пространстве сети только для двух-трех слов¹, воплощая прочие типы словоизменения в аналогиях и привязывая их к другим лексемам. Отсюда – структурная ценность в АВС каждой единичной реакции, которая (потенциально опять же!) может оказаться единственным образцом для нереализованной в сети формы и тем создать прецедент для необходимых аналогических образований, и отсюда соответственно, – структурообразующая роль диссипации в сети.

Понятие связности в АВС. Рассмотренные свойства АВС, в общем-то, после морфологического и словообразовательного анализа, самоочевидные и поверхностные, подводят нас к пониманию двух других, глубинных и требующих для своего раскрытия дополнительного анализа, свойств сети. Речь идет о таких свойствах, как семантическая связность элементов друг с другом и обратимости отношений между ними. Для их интерпретации необходимо сделать предварительные замечания. Во-первых, при выяснении семантической связности и обратимости будем считать пределами тождественности слова всю его «ассоциативную парадигму», которую составляют его словоизменение, словообразовательное гнездо, к которому оно принад-

¹ В АТ полной словоизменительной парадигмой представлены два имени существительных, относящихся к высокочастотным – *друг* и *дело*, да и то творительный и дательный падежи множественного числа этих слов вызваны в известном смысле искусственно, так как появляются в статьях со стимулами в аналогичных формах: *ТОВАРИЩАМИ – друзьями*, т.е. навеяны самым сильным фактором воздействия в АВС – аналогией с формой стимула.

лежит, и все ЛСВ, формирующие его полисемантический облик. То есть варианты *смешной-смех-смешная*, например, входят в одну ассоциативную парадигму и при установлении связности рассматриваются как одно слово; точно так же расцениваются варианты *свет-светит-светить-светлый* и т.п. Во-вторых, под связностью той или иной лексической системы или ее фрагмента понимается обычно возможность для любой пары слов построить по законам данной системы такую цепочку из других ее слов, которая установит между членами исходной пары последовательную и непрерывную семантическую связь. Выражение «по законам данной системы» должно означать, что, например, в толковом словаре языка подобная цепочка выстраивается на основе толкований или дефиниций входящих в нее слов, тогда как в ассоциативном словаре — на основе вхождения в прямой ($S \rightarrow R$) и обратный ($R \rightarrow S$) его словники.

В такой лексической системе, которую представляет собой толковый словарь, степень семантической связности ее элементов определяется «правилом шести шагов» [27, с. 75–79], которое заключается в том, что при установлении связи между двумя произвольно взятыми словами всегда можно выбрать такую траекторию, чтобы при поисках общего слова, воплощающего эту связь, потребовалось не более пяти обращений к дефинициям и, таким образом, искомая связь (или общий компонент) обнаружилась бы максимум на шестом шаге. Но толковый словарь языка остается артефактом, искусственно созданной системой, призванной как бы вторично отразить некоторую объективную данность, онтологически присущие лексике языка системные отношения. АВС, которую мы имеем возможность приводить к выражению и наблюдать в ассоциативном словаре, является, по нашему убеждению, большим приближением к онтологической сущности лексической системы¹, а значит, связность в ней должна проявляться в большей степени, т.е. быть более сильной или тесной, чем в толковом словаре.

Вообще говоря, моментальное реагирование носителей языка в диалоге, например, на реплики собеседника заставляло бы предположить — коль скоро АВС есть способ держания языка человеком или способ существования языка в индивиде, — что связи в ней между словами устроены так, чтобы обеспечить непосредственный переход от одного слова к любому другому, без промежуточных звеньев. Иначе говоря, хотелось бы сделать очень сильное предположение о том, что в АВС семантическая

---

¹ Я веду сейчас речь только о лексической системе просто потому, что предметом рассмотрения в данный момент оказывается семантическая связность. На самом деле, АВС для меня — воплощение не только лексической, но всей языковой системы.

связность (или, что то же, «семантическая монолитность»¹) столь велика, что каждый элемент в ней, каждое слово связано с каждым другим — либо прямой, либо обратной — непосредственной семантической связью. Трудно вообразить, каким путем могла бы быть достигнута подобная монолитность, которая по сути дела означала бы потерю отдельности, самостоятельности и особенности каждым словом, растворенность всех элементов сети в некоем целом и их слиянность в изотропный, лишенный дифференциальных черт континуум. Последний, обеспечивая минимальное время реагирования на слово, порожденное иной индивидуальной АВС, или на реплику собеседника, своим словом или репликой, не оставлял бы, видимо, при такой структуре возможностей для выбора, для противопоставления элементов друг другу. Поэтому такой крайний случай следует признать нереализуемым даже теоретически. Вместе с тем довольно сложной и неповоротливой в реагировании представлялась бы система, подобная толковому словарю, в которой степень семантической связности элементов определялась бы максимумом шестью шагами, т.е. максимальная длина цепочки опосредованных связей равнялась бы пяти элементам.

Во всяком случае, в реальной АВС, восстанавливаемой из АТ, мне не удалось обнаружить такую цепочку, связывающую два произвольно выбранных слова, длина которой превышала бы три шага, т.е. включала бы более двух промежуточных звеньев. Рассмотрим некоторые примеры.

Пусть произвольно выбранной парой слов, которые мы хотим связать цепочкой опосредованных семантических связей в АВС, будет пара прилагательных *великий* и *смешной*. По законам толкового словаря их связывала цепочка длиной в пять шагов [27, с. 77]. Обратимся теперь к АТ. В списке стимулов есть только одно из этих слов — *великий*, которое в прямом словаре возглавляет соответствующую ассоциативную статью. Прилагательное *смешной* находим в обратном словаре (т.е. оно встретилось только в качестве реакции) в окружении его словоизменительных вариантов (*смешная, смешнее, смешно, смешное, смешной, смешным*). Теперь, сравнивая пословно состав реакций на стимул ВЕЛИКИЙ и перечень стимулов, вызвавших в качестве реакции один из вариантов слова *смешной*, мы на первом же шаге обнаруживаем то общее слово (идентичность его, напомним, устанавливается в пределах словоизменительного и словообразовательного варьирования), которое оказывается промежуточным звеном, констатирующим семантическую связь в исходной паре прилагательных: в статье ВЕЛИКИЙ в числе единичных реакций встречается слово *глупец*, а реакция *смешной*

¹ Этот термин использует, в частности, Э. Ф. Скороходько в упоминавшейся книге для обозначения именно системного, в противоположность квазисистемному, характера лексического множества [24, с. 58–61].

появляется в ассоциативной статье со стимулом ГЛУПЫЙ. Приведем эти данные:

1) Ассоциативная статья из прямого словаря.

309. ВЕЛИКИЙ

12 человек		1
4 большой		1
3 <i>боже, гений, низкий, Новгород, Петр, писатель, царь</i>		7
2 <i>вождь, малый, мастер, могучий, народ, огромный, ученый</i>		7
1 <i>бедный, выдающийся, глупец, год, город, Горький, град, гранит, громадный, Гулливер, добрый, дом, знаменитый и ужасный, инквизитор, кафедра, комбинатор, лилипут, лучше, маленький, мелкий, мог, могущественный, неподимый, ничтожество, океан, Октябрь, он, Петр I, подвиг, полководец, пост, потоп, почин, Сталин, умный, холод, художник</i>		39

Всего опрошенных 92. Получено реакций 90. Из них разных 55.

2) Фрагмент обратного словаря с перечнем словоизменительных вариантов реакции *смешной*¹:

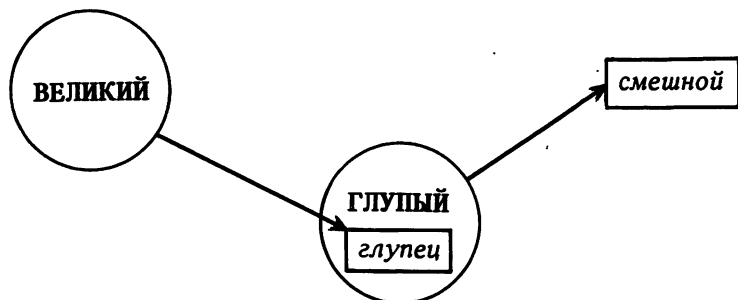
21092 <i>смешная</i>	(1) ШУТКА, ДЕВОЧКА, ФАМИЛИЯ	3	3
21093 <i>смешнее</i>	(2) СЕРЬЕЗНЕЕ,		
	(1) ИНТЕРЕСНЕЕ	2	3
21094 <i>смешно</i>	(1) АБСОЛЮТНЫЙ, ШУТКА, ДАЖЕ, ОБ ОТЦАХ, ДОХЛЫЙ, СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, ХРЕБТИНА, БАЛБЕС	8	8
21095 <i>смешное</i>	(1) РАССКАЗЫВАТЬ	1	1
21096 <i>смешное слово</i>	(1) НЕЧУТКИЙ	1	1
21097 <i>смешной</i>	(5) СЕРЬЕЗНЫЙ		
	(1) САМЫЙ, БУРЖУАЗНЫЙ, ЖУРНАЛ, СТРАНАМ, ЗАСТЕНЧИВЫЙ, ГЛУПЫЙ, ШАЛОПАЙ	8	12
21098 <i>смешным</i>	(6) ПОКАЗАТЬСЯ	1	6

Общее слово, подтверждающее наличие опосредованной семантической связи в паре произвольно выбранных прилагательных *великий* и *смешной* – ГЛУП(-ый), (-ец), выделено в обоих фрагментах; оказалось, что от «великого» до «смешного» в самом деле «один шаг», во всяком случае, в АВС. Такую опосре-

¹ Здесь для поисков связи мы ограничились словоизменительными вариантами, хотя согласно изложенным в разных местах книги, в том числе и в этом разделе, представлениям о трехмерном варьировании слова в АВС, мы могли бы вполне закономерно расширить сферу поисков, включив в нее и словообразовательные варианты слова *смешной* из обратного ассоциативного словаря (*смех, смеха, смехом, смеяться, смеющийся, смешливый* и т. п.), что конечно, облегчило бы решение нашей задачи.

дованную промежуточным звеном семантическую связь между двумя словами в АВС целесообразно, видимо, вслед за Э.Ф. Скороходько, назвать семантическим сопряжением [24, с. 29], в противоположность собственно связи, или непосредственному семантическому отношению двух слов. В графической передаче эта связь могла бы быть изображена следующим образом:

На схеме стрелка направлена от стимула к реакции, стимул обозначен кружком, как бы заключающим в себе его словоизменительное и словообразовательное поле, реакция заключена в прямоугольник.

Мера семантической связности. По поводу данного примера и особенностей его схематического представления можно было бы порассуждать более подробно, обсудив, в частности, направленность семантических связей (здесь они «однонаправленны»); их «силу», зависящую, видимо, от того, в каком варианте общего элемента – лемматизированном, словоизменительном или словообразовательном – фиксируется семантическая связь; изменение характера семантического сопряжения в зависимости от перемены направленности связей (а варианты сочетаний разных «стрелок» многочисленны) и их силы и другие подобные вопросы. Однако рассмотрение такого рода вопросов, которое было бы неизбежным, если бы мы стояли на позициях исследователя некоей самодовлеющей системы как лингвистического артефакта – будь то структура словаря или совокупность связей в каком-то условно вычленном тематическом фрагменте лексики, – становится не только необязательным, но и ненужным, коль скоро мы встали на позиции исследователя языковой личности и трактуем изучаемую АВС как принадлежность среднего носителя языка, тотальной языковой индивидуальности (сколь ни парадоксально звучало бы такое сочетание). Дело в том, что усредненной языковой личности для нормального владения языком вовсе не требуется знание «силы» или «направленности» семантических связей между словами, как и не оперирует она понятиями словоизменительных вариантов или представлениями о словообразовательном гнезде. Основной структурно-творческой оп-

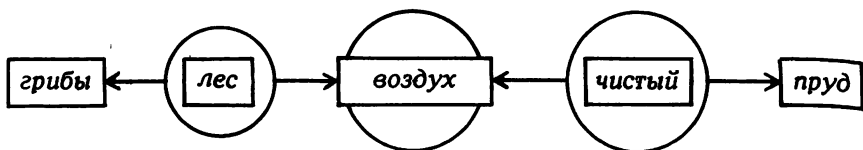
рой в ее речевых действиях служит — пусть несколько размытое, но интуитивно надежное и практически достаточное — представление о тождестве слова, прецеденты употребления которого закреплены в повторяющихся речевых моделях, или паттернах. И если языковое сознание среднего носителя пробуждается, и возникает рефлексия по поводу родного языка, то главный вопрос, который его волнует, — это вопрос сохранения тождества словом. Отсюда интерес к происхождению слов, к вопросам близкой диахронии (т.е. выяснению круга деривативно родственных слов) и далекой диахронии, т.е. к этимологии¹.

Таким образом, мы оставляем в стороне, как не имеющие отношения к предмету нашего исследования (но в других ситуациях, безусловно, имеющие резон), установление типов связей, наблюдением над варьированием их содержания, силы и направленности. Для наших целей важен сам факт наличия такой связи, естественно, ощущаемый и стихийно говорящим, который при порождении и понимании речи едва ли занимается квалификацией и классификацией упомянутых или любых иных, весьма разнообразных ее параметров. Поэтому рассмотрим еще несколько случаев поиска связи в произвольно называемых парах слов, не детализируя уже, как это было в первом примере, каждый шаг такого поиска, поскольку его техника проста и понятна.

В паре *грибы* и *пруд* ни одно из слов не оказалось в списке стимулов. Обратный словарь показал появление слова *грибы* в статьях нескольких стимулов, в том числе в статье ЛЕС; *пруд* тоже зафиксирован как реакция в нескольких словоизменительных вариантах разными ассоциативными статьями, в том числе в статье ЧИСТЫЙ. Обращаясь к указанным статьям (т.е. ЛЕС и ЧИСТЫЙ) в прямом ассоциативном словаре, в той и другой мы находим слово *воздух*, которое и является общим элементом, замыкающим цепочку опосредованных семантических связей между словами исходной пары. В приводимой ниже схеме двойные геометрические фигуры (окружность и прямоугольник) призваны подчеркнуть, что заключенные в них слова являются в анализируемой АВС одновременно и стимулами и реакциями, причем слово *воздух*, тоже выступающее в обоих качествах, включено в семантическую цепочку именно как реакция:

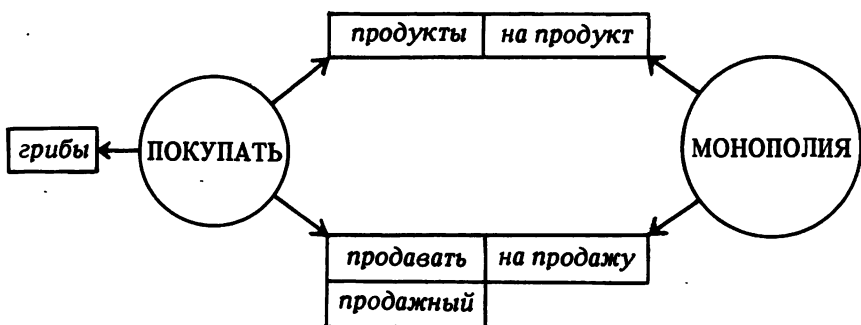
---

¹ Автор отдает себе отчет в том, что языковое сознание среднего носителя языка ждет своего исследователя и что изложенная здесь характеристика этого сознания является несколько упрощенной и полемически заостренной против тех идеализированных и сусальных представлений, которые пропагандируют некоторые популяризаторы в радиопередачах и на страницах массовых изданий. На самом деле, серия исследований по языковому сознанию носителей диалектов, выполненная учениками О. И. Блиновой, показывает, что рефлексия над языком не идет дальше выстраивания коротких словообразовательных цепочек или вульгарного этимологизирования, а статистика читательской почты в ИРЯ свидетельствует, что 50% запросов касаются происхождения слов, в том числе имен и фамилий, а еще 35–40% связаны с выяснением орфографических проблем.

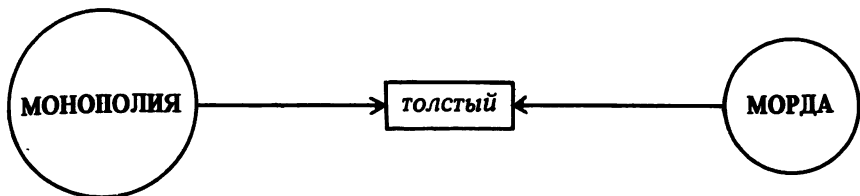

Выбранные слова обнаружили общий им элемент через два промежуточных звена, т.е. практически на втором шаге, поскольку слово *воздух* принадлежит одновременно обоим ассоциативным статьям.

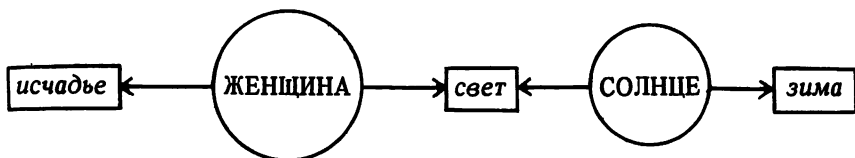
Могло бы показаться, что предыдущую пару (*грибы* и *пруд*) уже исходно объединяет глубинная идея принадлежности природе обоих обозначаемых этими словами денотатов, что и позволяет довольно скоро установить их взаимосвязь. Чтобы снять такое подозрение и подтвердить обусловленность относительно «короткой», «двухшаговой» опосредованной семантической связи только особенностями организации АВС, заменим второй член этой пары, например, словом *монополия*, относящимся совсем к другой тематической и идеологической сфере, и попробуем установить связь в паре *грибы*–*монополия*. Среди стимулов, в статьях которых отмечена реакция *грибы*, есть слово *покупать*. Соответствующая ассоциативная статья в прямом словаре содержит реакции *продукты*, *продавать*, *продажный*. Слово *монополия* само оказалось в числе стимулов АТ, и в его статье находим реакции из тех же ассоциативных парадигм – *на продукт*; *на продажу*. Связь, таким образом, устанавливается на втором шаге:

Мы не удлиним двухшаговой цепочки даже в том случае, если в качестве партнеров выберем слова, являющиеся не только представителями разных идеологических и тематических сфер, но и характеризующие принадлежностью к разным стилистическим срезам, например, *монополия* и *морда*. Оба они, будучи в рассматриваемой АВС стимулами, оказываются связанными друг с другом непосредственно, через общую реакцию *толстый*, которая зафиксирована в обеих ассоциативных статьях:

Не более двух шагов АВС связывает и два таких «непохожих» слова как *исчадие* и *зима*, которые появляются как реакции в нескольких статьях, среди которых есть статьи ЖЕНЩИНА и СОЛНЦЕ, обнаруживающие в своем составе общий элемент — свет:

Итак, максимальное количество промежуточных звеньев в семантической цепочке, связывающей два любых слова в АВС, приведенной к выражению на материале АТ (1284 стимула по 100 реакций в среднем на каждый), оказывается равным двум, и семантическая связь реализуется тем самым на втором шаге. Возникает закономерный вопрос: увеличится ли монолитность сети и соответственно сократится ли максимальная длина семантической цепочки при дальнейшем расширении сети, росте числа реакций на каждый стимул до порога насыщения, т.е. до 500? Существует общее представление о лексических системах, согласно которому расширение системы ведет к уменьшению семантической связности, что объясняют возрастанием неоднородности лексики с увеличением объема системы [24, с. 63]. Надо сказать, что такой вывод мы не можем полностью применить к АВС как своеобразной лексической системе. Связи в ней гораздо разнообразнее и существенно многочисленнее, чем в других, искусственно создаваемых и устроенных на более «строгих» принципах лексических системах, будь то толковый словарь языка, терминологическая система или ограниченная лексико-семантическая группа из общего словарного состава. Это обилие связей заставляет предположить, что в достаточно полной АВС, адекватно отражающей словарный запас и его использование средним носителем языка, связность, а значит, семантическая монолитность системы, должна быть выше, чем в том предварительном фрагменте, который представлен в нынешнем состоянии АТ. В пользу такого предположения, в частности, говорит тот факт, что «изолированных вершин» [24, с. 58], т.е. в данном случае стимулов, не ставших реакциями, в сети АТ не более 0,5%,

и по мере роста общего числа реакций они имеют тенденцию к тому, чтобы терять свою «изолированность», увеличивать степень своей семантической связности.

Полагаю, что в нормально функционирующей АВС степень семантической связности должна быть такой, чтобы обеспечивать связь между любыми двумя узлами, или словами, системы не более чем через один промежуточный элемент, т.е. на втором шаге. Со временем это предположение можно будет проверить, а пока остановимся на констатации того правила, что во фрагменте АВС, приведенном к выражению в АТ (1284 × 100R), любые два слова разделены не более чем двухшаговым семантическим расстоянием.

Теперь, прежде чем перейти к комментированию последнего из намеченных здесь к описанию свойств АВС, а именно обратимости семантических отношений между ее элементами и обратимости сети в целом, т.е. эквивалентности ее входного (стимулов) и выходного (реакций) массивов, я должен сделать еще одно разъясняющее отступление. При рассмотрении приведенных выше схем, отражающих процесс поиска и установления семантических связей на массиве АВС, и сравнении их одна с другой, возникает ряд вопросов. Например: какова семантическая и структурообразующая значимость в сети общего элемента? Какую роль он выполняет или какую нагрузку несет на фоне своей цепочки, сохраняется ли какая-то часть его семантики на всех ступенях опосредования и «достается» ли что-нибудь от нее крайним членам цепочки? Имеет ли какое-то значение «направление», в котором обнаруживается общий элемент — от стимула к реакции или, наоборот, от реакции к стимулу? Оказывается ли связь в цепочке теснее между близлежащими элементами, чем между крайними? Вопросы можно множить, но мы не будем этого делать, как и не будем пытаться отвечать на них, поступая так по двум соображениям. Одно из них чисто внешнее, не содержательное и заключается в том, что, избрав своим предметом грамматику в АВС, мы имеем все основания отрешиться на какое-то время от рассмотрения семантических проблем, к которым относятся остающиеся без ответа вышеперечисленные. Описание же и иллюстрация действия законов семантической связности в АВС нам были необходимы на фоне анализа всех других ее свойств, отличающих ее как от иных сетей, так и от иных представлений лексических систем. Второе соображение носит принципиальный характер и уже было высказано ранее. С учетом онтологии изучаемой нами сети вопросы указанного типа являются бессмысленными, так как делают предметом рассмотрения сконструированные нами же артефакты (схемы) и предполагают неосознанную фетишизацию самой сети, заставляя забывать, что она имеет смысл только в соединении с языковой личностью, пусть идеализированным, но индивидуумом, отдельным носителем языка, который сам не ставит подобных вопросов и не ищет на них ответов. Ну, а кроме того,

сами схемы, провоцирующие новые вопросы, иллюстрируют предельно упрощенные отношения между словами, которые, на самом деле, многократно осложнены связями каждого элемента цепочки с десятками других стимулов и реакций.

§ 2. ОБРАТИМОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ МАССИВОВ В АВС

Общие представления об обратимости. Два эти термина приложимы к одному и тому же свойству, но представленному в разных аспектах: обратимость относится к микроструктуре сети и предполагает возможность появления одного и того же слова как в качестве стимула, так и в качестве реакции; эквивалентность же характеризует макроструктуру по соотношению двух массивов — массива стимулов и массива реакций друг с другом. Будем различать обратимость лексико-семантическую и обратимость грамматическую. Примером первой могут служить пары БАРАН — *упрямый* и УПРЯМЫЙ — *баран* или БАЛБЕС — *повеса* и ПОВЕСА — *балбес*. Вторую можно иллюстрировать появлением какой-либо грамматической категории, скажем, предложного падежа имени существительного, в числе реакций и сравнением грамматических категорий вызвавших его стимулов (обратный словарь, от реакции — к стимулам) с грамматическими категориями реакций в статье, стимул которой оформлен тоже предложным падежом (прямой словарь); в приведенных ниже парах они обнаруживают полное совпадение:

$R_{п.п.} \rightarrow S$		$R \leftarrow S_{п.п.}$
<i>в беседе</i> — РЕБЯТА		<i>дума</i> — О МУЖЕ
<i>в ванне</i> — ЛЕЖАТЬ		<i>говорить</i> — О МУЖЕ
<i>в газетах</i> — О ДЕРЕВНЯХ		<i>о жене</i> — О МУЖЕ
<i>о труде</i> — ТРУДУ		<i>жене</i> — О МУЖЕ
<i>в воде</i> — ГЛУБЖЕ		<i>рано еще</i> — О МУЖЕ
и т.п.		

Займемся раньше спецификой обратимости в самом широком смысле, т.е. лексико-семантической обратимости в АВС, для начала взяв за исходное массив стимулов. Психолингвисты дружно сходятся на том, что в ассоциативных экспериментах такой обратимости обнаружить не удастся и при всеобщем согласии лексико-семантические ассоциации признаны практически необратимыми. Естественно, что обратимость при этом понимается в строгом смысле, т.е. должна быть полной: если стимул БЕЛЫЙ в АТ имеет самым частым ответом *черный*, а в статье ЧЕРНЫЙ первой, т.е. самой частотной, реакцией оказывается *белый*, то перед нами случай полной обратимости, или обратимости в строгом смысле. Однако подобные отношения между стимулами и реакциями довольно редки, и в АТ они, видимо, исчерпываются, наряду с приведенным, следую-

щими парами «стимул–первая реакция»: БРАТ–сестра = СЕСТРА–*брат*; БЕСЕДА–разговор = РАЗГОВОР–*беседа*; ДЕРЕВНЯ–город = ГОРОД–*деревня*; ФАМИЛИЯ–имя = ИМЯ–*фамилия*. Чаще встречаются отношения, когда стимул, выступая в качестве реакции, оказывается не самым частотным ответом, но находящимся в зоне высоких частот–вторым, третьим, четвертым. Например, в статье ЧЕРСТВЫЙ первая по частоте реакция–*хлеб*, которая появилась 52 раза на 99 ответов; стимул же ХЛЕБ вызвал реакцию *черствый* только 4 раза, и она занимает в его статье четвертое место. Вообще же сравнение такого рода статей с неполной обратимостью стимулов показывает довольно заметное пересечение и в прочих реакциях. Ср.:

1129. ЧЕРСТВЫЙ

52 хлеб

11 мягкий; человек

4 сухарь

2 твердый

597. ХЛЕБ

9 *насущенный*

6 **черный**

5 *вкусный; ржаной*

4 *соль; черствый*

3 **батон; белый; есть**

2 *булка; вода; всему голова;*

жизнь; и соль; масло; мягкий; поле; теплый

1 батон; свежий; черный

1 **свежий**

(Совпадающие реакции в обеих статьях выделены, среди единичных выбраны только совпадающие.) Другой пример: стимул БАРАН дает реакцию *овца* как вторую по частоте (БАРАН–9 *козел; осел; 6 овца*), а в статье ОВЦА реакция *баран* занимает первое место с частотой 9; или еще, БЕГАТЬ в качестве второй по частоте реакции вызывает–8 *быстро*, а БЫСТРО второй по частоте имеет–7 *бежать*, и четвертой–4 *бегать* и т.д. Степень обратимости уменьшается, когда она устанавливается через единичные реакции. Так, ВСТРЕЧА однократно вызвала реакцию *беседа*, последняя же содержит в своей статье реакцию *встреча* дважды; в статье БИЛЕТ единично встречается реакция *купить*, статья же КУПИТЬ зафиксировала реакцию *билет* два раза. Вместе с тем, при стимуле БИЛЕТ есть еще одна единичная реакция, принадлежащая парадигме *купить*, реакция в форме *купили*. Помня о том, что в АВС слово сохраняет свое тождество в пределах ассоциативной парадигмы, включающей его словоизменение, словообразование и полисемию, мы можем считать, что и здесь общая частота слова равна двум.

Можно полагать, что дальнейшее ослабление обратимости происходит в тех случаях, когда в качестве реакции в обратимой паре выступает только словоизменительная форма стимула (так, БУРЖУАЗНЫЙ не дает прямого совпадения и имеет в числе соответствий среди реакций лишь две формы–*буржуазная* в статье МОНОПОЛИЯ и *буржуазными* в статье ЖЕНЩИНА-МИ), и еще сильнее она уменьшается, когда соответствием стимулу служит даже не его словоизменительная форма, а

дериват (стимул АБСОЛЮТНЫЙ имеет среди реакций пару в форме *абсолютно* из статьи ПРОСТЕЙШИЙ; стимул АТАКОВАТЬ – дериват *атака* в статье СИГНАЛ; ВДОВЫЙ – *вдове* из статьи СОБОЛЕЗНОВАНИЕ и *вдовец* – из статьи МОЛОДОЙ; ВЛАДЕЛЕЦ – *владеет* из статьи МАГАЗИНАМИ, *владение* из статьи ДЕРЕВНЕЙ и *владеть* из статьи ДЕРЖАТЬ и т.п.). В последних примерах обращает на себя внимание «незамкнутость» семантических связей между обратимыми стимулом и реакцией: если в парах *брат – сестра* или *черствый – хлеб* стимул и реакция, как бы меняясь местами, прежде всего замыкались друг на друга, одновременно выходя на связи с массой прочих слов, то в случаях АБСОЛЮТНЫЙ – *абсолютно*, АТАКОВАТЬ – *атака* и т.д. такого «замыкания» не происходит, поскольку реакция, совпадающая с исходным стимулом в рамках ассоциативной парадигмы, сама стимулом не становится, а ассоциируется в ранге реакции, но уже в статье иного стимула. Отсюда ощущение незавершенности, незаконченности, продолжительности по всей сети такого рода связей.

«Ассоциативная парадигма» как предел обратимости. Итак, если не настаивать на том, что обратимость должна быть только полной и строгой, мы имеем основание констатировать, что она широко распространена в АВС и носит характер нежесткой, я бы даже сказал, диссипативной, обратимости, которая сохраняет свою релевантность в пределах ассоциативной парадигмы слова. Коль скоро мы ввели такое понятие, как «ассоциативная парадигма», кажется естественным и последовательным предусмотреть специальное наименование и для единицы, которая фигурирует в рамках этой парадигмы. Дело в том, что сам характер изложения результатов анализа, обобщение наблюдений и теоретические рассуждения о свойствах АВС вынуждают автора при назывании «слова» манипулировать близкими по смыслу терминами – *слово, словоформа, стимул, реакция, косвенная форма, исходная форма, словоизменительный вариант, словообразовательный вариант, дериват, корень, мотивон гнезда, лексема, лемма* и некоторыми другими, – иногда противопоставляя их друг другу и подчеркивая их различия, а иногда не дифференцируя и употребляя их как синонимы. Однако расширенная трактовка тождества слова при рассмотрении свойства связности, и особенно свойства обратимости, делает настоятельным введение термина, покрывающего своим содержанием всю ассоциативную парадигму; т.е. охватывающего и словоизменительные, и словообразовательные трансформации некоторого слова, и все его лексико-семантические варианты, реализованные в АВС. В качестве такого термина предлагается сочетание «ассоциативная лексема».

Таким образом, ассоциативная лексема с операциональной точки зрения – это мерило связности и обратимости, это то, что сохраняет свое тождество в пределах ассоциативной парадигмы и тем самым является ее единицей, основой ее формирования,

а в онтологическом смысле ассоциативная лексема – интуитивно опознаваемая естественным говорящим единица, играющая для его языкового сознания роль инварианта в доступных ему лингвистическом пространстве (т.е. во множестве словоизменительных и семантических трансформаций этой единицы) и времени (т.е. в близкой диахронии – ее словопроизводстве).

Получив на приведенных выше примерах предварительную, пока чисто качественную картину нестрогой, или диссипативной, обратимости, мы можем теперь составить представление и о количественной ее распространенности и оценить тем самым отражение массива стимулов на массиве реакций. При том, что в количественном отношении второй в 20 раз, как было сказано, превосходит первый, он целиком его и поглощает, воспроизводя в реакциях практически все единицы исходного массива. Стимулы, не отмеченные в качестве реакций (= «изолированные вершины» в сети), исчисляются в АТ единицами и исчерпываются следующим списком из 7 слов – АННУЛИРОВАТЬ, БЕССВЯЗНЫЙ, ВЕШНИЙ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ, ПРИЗЕМИСТЫЙ, ПУЛЬС, СКОРЛУПА, – к которому, видимо, следует добавить два стимула, вызвавших из представителей своей ассоциативной парадигмы в числе реакций только самих себя: СОУЧЕНИК – *соученик*, УВЕЧЬЕ – *увечье*. Такие количественные данные, особенно с учетом небольшого и недостаточного, как мы уже отмечали, числа реакций на каждый стимул в нынешнем состоянии АТ, позволяют ожидать ликвидации указанных изолированных вершин, их полного включения в АВС, с достижением обратимости каждой из них (т.е. появлением не только исходящих, но и входящих связей), по мере дальнейшего роста числа реакций.

Если пренебречь этим малым числом изолированных вершин среди стимулов, а также иметь в виду тенденцию к их постепенному поглощению входящими связями, можно утверждать, что обратимость массива стимулов по отношению к массиву реакций является полной. Взгляд на соотношение двух массивов с противоположной стороны, со стороны реакций, мы прокомментируем несколько позже, а пока рассмотрим подробнее особенности самой обратимости стимулов, способы ее представления, а также характер и состав единиц АВС, вовлеченных в обратимые связи.

Справедливости ради надо сказать, что статистически преобладающее число случаев обратимости фиксируется – при пословном сравнении двух массивов – как полное формальное совпадение, побуквенное отождествление стимула и реакции (ср. также ниже «Матрицу обратимости»), меньшая часть случаев приходится на отождествление словоизменительных форм (причем наиболее «далеко отстоящие» одна от другой – это причастие и инфинитив: *завершать* – ЗАВЕРШАЮЩИЙ, *сжать* – СЖАТЫЙ) и единичными оказываются случаи, когда ассоциативная парадигма бывает представлена только дериватами (СВЕРЛО – *сверлит*, *сверлить*; ЗОНТИК – *зонт*).

Итак, пределы сохранения обратимости отношений в направлении от стимула к реакции и обратно определяются словоизменительным и словообразовательным варьированием того и другого и становятся наблюдаемы при переходе от прямого ассоциативного словаря к обратному и наоборот. Наглядным образом обратимости и варьирование ее границ могут быть представлены схематически.

При чтении схемы на с. 268 нужно иметь в виду следующие моменты.

Во-первых, надо отдавать себе отчет, что здесь запечатлен только один срез, один уровень АВС, и потому возникающая картина выглядит довольно упрощенной: стрелками, имеющими начало (т. е. исходное слово) и конец, помечены лишь обратимые связи. Включение же в картину и других уровней АВС потребовало бы отразить в ней также: а) все исходящие связи от стимула БЛИЗКО (а их 48, так как именно столько разных реакций в статье прямого словаря); б) все стимулы, являющиеся источниками входящих связей в словаре-реакции в зонах словоизменительного и словообразовательного варьирования стимула БЛИЗКО (на схеме эти стрелки оборваны и к каждой реакции отнесена только одна стрелка, тогда как на деле многие из них вызваны несколькими стимулами, например, форма *ближнему* — двумя с общей частотой 4, а *близкий* — восемью с общей частотой 24); в) наконец, каждый стимул, вовлеченный в отношения эквивалентности со стимулом БЛИЗКО, сам является и реакцией, поскольку, как было установлено, обратимость стимулов 100-процентная, а кроме того, он окружен еще собственными зонами словоизменительного и словообразовательного варьирования, которые тоже должны быть отражены на схеме, и т.д. Таким образом, неисчерпаемость сети вглубь кажется не имеющей конца, во всяком случае, перечисленные в пунктах а), б), в) связи можно относить к отдельным, вполне самостоятельным уровням АВС, дополняющим изображенный на схеме уровень.

Во-вторых, для чтения схемы нужно опираться на следующие условные обозначения: каждый стимул, вступающий в отношения обратимости со стимулом БЛИЗКО, обведен кружком; реакция (т.е. словоформа, выступающая только как реакция) заключена в прямоугольник, причем реакции, являющиеся посредниками в отношениях обратимости между стимулами, обведены жирными линиями; исходный стимул БЛИЗКО (как, впрочем, нужно было бы поступить в принципе с каждым стимулом на схеме) помещен внутри двух концентрических окружностей, обозначенных пунктиром, первая из которых, ближайшая к стимулу, очерчивает область его словоизменительного варьирования, а вторая, бóльшая по диаметру, — зону словообразовательного варьирования стимула. Направление стрелки указывает, какое слово является реакцией в данной паре; возле каждой входной стрелки стоит цифра, соответствующая частоте этой реакции.

Из схемы явствует, что наибольшей степенью обратимости обладают отношения исходного стимула со стимулом ПОДОЙТИ: во-первых, их связывает двунаправленная стрелка, которая свидетельствует, что стимул БЛИЗКО один раз вызвал реакцию *подойти* и что, с другой стороны, в статье ПОДОЙТИ реакция *близко* встретилась 12 раз; во-вторых, в статье ПОДОЙТИ в качестве реакции зафиксирован однажды словообразовательный вариант *приблизиться*. Первый тип взаимоотношений (полная обратимость) может быть передан в формульной записи как (1) $S_1 \rightarrow R_1 = R'_1 \rightarrow S'_1$, которая должна означать, что при мене местами стимула и реакции, или, что то же, при превращении реакции в стимул (в формуле «обращенные» реакция и стимул помечены штрихом, и соответственно R'_1 означает превращенную в стимул реакцию, а S'_1 — превращенный в реакцию стимул), связь сохраняется, лишь меня направление в силу, и неизменным при этом остается грамматическое оформление обоих слов. Второй тип взаимоотношений двух стимулов записывается формулой (2) $S_1 \rightarrow R_1 = R'_1 \rightarrow S'_{1\text{обр}}$, которая показывает, что при мене местами стимула и реакции, ПОДОЙТИ, став стимулом, вызывает словообразовательный вариант исходного стимула (т.е. *близкий* или *приблизиться*) в качестве реакции. Обратимость сохраняется, хотя и не в полной мере, а лишь в пределах зоны словообразовательного варьирования исходного стимула (на схеме это круг большого диаметра).

Строго говоря, полной обратимости нет и для случая (1), поскольку меняется сила связи, если ее измерять, например, прямым указанием частотности соответствующих реакций: когда стимулом становится ПОДОЙТИ, то реакция *близко* оказывается для него самой частотной (собственно это лексикализованная сема его значения, чем и объясняется сила связи в данном направлении), т.е. сила связи максимальна, и, наоборот, сам стимул БЛИЗКО вызывает реакцию *подойти* в числе единичных, и сила связи тем самым в противоположном направлении минимальна. Для простоты рассуждений и достижения наглядности мы вынуждены при рассмотрении обратимости пренебречь силой связей, так как в противном случае пришлось бы оперировать слишком большим числом переменных: наличие связи — отсутствие связи; направление; сила; словоизменительное варьирование каждого из 4 элементов формулы эквивалентности; словообразовательное варьирование тех же элементов; комбинации разных значений всех перечисленных параметров. Хотя я отдаю себе отчет в том, что выраженная показателем частотности сила связей слов в АВС представляет собой еще один, вполне самостоятельный срез или уровень представления сети и ее изучения, однако, ставя задачей анализ грамматики и ее диссипированного существования в сети, к семантическим связям и отношениям мы обращаемся только в силу необходимости, а в данном случае — как к полю приложения средств грамматического варьирования, осуществляемого с целью расши-

рения границ семантической обратимости. Итак, возвращаемся к комментированию схемы.

Характер отношения обратимости между узлами сети-ассоциативными лексемами *близко* и *находиться*—укладывается в формулу эквивалентности (2):

БЛИЗКО→*находиться* = НАХОДИТЬСЯ→*близко*; той же формуле отвечают отношения между словами *близко* и *родной*:

БЛИЗКО→*родной* = РОДНОЙ→*близкий*. Все другие, вовлеченные в зону обратимости исходного стимула слова представляют каждое свой тип отношения, которые описываются разными формулами:

(3) БЛИЗКО→*знаком* = ЗНАКОМЫЙ→*близкий*; $S_1 \rightarrow R_{1\text{ сзм}} = R'_1 \rightarrow S'_{1\text{ сбр}}$. Формула (3) констатирует, как мы видим, что реакция ($R_{1\text{ сзм}}$) в левой части равенства тождественна стимулу (R'_1) в правой части равенства с точностью до словоизменения, представляя собой его словоформу ($R_{1\text{ сзм}}$ *знаком* = R'_1 *знакомый*). Отношения со стимулом ДРУГ могут быть переданы формулой

(4) $S_1 \rightarrow R_{1\text{ синт}} = R'_1 \rightarrow S'_{1\text{ сбр}}$, где реакцию *друг от друга* условно можно рассматривать как идиоматический (синт) вариант стимула R'_1 ДРУГ. Связи исходного стимула с зонами грамматического варьирования лексемы *деревня* осуществляются через словоформы его словообразовательного варианта (БЛИЗКО→*деревня* = ДЕРЕВНЯМ→*близким*) и соответствуют формуле (5) $S_1 \rightarrow R_1 = R'_{1\text{ сзм}} \rightarrow S'_{1\text{ сбр, сзм}}$. Наконец, обратимость в последней паре отражается формулой (6) $S_1 \rightarrow R_1 = R'_{1\text{ сбр}} \rightarrow S'_{1\text{ синт}}$ (БЛИЗКО→*принять* = ПРИНИМАТЬ→*близко к сердцу*).

Схематическое изображение и формульная запись достаточно выразительно характеризуют уровень АВС, на котором наблюдается обратимость. И если схема играет наглядно-иллюстративную роль, то формульная запись допускает логически исчерпывающее исчисление типов обратимости. Построение такого исчисления было бы, вероятно, полезно, но мы здесь ограничимся указанием на его возможность, считая, что эта, чисто механическая, процедура уже не обогатит наших представлений о неисчерпаемости отношений в АВС, а лишь подтвердит догадки об интерпретируемости в ней всех логически возможных комбинаций во взаимодействиях стимула и реакции при их «обращении» и варьировании в пределах ассоциативных парадигм.

Помимо рассмотренных способов изучения и представления обратимости в АВС, можно предложить также матричный метод, который, проигрывая в компактности, обладает тем преимуществом, что позволяет выявить своеобразную «глубину» обратимых отношений и масштаб их варьирования. Построенная таким образом «матрица обратимости» для ассоциативной парадигмы *друг* здесь не приводится, так как занимает довольно много места, но итоги ее рассмотрения показывают, что матричный способ анализа и представления отношений обратимости позволяет отчетливо и наглядно выделить зону полной обра-

тимости стимулов и реакций и зоны их варьирования, т.е. их обратимости в пределах своих ассоциативных парадигм. «Глубина» обратимости предстает как последовательность шагов — влево или вправо — от зоны полной обратимости, так что самые слабые связи, и соответственно самая слабая степень обратимости, относятся к крайним колонкам матрицы. Одновременно матрица показывает, что при реализации обратимости ассоциативной лексемы *друг* максимум отождествлений приходится на словоизменительные варианты стимулов и реакций, в противоположность ассоциативной лексеме *близко* (см. схему на с. 268), где максимум концентрировался в зоне словообразовательного ее варьирования.

От обратимости лексем к эквивалентности массивов. Вообще надо иметь в виду, что матрица, так же как схема, вскрывает только один слой АВС, слой, в котором релевантна лексико-семантическая обратимость стимулов. Если взять ту же ассоциативную лексему *друг* во всей совокупности ее необратимых связей, то мы получим несколько иную картину ее взаимоотношений с другими элементами сети и несколько отличающуюся — расширенную по сравнению с представленной в матрице — ассоциативную парадигму (главным образом за счет словоизменительного варьирования). В частности, в парадигму дополнительно включаются словоизменительные варианты с предлогами (*в дружбе, за другом, к друзьям, на друга, с другом* и т.п.), почти все падежные формы слова *подруга* и некоторые словоформы *подружка*, новые дериваты (*подружмся*), отрицательная конструкция *не дружба* и ряд других словоформ. Кроме того, выход за пределы обратимых отношений стимула ДРУГ с реакциями дает заметное увеличение частотности уже отмеченных в матрице словоформ, так что с учетом всех, а не только находящихся в отношении обратимости с исходным стимулом, которые вызвали в качестве реакции лексему *друг* и ее ассоциативно-парадигмальные варианты, их оказывается в АТ 272, а общая частота реакций-вариантов этой лексемы доходит до 577¹. Только лемматизированная форма реакции *друг* отмечена в 113 разных статьях 295 раз, и в этом отношении данная ассоциативная лексема занимает по суммарной частоте своих словоизменительных и словообразовательных вариантов одно из первых мест в частотном списке реакций. Уровень же обратимости, отраженный в нашей матрице, охватывает только 22 статьи, где фигурируют ассоциативно-парадигмальные варианты лексемы *друг* с суммарной частотой 302, в том числе 127 раз

---

¹ Эта цифра складывается из трех составляющих: частоты лемматизированной формы, частоты ассоциативно-парадигмальных вариантов, сопровождающих лемму *друг* в близком по алфавиту окружении обратного словника, и частоты словоформ, находящихся в разных частях алфавитного списка (формы с предлогами, союзами, отрицанием, префиксами). Последних всего 114 на 78 дополнительных статей-стимулов.

в лемматизированной форме. Иными словами, уровень, или слой, обратимости отношений в АВС (если распространить сделанные выкладки на всю сеть, для чего у нас есть некоторые основания, и в частности, хотя бы тот факт, что практически все стимулы в АТ оказываются обратимыми) распространяется примерно на половину всех словоупотреблений в сети, включает до 50% всех актуализаций ассоциативно-парадигмальных вариантов каждого стимула. Аналогичные результаты получаются при оценке обратимости на фоне всей ассоциативной парадигмы БЛИЗКО.

О чем может свидетельствовать такое наблюдение, если оно верно? Во-первых, грамматические отношения, запечатленные в ассоциативных парадигмах лексем, оказываются мощным связующим фактором в сети и, со своей стороны, своими средствами они дополняют семантическую связность парадигмальными отношениями. Грамматика в рамках ассоциативной парадигмы как бы «поддерживает» и «удерживает» семантику, повышая тем самым устойчивость АВС в целом. Во-вторых же, этот результат позволяет – пусть в самом общем виде – оценить степень семантической обратимости двух массивов АВС, но теперь уже в направлении от реакций к стимулам. Уже количественное превосходство (26 тыс. реакций на 1284 стимула) заставляет полагать, что картина здесь будет совсем не такая, с какой мы столкнулись при отображении множества стимулов на множестве реакций: среди реакций должно ожидаться очень много новых лексем, и поэтому массив реакций, поглотив массив стимулов, оказывается в сильной степени асимметричен ему.

Много новых лексем, но сколько? Если мы установили, что отношениями обратимости со стимулами обладают (или, что то же самое, в ассоциативные парадигмы стимулов входят) 50% всех реакций, то оставшаяся половина, т.е. 13 тысяч словоупотреблений, должна приходиться на новые слова, не бывшие в составе исходного списка стимулов. Одновременно ясно, что каждое словоупотребление, каждая реакция на этом массиве не может быть изолированной, а, скорее всего, принадлежит некоторой ассоциативной парадигме новой лексемы, является ее словоизменительным или словообразовательным вариантом, поскольку грамматическими отношениями в АВС, согласно результатам главы I нашего исследования, должны быть охвачены 75–80% ее элементов, или словоупотреблений в ней.

Открыв любую страницу обратного словника АТ, мы обязательно обнаружим на ней новые, по отношению к исходному списку стимулов, слова и словоформы. Прокомментируем для иллюстрации несколько строчек этой части словаря.

16313 *плэйбой* (1) УБОГИЙ

1 1

Естественно, этого слова нет в числе стимулов, но несколькими страницами раньше оно встретилось в ином написании – *плейбой* – в качестве реакции на стимул ПОВЕСА, и его ассоциативная

парадигма ограничивается, таким образом, варьированием орфографии.

16314 <i>плюнет</i>	(1) ВОЗЬМЕТ	1	1
16315 <i>плюнуть</i>	(1) РАССКАЗАТЬ, ОТВЕТИТЬ, СОСАТЬ, ОТВЕРГНУТЬ	4	4
16316 <i>плюнь!</i>	(1) РАЗДРАЖЕНИЕ	1	1

Уже эта следующая в алфавитном порядке небольшая группа из трех словоформ образует фрагмент соответствующей ассоциативной парадигмы, и одна (любая) из перечисленных в ней реакций могла бы быть отнесена к новым лексемам (поскольку такой нет среди стимулов) как представитель этой парадигмы. Собственно так и надо поступить, но только следует учесть, что представители данной ассоциативной парадигмы имеются и выше по алфавиту: зафиксированы с единичной частотой реакции *плевать, плёвая, плевок, плёвый*, которые пополняют ассоциативную парадигму и в случае, если они при поиске новых лексем уже были отмечены ранее, снимают необходимость отнесения к «новым» одной из трех реакций (*плюнет, плюнуть, плюнь*). Двигаясь далее, находим:

16317 <i>плюс</i>	(1) СТАВИТЬ, АБСОЛЮТНЫЙ	2	2
16318 <i>плюс три</i>	(1) ДВА	1	1
16319 <i>плюху</i>	(1) ТОВАРИЩАМ	1	1
16320 <i>Плюшкин</i>	(2) ЭКОНОМНЫЙ, (1) ЗАПАС, СКУПОЙ	3	4
16321 <i>плющ</i>	(1) ПАУК	1	1

Все они, за исключением числительного *три*, отсутствуют в списке стимулов и потому увеличивают собой массив новых ассоциативных лексем, намечая каждая в АВС ту точку, тот узел, вокруг которого может формироваться и разворачиваться соответствующая ассоциативная парадигма при дальнейшем наращивании числа реакций. Что касается имен собственных — независимо от того, являются ли они следами прецедентных текстов или выполняют иные функции (см. главу II), — их общее число в АВС колеблется вокруг 10% и все они, как правило, попадают в массив «новых».

16322 <i>пляж</i>	(5) ПЕСОК, (2) МОРЕ, (1) ОТДЫХАТЬ	3	8
-------------------	---	---	---

Этого слова нет в списке стимулов, но к массиву новых лексем оно уже было отнесено ранее, поскольку представитель его парадигмы встретился выше по алфавиту в сочетании *на пляже* как единичная реакция в статьях стимулов ЛЕЖАТЬ, ОТДЫХАТЬ, МЕСТО, СНИМАЮТ. Продолжая комментарий, читаем:

16323 <i>плясал</i>	(1) ТАНЦЕВАТЬ	1	1
16324 <i>плясать</i>	(1) ТАНЦЕВАТЬ,		

	(3) ПЕТЬ,		
	(1) ВИДЕТЬ, ИСКАТЬ, СОСАТЬ,		
	НАЧНЕТЕ, НАЧНУТ	7	19
16325 <i>плясками</i>	(2) ПЕСНЯМИ	1	2
16326 <i>пнем</i>	(1) МАЛЬЧИКАМ	1	1
16327 <i>пни</i>	(1) ДВОР	1	1

Из этих двух ассоциативных лексем, первая, не будучи среди стимулов, без сомнений попадает в массив «новых», поскольку ранее не встречалась и среди реакций, тогда как вторая уже была зафиксирована выше по алфавиту в форме *на пень* под стимулом **НАТОЛКНУТЬСЯ**:

16328 <i>пнию</i>	(1) ПОЛУЧАТЬ	1	1
16329 <i>пнул</i>	(1) НОГОЙ	1	1
16330 <i>пнуть</i>	(2) НОГОЙ	1	2
16331 <i>по</i>	(2) НО, О, НОГУ,		
	(1) ПЕРЕДАТЬ, ВОДИТЬ, ЭКЗА-		
	МЕН, ТО, ПО, ОТ, С, МАГА-		
	ЗИНАМ, НОСАМ, ДЕРЕВНЯМ,		
	МИНУТАМ, НОГЕ, НОГАМ,		
	ТРУДАМ, ДУМАЕШЬ, ПЛАЧУ,		
	МОРЕ	20	23

Первая из приведенных реакций кажется результатом какой-то описки или специальным изобретением испытуемого, однако на фоне следующей, новой для АВС лексемы *пнуть*, ее можно было бы расшифровать как парадигмальное новообразование от последней, соотносимое с системным *пинок* от видовой пары *пинать*: *пинать* → *пинок* = *пнуть* → *пния*; тем более, что такой ход подсказывает и семантика образуемой ею со стимулом модели двух слов *получать пнию*. Таким образом, первые три реакции могут быть объединены здесь в ассоциативную парадигму под лексемой *пнуть*. Изолированный предлог *по* имеется в числе стимулов.

16332 <i>по 01</i>	(1) ЗВОНИТЬ	1	1
16333 <i>по 3 рубля</i> <i>и 50 копеек</i>	(1) ШЕСТЬ	1	1
16334 <i>по 3.60</i>	(1) МАСЛО	1	1
16335 <i>по адресу</i>	(1) ОБРАЩАТЬСЯ	1	1
16336 <i>по аллее</i>	(1) ПРОЙТИСЬ	1	1
16337 <i>по асфальту</i>	(1) НОГАМИ	1	1
16338 <i>по баллам</i>	(1) ПРОХОДИТЬ	1	1
16339 <i>по батареям</i>	(1) ОГОНЬ	1	1
16340 <i>по безделью</i>	(1) КОЛХОЗОМ	1	1
16341 <i>по берегу</i>	(1) ХОДИТЬ, БЕГАТЬ	2	2
16342 <i>по блату</i>	(2) ДОСТАТЬ		
	(1) ПОКУПАТЬ, ПО	3	4
16343 <i>по болоту</i>	(1) ПОЛЗАТЬ, ПОЛЗТИ	2	2
16344 <i>по Бродвею</i>	(1) ПРОЙТИСЬ	1	1

В этом последнем, довольно большом, перечне реакций повторение стимулов встречается пять раз – РУБЛЬ, КОПЕЙКА, БЕРЕГ, БОЛОТО и ВЕТЕР, все же остальные словесные реакции, в том числе и топоним *Бродвей*, уже были отмечены как новые лексемы в своем месте по алфавиту (например, *адрес* – ИЗМЕНИЛ..., *аллея и картина Левитана* – ПРОИТИСЬ, *асфальт* – ШЕРОХОВАТЫЙ..., *балл* – ТРИ..., *бездельник* – ШАЛОПАЙ..., *блатная* – ФИЗИОНОМИЯ, *Бродвей* – ПРОИТИСЬ), кроме лексемы *батарей*, впервые появляющейся в АВС и маркируемой как «новая», поскольку ни с предложениями *в, до, к, на, о*, ни с союзами *а, и, как, ни* с отрицанием она не обнаружена. Сложнее разобраться с реакциями-цифрами. Цифры не были с самого начала заложены в исходный список стимулов, и с формальной точки зрения¹ все они должны быть квалифицированы как «новые». Но считать их лексемами, центрами, формирующими ассоциативную парадигму, трудно, хотя бы потому, что неясно, какова эта парадигма. Если же принять за парадигму в этом случае пару из цифры и соответствующего числительного, то мы можем констатировать, что парадигмы *один* – 1 и *три* – 3 представлены в списке стимулов числительными, и потому их цифровые реализации могут быть отнесены к повторам, а парадигмы *0* – *нуль*, *50* – *пятьдесят*, *60* – *шестьдесят* целиком находятся в массиве реакций (*нуль* – АБСОЛЮТНЫЙ, *0* – СТО; *50* – ЛИСТОВ, *пятьдесят* – СОРОК; *60* – МАГАЗИН, *шестьдесят* – ТРИДЦАТЬ и т.п.) и тем самым определяются по отношению к массиву стимулов как новые.

Этот, может быть, несколько затянувшийся комментарий снимаю, я надеюсь, у читателя оставшиеся, возможно, неясности по поводу ассоциативных парадигм и их распространенности на двух сравниваемых массивах и иллюстрирует одновременно технику количественной оценки расхождений между последними. В среднем прирост новых лексем в АВС, подсчитанный указанным способом, оказывается равным 30–33% от числа всех реакций, а значит, составляет около 8 тысяч единиц на 26 тысяч ответов. Итак, подводя итог нашим выкладкам и оперируя округленными цифрами, мы можем констатировать следующее; 1300 стимулов вызвали 26 тысяч реакций, из которых 13 тысяч связаны обратимыми отношениями со стимулами, входят в их ассоциативные парадигмы, а другие 13 тысяч реакций приходится на 8 тысяч новых лексем, распределяясь между их ассоциативными парадигмами. Иными словами, ассоциативная парадигма вокруг стимула содержит в среднем 10 членов, 10 различных

¹ Я не касаюсь сейчас содержательной стороны таких реакций, их исключительно важной роли в АВС как носителей страноведческой информации: *телефон для вызова пожарной команды, цена 1 кг сливочного масла* и т.п.

вариантов ассоциативной лексемы, тогда как на каждую новую лексему-реакцию приходится в среднем лишь около двух ее ассоциативно-парадигмальных вариантов. В этих расчетах нет никакой натяжки, если учесть, что до 10% новых лексем среди реакций составляют имена собственные, практически не образующие парадигм, и примерно столько же вспомогательные неизменяемые слова, тоже не дающие вариантов, т.е. изменяемых слов среди 8 тыс. новых лексем-реакций оказывается примерно 6,5 тыс. Существенная же разница в среднем объеме ассоциативных парадигм лексем-стимулов (10 единиц) и лексем-реакций (2 единицы) тоже вполне объяснима. Ведь каждый стимул предъявлялся более-менее равномерно и был включен в 1300 анкет первого этапа составления АТ приблизительно 100 раз, т.е. частотность его была жестко задана, и соответственно статья каждого стимула содержит около 100 реакций-ответов. Частотность же ассоциативных лексем-реакций есть величина производная, которая зависит от структуры АВС и от многих, определяющих ее факторов (радиуса действия связности, силы и направления семантической связи, грамматических потенций стимула и ряда других), а в конечном счете коррелирует, вероятно, с усредненной частотностью этих лексем и их ассоциативно-парадигмальных вариантов в текстах. Понятно, что приведенные выше средние цифры оценки объемов ассоциативных парадигм стимулов (10 единиц) и реакций (2 единицы) в высшей степени условны. Так, хотя практически все стимулы оказались обратимыми, состав и частотность словоформ в их парадигмах существенно разнятся: если в ассоциативной парадигме *друг* суммарную частоту 577 ее вариантов дают 48 словоформ и дериватов, то ассоциативная парадигма стимула, например, **АБСОЛЮТНЫЙ** представлена в АТ всего двумя вариантами с частотой 2, стимула **НОЖНИЦЫ** — тоже двумя словоформами с частотой 5 и т.п. Аналогично обстоит дело в сфере необратимых отношений, т.е. в ассоциативных парадигмах лексем, появившихся только в массиве реакций: например, лексема *препарат* представлена одной своей словоформой с частотой 3, лексема *престиж* тоже одной словоформой и всего один раз, тогда как ассоциативная лексема *канат* появляется в 4 вариантах, или в 4 формах, с общей частотой 8; *рукавица* — 1 раз в единственной словоформе, а лексема *руководить* дает парадигму из 6 словообразовательных и словоизменительных вариантов с суммарной частотностью 11 и т.п. Иначе говоря, пределы, в которых колеблется состав (количество разных форм) и частотность ассоциативно-парадигмальных вариантов, оказываются очень широки, но все же для обратимых стимулов эти пределы в среднем шире, чем для необратимых реакций. Эту относительную разницу и призваны подчеркнуть усредненные показатели 10 vs. 2 единицы.

§ 3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОБРАТИМОСТЬ И ПРАВИЛА ЕСТЕСТВЕННОЙ МОРФОЛОГИИ

Постановка задачи и техника решения. Если семантическая обратимость отношений между реакциями и стимулами имеет место в пределах ассоциативной парадигмы, т.е. в широком смысле проявляет себя при нейтрализованной, или не принимаемой в расчет, грамматике (морфологии), то грамматическая обратимость, первые образцы которой были приведены выше, рассматривается как бы на фоне нейтрализованной семантики. Для ее выявления сравниваются «чистые» грамматические формы, грамматические значения и грамматические категории слов, — вначале независимо от их лексического содержания — и вопрос ставится при этом таким, например, образом: какие части речи, в каких формах и с какими грамматическими значениями вызывают в качестве реакции родительный падеж существительного в единственном числе и какие из них совпадают с грамматическими характеристиками реакций, вызванных, наоборот, родительным падежом существительного?

Ответы на подобные вопросы можно было бы получать и программным путем, работая с автоматизированной системой АТ и используя для выборки автоматический вариант словаря А. А. Зализняка или какой-то иной морфологический анализатор, содержащий грамматические характеристики каждой словоформы. Однако пока эти системы не готовы для доступа в автоматическом режиме, исследователю приходится довольствоваться ручной выборкой соответствующих форм из прямого и обратного словариков АТ и составлением для каждой формы специальных матриц грамматической обратимости, дающих ответ на поставленный вопрос.

Из сказанного ясно, что при существующих возможностях анализа такие матрицы могут быть только диагностическими, но никак не исчерпывающими, но уже и они дадут первое представление о той «грамматической энергии», которая «перетекает» между узлами АВС по тем каналам (связям), которые традиционно расцениваются по преимуществу как семантические. В идеале, в случае исчерпывающего анализа мы могли бы получить ту же самую ассоциативную сеть, что представлена в АТ, но в узлах которой помещены уже не собственно словоформы с их лексическим наполнением, а только их грамматические характеристики. Например, вместо пары СОЛДАТ — *вернулся* мы бы имели: *сущ., м.р., ед. ч., им. п., одуш. — глаг., прош. вр., сов.в., м.р., ед.ч., возвр.;* или вместо пары ЖЕНЩИНАМ — *верим:* *сущ., ж.р., мн.ч., дат.п., одуш. — глаг., наст.вр., несов.в., мн.ч., 1-е л., неперех., дат.п.;* или вместо пары ЗНАМЕН — *алых;* *сущ., ср.р., мн.ч., род.п., неодуш. — прил., мн.ч., род.п.* Эти характеристики могут быть большей или меньшей степени подробности. Так, к данным о первой паре можно было бы добавить достаточно

второстепенную, на первый взгляд, информацию о том, что существительное является существительным лица, производным, состоит из двух слогов, имеет определенную акцентологическую характеристику, а по поводу последней пары можно было бы отметить особенности словоизменения имени существительного или принадлежность прилагательного к группе цвето-обозначений и т. п. Но уже та, лишенная тонкостей и деталей, картина соположения основных грамматических признаков стимула и реакции, которая дана выше, позволяет убедиться, что энергия ассоциативной связи между двумя смежными узлами АВС—между стимулом и реакцией—черпается не только в общности семантических компонентов двух лексем, а поддерживается и усиливается общностью, взаимным притяжением грамматических составляющих, грамматических признаков ассоциированных словоформ. И точно так же, как мы устанавливаем одинаковые, взаимопритягивающиеся семантические компоненты или множители при определении семантической связности, мы обнаруживаем в соответствующей паре одинаковые, совпадающие друг с другом грамматические признаки, в чем легко убедиться на приведенных выше примерах. Естественно, что это совпадение может быть как парадигматическим, основанным на принципе аналогии (ПЛАТИМ—*берем*, ВОЗДУХУ—*атмосфере*), когда основные или даже второстепенные грамматические характеристики стимула просто-напросто повторяются в реакции, так и синтагматическим, которое кроме простого повторения (ср. ЛОШАДЬ—*бежала*, где повторяются число и род, НОСАМИ—*бьют*, где повторяется число) подразумевает импликационные отношения между признаками. Так, если форма или категория стимула управляет родительным падежом, то его надо ожидать и он появляется в реакции (ЖДАТЬ—*автобуса*, ПОЛОВИНА—*апельсина*), а если стимул может восприниматься как обращение, то реакция облекается в соответствующую глагольную форму (ТОВАРИЩИ—*будьте вежливы*, МАСТЕР—*вернись* и т. п.). И надо думать, что АВС, представленная с учетом только грамматических связей, т. е. совпадений и взаимопритяжений одних лишь грамматических признаков узлов-слов, не будет, очевидно, ни в чем уступать—ни в силе самих связей, ни в их разветвленности—традиционно понимаемой АВС с лексико-семантической основой. В этом нас убеждают и результаты первой части исследования, вскрывающие морфологический потенциал АВС, и результаты второй части, показывающие пути реконструкции заложенных в ней синтаксических структур. Наблюдения же над обратимостью помогают, как нам кажется, понять тот внутренний, самодовлеющий механизм, который присущ АВС как отдельной, самодостаточной системе, взятой в отвлечении ее от владельца, от человека—носителя языка. Ведь ясно, что естественно говорящий не оперирует теми признаками, отношения между которыми мы иллюстрировали здесь, они есть принадлежность скрытой от говорящего, недоступной для него языковой структуры, и пра-

вила пользования языком, которыми он руководствуется, строятся не на этой — признаковой, — а на иной основе.

Вернемся, однако, к рассмотрению грамматической обратимости. Выберем для наблюдений все финитные формы глагола и три падежных формы имени существительного — родительный, дательный и творительный падежи — и поставим вопрос следующим образом: какими грамматическими категориями, грамматическими формами и грамматическими значениями стимулов вызываются перечисленные здесь грамматические характеристики реакций? Техника наблюдений и анализа такова: по обратному словнику АТ среди реакций фиксируется одна из названных форм и ей в соответствие ставятся все грамматические признаки вызвавшего ее стимула. Далее, когда накоплен достаточный материал для каждой из наблюдаемых форм и сделаны некоторые выводы о типовых связях и статистических предпочтениях, осуществляется следующий шаг, который состоит в том, что установленные типовые связи проверяются «на обратимость». Иными словами, если дательный падеж имени в реакциях был вызван именительным падежом существительного (*близнему* — СОЧУВСТВИЕ), винительным (*блохе* — НАУКУ) и инфинитивом (*близнему* — ПОМОЧЬ), то мы ищем, содержатся ли аналогичным образом оформленные реакции в ассоциативной статье со стимулом в дательном падеже. При положительном ответе на такой вопрос констатируются отношения обратимости между соответствующими грамматическими характеристиками. Рассмотрев подобным образом все грамматические характеристики всех частей речи (а это означает практически, что мы должны пройти еще раз по всем рубрикам, по всем вертикальным графам в диагностических матрицах первой части книги), мы получим материал для вывода о глубине отношений обратимости между двумя массивами в АВС, между массивом стимулов и массивом реакций.

Обратимость в сфере финитных глагольных форм. В качестве экспериментального отрезка был взят список реакций длиной 2600 единиц, что составляет 10% от обратного словника АТ. Для каждой из наблюдаемых форм реакций, выбранных из этого списка, строилась своя матрица. Горизонтальным входом в матрицу служила соответствующая форма реакции с ее грамматическими значениями (например, 1-е лицо единственного числа глагола в настоящем времени: *бегу, беру, боюсь, брошу, буду, везу, велю, верну, верю, вижу, вижусь*¹, а вертикальными входами — грамматические значения вызвавших соответствующую реакцию стимулов, т. е. 1-е лицо ед.ч. глагола в настоящем времени, 2-е

---

¹ В этом анализе я опускаю статистические данные, характеризующие каждую словоформу и, соответственно, каждое грамматическое значение как тип и как совокупность словоформ (например, частотность 3-го л. ед.ч. наст. вр. глагола или дат. падежа ед. ч. существительного), и оперирую лишь конкретной словоформой или же типом грамматического значения без учета их частотности.

лицо и т. д., то же для прошедшего времени с варьированием рода и числа, далее – различные грамматические значения имени (падежи и числа), затем прочие части речи, таким образом, чтобы эта информация отражала полностью те словоизменительные формы и значения стимулов, которые были заложены в их исходный массив. Надо сказать, что практически все категориальные и грамматические значения в этом массиве представлены, и потому получившиеся матрицы¹ в известном смысле становятся зеркальным отражением диагностических матриц из главы I данной книги. Следовательно, заполняют клетки таких матриц здесь уже не реакции, которые теперь служат «входами», а стимулы в соответствующей форме. Так, против реакции *беру* в разных столбцах (или клетках) этой матрицы оказываются:

1-е л. ед. ч. наст. вр.	инфинитив	вин. п. сущ.	наречие
СНИМАЮ, ВОЗЬМУ, ПЛАЧУ	ДАТЬ	НОГУ	БЫСТРО

Против формы *верю* все клетки остаются пустыми и появляется только одна заполненная – с отрицательной частицей НЕ, тогда как ответ *вижу* в той же матрице оказывается результатом реагирования на множество таких грамматических характеристик стимулов:

1-е л. ед. ч. наст. вр.	2-е л. ед. ч. наст. вр.	2-е л. мн. ч. наст. вр.	ед. ч. м. р. прош. вр.	сущ. вин. п. ед. ч.	наречие	местоимение вин. п.
СМОТ-РЮ	ВИДИШЬ	ВИДИТЕ	СМОТ-РЕЛ	ДЕ-ВУШ-КУ ГЛАЗ ДЕ-РЕВ-НЮ ЖЕН-ЩИНУ ЛИК	РЕД-КО	СЕБЯ
ДЕ-ЛАЮ	СМОТ-РИШЬ	СМОТ-РИТЕ				

Для установления степени обратимости данной грамматической формы и грамматического значения (т. е. глагола в 1-м л. ед. ч. наст. вр.) я обращаюсь – после заполнения указанной матрицы – к ассоциативным статьям прямого словаря АТ, статьям, стимулы которых оформлены таким же образом. Подобных статей в АТ всего 16 – ВИЖУ, СМОТРЮ, ГОВОРЮ, ... СНИ-

¹ Из-за большого объема, который они занимают, я не считал целесообразным приводить их в книге. Их содержание и анализ станут ясны читателю из дальнейшего изложения.

МАЮ, УСПЕЮ¹. Анализ данных на эти стимулы реакций и их соотношение с соответствующими клетками той же матрицы заставляет сделать три вывода.

Первый вывод заключается в том, что все типы словоформ, вызвавших в качестве стимулов реакцию глаголом в 1-м лице единственного числа настоящего времени, обнаруживаются и в числе реакций на так же оформленный стимул-глагол, т.е. в ассоциативных статьях со стимулом в 1-м л. ед. ч. настоящего времени. Значит, если мы имели в матрице *беру*—СНИМАЮ, *вижу*—СМОТРЮ, то при проверке на обратимость, помимо только что приведенных, но соответственно «перевернутых» пар, находим СНИМАЮ—*вешаю*, ВИЖУ—*существую*, ПРОШУ—*требую*, УСПЕЮ—*сделаю* и т. п. Далее наличие грамматической обратимости в этой матрице я буду иллюстрировать одним—для экономии места—примером, располагая пары в таком порядке: реакция—стимул (по обратному словнику) ср. стимул—реакция (из прямого словаря, зеркально повторяющие грамматическое оформление первой пары). Итак, *беру*—ДАТЬ ср. ГОВОРЮ—*толкать*; *беру*—НОГУ ср. ВИЖУ—*цель*; *беру*—БЫСТРО ср. ДЕЛАЮ—*хорошо*; *верну*—ВИДИШЬ ср. ПЛАЧУ—*кричишь*; *боюсь опоздать*—УСПЕЕМ ср. ДОГОВОРЮСЬ—*решим*; *вижу*—СМОТРЕЛ ср. ПРОШУ—*отдал*; *вижу*—СЕБЯ ср. ВОЗЬМУ—*что-то*; *верю*—НЕ ср. ДЕЛАЮ—*не делаю*; *боюсь*—ПАУКОВ ср. ПРОШУ—*слова*; *велю*—МАЛЬЧИКАМ ср. ПЛАЧУ—*по волосам*; *буду*—ОТЦОМ ср. ПОЯВЛЮСЬ—*сюрпризом*; *буду*—КОНЕЧНО ср. ПРОШУ—*пожалуйста*.

Приведенные примеры демонстрируют грамматическую обратимость отношений для всех практически типов пар реакция—стимул в матрице, построенной для 1-го лица единственного числа глаголов в настоящем времени. Иными словами, если реакция в указанной форме порождена, например, творительным падежом единственного числа стимула-существительного, то мы вправе ожидать почти со 100-процентной² уверенностью, что в ассоциативных статьях со стимулом-глаголом, оформленным 1-м лицом единственного числа настоящего времени, нам обязательно встретится реакция с существительным в творительном падеже единственного числа. Такой же результат получается и из анализа следующей матрицы, входом в которую является форма 2-го лица единственного числа глагола. Показательно, что реак-

¹ В качестве стимулов в АТ использованы все финитные формы этих глаголов, значит, в нем имеется 16 ассоциативных статей со стимулами во 2-м л. ед. числа наст. вр., 16 в 3-м л. и т. д.—вся парадигма.

² Эта осторожная оговорка продиктована двумя соображениями: наличием в матрице пары (*вижу*—СМОТРИТЕ), которой не нашлось обратимого эквивалента среди реакций в 16 статьях со стимулами-глаголами в 1-м л. ед. ч. наст. вр., и предположением, что при расширении диагностического списка (а мы продвинулись по обратному словнику, как было сказано, только на 1/10 всей его длины, т.е. до 2600 номера) вероятность появления необратимых пар несколько возрастает.

ций этой формы в нашем экспериментальном отрезке оказалось почти вдвое (9 против 17) меньше, чем 1-го лица, и соответственно разнообразие грамматических отношений в парах беднее. Здесь обнаружены такие обратимые отношения: *берешь* – ПЛАТИШЬ ср. ВИДИШЬ – слышишь; боишься – ВЛАДЕЛЕЦ ср. ПОЯВИШЬСЯ – зверь; бредишь – МАГАЗИНАМИ ср. ПЛАТИШЬ – здоровьем или ДОГОВОРИШЬСЯ – с людьми; будешь – ДОБРЕЕ ср. УСПЕЕШЬ – всегда; веришь – НАДЕЯТЬСЯ ср. ГОВОРИШЬ – творить; веришь – ТЫ ср. ТЫ – придешь; видишь – ВЗГЛЯД ср. ГОВОРИШЬ – ерунда.

Переходя последовательно к глагольной реакции в 3-м лице единственного числа настоящего времени, мы должны прежде всего констатировать обилие этих форм, которые составили в наблюдаемом отрезке почти половину (50 из 106) всех словоформ настоящего времени. Естественно при этом, что типы грамматических отношений их со стимулами являются наиболее богатыми, впрочем, не намного превышая число таких типов для 1-го лица. Рискуя несколько утомить читателя однообразием примеров, считаю все же необходимым привести полностью все их типы также и для этой матрицы, чтобы закрепить впечатление о глубине и распространенности грамматической обратимости в АВС. Итак, *бежит* – ВИДИТ ср. ГОВОРИТ – молчит; *вешает* – СНИМАЕМ ср. ПОПРОСИТ – извинимся. Далее следуют два одиночные случая, для которых обратимых эквивалентов найти не удалось: *бывает* – ДУМАЕТЕ ср.; *бросает* – ИЗМЕНЯЕТ ср., и завершает глагольную часть грамматическое отношение с «неполной» обратимостью, представленное в матрице единичным примером, но в ассоциативных статьях отраженное многократно: *будет* – РЕШИЛИ ср. СНИМАЕТ – снял, ГОВОРИТ – сказал, УСПЕЕТ – добежал и т.п. Естественно, что отношения с инфинитивом, которые зафиксированы в матрицах всех финитных глагольных форм, оказываются и здесь обратимыми: *вернет* – ВЗЯТЬ ср. ИЗМЕНИТ – остаться. А затем, в разделе матрицы «Имя существительное», который открывается именительным падежом единственного числа, мы встречаем максимальную концентрацию стимулов, в ответах на которые наблюдаемая реакция характеризуется наибольшей частотой и обратимое отношение столь же частотно: *бежит* – ВОР ср. ВИДИТ – око; *белеет* – СПИНА ср. ГОВОРИТ – радио; *бодается* – БАРАН ср. ДУМАЕТ – индюк и т.д. Вообще же вся падежная парадигма, вошедшая, правда, в наш экспериментальный отрезок и соответственно в матрицу отдельными образцами, оказывается обратной, за исключением грамматического числа в родительном падеже (*болит* – НОГ ср. ПОПРОСИТ – тишины): *будет* – КОЛХОЗУ, ТРУДАМ ср. ИЗМЕНИТ – принципу, людям; *брешет* – ЛОЖЬ ср. ВИДИТ – обстановку, сон; *бросает* – ЛИСТЬЯМИ ср. ПЛАТИТ – наличными; *болит* – О НОГЕ ср. ГОВОРИТ – о любви. Далее в этой матрице представлены отношения, обратимость которых очевидна и которые встречаются также в матрицах 1-го

и 2-го лица: *будет* – СЕЙЧАС ср. ПОЯВИТСЯ – *сейчас*; *будет* – КОНЕЧНО, ср. УСПЕЕТ – *конечно*; *будет* – ЧТО ср. ДЕЛАЕТ – *что*; *будет* – КОТОРЫЙ ср. ИЗМЕНИТ – *или нет*, ГОВОРИТ – *и делает*, ВОЗЬМЕТ – *и не отдаст* (в последних примерах имеется в виду как реакция – союз, правда, не в изолированном виде). Наконец, есть здесь и случаи обратимости прилагательных, которые, как мы помним по первой части книги, для глагольных статей вообще редки: *будет* – БЕЗВРЕДНЫЙ ср. ПРОСИТ – *мягкий*.

Чтобы закончить с подтверждением на глагольном материале первого вывода или первого тезиса грамматической обратимости, согласно которому все типы грамматических отношений «от реакции к стимулу» могут быть повторены в отношениях «от стимула к реакции», коль скоро стимул в соответствующей форме наличествует в исходном списке, отметим, что во всех матрицах, построенных для финитных форм реакций, проверкой по ассоциативным статьям прямого словаря зафиксирована грамматическая обратимость в таком объеме, как это показано здесь для первых трех лиц глагола в единственном числе настоящего времени. Не поддались проверке лишь формы повелительного наклонения (*бери* – ВОЗЬМУ, *будь* – ПРОЩЕ, *веди* – СМЫТЬСЯ, *верь* – ТОВАРИЩАМ) и среднего рода прошедшего времени (*было* – ВОСКРЕСЕНЬЕ, *вертелось* – КОЛЕСО, *вечерело* – ХУЖЕ), которые не были введены в число стимулов изначально и соответственно не могли образовать ассоциативных связей в АТ.

Аналогические парадигмы и первое правило ассоциативной грамматики. Второй вывод заключается в том, что построение матриц обратимости позволяет наглядным образом произвести сравнительную оценку того, какие грамматические категории и формы превалируют среди стимулов, вызвавших ту форму реакции, для которой построена данная матрица. В совокупности столбцов каждой матрицы (см. образцы на с. 280) всегда обнаруживаются такие, которые выделяются максимальным наполнением, в которые попадает подавляющая часть или значительное большинство стимулов, вызвавших в качестве реакции данную грамматическую форму. Иными словами, матрицы обратимости выявляют в «грамматическом пространстве» стимулов области концентрации форм, или предпочтительные их формы, преобладающие в ассоциативных парах с исходной формой реакции. Так, если обратиться к матрицам финитных форм глагола, то мы увидим, что реакцию 1-го лица единственного числа настоящего времени чаще всего вызывают 1-е же лицо стимула-глагола или винительный падеж существительного: *беру* – ПЛАЧУ или *вижу* – ДЕРЕВНЮ.

– 2-е л. ед. ч. ← 2-е л. стимула: *вернешь* – ИЗМЕНИШЬ;

– 3-е л. ед. ч. ← 3-е же л. или им. п. стимула: *бросит* – УСПЕЕТ или *блистает* – ТЕАТР;

– 1-е л. мн. ч. ← 1-е л. мн. ч. и, может быть, наречие: *болтаем* –

ГОВОРИМ и видимся – РЕДКО (падежи имен представлены равномерно и невыразительно);

– 2-е л. мн. ч. ← 2-е л. мн. ч.: *бездействуете* – ДЕЛАЕТЕ;

– 3-е л. мн. ч. ← 3-е л. мн. ч. и им. п. имени: *ведут* – ПРОСЯТ и *визжат* – ДЕТИ; вообще надо сказать, что в проанализированном материале среди имен-стимулов, вызвавших эту реакцию, не было ни одного в единственном числе, т. е. множественное число стимула однозначно задает грамматическое число глагольной реакции: *бегут* – ПАУКОВ, *висят* – ЗНАМЕНАМИ, *болят* – О НОГАХ.

В прошедшем времени картина получается похожей:

– ед. ч. м. р. глагола ← ед. ч. м. р. глагола или им. п. имени м.р.: *бредил* – ДУМАЛ или *вернулся* – СОЛДАТ;

– ед. ч. ж. р. ← ед. ч. ж. р. или им. п. имени ж.р.: *взошла* – ЗВЕЗДА или *взяла* – ПРОСИЛА.

Для среднего рода, правда, определить эти предпочтения оказалось трудно из-за того, что само количество таких реакций существенно меньше, чем других форм. Тем не менее, чисто визуально, матрица и здесь демонстрирует концентрацию стимулов в области именительного падежа имени среднего рода (*было* – СОБЫТИЕ, *вертелось* – КОЛЕСО), допуская, однако, в ряде случаев рассогласование стимула и реакции в роде, чего не отмечено для мужского и женского родов: так, наряду с *было* – МЫЛО, *было* – ВОСКРЕСЕНЬЕ, встречаем здесь *было* – МЕТЕЛИЦА, *было* – РУБЛЬ, что следует отнести на счет идиоматичности самой формы связочного глагола *было*.

– мн.ч. глагола прош.вр. ← мн.ч. прош.вр. или им.п. мн.ч. имени и тв.п. мн.ч.: *бросили* – ДЕЛАЛИ или *бежали* – РЕБЯТА и *болтали* – МАЛЬЧИКАМИ.

Повелительное наклонение в числе реакций представлено и единственным, и множественным числом, хотя в составе стимулов эта категория не была предусмотрена, и потому сила аналогии, вызывающей грамматическое уподобление реакции стимулу, здесь действовать не могла. Чисто формально, т. е. в количественном отношении, матрица показывает преобладание в числе стимулов для данной категории имен существительных, а из четырех их падежных форм (именительного, дательного, винительного, творительного) – именительного падежа, соответственно единственного (*вернись* – МАСТЕР, *верь* – ТОВАРИЩ) или множественного числа (*будьте вежливы* – ТОВАРИЩИ). Как ясно из примеров, такое предпочтение объясняется тем, что испытуемый воспринимает в этих случаях форму стимула как обращение, хотя возможна, видимо, его трактовка и как топика, предмета речи: *бери* – ГЛИНА.

Таким образом, аналогическое воздействие категорий стимула и их повторение в реакциях является очень мощным фактором, определяющим грамматическое оформление статистически значительного числа реакций. Впрочем, то, что грамматическая аналогия является одной из важнейших закономерностей органи-

зации АВС, мы отмечали уже не раз в главе I данной книги. Но там речь шла о появлении и количественной представленности аналогических форм в пределах одной ассоциативной статьи, об аналогии по отношению к конкретному единичному стимулу. Теперь же мы можем оценить ее роль в двух других отношениях.

Во-первых, мы должны констатировать, что нет таких форм, которые не сопровождалась бы в АВС определенным числом своих повторений, образованных от других слов, своих грамматических двойников. Выводя с помощью матриц рассмотрение аналогии за рамки одной ассоциативной статьи, мы еще раз убеждаемся в ее «формотворящей» силе, способной по образу и подобию одного слова создавать, а вернее, мгновенно воспроизводить, — минуя дискретные операции по «сборке» формы из элементов «нижележащего уровня», — воспроизводить как целостное и готовое, любое необходимое образование, любую форму от любого слова, потребовавшуюся говорящему. Эта «вездесущность» аналогии убеждает нас, что аналогическими грамматическими связями узлы АВС связаны друг с другом наряду с семантическими и с неменьшей силой. В известном смысле мы вправе говорить о существовании аналогической парадигматики в АВС.

Во-вторых, мы можем установить, какие грамматические категории и значения вызываются в реакциях только силой аналогии со стимулом, т. е. исключительно «парадигматичны», определяются тем самым не столько внутренними, сколько внешними факторами — ситуацией общения и тактикой речевого поведения говорящего, а какие, помимо универсально действующего аналогического уподобления, также еще и «наводятся» в реакции, имплицитируются соответствующими категориями стимула, обнаруживая синтагматические зависимости грамматических категорий друг от друга и выявляя, очевидно, тот самый механизм правил грамматики или ассоциативной синтагматики, который уже неподвластен говорящему, не оставляет ему выбора, а сам управляет им вне связи с речевой ситуацией.

Ставя вопрос таким образом, мы приходим как будто к установлению известной «грамматической несправедливости»: все грамматические категории равны, но некоторые более равны, чем другие. Получается, что есть грамматические категории и грамматические значения, парадигматические по преимуществу, связанные в АВС главным образом со своими аналогическими двойниками, и есть такие, которые в пределах сети вступают в грамматическое взаимодействие с другими категориями, образуя с ними на синтагматической оси пары или комплексы, связанные имплицитивными отношениями. Словно бы есть чисто согласовательные, самодовлеющие, пассивные категории и категории конструктивные по преимуществу, которые воплощены в разнообразных словоформах, представленных одновременно в каждом дискретном состоянии АВС, и заряжены энергией активного пропозиционального продолжения. Какие у нас основания

для установления подобного «грамматического неравенства»? Вернемся к тем предпочтениям, которые мы извлекли из матриц обратимости финитных форм глагола (см. с. 283–284).

Прежде всего следует подчеркнуть, что образованные по аналогии формы присутствуют во всех матрицах. Все эти формы, естественно, обратимы, так сказать, по определению, по самой сути аналогического отношения. Предпочтение только таким формам отдало 2-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени и 1-е лицо множественного числа, и потому названные категории можно квалифицировать как принадлежащие к аналогической парадигматике. Измерение степени их обратимости по прямому словарю показало, что она колеблется в довольно высоких пределах — от 15 до 25%. Ср., в статье ДЕЛАЕТЕ на 65 разных форм 12 воспроизводят грамматические характеристики стимула: *думаете, работаете, бездействуете, берете, ломаете, не делаете, смотрите, спите, стоите, умеете, что можете, что хотите*. Похожая картина в статье ДУМАЕТЕ, где из 75 разных форм реакций 12 аналогических — *размышляете, гадаете, глазаете, делаете, мечтаете, мыслите, не думаете, нюхаете, поете, решаете, соображаете, стараетесь*, а кроме того, еще пять близких к ним словоформ 2-го лица множественного числа, но не индикатива, а повелительного наклонения (*не думайте, отвечайте, отдыхайте, решайте, соображайте*), которые на самом деле во всех ассоциативных статьях с таким стимулом сопровождают аналогические формы реакций во 2-м лице множественного числа настоящего времени, иногда омографически совпадая с ними (*смотрите, измените, говорите* и т. п.). Иллюстрации можно было бы продолжить, но показатель степени обратимости в среднем остается тем же и для 2-го лица единственного числа глаголов в настоящем времени и для 1-го лица множественного числа, т. е. для форм, которые в матрицах обратимости обнаружили предпочтение к стимулам, оформленным теми же грамматическими признаками. Более того, этот показатель практически не изменяется¹ и для аналогических образований всех других финитных форм глагола (ср., в статье ДУМАЕТ 14 аналогических на общее число 56 разных форм, а в статье ИЗМЕНИТ это соотношение 13 на 70 и т. п.), хотя эти другие формы проявили и некоторые иные предпочтения, помимо аналогических (см. с. 283–284), к рассмотрению которых мы теперь и переходим.

Итак, отвлекаясь от аналогических предпочтений, мы фиксируем, что 1-е лицо единственного числа глагола настоящего времени как реакция, чаще всего появляется, согласно нашей

¹ Резкое отклонение обнаруживает статья со стимулом ДОГОВОРИТСЯ, который не дает ни одного аналогичного образования в реакциях, но зато порождает необычно большое число инфинитивов (*встретиться, представиться, скоординироваться*... — 18 на 52 разных формы в статье), которые можно интерпретировать двояко: и как синтагматическую реакцию управления, и как аналогическое образование по отношению к омонимично звучащей форме — ДОГОВОРИТСЯ = ДОГОВОРИТЬСЯ.

матрице, в статьях имен существительных, оформленных винительным падежом: *вижу*— ДЕРЕВНЮ, ДЕВУШКУ, ЛИК; *беру*— НОГУ. Однако обе эти реакции—переходные глаголы, и если обратиться к ассоциативным статьям со стимулами-глаголами в 1-м лице единственного числа настоящего времени, среди которых есть как переходные, так и непереходные, мы не найдем 100-процентного подтверждения тому факту, что они отдают предпочтение винительному падежу. Таким образом, проверка на обратимость не подтверждает наш первоначальный вывод. Тем не менее, это не значит, что он ложен. Он остается справедливым для переходных глаголов, а по отношению ко всем, т.е. в том числе и непереходным, его следует расширить, сформулировав, как показывает материал, следующим образом: 1-е лицо единственного числа глаголов в настоящем времени, имея эксплицитно и однозначно выраженным актант-субъект—«я», в своих грамматических ассоциативных связях—и в роли реакции, и в роли стимула—отдает предпочтение прочим своим типовым актантам, которые конкретизируются в зависимости от особенностей управления (или актантной структуры) конкретного глагола. Так, в статьях ВИЖУ и ВОЗЬМУ преобладает падеж прямого объекта, в статье ГОВОРЮ в равной мере представлены три актанта—прямой объект, косвенный объект и адресат (*что, о чем и кому*); адресат и объект репрезентируют актантную структуру стимула в статье ИЗМЕНЮ (*что и кому, чему*), а стимул ДОГОВОРЮСЬ отдает предпочтение актанту-соучастнику и объекту речи (*с кем и о чем*) и т.п.

Таким образом, можно вывести следующее правило ассоциативной грамматики, в котором учитываются и явление обратимости, так как роли стимула и реакции не различаются, и условия предпочтительности определенных грамматических отношений.

---

(1) Глагол в 1-м лице единственного числа настоящего времени чаще всего грамматически связан в АВС с одним из своих актантов (помимо агенса, который задан в его форме эксплицитно).

Еще два правила грамматики предпочтений. Если же попытаться продлить цепочку обратимости и рассмотреть, сохраняется ли, например, связь от стимула-объекта речемысли к 1-му лицу единственного числа настоящего времени глагола-реакции, то мы уже на этом шаге столкнемся с диссипацией грамматических связей: с одной стороны, в любой ассоциативной статье, стимул которой оформлен предложным падежом имени существительного в единственном числе, мы обнаружим обязательно реакцию глаголом 1-го лица единственного числа настоящего времени (О КОЛХОЗЕ—*не говорю, не думаю, ревную*; О МАМЕ—

думаю, люблю, расскажу; О МИНУТЕ—не говорю, прошу; О ЖЕНЩИНЕ—вспомню, думаю и т.п.), но, с другой стороны, такая реакция уже не будет предпочтительной, эти формы, наличествуя в каждой статье со стимулом-объектом речемысли в предложном падеже, оказываются единичными, не образуют области концентрации, а распределяются также и по другим статьям других своих актантов (прямого объекта, адресата и т.д.: ЖЕНЩИНУ—люблю, прошу, увижу; МУЖУ—скажу; СВИДАНИЮ—не верю). Предложный же падеж с предлогом *о* в качестве стимула проявляет собственные предпочтения, в которых акцент делается на семантику глагола-реакции, тогда как грамматическое его оформление отступает на второй план, и потому в соответствующих статьях, наряду с широко представленным инфинитивом, встречаются практически все финитные глагольные формы, т.е. опять-таки нет концентрации на определенных грамматических категориях глагола: О ЧЕЛОВЕКЕ—говорят, говоря, не думай, промолчим; О ТОВАРИЩЕ—вспомним, молчат, не говорят, пишу, помню; О СТРАНАХ—молчит, не знал, поют, хочется знать; О МАТЕРЯХ—говорит, говорят, думаешь, люблю, не спорят, помни, помним; О ПАЛЬЦЕ—болит, было, думаю, забыл, замолвите слово, не думай, не думал, не знаю, не скажешь. Следовательно, диссипация синтагматических отношений демонстрирует нам широкое разнообразие грамматикализованных форм в АВС, а их концентрация указывает на существование определенных зависимостей, или правил, которыми руководствуется носитель языка при порождении речевого произведения. Рассмотрим следующее правило, которое можно извлечь из предпочтений 3-го лица единственного числа глагола в настоящем времени (см. с. 283—284).

Соответствующая матрица свидетельствует о концентрации стимулов, вызывающих реакцию 3-м лицом единственного числа глагола в настоящем времени, в зоне именительного падежа единственного числа имени существительного: *бережет*—КОПЕЙКА, *взрастет*—СЕМЯ, *болит*—СПИНА, *бушует*—МЕТЕЛЬ, *бьет*—МОЛОТОК, *валит*—СНЕГ, *варит*—ЖЕЛУДОК, *веет*—ВЕТЕР, *велит*—НОГА и т.п. И на первый взгляд, эта зависимость, так же как обратная от 3-го лица к имени в именительном падеже, представляется оправданной, поскольку идея активного действия, заложенная в данную глагольную форму, с необходимостью требует указания на действующего, на субъект, требует эксплицитно обозначить агенса. Однако обращает на себя внимание, что в выборке, которая попала в матрицу и нашла отражение в только что приведенных иллюстрациях, большая часть глаголов оказалась непереходными. При проверке наметившейся зависимости между 3-м лицом и именительным падежом на обратимость, выяснилось, что обратная концентрация, теперь уже реакций в именительном падеже в статьях стимулов-глаголов 3-го лица единственного числа настоящего времени, наблюдается далеко не во всех случаях, представленных в АТ. Здесь, как

мы помним, 16 глаголов во всех финитных формах и соответственно 16 статей со стимулами в 3-м лице единственного числа настоящего времени. С точки зрения вызванных ими именных реакций эти статьи распадаются на три приблизительно одинаковые группы.

К первой мы отнесем 6 переходных глаголов, реакциями на которые почти 100-процентно были формы винительного падежа единственного числа, т. е. падежа прямого объекта: СНИМАЕТ — *квартиру, кепку, боль, фильм* ... — 26 таких ответов на 57 разных и лишь один именительным падежом; ПОПРОСИТ — *денег, вас, билет, талоны* ... — винительный и партитив как падежи прямого объекта, 15 таких форм из 72 реакций на 4 ответа падежом агенса — именительным; ПРОСИТ — почти то же соотношение, из 67 разных ответов 2 именительным падежом и 18 падежом объекта; ДЕЛАЕТ — *дело, уроки, работу, шаг* ... — 56 всего, 8 именительным и 21 винительным падежом; ВИДИТ — *все, сон, причину, будущее* ... — 68/7/32; ВОЗЬМЕТ — *руку, свое, карандаш* ... — 57/4/12. Таким образом, в этой группе стимулов намеченная согласно данным матрицы зависимость не соблюдается, и проверка на обратимость показывает предпочтение перечисленных глаголов винительному падежу реакции. Присутствующий во всех без исключения статьях именительный — как падеж агенса, субъекта действия — представлен единичными реакциями и, как правило, выражается словом, обозначающим человека: ВОЗЬМЕТ — *он*, ПОПРОСИТ — *преподаватель*, ПРОСИТ — *друг*, ДЕЛАЕТ — *слесарь*, ВИДИТ — *глухой*. Наоборот, среди реакций, оформленных падежом объекта, нет ни одного имени существительного, обозначающего одушевленное существо, и лишь отмечены две местоименные формы: ВИДИТ, ВОЗЬМЕТ — *меня*, ПРОСИТ, ПОПРОСИТ — *кого-то*.

Вторую группу составляют 4 стимула, в статьях которых первоначально намеченная закономерность сохраняется, т. е. при проверке на обратимость концентрация именных реакций обнаруживается как раз в зоне именительного падежа единственного числа, тогда как формы винительного становятся единичны. Так, в статье непереходного глагола 3-го лица единственного числа ПОЯВИТСЯ из 65 разных реакций 16 даны в именительном падеже единственного числа, т. е. обозначают агенса соответствующего действия, причем им может быть как одушевленное имя существительное, так и неодушевленное: ПОЯВИТСЯ — *дух, желание, ребенок, боль, надежда, брат* ... Три других глагола этой группы являются переходными, а субъектом обозначаемого ими действия оказываются как одушевленные, так и неодушевленные имена, число которых здесь заметно больше, чем имен, оформленных винительным падежом прямого объекта, как правило, неодушевленных. Ср. ПЛАТИТ — *касса, колхоз, проститутка, хозяин* ... , всего 13 разных имен действующателя против 4 актантов-объектов действия: *деньги, взнос, взносы, дань*. В статье ДУМАЕТ — это соотношение 10 к 1 (*голова, бездельник, ум, индюк*,

ученый ...), а в статье РЕШИТ – 15 к 9: РЕШИТ – *борьба, комиссия, сам, главный, собрание ... vs. РЕШИТ – задача, вопрос, проблеме, пример ...*).

В третью группу попали 4 стимула, в статьях которых падежи агенса и прямого объекта представлены приблизительно в равном количестве, и при этом довольно отчетливо прослеживается тенденция одушевленное имя существительное (в крайнем случае – явление природы) делать субъектом, а неодушевленное – объектом действия. Ср. ГОВОРИТ – *женщина, мама, человек, радио ... vs. правду, глупости, дело ...*; ИЗМЕНИТ – *муж, друг, время, женщина, подлец ... vs. жизнь, обстановку, мнение, фамилию, планы ...*; НАЧНЕТ – *он, дождь, солнце ... vs. дело, разговор, конфликт ...*; СМОТРИТ – *он, окно, взгляд vs. телевизор, кино, спектакль*.

Два оставшихся переходных глагола – УСПЕЕТ и ДОГОВОРИТСЯ – в силу специфики своей семантики и предрасположенности к сочетанию с инфинитивами (УСПЕЕТ – *выйти*, ДОГОВОРИТСЯ – *встретиться*), которых в их статьях оказывается больше всего, не могут быть поставлены в один ряд с тремя рассмотренными группами, но и они проявляют тенденцию интерпретировать одушевленные имена как субъект действия (ДОГОВОРИТСЯ – *девушка, компаньон, кто*; УСПЕЕТ – *Марина, он*), а неодушевленные как косвенный объект (ДОГОВОРИТСЯ – *о встрече, о деле, о прогулке*; УСПЕЕТ – *к автобусу, на самолет*). Между стимулами и реакциями для 3-го лица единственного числа настоящего времени глагола в игру оказались втянутыми категории переходности – непереходности, одушевленности – неодушевленности, именительного и винительного падежей. Правило, учитывающее такое число переменных, должно приобрести довольно усложненный вид, но мы ограничимся его самой общей формулировкой.

---

(2) Глагол в 3-м лице единственного числа настоящего времени в своих связях в АВС отдает предпочтение двум актантам – одушевленному агенсу или неодушевленному объекту.

Это правило с поправкой на грамматическое число сохраняет свою силу и для 3-го лица множественного числа, причем меняется только число агенса, тогда как имена существительные в винительном падеже не реагируют на изменение числа в глагольной словоформе: ДЕЛАЕТ, ДЕЛАЮТ – *дело*; ДЕЛАЕТ, ДЕЛАЮТ – *уроки*; ДЕЛАЕТ, ДЕЛАЮТ – *работу* и, наоборот, ДЕЛАЕТ – *ошибки, игрушки*, но ДЕЛАЮТ – *промах, машину*; ср. ДЕЛАЕТ – *плотник, сам*, однако ДЕЛАЮТ – *они, сами*.

В прошедшем времени для глаголов, обладающих переходностью в большинстве своих значений, усиливается тенденция из

всех своих актантов отдавать предпочтение прямому объекту. Ср. под стимулом ПРОСИЛ даны 16 разных актантов, так что воспроизведена вся актантная структура этого глагола (*меня, о помощи, алкоголик, у него, сдачу*), однако словоформ, обозначающих прямой объект, 11 из 16; аналогичную картину дает стимул ПЛАТИЛ, где прямой объект представлен 9 разными словоформами (*налог, взносы, цену ...*), а прочие актанты меньшим количеством: *деньгами* (6), *магазин* (2), *за услуги* (6).

Эта тенденция остается заметной и при варьировании рода и числа стимула. Так, в статье ПОПРОСИЛА 12 прямых (*книгу, воды ...*) актантов, а всех прочих только 11 (*подругу, дама, о помощи*), в статье ИЗМЕНИЛИ 34 слова, обозначающих прямой объект в винительном падеже (*расписание, фамилию, вид, жизнь ...*), 9 словоформ адресата в дательном (*делу, перестройке, идеям ...*) и по одной в предложном (*в дружбе*) и именительном (*силы*).

Чтобы закончить осмысление матриц с глагольными формами, осталось сформулировать последний, **третий вывод** из тех, о которых шла речь на с. 281; 283. Эти матрицы, помимо сведений об обратимости вообще и роли в ней аналогии (это был первый вывод), помимо сведений о зонах концентрации грамматических категорий и значений, а значит, о предпочтениях в грамматических связях — в направлении ли от реакции к стимулам или от стимула к реакциям (второй вывод), позволяют получить также информацию о том, какие глагольные формы (категории, значения) вообще преобладают среди реакций, что должно, видимо, соответствовать их употребительности в текстах. Частично эти данные уже упоминались в связи с рассмотренными вопросами.

Прежде всего бросается в глаза обилие словоформ 3-го лица единственного числа, их среди всех форм настоящего времени, как было сказано, 50 из 106, правда, с абсолютным преобладанием непереходных глаголов. Распределение словоформ прошедшего времени по числам и родам оказывается более или менее равномерным, с незначительным преимуществом мужского рода (21/17/8 и 11 множественного числа). Что касается наклонений, то, естественно, превалирует, изъявительное, поскольку из 190 глагольных форм, извлеченных из проанализированного отрезка в 2600 реакций, 17 приходятся на повелительное наклонение и 5 на сослагательное. Особенно многозначительным представляется видовое предпочтение реакций: из названного числа глагольных форм в реакциях только 30 даны в совершенном виде, причем отчетливо можно увидеть тенденцию к симбиозу совершенного вида с прошедшим временем, так как этим видом оформлены 16 реакций из 57, относящихся к прошедшему времени (*взяли, взорвала, взошла, брызнул, вдарил, вернул, вернулся, взорвалась ...*), тогда как из 106 реакций настоящего времени лишь 11 совершенного вида (*вернут, бросишь, вернусь, возрастет ...*). Это явление отчасти было затронуто в разделе «Морфоло-

гия», где отмечалось также предпочтение в реакциях несовершенному виду, как немаркированному.

Обобщая все эти, может быть, излишне насыщенные цифрами, сопоставления, сформулируем качественные итоги, или третий обещанный вывод из анализа глагольных матриц.

---

(3) В числе глагольных реакций, которые образуют со стимулом, как правило, модели двух слов, предпочтение отдается:

- а) среди времен – настоящему времени непереходных глаголов несовершенного вида;
- б) внутри настоящего времени преобладает 3-е лицо единственного числа;
- в) оформление реакции прошедшим временем существенно увеличивает вероятность одновременного перевода глагола в совершенный вид.

Итак, завершив наблюдения над глагольными реакциями, мы смогли сделать три вывода, которые заключают в себе несколько грамматических правил, характеризующих стратегию говорящего при комплектовании им моделей двух слов по одному известному или заданному элементу такой модели. Наличие отношений обратимости в таких моделях служило показателем их достоверности и устойчивости. Понятно, что этим значение и роль обратимости в АВС не ограничивается, но прежде чем полностью осмыслить ее функцию, дополним рассмотрение обратимости глагольных категорий анализом ее на материале некоторых категорий имени.

Обратимость конструкций с родительным падежом. Матрица родительного падежа (на входе родительный падеж реакции, на выходе – стимулы, оформленные самыми разнообразными грамматическими категориями) единственного числа имени существительного оказывается самой обширной, поскольку из 3 косвенных падежей, бывших объектом наблюдения в избранном отрезке в 2600 реакций, родительный по количеству втрое превосходит дательный и вдвое творительный. Как и следовало ожидать, реакция родительным падежом в основном является приименной, причем 75–80% вызвавших ее стимулов – это имена существительные в именительном падеже, *абсурда – ТЕАТР, агрохимии – ИНСТИТУТ, Аустерлица – НЕБО¹, бани – ВЛАДЕЛЕЦ, без имени – ТЮРЬМА, бога – ЛИК, века – СОБЫТИЕ, власти – КОРИДОР¹* и т. п. Среди остальных стимулов единичными фактами представлены все без исключения падежные формы обоих чисел: *бумаги – ЛИСТА, битлз – ПЕСНЕ, автомата – ПОМОЩЬЮ, армии – О ЗНАМЕНИ, анализа – НАЧАЛА, Азии – СТРАН, вер-*

---

¹ Мы сейчас отвлекаемся от «ассоциативной текстологии», от аллюзий на прецедентные тексты, связанных в одном случае с «Войной и миром», а в другом – с романом Ч. П. Сноу «Коридоры власти», и сосредоточиваемся только на грамматической форме моделей двух слов.

ных жен – МУЖЬЯМ, блаженства – МИНУТАМИ, Африки – О СТРАНАХ. Отсутствие в явном виде винительного в этих примерах не ослабляет сделанного утверждения, так как для большого числа существительных он может скрываться за совпадающей с ним по форме именительным. Тем более, что при проверке обратимости винительный падеж обнаруживается: ПИВА – кружку, ЧАЮ – чашку с блюдцем.

Из других частей речи наиболее выразительно сочетания с родительным падежом имени в реакции образуют специфические по семантике инфинитивы (*автобуса* – ЖДАТЬ, *боли* – БОЯТЬСЯ, *власти* – ТРЕБОВАТЬ и т.п., всего их не более 20), числительные (*апельсина* – ДВА, *балла* – ТРИ, *братьев* – СЕМЬ, *баранов* – ТРИДЦАТЬ, *вагонов* – СТО – всего на единственное и множественное число родительного приходится 13 случаев), сравнительная степень прилагательного (*ветра* – СИЛЬНЕЕ, *века* – СТАРЕЕ), предлоги (*ведра* – ИЗ, *верблюда* – ОТ), а также два наречия степени – МНОГО и МАЛО.

Что касается сочетаний родительного с предлогами, то в общей массе реакций беспредложным родительным они занимают незначительное место, как можно судить по выбранному отрезку: в проанализированном материале оказалось примерно 100 разных форм беспредложного родительного в единственном числе, тогда как форм с предлогом *без*, целиком вошедших (по алфавиту) в материал для наблюдений, отмечено не более 30. Показательно также, что подавляющее большинство конструкций родительного с предлогами выступает в маркированных употреблениях, строго ограниченных семантикой стимула. Так, конструкции с предлогом *от* обнаруживают два предпочтения: 1) наиболее распространенное – с инфинитивами, имеющими значение удаления – *убежать*, *бежать*, *улизнуть*, *убегать*, *скрыться*, *смыться*, *уходить* и т.п.; 2) в применном словоупотреблении с общим значением причины какого-то явления, названного словом-стимулом – *от огня* – ДЫМ, *от лекции* – ПОЛЬЗА, *от раны* – СМЕРТЬ, *от незнания* – СТРАДАНИЕ и т.п. Сочетания же родительного с *без* в большинстве своем выступают в роли сирконстантов действия, обозначенного глаголом (*без стука* – ВХОДИТЬ, *без страха* – УМЕРЕТЬ, *без конца* – ГОВОРИМ, *без ответа* – СТОЯЛ, *без толку* – ДУМАЛИ), в других же случаях составляют синонимичное стимулу образование (*без дна* – ГЛУБОЧАЙШИЙ, *без помощи* – САМ, *без сомнения* – КОНЕЧНО, *без сердца* – БЕЗДУШНЫЙ).

Таким образом, матрица родительного падежа единственного числа – при самом широком, как мы видели, разбросе грамматических отношений этой формы с разнообразными категориями стимулов – позволяет говорить о трех зонах концентрации, о трех зонах интенсивного взаимодействия категорий с родительным падежом в АВС. Самую крупную зону составляет именительный падеж имени существительного единственного числа, вызывающий примерно 75% всех реакций в родительном: до 15% реакций

приходится на стимулы-инфинитивы, около 8% в проанализированном множестве охватывают аналогические отношения, т.е. случаи, когда родительный падеж реакции обусловлен родительным падежом стимула.

Правило сохранения зон концентрации при обратимости отношений остается в основном справедливым и для данной категории, как это было отмечено выше для ряда глагольных категорий. Однако, как и в предыдущем случае, здесь наблюдается некоторое движение, некоторое варьирование и даже эволюция при обращении категории – как в составе самих зон (какие-то новые добавляются, а какие-то из отмеченных отходят на второй план), так и в их количественных характеристиках. Напомню, что техника проверки от стимула на обратимость заключается в том, что по прямому, от стимула к реакции, словарю, ведется анализ и подсчет разных категорий и форм, вызванных родительным падежом стимула в качестве реакций на него.

Надо сказать, что родительному падежу единственного числа стимулов в АТ не повезло. Из-за того что для имен женского рода он совпадает в письменной форме с именительным множественного (*мамы, минуты, женщины, но́ги и ногú, страны и странý*), его автоматически исключили из числа стимулов, а в число исключенных вместе с именами женского рода попали и некоторые существительные мужского рода. В итоге из 30 полных парадигм имени в составе стимулов (т.е. других падежей примерно по 30) оказалось лишь 10 оформленных родительным падежом единственного числа. Но, думается, для качественных оценок, которые мы и собираемся дать, этого материала в общем достаточно.

Представим результаты покатегориального расписывания реакций в каждой статье со стимулом в родительном падеже единственного числа в виде сводной таблицы, не усложняя ее количественными данными, а выделив лишь зоны концентрации грамматических значений. По сути дела все проанализированные статьи распадаются на три группы в зависимости от порядка следования зон концентрации, располагаемых по степени убывания числа реакций в них. Симптоматичным представляется тот факт, что ведущей в каждой из трех выделенных групп последовательно становится каждая из категорий, составивших три зоны концентрации в матрице родительного падежа единственного числа (см. порядок категорий по вертикали в столбце I, см. с. 295).

В первую группу (по горизонтали) входит большая часть статей со стимулом в родительном, причем их состав и последовательность оказываются очень близки к тем, что установлены по обратному словнику, отличаясь дополнительной зоной отрицательных конструкций (*ТРУДА – не стоит, ПИВА – не люблю, ВОЗДУХА – не хватает, МАГАЗИНА – не видно, КОЛХОЗА – не будет*) и местом аналогической формы родительного падежа, который здесь по количеству реакций превосходит инфинитив

Стимул – Р. п. ед. ч.	Зоны концентрации реакций		
	I	II	III
1) –»–	И. П. ед. ч.	Р. П. ед.ч.	отриц. констр. или инфинитив
2) –»–	Р. п. ед.ч.	И. п. (или инф., или отриц. констр.	отриц. констр. или И. п.
3) –»–	инфинитив	финитные формы глаголов желания	Р. п. ед.ч. и отриц. констр.

и потому занимает вторую после именительного падежа позицию. Больше или меньшее число аналогических форм родительного есть в каждой из трех групп, и складывается оно из двух подмножеств родительного имен существительных, который может составлять или не составлять со стимулом модель двух слов (ЛИСТА – *цветка, дерева*; ТРУДА – *отдыха, колхозников*; ЧАЯ – *воды, без сахара*; МАГАЗИНА – *прилавка, электротоваров* ...) и родительного имен прилагательных, всегда согласующихся со стимулом, т. е. составляющих с ним модель двух слов (ЛИСТА – *кленового, ТРУДА – умственного, ЧАЯ – крепкого, МАГАЗИНА – промтоварного* ...). Точно так же во всех группах представлен именительный падеж реакций, причем количественно он абсолютно во всех статьях является преобладающей формой, превосходя любую другую категорию. Однако согласно таблице он перемещается в соответствующих группах последовательно на второе и на третье место только потому, что при определении количества релевантных реакций именительным в статье в расчет принимались лишь формы, образующие со стимулом модель двух слов. Например, учитывались реакции типа ТРУДА – *герой, психология, край*; ЛИСТА – *конец, почка*; ПАЛЬЦА – *ноготь, изгиб, кусок*; КОЛХОЗА – *председатель, клуб, фортуна*; ПИВА – *бочка, пена*, но не учитывались более многочисленные иногда реакции типа ТРУДА – *работа, картошка, май*; ЛИСТА – *бумага, ветвь, письмо*; ПАЛЬЦА – *рука, пчела, дрянь*; КОЛХОЗА – *совхоз, путешествие*; ПИВА – *вода, вобла, пивовар*.

В этих группах, характеризуемых разной последовательностью зон концентрации грамматических категорий, вызванных родительным падежом стимула, хотелось бы усмотреть какую-то общность, какое-то семантическое единство самих стимулов. Однако такого единства обнаружить не удастся, поскольку в пер-

вую, например, группу входят вещественные имена существительные (ПИВА, ВОЗДУХА), имена потенциальных владельцев-обладателей (КОЛХОЗА, МАГАЗИНА), абстрактное – ТРУДА, а во вторую – исчисляемые (ЛИСТА, ПАЛЬЦА), но и вещественное – ЧАЯ. Наконец, в последнюю, третью группу вошло одно существительное, тоже с вещественным значением, но отчетливо выраженной грамматическими средствами партиципальностью, что, видимо, и обусловило преобладание среди реакций глаголов – как в инфинитиве (ЧАЮ – *пить бы, выпить, напиться, ждать, просить* ...), так и в финитных формах (ЧАЮ – *хочу, люблю выпить, обещаю, хочешь, хотите* ...).

Матрица, построенная по обратному словнику для реакций в родительном падеже множественного числа не добавляет новой информации к тем предпочтениям, которые были установлены для единственного числа. В ней отчетливо очерчены две зоны концентрации стимулов – именительный падеж единственного числа (*бедствий* – СИГНАЛ, *благородных девиц* – ИНСТИТУТ, *богов* – ГНЕВ, *вариантов* – ПРОСЧЕТ и т.п.) и аналогический родительный падеж множественного числа (*алых* – ЗНАМЕН, *апельсинов* – МАГАЗИНОВ, *белых* – ЛИСТОВ, *больших* – ТРУДОВ, *весен* – ПЕСЕН, *босых* – НОГ, *вещей* – МАГАЗИНОВ).

Итог рассмотрения этой категории мог бы быть сформулирован следующим образом.

---

(4) С наибольшей степенью вероятности с родительным падежом единственного числа в АВС обратимыми, а значит устойчивыми, отношениями связаны 4 категории:

- именительный падеж единственного числа,
- родительный падеж единственного числа (по аналогии),
- инфинитив,
- отрицательная глагольная конструкция.

Каждая из этих 4 типов грамматических форм испытывает взаимопритяжение с родительным падежом, – либо стимулируя его появление в реакциях, либо сама становясь реакций на родительный падеж имени.

Это статистическое правило грамматической связности в АВС позволяет предсказывать появление конструкций с родительным падежом по наличию его «контрагентов» в текстах, как и, наоборот, предвидеть с большой долей вероятности использование, например, глагольной конструкции с отрицанием или именительного падежа в случае, если «задана» зависимая конструкция с родительным. Соответственно такие правила могут применяться в лингводидактических целях, поскольку позволяют выделять наиболее распространенные, наиболее «ходовые» у носителей языка словосочетания, или модели «двух слов», как строительный материал для развернутых предложений и фраз.

Зоны концентрации стимулов для реакций в дательном и творительном падежах. Подобная проработка конструкций с дательным падежом и проверка их обратимости дали следующие результаты. Построение матрицы «от реакций» в дательном выявило такие – в порядке убывания их объема, но не сильно отличающиеся одна от другой – зоны концентрации стимулов:

– дательный падеж единственного числа, т.е. аналогический дательный (*бензину – МАГАЗИНУ, атмосфере – ВОЗДУХУ, близкому – ТОВАРИЩУ, брату – ОТЦУ ...*);

– инфинитив (*азбуке – УЧИТЬ, беде – БЫТЬ, близнему – ПОМОЧЬ, брату – ОТДАТЬ ...*);

– именительный падеж единственного числа (*А. С. Пушкину – ПАМЯТНИК, больному – ПОМОЩЬ, вдове – СОБОЛЕЗНОВАНИЕ, беде – СОСТРАДАНИЕ ...*).

Обращение же к стимулам в дательном падеже привело – на основе свойства обратимости – к подтверждению релевантности тех же самых зон концентрации, но уже концентрации реакций в ассоциативных статьях. Обязательная, хотя и незначительная, асимметрия между зонами концентрации стимулов и зонами концентрации реакций, обнаруживающаяся здесь, так же как для всех глагольных конструкций, проявляется, во-первых, в мене порядка их следования, т.е. в выдвигании на первый план по числу реакций в большинстве случаев именительного падежа и в конкурентной борьбе за второе место между дательным аналогическим (он выходит на второе место по числу реакций в таких, например, статьях, как ЛИСТУ – *дереву, зеленому, белому, бумаге, желтому, тетрадке ...* или МИНУТЕ – *секунде, времени, часу, каждой, прошедшей, кислоте*) и инфинитивом, который оказывается преобладающим в статьях: ДЕВУШКЕ – *подарить, помочь, говорить, предложить, прыгать ...*; ЖЕНЩИНЕ – *понравиться, быть, верить, давать, льстить ...*; КОЛХОЗУ – *помогать, действовать, жить, завершить ...*; ПАЛЬЦУ – *дать, отрезать, ударить, написать ...* и др.

Во-вторых, асимметрия дает себя знать в появлении, помимо трех названных, также двух иных зон концентрации грамматических значений реакций, которые в нескольких статьях могут конкурировать с дательным или инфинитивом. Эти зоны составляют: для счетных имен существительных – родительный падеж единственного числа (МИНУТЕ – *внимания, молчания, памяти, покоя, раздумья*; ЛИСТУ – *бумаги, железа, книги, дерева, лисицы, пергамента, яблони*); и затем – наречие-предикатив, которое особенно активно в статьях со стимулами – одушевленными именами существительными (ДЕВУШКЕ – *надо, нельзя, необходимо, трудно, тяжело, хорошо ...*; МАЛЬЧИКУ – *плохо, надо, больно, жалко, мало, скучно ...*). Хотя надо сказать, что та и другая категория, – пусть единичными формами, – всегда представлены среди реакций в статьях со стимулами в дательном падеже единственного числа, что должно, видимо, свидетельствовать об устойчивости однонаправленной грамматической связи к ним от

дательного, но именно однонаправленной, поскольку эта связь не обладает обратимостью: на всем массиве АТ крайне редки реакции в дательном от обеих этих категорий, т. е. для стимулов-имей в родительном и стимулов-наречий.

Подытоживая наблюдения над данной категорией, можно утверждать следующее.

---

(5) Дательный падеж в АВС характеризуется самыми широкими обратимыми связями с тремя категориями – именительным падежом и дательным аналогическим, а также инфинитивом. Одновременно статистически значительные, но однонаправленные, т. е. необратимые, грамматические связи соединяют дательный одушевленного стимула с предикативным наречием, а дательный счетных имен – с родительным падежом единственного числа имени существительного в реакциях.

Последняя из намеченных к рассмотрению грамматических категорий – творительный падеж имени, – с точки зрения грамматической связности и обратимости, дает следующие результаты. В матрице, построенной «от реакции в творительном падеже», наибольшей продуктивностью отличаются стимулы, оформленные творительными же падежом, т. е. более 50% реакций оказываются аналогическими: *бабочкой* – ПАУКОМ, *блюдом* – ЧЕЛОВЕКОМ, *божьей* – ПОМОЩЬЮ, *большим* – ТРУДОМ, *братом* – ТОВАРИЩЕМ, *великой* – СТРАНОЙ, *вином* – МАГАЗИНОМ и т. п. Более 30% реакций в творительном падеже порождены стимулами-инфинитивами¹, типа *автобусом* – ЕЗДИТЬ, *аршином* – МЕРИТЬ, *баритоном* – ПЕТЬ, *большим* – РАСТИ, *важным* – СЧИТАТЬ, *вслом* – ГРЕСТИ, *включенным* – ОСТАВИТЬ. Наконец, незначительная доля стимулов, которую, пожалуй, даже трудно назвать «зоной концентрации», выпадает на именительный падеж: *виною* – ОБМАН, *быстротой* – РАКЕТНЫЙ, *белыми* – ОЧЕРЕДЬ, *апельсинами* – ПЫТКА.

Осуществив операцию «оборачивания» отношений между стимулами и реакциями для форм творительного падежа тех и других, приведем для наглядности и облегчения восприятия наших выводов читателем два образца из 28 матриц, построенных для такого числа статей в АТ со стимулами в творительном падеже единственного числа. Напомню, что «входом» в каждую

---

¹ В этих оценках в расчет не принимались реакции, представляющие собой модель двух слов с инфинитивом-связкой *быть*: *быть верным*, *быть длинным*, *быть другим*, *быть любимой*, *быть исписанным*, *быть честным* и т. п. Дело в том, что их нельзя квалифицировать как «чистый» творительный, поскольку его значение является в таких конструкциях уже грамматически обусловленным наличием инфинитива в самой реакции. Эти сочетания занимают в наблюдаемом отрезке обратного словника АТ 32 номера.

графу, фиксирующую ту или иную грамматическую категорию, является стимул (в данном случае — МАЛЬЧИКОМ и СТРАНОЙ), а «выходом», или ответом, — отдельное слово-реакция в той или иной графе (см. с. 300–301). Порядок следования категорий (граф) в каждой матрице определен порядком появления реакций в соответствующей статье. Так, если первым по частоте ответом был инфинитив, то такая графа и начинается матрицу слева, а далее, появление новой категории служит основанием для открытия следующей графы и развития матрицы вправо, а повторение уже бывших ранее категорий наращивает ее вниз.

Как показывает опыт составления матриц обратимости, — и для ранее рассмотренных родительного и дательного, и для творительного падежей, — первые четыре графы вбирают в себя все реакции с частотой > 2 , и, начиная с 5-й графы, порядок следования категорий определяется лишь алфавитным порядком единичных реакций в статье. В этом смысле выделяемые нами зоны концентрации в среднем хорошо коррелируют с частотными показателями реакций, т. е. первыми четырьмя графами матриц. Ср., частотную часть статьи ЗНАМЕНЕМ — 8 *красным*; 4 *флагом*; 3 *красное, полотно, революции*; 2 *алым, гордиться, красный, Октября, размахивать*. Как видим, здесь 4 категории (графы) не полностью покрывают творительный, именительный, родительный падежи, инфинитив. Точно таким же образом обстоит дело во всех прочих статьях, лишь с тем отличием, что иногда для покрытия частотной части достаточно бывает даже не четырех, а трех категорий.

Число граф в матрицах обратимости творительного падежа колеблется для разных стимулов от 7 до 10, но суммарный перечень грамматических категорий, которые «извлекает на свет», которые приводит к выражению творительный падеж в АВС, оказывается весьма значителен. Достаточно сказать, что в числе реакций глагольными формами (см. с. 305–306) в обследованном материале отсутствуют только действительные причастия прошедшего времени (* *развернувшимся знаменем*), 2-е лицо множественного числа настоящего времени (* *увлекаетесь наукой*) и сослагательное наклонение (* *встретил бы песней*). И логически, и синтаксически все эти формы вполне возможны в моделях двух слов с творительным, и только ограниченность материала АТ не позволила их установить. Что касается частей речи, то все они, вплоть до частиц, предлогов и числительных, хотя бы в единичных употреблениях, в матрицах тоже фиксируются. Специфической чертой творительного падежа следует считать то, что он вызывает в качестве реакций краткие прилагательные, которые вообще очень редки в ассоциативных статьях и, похоже, группируются в АВС главным образом именно вокруг творительного: *горд* — КОЛХОЗОМ, *доволен* — ДЕВУШКОЙ, *счастлив* — СВИДАНИЕМ, *сыта* — ВОЗДУХОМ, *богаты* — ПЕСНЕЙ, *жив* — МИНУТОЙ, *славен* — ЧЕЛОВЕКОМ, *красен* — ТРУДОМ.

МАТРИЦА ОБРАТИМОСТИ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
ДЛЯ СТИМУЛА МАЛЬЧИКОМ

Т.	Инфинитив	Финитные глагольные формы	Д.	Наречие	И.	В.	Краткое прилагательное	Предлог
девочкой ребенком юношей с-пальчиком а девочкой? двойкой и девочкой маленьким мальшом молodyм пальчиком парнем резьём с пальчиком ¹ спальчиком тихим	быть родиться бояться говорить гордиться дружить жить занимать- ся ковырять пойти расти	был бегал вырос гордился занят играю избитый не буду сделаешь	девочкам	босиком	глупый девочка детсад золотой красное маленький мальчик море мужчина ребенок травы улица умиленье чистка шорты штаны	девочек с пальчик	доволен	с

¹Так в анкете и, соответственно, в статье АТ.

МАТРИЦА ОБРАТИМОСТИ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
ДЛЯ СТИМУЛА СТРАНОЙ

Инфинитив	Т.	И.	Р.	Краткое прилагательное	Финитные глагольные формы	Наречие
<p>управлять править гордиться руководить возмещать дорожить играть есть</p>	<p>государством большой своей городом родной родной великой козой колхозом краем моей молодой огромной одной рекой республикой советской</p>	<p>гордость родина год государство край лето память страна тип управления человечество чудеса широкая эксперимент южная</p>	<p>советов безумцев знаний</p>	<p>горд</p>	<p>горжусь любим правит сделано сосстыковалась</p>	<p>широко</p>

Специфика творительного падежа в АВС. Вернемся, однако, к оценке обратимости трех зон концентрации стимулов, охарактеризованных на с. 295, — массивов форм творительного, именительного падежей и инфинитивов. Как можно заметить уже из двух образцов матриц обратимости, при мене местами стимула и реакции зоны концентрации реакций в основном остаются теми же, обнаруживая неизбежную, как теперь можно утверждать, асимметрию при оборачивании отношений в АВС. Эта асимметрия проявляет себя в двух показателях, которые мы и рассмотрим последовательно.

Первый показатель асимметрии заключается в том, что при оборачивании происходит «выравнивание» числа реакций, а значит, объема зон концентрации творительного (аналогического) и именительного падежей (напомню, что именительный в числе стимулов для реакций в творительном фиксируется гораздо реже, чем творительный в той же роли) при сохранении примерно в том же соотношении с ними (1/2) реакций в инфинитиве. Например, в статье ДЕРЕВНЕЙ матрица обратимости выявляет 27 именительных (*корова, село, владение, глушь, дорога, серый ...*), 18 творительных (*городом, селом, мужиком, нашей, хатой ...*) и 9 инфинитивов (*ехать, идти, гордиться, не жить, бродить ...*); в статье МАЛЬЧИКОМ число реакций в творительном (*девочкой, ребенком, с-пальчиком, молодым ...*) совпадает с их числом в именительном (*глупый, девочка, детсад, маленький, ребенок ...*), тогда как инфинитивных реакций 11 (*быть, родиться, гордиться, дружить, жить, говорить ...*); под стимулом СТРАНОЙ больше уже оказывается творительных, их здесь 17 (*государством, большой, родиной, городом, колхозом, огромной ...*), а реакций в именительном 15 (*родина, государство, край, широкая ...*), инфинитивов же 8 (*управлять, править, гордиться, руководить, дорожить ...*). В среднем число статей со стимулом в творительном падеже, таких, что среди реакций преобладает творительный (ТРУДОМ, НАУКОЙ, МАМОЙ, ДЕВУШКОЙ, ЛИСТОМ, ЧАЕМ ...), равно числу статей с преобладанием именительного (таковы статьи МАГАЗИНОМ, КОЛХОЗОМ, ВОЗДУХОМ, МАТЕРЬЮ, ТОВАРИЩЕМ, ОТЦОМ ...) и вдвое больше числа статей, в которых преобладающими реакциями являются инфинитивы (НОСОМ, ПЕСНЕЙ, МУЖЕМ, ЖЕНЩИНОЙ, ПАЛЬЦЕМ). При этом обнаружить какие-то семантические причины указанных предпочтений, — скажем, одушевленность, вещественность, счетность, абстрактность стимулов или иные их качества, — не удастся, поскольку и те, и другие, и третьи в равной, в общем-то, степени, представлены в разных зонах концентрации.

Семантика стимула наиболее выразительно, пожалуй, дает себя знать в том, какая реакция в статье оказывается самой первой, самой частотной, и здесь выделяются два крупных массива:

1) множество статей, где первым ответом на стимул в твори-

тельным является творительный же падеж парного стимулу предмета, т.е. аналогическая грамматическая форма как бы поддерживается «аналогической», если можно так выразиться, семантикой (ОТЦОМ – матерью, МАТЕРЬЮ – отцом, НОГОЙ – рукой, МАМОЙ – папой, МУЖЕМ – женой, ЖЕНЩИНОЙ – мужчиной, МАЛЬЧИКОМ – девочкой, КОЛХОЗОМ – совхозом), причем второй группой реакций в такого рода статьях, как правило (а для всех одушевленных – обязательно), становятся инфинитивы, возглавляемые глаголом *быть*;

2) множество статей, в которых первой реакцией является инфинитив, причем такой, что его семантика определяется даже не столько содержательными свойствами стимула, как его семантико-синтаксическими сочетаемостными характеристиками, ср. ДЕВУШКОЙ – *быть*, ЧЕЛОВЕКОМ – *быть*, но ТРУДОМ – *жить*, НАУКОЙ – *заниматься*; ЧАЕМ – *напоить*, ВОЗДУХОМ – *дышать*, но СТРАНОЙ – *управлять*, НОСОМ – *шмыгать*. Показательно, что второй группой реакций в такого рода статьях часто является снова творительный парного или антонимо-синонимического стимула названия (ДЕРЕВНЕЙ – *городом*, СТРАНОЙ – *государством*, ЧАЕМ – *кофе*¹, НОСОМ – *ртом*, ДЕВУШКОЙ – *юношей*, ЧЕЛОВЕКОМ – *зверем*).

Прочие статьи дают разброс первых реакций, но что характерно: этот разброс представлен в основном именем, он почти не выходит за пределы категории падежа существительного и охватывает по сути дела все падежные формы. Ср., первая реакция:

– именительный: СВИДАНИЕМ – *встреча (ночь, дождь, радость ...)*;

родительный: ЛИСТОМ – *бумаги (тетради, березы, жести ...)*;

– дательный: ПЕСНЕЙ – *по жизни*;

– винительный: ПАЛЬЦЕМ – *в небо (в нос, в рот)*.

Предложный, естественно, тоже представлен в числе реакций на стимул в творительном, однако в наличном материале он ни разу не стал первой по частоте ответов реакцией: ПАЛЬЦЕМ – *в носу 2, в кольце 1*; НОГОЙ – *в могиле 1, в сапоге 1*; НАУКОЙ – *о животных 1*; ДЕВУШКОЙ – *в платье 1, в юбке 1*; ЖЕНЩИНОЙ – *в душе 1, о встрече 1*.

Обращает на себя внимание тот факт, что формы именительного падежа, образующие наряду с творительным падежом и инфинитивом, одну из зон концентрации обратимых отношений, в числе первых реакций появляются лишь единично, а не столь массовидно, как две другие обратимые категории – творительный и инфинитив. Объяснение такому положению надо, видимо, искать в способах соединения реакции со стимулом. Творительный реакции, порождаемый силой грамматической аналогии, является простым удвоением (в согласующемся прила-

¹ В этой статье есть даже две «подчеркнуто творительные» формы – *кофеем* и *кофем*.

гательном или уподобленном существительном) творительного падежа стимула, и грамматическое взаимодействие S-R и R-S проявляется здесь в «живом повторении» одного в другом. Когда же мы имеем творительный в ответ на инфинитив и, наоборот, инфинитив в ответ на творительный стимула, практически в 100% случаев между S и R (как и между R и S) обнаруживается грамматическая связь управления, которая тоже требует некоторого «повторения», но уже повторения категории посредством воплощенной, т. е. заполненной, валентности глагола падежной формой творительного (*гордиться + кем, увлечься + чем*).

В противоположность обоим этим случаям (которые формально можно было бы изобразить так: $R_{т.п.} \leftarrow S_{т.п.} = S_{т.п.} \rightarrow R_{т.п.}$ и $R_{т.п.} \leftarrow S_{инф.} = S_{т.п.} \rightarrow R_{инф.}$) во взаимоотношениях реакций в творительном со стимулами в именительном и, наоборот, стимулов в творительном с реакциями в именительном, во-первых, наблюдается асимметрия (так что $R_{т.п.} \leftarrow S_{и.п.} < S_{т.п.} \rightarrow R_{и.п.}$, т. е. стимулы в творительном падеже чаще вызывают реакции в именительном падеже, чем наоборот), а во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, полученные RS и SR пары (*белыми* – ОЧЕРЕДЬ; *быстротой* – РАКЕТНЫЙ; МУЖЕМ – дуб, *посторонний, сапог ...*; ЛИСТОМ – бумага, *дерево, белый ...*; КОЛХОЗОМ – *деревня, директор, лето ...* и т. п.) не образуют моделей двух слов, в них не обнаруживается отчетливой грамматической связи, тем более такой, которую можно было бы квалифицировать как удвоение, как повторение категории стимула в реакции, и наоборот.

Итак, мы рассмотрели первый показатель асимметрии отношений между грамматическими категориями при оборачивании стимула и реакции, т. е. при смене их местами, который заключается в выравнивании зон концентрации творительного и именительного падежей при сохранении той же доли инфинитивов среди реакций, что и среди стимулов, а также прокомментировали некоторые следствия, обусловленные наличием этого показателя.

Второй показатель асимметрии заключается в том, что в матрицах, построенных для стимулов в творительном падеже, вычленяется новая зона концентрации реакций, которая не имеет соответствия в матрицах «от реакции», т. е. среди стимулов, вызвавших реакции творительным падежом. Эту новую, уже необратимую зону концентрации составляют разнообразные финитные формы глагола – всех времен, чисел, лиц и наклонений. Такие формы есть в каждой статье со стимулом в творительном падеже, и по объему они в подавляющем большинстве статей занимают четвертое место после трех типов форм (творительного, именительного и инфинитива), обладающих обратимостью, однако примерно в 1/4 части статей финитные формы выходят по количеству на третье место, опережая, как правило, инфинитив. Не ставя задачу дать их полное перечисление, проиллюстрируем это множество реакций, упорядочив

их по глагольным грамматическим значениям времен, лиц, чисел и наклонений:

- *горжусь* - ОТЦОМ, МУЖЕМ, ТОВАРИЩЕМ, СТРАНОЙ, МАТЕРЬЮ, МАМОЙ; *иду* - ДЕРЕВНЕЙ, *не буду* - ЧЕЛОВЕКОМ, *делаю* - ТРУДОМ, *дышу* - ВОЗДУХОМ, *не верю, пойду* - ДЕВУШКОЙ, *любуюсь* - ЖЕНЩИНОЙ, *трогаю* - ПАЛЬЦЕМ, *успокоюсь* - МАГАЗИНОМ, *дорожу, зову, клянусь* - МАМОЙ, *буду* - ОТЦОМ, *живу* - ПЕСНЕЙ;
- *гордишься* - ТОВАРИЩЕМ, *любиешься* - ЖЕНЩИНОЙ, *радуешься, не отделаешься* - СВИДАНИЕМ, *дышишь* - ВОЗДУХОМ, *сыт не будешь* - ЧАЕМ, *достигнешь всего* - ТРУДОМ, *пройдешь* - ДЕРЕВНЕЙ, *сделаешь* - МАЛЬЧИКОМ, *станешь* - МУЖЕМ, *радуешь* - ПЕСНЕЙ, *живешь, не надышишься* - МИНУТОЙ, *не удивишь* - КОЛХОЗОМ, *не тронешь* - ПАЛЬЦЕМ;
- *увлекается* - ЖЕНЩИНОЙ, НАУКОЙ, *дышит* - ВОЗДУХОМ, *славится* - ТРУДОМ, *правит* - СТРАНОЙ, *не будет* - МУЖЕМ, *тычет* - ПАЛЬЦЕМ, *интересуется* - НАУКОЙ, *не пахнет* - МАГАЗИНОМ;
- *дышим* - ВОЗДУХОМ, *едем, идем* - ДЕРЕВНЕЙ, *запьем, накачаем, напьемся* - ЧАЕМ, *водим* - НОСОМ, *закончим* - СВИДАНИЕМ, *крепим* - ТРУДОМ, *можем* - МУЖЕМ, *навалимся* - КОЛХОЗОМ;
- (2-го л. мн. ч. наст. вр. нет);
- *дорожат* - ДЕРЕВНЕЙ, *угощают* - ЧАЕМ, *спорят* - НАУКОЙ, *тронут* - ПАЛЬЦЕМ, *ползут* - МИНУТОЙ, *не бьют* - НОГОЙ;
- *гордился, бежал, был, вырос* - МАЛЬЧИКОМ, *остался* - ЧЕЛОВЕКОМ, *пошел* - ТОВАРИЩЕМ, ДЕВУШКОЙ, *увлекся* - ЖЕНЩИНОЙ, *не вышел, уловил* - НОСОМ, *разбил* - СВИДАНИЕМ, *добился* - ТРУДОМ, *стал* - МУЖЕМ, *упился* - ЧАЕМ, *ехал* - ДЕРЕВНЕЙ, *показывал* - ПАЛЬЦЕМ, *бежал* - КОЛХОЗОМ, *ругал* - МАМОЙ, *(не) был, (не) стал* - ОТЦОМ, *накрыл(ся) прикрывлся, укрылся* - ЛИСТОМ, *лягнул, пнул, попал* - НОГОЙ, *послал* - МАТЕРЬЮ;
- *была, прикинулась* - ДЕВУШКОЙ, *состыковалась* - СТРАНОЙ;
- *надоело* - МАГАЗИНОМ, *закончилось все* - СВИДАНИЕМ;
- *напоили, поили* - ЧАЕМ, *были* - ДЕРЕВНЕЙ, *подрались с* - ТОВАРИЩЕМ, *убили* - ЧЕЛОВЕКОМ, *трогали* - ПАЛЬЦЕМ, *голосовали, надоели, обязались, собрались, строили* - КОЛХОЗОМ, *заставили* - МАГАЗИНОМ;
- *живущий* - МАГАЗИНОМ, *отстающий* - КОЛХОЗОМ;
- (действ. прич. прош. вр. нет);
- *поддерживаемый* - ТРУДОМ, *любим* - МАМОЙ, *движим, движимый, творим* - ТРУДОМ, *любим, любимый, прощаемый* - МАТЕРЬЮ;

– *наполненный, насыщенный* – ВОЗДУХОМ, *назначенным, огорченный, расстроен, удовлетворен* – СВИДАНИЕМ, *затрава-*
работан – ТРУДОМ, *избитый* – МАЛЬЧИКОМ, *обманут, поддержан* – ТОВАРИЩЕМ, *забитый, наказан, сделанный* – ОТЦОМ, *встречен, удивленный* – МАМОЙ, *выращен, выращенный, заинтересованный* – КОЛХОЗОМ, *воспитанный, испечен* – МАТЕРЬЮ, *накрыт, устал* – ЛИСТОМ, *обязан* – ЧЕЛОВЕКОМ, *замучен* – НАУКОЙ;

– *сделано* – СТРАНОЙ, *подаренное* – ТОВАРИЩЕМ, *заработано* – ТРУДОМ, *сделано* – ЧЕЛОВЕКОМ, *одобрено* – КОЛХОЗОМ, *сделано* – МАМОЙ, *доказано, не изучено, сказано* – НАУКОЙ, *распродано, сдано* – МАГАЗИНОМ;

– *рождены* – МАМОЙ, *посажены* – КОЛХОЗОМ;

– *накрывшись* – ЛИСТОМ;

– *гордись* – КОЛХОЗОМ, *не грози, не тычь, покажи, укажи* – ПАЛЬЦЕМ, *не шмыгай, утри* – НОСОМ, *будь* – ЧЕЛОВЕКОМ, *отцом, дорожи* – МИНУТОЙ, *не клянись* – МАТЕРЬЮ, *лейся* – ПЕСНЕЙ, *прикрой* – ЛИСТОМ;

– *будьте* – МУЖЕМ.

Рассмотрев этот материал, хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, такой широкий, почти всеохватный спектр финитных глагольных форм в реакциях на творительный падеж свидетельствует о его грамматической потенции, о присутствующей ему тенденции к вовлечению во взаимодействие с ним всей глагольной парадигмы, о чем мы уже упоминали выше. Во-вторых, нельзя не отметить существенного по объему совпадения лексем-реакций, представленных в финитных формах, с лексемами-реакциями в инфинитивах. Можно даже утверждать, что множество первых целиком включается во множество вторых, т. е. что среди реакций в финитных формах почти не встречается лексем, которые не были бы одновременно зафиксированы и в инфинитиве в какой-нибудь из статей со стимулом в творительном падеже. Однако пересечение этих двух множеств, и притом весьма заметное, наблюдается часто и в отдельно взятой статье, а не только между разными статьями. Так, в статье ЧАЕМ находим следующие финитные формы: *запьем, напьемся, упился; напоили, напоим, поим, поили; угощают*. А среди инфинитивов в той же статье обнаруживаются их соответствия (напомним, что соответствия устанавливаются в пределах тождества «ассоциативной» лексемы): *пить, напиться, запивать; напоить, поить; угостить, угощать*. Ср. также в следующих статьях:

ТРУДОМ

добился – *добиваться, добиться*
достигнешь всего – *достигнуть,*
достичь
заработан – *заработать, зара-*
ботано

НАУКОЙ

движим, движимый – *двигать*
дело, двигаться
занимаюсь, занят – *заниматься*
увлекается – *увлекаться*

не шмыгай – шмыгать
дъщишь – дъщать
водим – водить
рыл асфальт – рыть
утри – тереться

не грози – грозить
не пошевелю – шевелить
не тронешь, трогали, трогаю,
тронут – не дотронуться,
дотронуться, не трогать, не
тронуть
не тычь, тычет – ткнуть
покажи, показывал – показы-
вать, показать
укажи – указать

Эти буквальные совпадения, как внутри отдельных статей, так и между разными статьями, заставляют предположить, что решающую роль в образовании творительным падежом моделей двух слов с глаголом играет не грамматическое оформление последнего (ведь реакции охватывают почти все финитные формы), а семантика самой глагольной лексемы. Тогда мы имеем основания объединить эти две, считавшиеся до сих пор самостоятельными, зоны концентрации реакций в статьях со стимулом в творительном падеже, т.е. инфинитив и финитные формы глагола, и интерпретировать их как одну, самую крупную зону концентрации реакций, превосходящую по своему объему остальные, а именно зону форм творительного аналогического и именительного падежей.

Если теперь, ориентируясь на лексическую семантику глагола, проинтегрировать все матрицы обратимости, мы получим два списка слов. В один из них войдут глаголы, которые обладают универсальными сочетательными с творительным падежом свойствами, почти не зависящими от семантики имени: в роли стимула эти глаголы будут порождать широкий круг разнообразных имен-реакций в творительном падеже, а в качестве реакций они служат предпочтительными ответами (естественно, в рамках своей ассоциативной лексемы, т.е. в виде словоизменительных и словообразовательных вариантов) на стимулы в творительном падеже. Другой список включает глаголы со связанной семантикой, которые обладают ограниченной обратимостью на творительный, а значит, вызывают сами и могут вызываться лишь узкими группами имен в творительном падеже. Таковы глаголы *шмыгать* (*носом, глазами, ногами*), *хлопать* (*носом*), *грозить* (*пальцем, кулаком*), *показывать, не тронуть* (*пальцем*), *напоить, угощать* (*чаем, например*) и т.п.

С точки зрения лингводидактических задач интерес представляет первый список, который задает наиболее употребительный набор моделей двух слов с творительным падежом и может служить некоторой основой в обучении овладению такими словосочетаниями как особыми психолингвистическими единицами. Не надеясь исчерпать его целиком, поскольку в полном составе, извлеченном из матриц обратимости, он должен раза в три

превышать то, что приводится ниже, дадим здесь его универсальное ядро, содержащее чаще всего повторяющиеся в реакциях лексемы:

<i>быть</i>	<i>заняться</i>	<i>остаться</i>	<i>стать</i>
<i>восхищаться</i>	<i>заниматься</i>	<i>попрекать</i>	<i>увлекаться</i>
<i>встречать</i>	<i>(на)звать</i> <i>(-ся)</i>	<i>править</i>	<i>увлечься</i>
<i>гордиться</i>	<i>играть</i>	<i>пренебрегать</i>	<i>ударить</i>
<i>дорожить</i>	<i>идти, прой-</i> <i>ти</i>	<i>(при)крыть</i> <i>(-ся)</i>	<i>удивить</i>
<i>дышать</i>	<i>(за)интересе-</i> <i>соваться</i>	<i>радоваться</i>	<i>управлять</i>
<i>жить</i>	<i>клясться</i>	<i>родиться</i>	<i>хвастать(ся)</i>
<i>заведовать</i>	<i>любоваться</i>	<i>руководить</i>	
<i>закончить</i>	<i>начать</i>	<i>сделаться</i>	

В АВС эти – в основном непереходные – глаголы довольно устойчивыми нитями связаны с творительным падежом, образуют вокруг него своеобразное ассоциативное поле. Будучи весьма разнородных по семантике, они оказываются способны в моделях двух слов с ним актуализировать все смысловые потенции этой грамматической формы русского языка, и в соответствующих сочетаниях творительный падеж может выступать и в роли глубинного агенса, и глубинного пациенса, использоваться как инструменталис или косвенный объект и даже передавать глубинные локативные отношения. Однако, несмотря на столь широкий диапазон глубинных падежных значений, подвластных грамматической форме творительного, во всех такого рода сочетаниях остается нечто общее, какой-то остаток, который прослеживается, повторяется также и в семантике перечисленных глаголов, – при всей их разнородности. Довольно трудно подобрать название, как-то назвать это явление, относящееся даже не столько к творительному падежу как элементу языковой структуры, не столько к глагольным моделям двух слов с творительным, сколько к интуитивным восприятию и оценке таких конструкций говорящим и слушающим, естественным носителем языка. В рамках строгих системно-структурных описаний при характеристике этих свойств и особенностей подчеркивается, например, непереходность глагола, периферийность «предмета», обозначенного творительным, по отношению к действию, его (предмета) вовлеченность в действие или процесс. Естественный говорящий не оперирует подобными признаками и не пользуется указанной терминологией. У него нет даже способа как-то назвать эти особенности, и если лингвист совершенно категорично утверждает, что непереходные глаголы не имеют залоговых характеристик, то основанные на прецедентах «правила» естественной морфологии творительного падежа, которыми и руководствуется носитель языка, вынуждают его связывать с этой формой глагольные конструкции, которые на

глубинном уровне отражают ситуации преимущественно не действительного залога. Эта тенденция к пассивизации глагольных моделей двух слов с творительным подчеркивается и тем обстоятельством, что значительная часть (иногда до 50%) глагольных реакций в каждой статье, вызываемых стимулом в творительном падеже, оказываются лексемами, снабженными возвратной частицей *-ся* (ср. также список на с. 308), а, кроме того, наличием почти обязательной для каждой статьи группы реакций – страдательных причастий – либо в полной, либо в краткой форме: *сделан(ный)*, *(из)бит(ый)*, *наказан*, *любим(ый)*, *встречен(ный)*, *движим(ый)*, *влеком(ый)*, *увлечен(ный)*, *поддержан(ный)* и т. п.

Таким образом, естественная морфология творительного падежа в АВС связывает его с пассивной ситуацией, представляет его языковому чувству носителя языка в ассоциативном поле непереходных глаголов как выразителя не вполне еще страдательной, но и далеко уже не действительно-залоговой конструкции. Такая неполная определенность, размытость, диссипированность значения данной грамматической категории хорошо согласуется как с диссипацией в АВС самых различных грамматических форм, так и с их лексикализацией. Но если лексикализация форм проявляется в распределенности разных формантов одной и той же категории между отдельными словами, то лексикализация грамматического значения, как можно видеть на примере творительного падежа, предстает в виде целого лексического класса, набора глагольных лексем, находящихся с ним в отношениях грамматической обратимости в АВС и содержащих в своей семантике идею пассивизации.

Резюмировать ситуацию с обратимостью творительного в АВС можно следующим правилом.

---

(6) Категория творительного связана отношениями обратимости с тремя массивами: 1) глаголами особой семантики, передающими тенденцию к пассивизации конструкции, образуемой ими с именем в творительном падеже, причем грамматическое оформление самого глагола оказывается нерелевантным – это может быть как инфинитив, так и любая из финитных форм; 2) набором словоформ творительного аналогического, который охватывает все разновидности формантов этого падежа, задавая тем самым образцы, прецеденты, «привязанные» к разным типам лексем; 3) множеством словоформ именительного падежа, которые в противоположность таким же реакциям на родительный или дательный (см. выше) не образуют в данном случае со стимулом в творительном падеже моделей двух слов, а выступают как морфологически и синтаксически нейтральное обозначение топика, нейтрализуя тем самым грамматическую форму стимула и развивая ситуацию, заданную только его лексической семантикой.

**ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ
ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ГРАММАТИЧЕСКОЙ
И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОБРАТИМОСТЬЮ**

Если понимать обратимость в широком смысле, как такую операцию, что при мене местами стимула и реакции, отношения между присущими той и другой грамматическими категориями сохраняются, т. е. категория «х» вызывает в качестве реакции «у», а категория «у», став стимулом, вызывает в свою очередь «х», то такую обратимость — экземплярно и прецедентно — всегда можно обнаружить в АВС. Это еще не означает, что в АВС можно найти парную комбинацию любых произвольно выбранных грамматических категорий и, соответственно, ее зеркально отраженную противоположность. Речь идет только о том, что коль скоро в сети есть пара SR, образующая определенную модель двух слов, то аналогичную ей по грамматической структуре модель мы обнаружим обязательно, приняв за исходное не только грамматические характеристики S, но и произведя «оборачивание» отношений, т. е. отправляясь в своих поисках от грамматических характеристик R. Следовательно, необходимой предпосылкой так понимаемой обратимости является грамматическая связность в исходной паре, которая сохраняется и повторения которой мы находим независимо от выбранного направления движения: $S \rightarrow R = R \rightarrow S$. Подтверждением такому положению дел служили построенные в этом разделе матрицы «от реакции» и их проверка на обратимость, которая дала положительные результаты практически для каждой, зафиксированной в них категории (ср. выше, с. 280–283).

Итак, говоря о грамматической обратимости в широком смысле, мы имеем дело с симметричными отношениями между S и R, которые равномерно распределены в пространстве АВС. Иными словами, так называемая грамматическая обратимость характеризуется симметрией и диссипированностью, изотропной распространенностью по всей АВС. Такой ее безразлично-равномерный характер не позволяет сделать никаких специальных выводов о ее роли в организации АВС, кроме подтверждения известных уже — из наблюдений над семантическими свойствами узлов и соединяющих их нитей — заключений о равноправии этих узлов, и значит, возможности выбирать в качестве исходных для приведения всей сети к выражению — любые слова-узлы: будем ли мы при воспроизведении сети двигаться от слов, обычно выбираемых стимулами в ассоциативных словарях, или возьмем в качестве точек отсчета слова, являющиеся в таких словарях ответами на стимулы, т. е. реакциями, мы все равно в итоге, после ряда итеративных процедур, придем к одной и той же сетевой диаграмме, мотивированной семантически и грамматически. Обратимые грамматические отношения, диссипированные в АВС, подкрепляют и упрочивают хорошо изученные в такого рода экспериментах семантические связи.

В рассмотренном материале, наряду с рассеянной и симметричной обратимостью, нам пришлось наблюдать и некоторые статистические предпочтения, некоторые зоны концентрации стимулов с определенной грамматической характеристикой и соответствующие им зоны концентрации реакций, оформленных другой грамматической категорией, которые при мене их местами либо сохраняют силу взаимного притяжения, т. е. отвечают содержанию понятия грамматической обратимости, либо могут обнаруживать рассеяние коррелирующей зоны и тем самым квалифицироваться как грамматически необратимые. К числу первых относится, например, 3-е лицо единственного числа настоящего времени глагола, с одной стороны, и коррелирующие с этой категорией — как в зоне реакций, так и в зоне стимулов — одушевленный агент и неодушевленный объект, с другой стороны: ГОВОРИТ — *женщина* (агент) vs. *правду* (объект) и ЖЕНЩИНА (агент) — *болеет, поет, хочет* vs. ПЕСНЮ (объект) — *поет*; см. правило (2) на с. 290. Такими же отношениями связаны зоны родительного падежа с именительным (правило 4 на с. 296) или зоны творительного с инфинитивами определенной семантики. Вместе с тем, при установлении зон концентрации среди них обнаруживаются и такие, которые не обладают обратимостью, т. е. вычлняются при движении только в каком-то одном направлении. Так, при взгляде на грамматические отношения в АВС со стороны стимулов в дательном мы констатируем в реакциях концентрацию родительного падежа, если стимул представлял собой счетное, исчисляемое имя существительное типа МИНУТЕ, ЛИСТУ (см. выше, с. 297). Поиск же по обратному словарию — от реакций в дательном — подобной зоны концентрации среди стимулов не обнаруживает, следовательно, отношение S_d п. исчисл. $\rightarrow R_p$ является асимметричным, не воспроизводимым при мене местами стимула и реакции.

Как выясняется, асимметрия в АВС неразрывно связана с концентрацией, с наличием зон концентрации стимулов и реакций, тогда как симметрия есть необходимый спутник диссипации, рассеяния и распределенности в сети грамматических отношений. Симметрия соблюдается на уровне единичных фактов, работает на фоне отдельных, связующих пару узлов нитей, тогда как асимметрия проявляет себя в масштабе множеств, групп, сгущений, имеет дело с типовыми узлами и нитями.

Образно говоря, симметрия — это «мертвая вода», которая собирает, скрепляет обратимыми нитями саму сеть, создает принципиальную сетевую архитектуру и обеспечивает ее статическую замкнутость и семантико-грамматическую изотропность, одинаковость свойств по всем направлениям. Асимметрия, наоборот, это «живая вода», это причина возникновения динамики движения и тока в сети за счет неравномерности, неравновесности зон концентрации, это источник появления пропозитивной энергии при взаимодействии зон концентрации разных грамматических категорий, а значит, сетевая, «коннекционистская» предпо-

сылка развертывания во времени фразы, как синтагматической последовательности моделей двух слов, а далее – и текста в линейном его представлении. Конечно, не следует думать, будто текст «заложен» тем самым заранее в АВС. Ни «текста», ни «смысла», если иметь в виду возможность перехода «смысл → текст», мы в АВС не откроем, именно потому, что АВС относится к семантико-грамматическому уровню организации языковой личности, а никакой текст невозможен без исключения «вертикальных планов» – тезаурусного уровня (тема, проблема) и прагматического (цель, мотив). Но вся «грамматика текста» в АВС присутствует, что было показано еще при рассмотрении морфологических характеристик сети (см. раздел «Сумма морфологии») и подтверждается при изучении грамматической обратимости. Наличие же зон концентрации грамматических отношений между разными категориями стимулов и реакций и асимметрии среди этих зон концентрации служат всего лишь грамматическими источниками пропозитивной энергии, основная мощь которой черпается в тезаурусе и прагматиконе.

Помимо этих общих выводов о соотношении симметрии, диссипации грамматических отношений, их концентрации и асимметрии как свойствах АВС, наблюдения над грамматической обратимостью позволяют сделать и иные обобщения, которые резюмируются следующим перечнем:

1. На основании выявления зон концентрации и установления симметричных или асимметричных отношений между ними формулируются некоторые образцы правил ассоциативной грамматики (1–6). Сами эти правила имеют дело с диссипированными, размытыми множествами, т. е. не носят характера жестких, категорических формулировок, но фокусируют внимание на множествах тех грамматических отношений, которые обладают в сети статистической предпочтительностью, и значит, не структурной, а пространственно-временной регулярностью. Последняя символизируется некоторым вектором, связующим 2 зоны (поля, множества) слов-узлов, оформленных 2 взаимодействующими грамматическими категориями. Фиксация таких зон и векторов дает нам прежде всего онтологическое знание, проливает свет на то, как «устроена» грамматика за пределами отдельного слова, если внутри него, как было показано в разделе «Морфология», она лексикализована. Кроме того, подобные правила ассоциативной грамматики имеют и прикладной, лингводидактический смысл, поскольку вооружают преподавателя теми предпочтениями, которыми оперирует носитель языка и которые, соответственно, должны найти отражение в учебном описании в первую очередь и составить тем самым естественную основу, онтологический, если можно так выразиться, а не просто «системный», каркас представления русского языка как учебного предмета. Понятно, что для создания такой «естественной морфологии» или «естественной грамматики» русского языка необходима большая предварительная работа по установлению асимметрич-

ных отношений, или векторов, связывающих зоны концентрации разных грамматических категорий, а значит, скрупулезный грамматический анализ АВС в целом. И первым шагом на этом пути мог бы быть составляемый сейчас на базе АТ в Институте русского языка Российской Академии наук «Словарь элементарных единиц речи», т. е. словарь самых распространенных и зафиксированных в АВС моделей двух слов.

2. Абсолютной обратимостью и симметрией обладают отношения грамматической категории к самой себе, которые рассматривались еще в разделе «Морфология», т. е. на уровне отдельного слова, и квалифицированы там как проявление аналогии, как простое повторение и уподобление, уподобление автоматическое, а следовательно, ненамеренное, бессознательное со стороны испытуемого – носителя языка. В свете же грамматической обратимости это явление интерпретируется как ассоциативная аналогическая парадигматика в сети, как отношение, лишенное векторной, однонаправленной характеристики, и потому не заряженное пропозитивной энергией, энергией, которая дает о себе знать лишь в случаях асимметричных отношений между зонами и порождает синтагматическое продолжение, приводя к моделям двух слов. При повторении категории, например, $S_{T.п.} \rightarrow R_{T.п.} = R_{T.п.} \rightarrow S_{T.п.}$ (*бабушкой – МАМОЙ = МАМОЙ – наною* и т. п.), никакой модели двух слов, естественно, не образуется, но формируются эквивалентные, симметричные зоны концентрации одной и той же категории как среди стимулов, так и среди реакций, которые служат своеобразной «кладовой», «запасником», набором образцов и прецедентов, вбирая в себя все типы варьирования формального выражения одной и той же категории и оснащая носителя языка, владельца соответствующей АВС, прецедентной (как бы штампованной, клишированной) словоформой на любой случай жизни.

Известной неожиданностью оказалось обнаружение таких категорий, которые массовым образом проявили себя только в парадигматико-аналогических отношениях, т. е. образовали только симметричные в стимулах и реакция зоны концентрации. Хотя, рассуждая логически, симметричные и асимметричные отношения должны были бы быть свойственны каждой из грамматических категорий, поскольку каждая отраженно-зеркальным, полностью обратимым образом связана сама с собой (ассоциативная парадигматика) и каузально-импликационными, необратимыми связями должна обеспечивать свое синтагматическое, пропозитивное продолжение (ассоциативная синтагматика). Тем не менее, в числе финитных глагольных форм, например, никаких предпочтений и склонностей к другим категориям не обнаружили 1-е и 2-е лица множественного числа настоящего времени: они дали зоны концентрации из одних лишь аналогических форм, показав свой чисто парадигматический характер в сети. Если вспомнить о статистическом коррелировании грамматических форм и категорий в сети с формами и категориями в текстах (см.

выше, с. 176–179), то охарактеризованное положение с 1-м и 2-м лицами соответствует и поведению этих категорий в текстах. Интуитивно-статистическая оценка носителем языка 1-го и 2-го лиц по их употребительности именно такова: в текстах они встречаются в среднем реже всех других глагольных форм и существенно реже 3-го лица единственного числа настоящего времени, которое превалирует, как мы видели выше, и в сети.

Лингводидактическое следствие, которое можно было бы извлечь из того факта, что грамматические категории в АВС разделяются на симметричные, или парадигматические, и асимметричные, или синтагматические, собственно уже «извлечено» практикой преподавания языков: преимущественное внимание на первых этапах отдается конструкциям с преобладающими в сети категориями, к которым относится, в частности, и 3-е лицо единственного числа настоящего времени.

3. После изучения семантической обратимости и рассмотренная грамматической обратимости, у нас есть все основания утверждать, что как семантическая обратимость не существует вне грамматики, поскольку может рассматриваться только в пределах ассоциативной парадигмы, так и зоны концентрации грамматической обратимости не формируются в полной изоляции от лексической семантики, а содержат, как правило, общую семантическую составляющую. Мы имели возможность наблюдать, например, что предложный падеж с предлогом *o* в АВС делает акцент в своих моделях двух слов на глаголах речемысле, причем это предпочтение не зависит от статуса формы – реакция она является или стимулом, т. е. отношение обратимо. Наоборот, однонаправленный характер имеет зона концентрации имен существительных-стимулов, вызвавших в качестве реакций родительный падеж имени с предлогом *om*: семантика стимула в таких парах отчетливо тяготеет к обозначению некоторого явления, причина которого кроется в реакции (ср. выше, с. 293). Подобным же образом сема «пассивизации» обнаружена во множестве глаголов, составляющих модели двух слов с творительным падежом в АВС (см. с. 307), причем эта сема проявляет себя независимо от того, в каком качестве выступает глагол в паре с творительным – как реакция или как стимул.

Взаимозависимость грамматики и лексической семантики – вещь довольно тривиальная, и если имеет смысл здесь говорить об этом, то только потому, что эта идея работает на подтверждение основной нашей гипотезы – гипотезы о лексикализации грамматики в АВС. Лексикализация грамматической формы, рассмотрению которой были посвящены, собственно говоря, две первые главы книги, проявляет себя в распределенности, в диссипации грамматических форм по отдельным лексемам, тогда как «лексикализацию» грамматического значения мы видим в способности грамматической категории концентрировать, выделять на множестве своих партнеров по моделям двух слов определенные группы лексем с какой-то общей для всех характеризующей

семой. Кроме того, такое взаимопроникновение грамматики и лексической семантики, т. е. лексикализация в широком смысле, допускает интерпретацию в онтологическом плане, понимая под онтологией и восхождение к истокам возникновения человеческого языка, и трактовку механизма приведения его к выражению через речь индивида. Видимо, онтология человеческого языка (онтологией во втором смысле) точно так же, как макрокосм соотносится с микрокосмом. Вероятный синкретизм грамматики и семантики, их слиянность в универсальную пропозитивную силу в первые периоды становления макрокосма – естественного языка – оставил свои следы, которые ныне дают о себе знать в микрокосме. Уже после разделения первичной универсальной силы на несколько сил, которые соединяют в современном человеческом языке дух с материей, грамматика и семантика, как две основные составляющие этих сил, сохраняют следы своего общего происхождения.

Я делал свои наблюдения и выводы на материале усредненной для языкового коллектива, для целой языковой общности АВС, которая моделировала собой способ присвоения языка индивидом, отдельной языковой личностью, и способ владения им. На самом деле, в реальной индивидуальной сети, существующей в голове носителя языка или формируемой у овладевающего вторым языком, законы диссипации, законы взаимодействия зон концентрации грамматических значений, законы аналогии, семантической связности или грамматической обратимости, так же как более частные закономерности и правила ассоциативной грамматики, проявляются в более отчетливой, более резкой форме, и потому могут служить надежной опорой лингводидакту и методисту в учебном представлении русской грамматики.

1. Индекс новизны¹

ассоциативная (аналогическая) парадигматика 285
ассоциативная синтагматика 285
ассоциативная текстология 292
ассоциативно-вербальная сеть (АВС) 7
ассоциативный потенциал слова 224
ассоциативный хозяин 128
асимметрия отношений при обратимости 302
аттрактор 76
варьирование семантическое 179
варьирование словозменительное 14
варьирование словообразовательное 14
грамматикализованность степень 11
грамматикализованность формы 8
диалоговый (вопросо-ответный) режим в ассоциативной статье 37
диссипация грамматической структуры 57
диссипация грамматики в сети 159
естественная морфология 277
изоморфизм АВС в текста 190
лексикализация грамматики 24
модель двух слов 9
обратимость грамматическая 263
обратимость семантическая 263
опережающее реагирование 194
предречевая готовность 240
расширяющаяся семантика 241
симметрия отношений при обратимости 310
синтаксический примитив 86
сирконстантная структура глагола 79

2. Инструкция по проведению массового ассоциативного эксперимента для АТ

Эксперимент лучше всего проводить с 10-20 испытуемыми (студенческая группа). За один раз можно предъявить испытуемым не более 100 слов, не считая используемых для «введения» испытуемых в эксперимент.

Вверху каждой анкеты необходимо попросить испытуемого дать о себе следующие сведения:

1) Возраст, родной язык, пол, образование и специальность, дата проведения эксперимента.

---

¹ Цифрами обозначены страницы, на которых впервые встречаются соответствующие термины и понятия.

Напоминаем, что к испытуемым в данном эксперименте предъявляются следующие обязательные требования: А) родной язык – русский, Б) возраст не менее 16 лет и не более 50 лет, В) образование – незаконченное высшее (студенты) или высшее.

2) Перед началом эксперимента испытуемым предлагается следующая инструкция: «Вы получили лист со словами. Читайте слова в том порядке, как они напечатаны в списке и отвечайте на них, не раздумывая, тем словом, или несколькими словами, которые первыми придут вам в голову; ответ пишите против слова-стимула. Записывайте только одно слово, самое первое. Если вам не приходит сразу в голову слово-ответ, сделайте прочерк».

При определении времени, необходимого испытуемым для работы со списком, следует исходить из того, чтобы испытуемые имели для написания слова-ответа 5–7 сек.

3. Анкеты ассоциативного эксперимента для АТ

Ниже воспроизводятся три анкеты, заполненные испытуемыми – студентами разных специальностей. Среди них и анкета № 2029 (см. гл. II, §1). Каждому стимулу, напечатанному здесь большими буквами, предшествует номер, приданный ему в исходном списке стимулов и сопровождающий его в прямой, т. е. «от стимула к реакции», части АТ (см. с. 323–325).

Набор стимулов для каждой анкеты генерировался по методу случайных чисел, и анкета распечатывалась на листе «в разворот», так что стимулы располагались в четыре колонки по 25 единиц в каждой.

Выделенные в заглавной строке анкеты слова (**муж. или жен., русск., филолог или химик, 18 ноября 1988 г.**) внесены испытуемыми. В самом тексте анкеты прописными буквами напечатаны исходно помещенные в ней стимулы, строчными буквами (в том числе исправления в самих стимулах) и дополнительными знаками воспроизводятся реакции испытуемых (например, в анкете № 2029

НАРЯДНАЯ женщина и т. п.).

Анкета 2029

Пол **муж.**, возраст **23**, родной язык **русск.**, специальность **филолог**, дата заполнения анкеты **18 ноября 1988 г.**

1266 ВОССТАНАВЛИВАТЬ	отноше-	222 СВОЙ	парень
392 СТЕНА	непробиваемая	429 РЕБЯТА	из нашего двора
1233 ПУСТОГОЛОВЫЙ	дурак	577 ЧАСТЬ	и целое
24 ЕЗДИТЬ	верхом	111 ОСТАВИТЬ	в запасе
604 УГОЛ	красный	423 ШТРАФ	наложить
449 КВАДРАТЫ	разбить на ...	333 НАСТОЯЩИЙ	человек
133 РАСТИ	большой!	7 ГОТОВИТЬСЯ	к занятиям
322 СЕРЬЕЗНЫЙ	человек	123 МОЛЧАТЬ	как рыба
262 ГЛАДКИЙ	как яйцо	1109 СОСТРАДАНИЕ?	
46 ЧИТАТЬ	книгу	415 ПЧЕЛА	→ укус
492 ФЛОТ	морской	216 ОН?	
1255 ХВОРЬ	старая	131 ПРИХОДИТЬ	вовремя
535 СЕСТРА	младшая	130 СЛУШАТЬ	вполуха
620 ЛЕСТНИЦА,	ведущая вверх	252 НАРЯДНАЯ	женщина
1253 НЕДУГ	старый	80 СПАТЬ	как убитый
1122 ИНИЦИАТИВНЫЙ	комсомолец	147 ПРОСЕИВАТЬ	через сито
(человек)		10 УЧИТЬ	уму-разуму
596 РЕЗУЛЬТАТ	полученный	632 КОРИДОР	длинный
463 ВЫСТРЕЛ	гранул	1142 ХОЛОДНЫЙ	дом
1147 КРАТКИЙ	словарь	559 ПРИКАЗ	получен
160 ИНТЕРЕСОВАТЬ?		583 ОЧЕРЕДЬ	бесконечная (всюду)
101 ПИТЬ	взахлеб		

- 420 ПУЛЬС нащупать
83 ПРИЙТИ?
269 ЗАДНИЙ вход (-черный)
447 ТАБАК яд
367 ПЛОХОЙ учитель
113 СНЯТЬ с работы
1224 ВЫСОКОМЕРНЫЙ работник
176 ПРЕДОСТАВЛЯТЬ в пользо-
вание
305 Ты что здесь делаешь?
281 ТЕМНЫЙ угол
229 ДРУГОЙ человек
132 СОБИРАТЬСЯ стаями
- 16 КОНЧИТЬСЯ хорошо →
195 ЗАНИМАТЬСЯ спортом
572 ЖЕНЩИНА приятная, увлека-
тельная
287 ВНЕШНИЙ облик
318 СТРАННЫЙ тип
- 452 ВЕЛОСИПЕД изобретать →
418 ЕЛЬ сидеть под ↗
- 271 СТАРЫЙ черт «Казахфильм»
438 ИГЛА уколотья
188 ВЫТЬ как волк, на луну
104 ЕСТЬ что поесть?
473 ЖЕСТ красивый
626 КОЛЕСО фортуны
342 ПОСЛЕДНИЙ шанс
158 ТРАТИТЬ деньги
- 442 ВАННА принять ↖
1231 ГЛУПЫЙ человек
- 397 ПЕСНЯ → донская степь
1229 ЧВАНЛИВЫЙ → человек в
костюме
1234 БЕЗМОЗГЛЫЙ дурак
194 ИМЕТЬ кое-что в записке
1089 МОРДА тупая
417 СКОРЛУПА → раздавить
402 КАРМАН держи —||—
1232 ШУМНЫЙ парень
18 ПОСЛУШАТЬ?
1241 БЕЗДЕЛЬНИК → лодырь
327 НИЧТОЖНЫЙ личность
422 УВЕЧЬЕ тяжелое
399 ХОД часов
1239 ПЕРЕСУДЫ пустые
396 ОТВЕТ четкий
1108 СОЖАЛЕНИЕ горькое
519 ЦВЕТОК любимый
1220 СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ
249 ГОТОВЫЙ ответ
161 ПЛАТИТЬ по счету
12 КОНЧИТЬ этот разговор
652 ГОРОД и деревня
668 ЛАМПА ярко светит в глаза
478 УЧИТЕЛЬНИЦА?
639 ОТЕЦ мой ↗
- 120 ПОЕХАТЬ за город
108 ВЕСТИ авто-
311 ВАЖНЫЙ как петух
1263 ПЕРЕТЬ напролом

Анкета 694

Пол жен., возраст 18, родной язык русск., специальность работник физкультуры и спорта, дата заполнения анкеты ...

- 366 ТИХИЙ – вечер
270 ЖЕНСКИЙ – силуэт
1240 ТОЛКИ – топтания
1138 ЗАСТЕНЧИВЫЙ – скромный
1211 ЛУЧШЕ – чем все
244 ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ – вок-
зал
420 ПУЛЬС – удар
175 МЕРИТЬ – замерять
1090 НЕПРАВДА – врать
544 ПОВОД – уздечка
1150 НАПРАСНЫЙ – пустой
931 СТРАНОЙ – городом
430 СУББОТА – выходной
370 СВЕТЛЫЙ – день
1271 ПЕРЕМЕШАТЬ – передвигать
761 ПЧЕЛЕ – улей
1026 ПРОСЯТ – сделать
1036 ПОЯВЛЮСЬ – на вечер
273 ЧИСТЫЙ – опрятный
- 949 ВИДИТЕ – смотрите
982 ДОГОВОРИЛИСЬ – обсудили
1149 НЕМНОГОСЛОВНЫЙ – нераз-
говорчивый
155 ШИТЬ – пороть
1277 БЕДСТВОВАТЬ – обсуждать
1164 ПОСЛЕДНИЙ – человек
935 СТРАНАМИ – континентами
4 ГУЛЯТЬ – лето
1146 ЛАКОНИЧНЫЙ – гибкий
508 УСПЕХ – победа
230 САМ – он
369 МЯГКИЙ – приятный
374 РАЙОН – Левобережье
1142 ХОЛОДНЫЙ – лед
955 ВЗЯЛИ – унесли
157 ДОГОВОРИТЬСЯ – о встрече
830 О ЧАЕ – о кофе
899 НОГАМИ – бежать
888 О ЖЕНЩИНЕ – о мужчине

- 1141 СТЫДЛИВЫЙ – робкий
 756 О ПАУКЕ – паутина
 569 ВЕЧЕР – вместе
 870 О КОЛХОЗАХ – рассказывать
 144 ЗАПУТЫВАТЬ – наговорить
 1219 СКОРЫЙ – быстрый
 200 ЖДАТЬ – уставать
 1055 СНИМАЕШЬ – раздеваешь
 702 НЕ – надо
 93 НАЧАТЬ – кончить
 490 БЕСЕДА – разговор
 534 ОБЕД – есть
 305 ТЫ – я
 63 БЕЖАТЬ – устать
 516 КУЛЬТУРА – человек
 409 ДЕРЕВО – парк
 1013 ПОПРОСИЛ – сделать
 418 ЕЛЬ – лес
 607 РАЗМЕР – обувь
 810 ДЕРЕВНЯМИ – городами
 692 МНОГО – необъятно
 367 ПЛОХОЙ – хороший
 460 ГЛИНА – горшок
 269 ЗАДНИЙ – последний
 701 ДАЖЕ – уже
 484 СНЕГ – лыжня
 1102 ПУРГА – зима
 1068 БРЕХНЯ – вранье
 966 ГОВОРИШЬ – рассказываешь
 1235 СПИНА – человек
 588 КАРТИНА – пейзаж
 785 О МАГАЗИНАХ – о товаре
 154 ПОЛЗТИ – передвигаться
 242 МЫ – группа
 816 МУЖЬЯМ – женам
 87 СДЕЛАТЬ – добро
 1078 КАНДАЛЫ – доски
 538 ДЕВОЧКА – Надя
 827 ЧАЯ – кофе
 776 ЗНАМЕНАМИ – флагами
 656 ПИСЬМА – перечитывать
 715 ОТ – до
 1058 УСПЕЛ – не успел
 319 ПОСТОЯННЫЙ – человек
 800 МАЛЬЧИКУ – игрушку
 125 ПОДНЯТЬ – нести
 89 УВИДЕТЬ – новое
 946 О ЧЕЛОВЕКЕ – о животном
 794 НОСОМ – лицом
 1161 ФИНАЛЬНЫЙ – последний
 1041 РЕШИТ – сам
 471 ОТПУСК – море
 313 ИЗВЕСТНЫЙ – спортсмен
 523 РОТ – зубы
 1057 СНИМАЮТ – фотографируют
 1061 УСПЕЕМ – доехать
 721 ПРИЛЕТАТЬ – Тюмень
 519 ЦВЕТОК – горшок
 736 ДЕЛАЛА – не сделала
 792 О СВИДАНИЯХ – о встречах
 790 СВИДАНИЯМ – дорогу
 507 СМЕРТЬ – нет

Анкета 684

Пол. жен., возраст 20, родной язык русск., специальность химик, дата заполнения анкеты ...

- 648 ЖЕНА – дура
 54 БРАТЬ – хватать
 1206 ВАЖНЕЙШИЙ – этап
 1194 ШИРОЧАЙШИЙ – путь
 861 ВОЗДУХОМ – дышать
 25 РАЗГОВАРИВАТЬ – много
 800 МАЛЬЧИКУ – дать
 705 НО – сколько
 318 СТРАННЫЙ – человек
 338 ПРОШЛЫЙ – год
 90 ДАВАТЬ – больно
 332 ОБЩИЙ – наш
 150 ПРЕСЛЕДОВАТЬ – на машине
 271 СТАРЫЙ – дурак
 1211 ЛУЧШЕ – больше
 372 ЖАЖДА – крови
 339 ПРЕКРАСНЫЙ – человек
 609 КИСЛОТА – жжет
 1092 ОБМАН – зрения
 610 ОХОТА – на лис
 688 ЗДЕСЬ – будет
 419 ЗОНТИК – черный
 1219 СКОРЫЙ – поезд
 144 ЗАПУТЫВАТЬ – след
 668 ЛАМПА – накаливания
 980 ДОГОВОРИЛСЯ – до ручки
 73 СЕСТЬ – в луже
 983 ДОГОВОРИТЕСЬ – с ним
 564 ДЕНЬГИ – воздух
 1024 ПРОСИТЕ – не
 954 ВЗЯЛА – наша
 726 СТОИЛА – дорого
 457 ЗНАМЯ – жизни
 623 РАСТВОР – прозрачный
 1157 УПОРНЫЙ – труд
 1089 МОРДА – хрюсло
 714 У – столба
 145 ВОЗДЕЛЫВАТЬ – пахать
 227 СЕБЯ – жалеть
 581 ПОЛОВИНА – лучшая
 239 КАКОЙ – сякой
 508 УСПЕХ – удача
 867 КОЛХОЗОВ – много
 110 ОКАЗАТЬСЯ – в дураках
 935 СТРАНАМИ – между
 376 ЛИЦО – коллектива
 862 О ВОЗДУХЕ – думать
 316 РОДНОЙ – близкий
 811 О ДЕРЕВНЯХ – спорить
 880 МИНУТОЙ – позже

- 34 ЛЕЖАТЬ – в ванне
 496 КАМЕНЬ – кирпич
 901 МАТЕРЬЮ – назвать
 171 ПРОСИТЬ – денег
 1110 СОБОЛЕЗНОВАНИЕ – о смерти
 960 ВОЗЬМУ – в лапу
 834 О ПАЛЬЦЕ – палка
 314 СЕРЬЕЗНЫЙ – осел
 666 ЧАС – потехи
 442 ВАННА – хвойная
 285 ДРЕВНИЙ – обычай
 671 СТОЛОВАЯ – трапезная
 282 СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ – коллектив
 465 ТОПЛИВО – дизельное
 284 ИНОСТРАННЫЙ – язык
 905 О МАТЕРЯХ – думать
 510 ПЕРИОД – палеозойский
 470 ПЕРЕЙТИ – вброд
 350 КОВАРНЫЙ – шпион
 859 ВОЗДУХА – мало
 12 КОНЧИТЬ – писать
 232 ВАШ – искренне
 273 ЧИСТЫЙ – ручей
 29 БРОСАТЬ – камень
 270 ЖЕНСКИЙ – голос
 346 БОЛЬШОЙ – и толстый
 181 ПРИНЯТЬ – на веру
 691 ВМЕСТЕ – весело
 55 ВЫЙТИ – на улицу
 655 ЛЮДИ – звери
 840 ДЕВУШКОЙ – быть
 1054 СНИМАЕТЕ – фильм
 396 ОТВЕТ – реплика
 1207 ВАЖНЕЕ – жизни
 1060 УСПЕЛИ – сделать
 1201 ГЛАВНЕЕ – всего
 1160 НАСТЫРНЫЙ – прет как танк
 902 О МАТЕРИ – жалеть
 272 БЕЛЫЙ – Бим
 14 ДОСТАТЬ – дефицит
 1041 РЕШИТ – начальство
 2 СКАЗАТЬ – слово
 517 ЭКОНОМИКА – и нравственность
 1011 ПЛАТИШЬ – натурой
 544 ПОВОД – выпить
 513 ТЕМА – пикантная
 340 ПОХОЖИЙ – на шпика
 1064 УСПЕЕШЬ – сделать
 948 ВИДИТ – много
 938 ТОВАРИЩЕМ – быть

4. Диагностические ассоциативные статьи из СЛ и АТ

I. Словарь Леонтьева (СЛ).

БАБУШКА – бабушка 204, старая 78, старенькая 56, добрая 35, моя 28, старушка 21, хорошая 14, внучка, милая, седая 8, очки 7, дед, старость, старуха 5, в платке, любимая, родная, умерла 4, далеко, морщины, родственник 3, вязание, вяжет, доброта, моя бабушка, надвое сказала, наша, предки, седина, старая женщина, умная, ушла 2, бабка, близкий друг, блины, болеет, больная, Васильевна, в длинной юбке, внуки, в очках, в платочке, вспомнила, встречать, газета, гостеприимная, грипп, гроб, двоюродная, девочка, дедашка, дедушке, деревня, дерево, держаться, добренькая, *добрость, добрый, дом, дорога, ей 70 лет, женщина, злая, квартира, Киев, клубок, красная шапочка, крик, ласка, ласковая, Ленинград, лицо, любить, любовь, мама, молоко, надежда, Надя, Наташа, нет, нет у меня, низенькая, отличная, отношение ее, палец, палка, пирожки, пожилой человек, престарелый человек, придет, рассказывала, розовая и седая, ругает, ругается, рыхлое, самая добрая, с бабушкой, седая в очках, седой, сердится, сказка, скверная, смерть, сожаление, соседка, старуха, старушонка, старый, счастье иметь бабушку, тепло, тетя, тихая, толстая и добрая, труженица, увидеть, у кого?, улица, умереть, умрет скоро, хорошо, царство ей небесное, читать, школа, это не бабушка, Юркина 1. N = 624.

БЕЖАТЬ – быстро 179, бегом 40, идти 30, без оглядки 21, наперегонки 18, домой 17, стоять 12, вприпрыжку, далеко, кросс, легко, сложя голову 11, вдогонку, спортсмен 9, куда-то, лететь 8, ноги 7, быстрее, в лес, от кого-то, от себя 6, вперед, догонять, куда глаза глядят, прочь 5, бег, гнаться, дистанцию, долго, дорога, идти шагом, лес, отсюда, по улице, стремиться, улица 4, в институт, издавала, из дому, изо всех сил, куда?, ото всех, от судьбы, по дороге, спешить, страх, трамвай, усталость 3, быстрота, вдоль ограды, ветер, во весь дух, вокруг, в трусиках, галопом, далеко-далеко, до троллейбуса, задыхаться, за ним, за трамваем, к нему, крик, лежать, медленно, на работу, на улицу, наутек, ноги подгибаются, от всего от собаки, песня, пешком, плен, погнать, поймать, прыгать, рысью, сидеть, скитаться, скорость, спастись, стадион, старт, убежать, упасть, физкультура, человек, что есть сил, эстафета 2, автобус, бандит,

бегающий человек, бежать ото всех, без передышки, быстрый, в горы, в догонялки, во всю силу, во сне, в поле, в прятки, врага, враги, вскачь, вслед, выдохнуться, догоняют, дорожка, дышать, задыхаясь, за кем-то, за поездом, запылавшись, за счастьем, за транспортом, из леса, из плена, из-под стражи, кино, к стадиону, куда-нибудь, легкая атлетика, легкий, лыжи, мелькают деревья, на занятия, налегке, наперерез, на помощь, на речку, на соревнованиях, неизвестно куда, неизвестность, не торопясь, ногами, оглядка, опаздывать, опасность, остановка, от, от жены, откуда, от троллейбуса, от чего, падать, площадь, подальше отсюда, подвал, пойти, по лестнице, по снегу, по тропинке, прибыл, прямо, работать, ретироваться, ринг, с горы, секунды, скакать, смело, соревнование, спотыкаться, спринтер, срывать, сто метров, тихо, тренировка, троллейбус, тропинка, тысяча метров, убегу, удирать, уйти, уносить, финиш, чемодан, что есть силы, шибко 1. N = 709.

БЕЛЫЙ — снег 168, черный 150, цвет 42, свет 29, хлеб 21, медведь 19, дом, красный 13, заяц, светлый 10, синий 9, чистый, шарф 7, платок 6, пудель, сахар, серый, стена, халат 5, кот, петух, цветок 4, бумага, день, зубы, как мел, как снег, лист, молоко, парус 3, апельсин, армия, бант, белка, белье, блестящий, бычок, волосы, голубь, горячий, гриб, дым, зверек, зеленый, как лунь, как чайка, костюм, котенок, круглый, лебедь, материал, мел, негр, не снег только, облако, пух, рыжий, саван, серебристый, стол, стол письменный, темный, У. Коллинз, яркий 2, авторучка, альбинос, белки, береза, бокал, ботинок, вечер, воротник, гвардия, голубой, грязный, Деникин, друг Колька, зависит, зайчик, зайчишка, зонд, как медведь, как снег, лебедь, как стена, квадрат, клык, красивый, крашенный, крест, листья, лицо, масляный, милый нарцисс, нежный, орех, парень, перчатки, платочек, платье, полотенце, поросенок, прозрачность, простой, простынь, простыня, роза, роля, рубашка, сад, сажка, свадьба, светлое, седина, скатерть, смерть, страх, сукно, телевизор, убийца, фата, флаг, хлопок, цветной, человек, чистота, шапка 1. N = 696.

ВРЕМЯ — час 19, деньги 12, бежит (бежать) 10, свободное 9, идти (идет), мало, часы 8, быстро 6, летит 5, день, трудное 4, года, длинное, золото, истекло, не хватает, нет, полночь, потеха, пространство 3, бесцельно, быстрый, вперед, год, долго, долгое, дорожке, какое, короткое, летит незаметно, мигнула, наше, ночь, позднее, препровождение, прошедшее, стрелки, течет, хорошее, чужое 2, безвременье, бесконечность, больших ожиданий, бремя, будущее, великое, вечернее, движение, делу, длительное, 10 часов, жить, занятый, звать, коротать, месяц, мгновение, медленно идет, не терпит, неудержимо летит, ночное, опоздал, опоздание, отлета, отрезок, отстают, полуденное, полет, свидания, сказка, скоро, сон, срок, старое, сутки, телевизор, тяжелое, тянется, школа 1. N = 201.

БИЛЕТ — в кино 130, кино 104, поезд 28, в театр, экзамен 26, проездной 23, купить 22, театр 19, на поезд 16, железнодорожный, трамвай 9, трамвайный 8, автобус, касса, экзаменационный 7, вопрос, входной, домой, ехать, лотерейный, пропуск, синий 5, бумага, дорогой, ряд 4, бумажка, в детство, взять, контролер, концерт, студенческий, счастливый 3, белый, возьми, деньги, желтеть, кассир, кинотеатр «Октябрь», контроль, купила, кушать, лотерея, на экзамене, номер шесть, отъезд, по физике, сеанс, талон, танцы, троллейбус, трудный 2, авиа, без билета, билет, было, в, вечер, в жизнь, в кассе, в никуда, вокзал, волчий, в цирк, голова, голубой, дверь, дешевле, диван, достать, драка, есть, жевать, зайти, зачем, заяц, какой, какой билет, карман, карта, комсомольский, контрамарка, куда?, купейный, купил, купить билет, куплен, легкий, лишний, Москва — Лондон, на концерт, на самолет, на футбол, не знаю, нет, неудачник, номер, 0/0!, один, оторванный, парта, партийный, парус, писать, платок, плакатный, плохой, покупай, пол, полтинник, прекрасно, приобрести, проезд, путевка, самолет, светлый, «Современник», тетрадь, тринадцатый, тянуть, хорошая цена, человек, шапка, шестой, экзаменационный билет 1. N = 621.

ВИДЕТЬ — смотреть 49, слышать 17, далеко 13, плохо 9, глаза, хорошо 8, все, зреть 5, слепой, спать 4, глаз, море, свет, узнать 3, будущее, всем не видно, глядеть, дорогу в жизнь, звезды, издалека, мечта, мир, наблюдать, не видеть, ненавидеть, понимать, правда, сон, фильм, ясно 2, большой, видеть, вокруг, вперед, впечатление, все, всматриваться, глубоко, город, губа, деньги, друг, его, жизнь, зелен, злостный, зрение, картину, косо, красивое, маму, меня, милого, много,

молодой, на расстоянии, не могу, не увидеть, ничего не вижу, ничего не слышу, отлично, очки, ощущать, понять, постоянно, пристально, прорицать, пространство, разумеет, расторопный, смеяться, солнце, созерцать, сосну, способ, стремиться, суть, тебя, тени, только, точно, узнавать, уметь, шкаф, хорошее, хорошо бы, хорошо, что?, что-то, чувство 1 N = 227.

ОБЕЩАТЬ—выполнить 65, прийти 44, выполнять 22, исполнить 16, много 13, не выполнить 12, книгу 11, что-то 10, ждать, многое, пойти 8, встретиться 7, и не выполнить, не исполнять 6, дать, дать слово, жениться, и сделать, кому-то 5, встреча, купить, не выполнять, подарок, помочь, принести, слово 4, вернуться, встретить, встречу, давать, держать, зачем, и выполнять, и не сделать, книга, мне, обманывать, приехать, сдержат, точно, что-то сделать 3, вечер, всегда в шутку, вызов, делать, долго, жене, и выполнять, идти, и не выполнять, исправиться, клятва, кому-либо, кому-нибудь, надеется, написать, не делать, не надо, не сделать, обещание, обещанное три года ждут, обидеть, ответственность, писать, письмо, сделать что-то, сдерживать, товарищу, три года, что-либо, что-нибудь 2, билет, быть, ведро, верить, вести себя прилично, в кино, восполнить, врат, все, встретиться, выдающийся, выполнение, выполнил, выполнимое, глупо, говорить, горы, горячо, давать согласие, дать обещание, дверь, долг, дом, допускать, до утра, друг, дружить, жара, работа, заглавие, задание, здесь, зима, златые горы, значок, золотые горы, и только, конец, кто-то, ложь, лучше не надо, любимой, любить, мама, можно, море, навечно, найти, невыполнимое, напрасно, не ехать, некому, не приду, не сдержат, не уходить, нечего, никогда, никому, ничего не будет, о, обещание—клятва, обещанного три года ждут, обмануть, он, опасность, о помощи, ответить, отдых, отпуск, пальцем манить, парк, писать, писать чаще, пластинка, пленка—фото, подождать, подруга, помощь, последний раз, постель, постоянно, поход, прийти вовремя, принести книгу, расставание, сапоги, сделать надо, сделаю ли, сдержат, Симонов, сказать, слово, слышать, соварят с три короба, сходит в кино, счастье, танцевать, тебе, три года ждут, трудно, уверять, учиться, хорошая, хорошо учиться, хотеть, часто, человеку, честное слово, что-нибудь сделать 1. N = 548.

К главе II.

ВСПОМИНАТЬ—прошлое 148, о прошлом 41, детство 28, забывать 27, тебя 25, бывшее 18, забытое 16, память 10, друзей, забыть, хорошее 9, случай 8, дом, думать, о бывлом, о тебе, событие 7, друга, номер, приятное, часто, школу 6, море, о детстве, прошедшее, рассказ 5, долго, жизнь, молодость, ничего, о приятном, человека, что, что-то 4, бывшие времена, вечер, война, воспоминания, вспомнить, встречу, его, маму, мать, меня, мечтать, о маме, о нем, о чем-то, песню, стихи, стихотворение, товарища, что было, хорошо 3, Витю, глаза, годы детства, грусть, действие, деревню, кинофильм, материал, мужа, мысли, нужно, обо всем, одни, о доме, о друге, о ком?, о хорошем, плакать, повесть, по ночам, прошлую осень, родных, слово, старое, стих, тяжело, утро, урок, факты, хочу, школа, ярко 2, адрес, бабушка, беседа, билет, боец, брата, будни, будущее, бывшие годы, бывшие дни, все, вспоминать о счастье, вчерашний день, грустно, давнее, далеко, добром, его глаза, желать, забытые, заглянуть в прошлое, закат, запомнить, зачем?, и думать (,) и думать, имя, интересно, какую-нибудь вещь, картину, книга, книгу, кого, кого-то, лето, любовь, минувшее, музыку, мучиться, небо, неприятное, обо мне, о вас, о войне, о деле, о дружбе, о занятиях, о ком-нибудь, о ком-то, окно, о любимой, о мечте, о многом, о молодости, о Москве, о прожитом, о прошедшем, о случившемся, о счастье, ответ, ответить, отпуск, отчетливо, о человеке, о чем-либо, пальто, парол, письмо, плохое, помнить, прекрасные времена, приятную историю, прожитое, пространство, путешествие, размышлять, рассказывать, Родину, Сережу, сидеть, сильно, сиять, скажу, сон, спектакль, с сожалением, старик, теплелат, телефона не вспомню, узнавать, ушла, фильм, хорошего человека, хорошее время, что-либо, что-то приятное, чудесно, юности 1. N = 687.

ГОЛОС—звонкий 105, громкий, приятный, хороший 33, сильный 25, звук 22, Амерки 20, красивый 17, певец 15, петь 13, земли 12, тонкий 11, низкий, певица, родной 10, нежный, потерять 9, громко, знакомый, песня, сопрано, тенор, тихий 8, грубый, сердца 7, высокий, дневной, замечательный, зычный, плохой, прекрасный, слышать, хриплый, человека 6, веселый, мелодичный, неизвестный, певица, совести, резкий, чужой 5, бас, баритон, крик, любимый, отличный, певицы, подать, правды,

чистый, чудный 4, восхитительный, всевышнего, глухой, густой, друга, звать, звонкость, издали, ласковый, Магомаев, милый, мира, народного контроля, писклявый, репродуктор, рот, слабый, слышится, слышу, странный, твой, чей-то 3, веревка, волос, грудной, его, женский, здоровый, издали, колос, контраalto, мамы, могила, мост, молодой, невучий, пение, подал, поет, ручей, сверху, серебряный, сильный, сцена, «твой голос для меня и ласковый...», тембр, тоненький, учителя, чужой, шепот, шум, эхо 2, артиста, бабушки, белый, близкий, внушающий, водных глубин, в пустыне, глас вопиющего в пустыне, голова, голосовать, голосовые связки, гроб, девушки, делать, деревня, диктор, диктора, души, дыбом, жалобно, женушка, звонко, звуки, звучный, из провинции, из темноты, имеет, Карузо, концерт, крикнуть, лебедь, лес, людской, Магомаева, матери, мягкий, немой, оклик, охрип, подавать, поправившийся, по радио, по телевизору, поющая женщина, правда, прекрасен, пробудиться, прокурор, пропитый, прорезался, противный, птицы, радиоводны, раздался, разума, свежий, свет, связь, слух, труба, холодно, хорошо поет, хотел, хрип, человеческий, чтение, чудесный, эфир, язык 1. N = 773.

ДЕТСКИЙ — лепет 190, сад 102, голос 58, взрослый 56, смех 39, мир 30, маленький 28, возраст 25, плач 23, ребенок 11, костюм 10, билет 9, ботинок, взгляд, размер, фильм 7, башмачок 6, голосок, дом, мяч, ум 5, велосипед, вопрос, врач, коляска, магазин, разговор, рассказ, садик 4, журнал, игрушки, книга, неожиданность, писатель, театр, утренник 3, вагон, веселый, визг, гарнитур, год, диван, зов, комната, крик, критик, магазин «Детский мир», номер, паровоз, платочек, приятный, ребячий, розовый, смешной, сын, туфельки, туфля, уголок 2, автомобиль, вещи, вид, вредный, время вышло, выходка, газета, грубый, детское, детство, жаль, не взрослый, забава, изуроченный автомобиль, интерес, кабинет, какой, кашель, коллектив, красивое, кровать, кролик, кукла, легкий, лепетать, маленькое, «малютка», милый, молодой, мыло, нежный, несолидный, несолидный, облик, платок, плац, пляж, погремушка, порошок, портрет, портфель, поцелуй, поцелуй ребенка, праздник, привот, продукт, разум, рассуждение, робкий, самокат, сарафанчик, сестра, смешное, стол, стульчик, улыбка, устами детей глаголет истина, фольклор, член, шалость, шесть лет, язык, ясли 1. N = 795.

II. Ассоциативный тезаурус (АТ).

215 ЭТО

25 То;	1
3 Ты	1
2 Вот; есть; кто; мир; не то; нужно; я	7
1 Бред; было; вопрос; вот это да!; все; дерево; дитя; ему; жизнь; здесь; здорово; Коллизей; конец; лето; лишь; любовь; может быть; мы; мы не проходили; надо; не так, что?; недоумение; нельзя; неправда; он; она; оно; плохо; предмет; скряга; стол; счастья; так; твоя; ужас; ужасно; уже; хорошо; чего; что; что?; чудо; чушь; эхо; ясность	45
Всего опрошенных 89. Получено реакций 87. Из них разных	54

230 САМ

5 Дурак; он; сделал; сделаю	4
4 Я	1
3 С усам	1
2 Всегда; один; ребенок; сделай; сделать; себе; собой; хочю	8
1 без помощи; видишь; вместе; все; делать; делать все; должен; знаю; идет; каждый; кто-то; кто-то еще; мою; надо; не знаю; не сам; не свой; нет; ничего; оделся; помощь; понял; порою; пришел; работает; ревай; с собой; с собою; с усам; сама; самостоятельный; свой; делает; сейчас; сказал себе; смогу; сумел; Сусанин; там; тот; хам; характер; хорошо	44
Всего опрошенных 90. Получено реакций 87. Из них разных	58

296 ПЕРВЫЙ

13	<i>Второй</i>	1
8	<i>Последний</i>	1
5	<i>Лидер; раз</i>	2
3	<i>День; звонок; снег</i>	3
2	<i>Один; поцелуй; случай; урок</i>	4
1	<i>Бегун; быстрый; в мире; век; взгляд; вопрос; встречный; гордец; десятый; дом; друг; дурак; зависть; и последний; класс; космонавт; красавец; ласточка; левый; лес; место; миг; на пьедестале; начальный; неудачник; остров; очередь; парень; попавшийся; пришел; ребенок; рейс; с конца; секретарь; сильный; спутник; точно; третий; фитиль; хилый; хорошо; человек; чемпион; шаг; экзамен</i>	45
Всего опрошенных 94. Получено реакций 93. Из них разных		56

300 СОРОК

7	<i>Лет; сороков</i>	2
6	<i>Пятьдесят; сорок</i>	2
4	<i>Пять</i>	1
3	<i>Восемь; первый; разбойников</i>	3
2	<i>Два; двадцать; девять; коров; сорока</i>	5
1	<i>100; 35; 40; 50; анекдот; Вася; война; ворон; галок; девок; дети; дней; командировки; красная; круглый; минут; мучеников; один; пятый; раз по разу; разбойники; семья; сказка; слов; соболей; сорочек; сорочка; срок; строк; три; цифра; часов; человек; четверок; четыре</i>	35
Всего опрошенных 85. Получено реакций 84. Из них разных		48

305 ТЫ

26	<i>Я</i>	1
5	<i>Человек</i>	1
4	<i>И я; мой</i>	2
3	<i>Друг; кто; он; хороший</i>	4
2	<i>Вы; они; хорошая</i>	3
1	<i>Верить; добровольец; дьявол во плоти; дядя; и они; ложе; любим; любимый; мил; молодец; молодой человек; не тыкай; неудовлетворенность; обескуражена; она; осел; придешь; пришел; ридиска; рублей; сам; сосед; сунбур; туман; удача; умный; умрешь</i>	27
Всего опрошенных 87. Получено реакций 84. Из них разных		38

710 ИЗ

15	<i>В</i>	1
10	<i>Дома</i>	1
8	<i>За</i>	1
4	<i>Под</i>	1
3	<i>Окна; От</i>	2
2-	<i>за острова; вне; вон; всего; оттуда; чего</i>	6
1-	<i>за старосты; -за угла; банки; больницы; Варяг; ведра; виз; вниз; внутрь; воды; выйти; гипса; года в год; грязи; дела; дерева; дому; его репертуара; жеребенок; за леса из-за гор; за него; зигзаг; избы; изнутри; или; класса; книги; комнаты; краев; лесу; муки; нас; небытия; него; них; ничего; нора; окно; откуда-то; самострела; себя; среди; стихотворения; стола; студентов; театра; тебя; того; троллейбуса</i>	49
Всего опрошенных 107. Получено реакций 105. Из них разных 61		

1180 ЧИЩЕ

8	<i>Грязнее</i>	1
5	<i>Лучше</i>	1

3	<i>Мыть</i>	1
2	<i>Будет; воды; грязно; дождь; мой</i>	1
1	<i>Байкал; белее; белое; блестящий; блюдце; быть; вернее; вода; всего; голенище; грязи; грязный; грязь</i>	1
	<i>днице; дом; думать; душа; душой; едешь; жить; и</i>	5
	<i>проще; красивее; Мише; можно; мой пол; мойте руки; мыла; некуда; ниже; о любви; одеваться; писать; пить; порядок; приятно; пылесос; работа; работайте; работать; ритм; светлее; снега; стало; стать; стирай; жена; стирать; тряпка; убирать; хуже; чистого; чище</i>	51
	Всего опрошенных 81. Получено реакций 77. Из них разных	59

975 ДУМАЕТ

6	<i>Долго</i>	1
5	<i>Мечтает; мыслит</i>	2
4	<i>О жизни; обо мне</i>	2
3	<i>О своем; умный</i>	2
2	<i>Гадает; голова; головой; о ней; размышляет; соображает</i>	6
1	<i>Автоматически; бездельник; бессмыслица; бог; в суп попадет; громко; думу; дурак; и пусть; индюк; кресло; ли?; мало; молчит; момент; морщит лоб; мужается; мысль; ни о чем; о горе; о доме; о другом; о прошлом; о себе; о чем; о чем-то своем; он; петрография; плохо; по-своему; решает; серьезность; сидит; сидит за столом; сосредоточенный; считает; тоже работа; ум; умница; ученый; учится; читать книгу</i>	43
	Всего опрошенных 86. Получено реакций 85. Из них разных	56

240 ВОТ

13	<i>Так</i>	1
6	<i>Он</i>	1
4	<i>И все; что</i>	2
3	<i>Здесь; как; моя деревня; поворот</i>	4
2	<i>Вон; и конец; кот; на; нет</i>	5
1	<i>Да; да-с; дерево; еще; живот; жуткий; забияка; зато; и кот; и тот; и ты; именно; какой; конец; кошка; наконец-то; нос; огорчила; презрение; результат; сплетня; так значит; так-то; такие дела; там; тебе и на; тогда; тот; тут; удивление; ух; шпрот; этот</i>	33
	Всего опрошенных 90. Получено реакций 82. Из них разных	46

691 ВМЕСТЕ

7	<i>Вдвоем</i>	1
4	<i>Весело; идти; рядом</i>	3
3	<i>Врозь; с ним; с тобой</i>	3
2	<i>Весело шагать; все; отдельно; порознь; поход; с другом; с кем-то</i>	7
1	<i>Ансамблем; будем; будем жить; в другом; в компании; вместе; всю жизнь; вышли в кинотеатр; гулять; делать; договор; дружная; друзья; думаем; жили; за руку; зачем; идет; компания; лучше; любимый; мы; никогда; об руку; отдельный; поодиночке; разбежались; расплата; с кем; с нами; с ними; с песней; с тобою; семьей; сила; со мной; содружество; средство; супруги; счастье</i>	40
	Всего опрошенных 82. Получено реакций 82. Из них разных	54

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд., испр. М., 1972.
2. *Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д.* Аспекты исследования семантики слова // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5.
3. *Ушакова Т. Н.* Нейрофизиологические механизмы переработки речевой информации человеком // Нейрофизиологические механизмы поведения: Докл. семинара 11–18 апр. 1978 г., Ирвайн. США/Редкол.: Б. Ф. Ломов и др. М., 1982.
4. *Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А.* Психологические исследования речи // Вопросы психологии. 1983. № 5.
5. Психологические и психофизиологические исследования речи: Сб. ст./Отв. ред. Т. Н. Ушакова. М., 1985 (АН СССР, Ин-т психологии.)
6. Словарь ассоциативных норм русского языка/Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977.
7. *Залевская А. А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
8. *Клименко А. Н.* Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970.
9. Современный русский язык/Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.
10. Русская грамматика: В 2 т./Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
11. Частотный словарь русского языка/Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
12. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
13. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985. Т. 1.
14. Fanselow G. Word Formation and the Human Conceptual System //Linguistische Studien. Reihe «A» Arbeitsberichte. N 179. Berlin, 1988.
15. *Ульянов Ю. Е.* Латвышско-русский ассоциативный словарь. Рига, 1988.
16. Русская разговорная речь/Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973.
17. Русская разговорная речь. Тексты/Авт.-сост. Г. А. Баринаова, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе и др.; Отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М., 1978.
18. *Залевская А. А.* Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследования речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
19. *Клименко А. П.* Психолингвистика. Минск, 1982.

20. *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
21. *Пригожин И.* От существующего к возникающему. М., 1985.
22. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.
23. *Курдюмов С. П.* Увидеть общий корень // Знание – сила. 1988. № 11.
24. *Скороходько Э. Ф.* Семантические сети и автоматическая обработка текста. Киев, 1983.
25. *Матвеева Е. И.* Независимый автоматический синтаксический анализ русского простого предложения по моделям сетевой грамматики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
26. *Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения. М., 1980.
27. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Рабочая гипотеза и эмпирический материал	5
Глава I. МОРФОЛОГИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ	20
§ 1. Имя существительное	20
Представленность грамматических категорий имени в сети	20
Степень полноты формальных и содержательных характеристик существительного	23
§ 2. Имя прилагательное	26
§ 3. Глагол	30
Общая характеристика категориальных показателей глагола в ABC	30
Вид, время и лицо в реакциях	31
Зависимость личных форм от категориальных характеристик и лексической семантики стимула	40
Грамматическое число глагола-реакции	46
Прочие глагольные категории	51
Атрибутивные формы глагола: связь действительных причастий в сети с одушевленными именами	53
§ 4. Местоимение и актантная структура глагола	58
Местоименные «предпочтения» стимулов-существительных и стимулов-глаголов	58
Замещение местоимениями актантных позиций при глаголе-обобщенное свойство ABC	61
Специфические функции местоимений в неглагольных ассоциативных парах: присвоения, уточнения, замены дефиниции, когнитивная	75
§ 5. Наречие и сирконстантная структура глагола	79
Поправки к традиционной классификации наречий	79
Понятие «синтаксического примитива» как способа превращения пары $S_{\text{сущ.}}$ — $R_{\text{нареч.}}$ в модель двух слов	86
Поведение наречий в статьях со стимулами-прилагательными	96
Перераспределение классификационных групп наречий в глагольных статьях	99
Зависимость количества наречий от лексической семантики и вида глагола.	101

Несовершенный вид и максимальное семантическое разнообразие наречий	105
Понятие сирконстантной структуры глагола и отношения дополнительности между наречными и именными сирконстантами	108
Диссипативная структура, связывающая семантику глагола и тип сирконстанта	112
Понятие доминирующего сирконстанта и асимметрия между наречными и именными сирконстантами	115
Связь категории переходности/непереходности глагола с преимущественной реализацией его актантной или сирконстантной структуры	117
Влияние словоизменительных форм стимула на сирконстантную структуру глагола	120
Наречия в ассоциативных парах с другими частями речи	123
§ 6. Числительное и служебные части речи	125
Семантические группировки слов, ассоциируемых с числительными	125
Предлог в сети как показатель связи «хозяина» (стимула) со «службой» (реакцией)	128
Особенности грамматикализации ассоциативных пар с помощью союзов	131
Синтаксические примитивы для восстановления грамматикализующей роли частиц в ABC	135
§ 7. Словообразовательные структуры в ассоциативных статьях	139
Примитивизация словообразовательного гнезда в сети	139
Уточнение некоторых количественных характеристик ABC	140
Комментарий к диагностической словообразовательной матрице	146
Предпочтения и идиосинкразии словообразовательных гнезд в связи с частеречевой принадлежностью стимула	149
Деривация как средство усиления семантической связности в сети	154
Незавершенность, потенциальность гнезд и контаминация производящих основ	158
Способы словообразования и деформации словообразовательных типов в сети	162
Корреляция гнезд с семными характеристиками стимулов и тезаурусообразующими понятиями в картине мира	166
§ 8. Сумма морфологии	172
Сводная матрица и определение степени грамматикализованности сети	172
Еще раз о способе существования ABC	178
Семантическое, словоизменительное и словообразовательное варьирование слова-узла	179
Наблюдения над варьированием слова в сети по обратному словнику AT	184
Сумма морфологии в сети равна сумме текста	188

Глава II. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИМИТИВЫ В АВС	191
§ 1. Мена S ↔ R и синтаксический примитив порядка слов	192
Реверсивность позиций в парах стимул – реакция	192
Опросная анкета и открытие механизма ассоциирования	194
Влияние грамматической формы стимула на степень клишированности реакции	197
§ 2. Отношения S–R в вопросе-ответном режиме	200
Не обусловленные семантически и синтаксически реакции как разные типы ответов на стимул-вопрос	200
Типология вопросов и разновидностей информирующих ответов-реакций	205
§ 3. Модели двух слов	210
Типы отношений в грамматически оформленных словосочетаниях SR	210
Корреляция грамматически оформленных словосочетаний с синтаксическими примитивами	216
Операции преобразований примитивов в модели двух слов	219
§ 4. Синтаксис в АВС за пределами модели двух слов	223
Ядерные предложения	224
Генерализованные высказывания	226
Именительный темы (топик)	227
Объяснительные суждения: причина, цель, условие, следствие, дефиниция, квалификация	228
Идиоматические выражения и их примитивизация в АВС	233
Прецедентные тексты	240

Глава III. АВС КАК СПОСОБ ЛИЧНОСТНОГО ПРИСВОЕНИЯ ЯЗЫКА И ВЛАДЕНИЯ ИМ	245
§ 1. Приведение к выражению и общие свойства АВС	245
Анкеты – статья – словарь	245
Динамический характер АВС и диссипативные процессы в ней	248
Специфика АВС на фоне сетевых методов и структур	252
Понятие связности в АВС	254
Мера семантической связности	258
§ 2. Обратимость семантических отношений и эквивалентность массивов в АВС	263
Общее представление об обратимости	263
«Ассоциативная парадигма» как предел обратимости	265
От обратимости к эквивалентности массивов	271
§ 3. Грамматическая обратимость и правила естественной морфологии	277
Постановка задачи и техника решения	277
Обратимость в сфере финитных глагольных форм	279
Аналогические парадигмы и первое правило ассоциативной грамматики	283
Еще два правила грамматики предпочтений	287
Обратимость конструкций с родительным падежом	292
Зоны концентрации стимулов для реакций в дательном и творительном падежах	297

Специфика творительного падежа в АВС	302
Вместо заключения. Некоторые лингводидактические следствия из наблюдений над грамматической и семантической обратимостью	310
Приложения	316
1. Индекс новизны	316
2. Инструкция по проведению массового ассоциативного эксперимента для АТ	316
3. Анкеты ассоциативного эксперимента для АТ	317
4. Диагностические ассоциативные статьи из СЛ и АТ	320
Литература	326

Учебное издание

Караулов Юрий Николаевич
АССОЦИАТИВНАЯ ГРАММАТИКА
РУССКОГО ЯЗЫКА

Редактор *Т. С. Головачева*
Мл. редакторы *О. С. Семионова, Л. В. Бутова*
Художник *Т. Егорова*
Художественный редактор *Г. И. Комзолова*
Технический редактор *С. В. Дроздова*
Корректор-вычитчик *И. В. Макаркина*
Корректор *Ю. В. Стрижак*

ИБ № 9504

Сдано в набор 12.04.91. Подписано в печать 03.09.92. Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,25. Уч.-изд. л. 21,89. Тираж 2060 экз. Заказ № 2135. С 001.

Издательство „Русский язык” Министерства печати и информации Российской Федерации. 103012, Москва, Старопанский пер. 1/5.

Можайский полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации Российской Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира 93.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
